

B73
176

ВООРУЖЕНИЕ САРМАТОВ

региональная типология
и хронология

**90-летию со дня рождения
Константина Федоровича Смирнова
посвящается**

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
STATE'S EDUCATIONAL ESTABLISHMENT
OF THE HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«SOUTH URAL STATE UNIVERSITY»

CHELYABINSK SCIENCE CENTRE
OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THE SOUTH-URAL BRANCH OF INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHEOLOGY
OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

CHELYABINSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE AND HISTORY

SPECIALIZED NATURAL-LANDSCAPE AND HISTORICAL-ARCHEOLOGICAL CENTER «ARKAIM»

The Sarmatians Arming: Regional typology and chronology

**Reports for the VIth international conference
«The Problems of the Sarmatian archeology and history»**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЧЕЛЯБИНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УрО РАН

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ ИИА УрО РАН

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ
И ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АРКАИМ»

Вооружение сарматов: региональная типология и хронология

**Доклады к VI международной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории»**

ББК Т4(2) + Т3(051)

Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 210 с.: ил. — ISBN 978-5-696-03715-8

В сборник вошли доклады, представленные к обсуждению на VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология».

Ответственные редакторы:

Л. Т. Яблонский, доктор исторических наук,
А. Д. Таиров, доктор исторических наук

Печатается по решению ученого совета исторического факультета Южно-Уральского государственного университета.

**Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, проект 07-01-14031г**

В оформлении обложки использованы рисунки из: (Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Рис. 28; Ольховский В. С., 2005. Ил. 133).

Рецензенты:

доктор исторических наук В. С. Мосин,
кандидат исторических наук И. Э. Любчанский

От редактора

Монументальный труд Константина Федоровича Смирнова «Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964», посвященный начальным страницам истории и культуры ранних кочевников востока Европейских степей не только стал учебником для поколений сарматологов, но и послужил своеобразным катализатором для продолжения исследования материальной и духовной культуры ранних кочевников восточно-европейских и азиатских степей, стал основной базой для такого изучения. Стараниями учеников замечательного ученого и их учеников в СССР возникли региональные сарматоведческие центры, которые возглавили известные ныне ученые-археологи. В их числе упомяну только докторов исторических наук В. Е. Максименко, А. П. Медведева, Б. Ф. Железчикова, А. С. Скрипкина, А. В. Симоненко, А. Д. Таирова.

Однако, к концу 80-х годов XX столетия стало очевидным, что лавинообразное накопление археологического материала, собранного уже после выхода основополагающих трудов К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой (*Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10; Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры.* – М., 1974), требуют обобщения, а иногда и переосмысления некоторых позиций и гипотез.

Поэтому при активном участии М. Г. Мошковой и Б. Ф. Железчикова было решено создать конференцию, которая была бы специально посвящена вопросам сарматской археологии и истории. Первая конференция «Проблемы сарматской археологии и истории» собрала большое количество специалистов и с большим успехом прошла в Азове в 1988 году. По ее итогам был издан сборник тезисов (*Проблемы сарматской археологии и истории. Тезисы докладов конференции. Азов, 1988*). На завершающем этапе работы этой конференции возникла идея сделать ее периодической. Тогда же было решено избрать постоянно действующий научный Оргкомитет конференции во главе с М. Г. Мошковой. К настоящему времени состав этого Оргкомитета понес тяжелейшую утрату – ушел из жизни наш коллега и товарищ, замечательный ученый и организатор науки Б. Ф. Железчиков.

Вторая конференция, названная «Проблемы истории и культуры сарматов» прошла в Волгограде в 1994 году (*Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов Международной конференции. Волгоград, 1994*). С этого времени конференция стала международной. В ее работе приняли участие специалисты из Венгрии, Италии, Казахстана и Украины.

Работа конференции, как и замышлялось, стала периодичной – раз в три года. С тех пор специалисты-сарматологи собирались на конференции в Ростове-на-Дону, в Самаре. Основные доклады конференции удавалось публиковать к ее началу, а сами заседания были посвящены, в основном, обсуждению этих докладов (*Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997; Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1, 2. Самара, 2000*). Такой формат конференции оказался исключительно удачным, поскольку открывал простор для дискуссий.

На конференции, которая прошла в Анапе в 2004 году, основное внимание было уделено проблемам региональной хронологии памятников ранних кочевников сарматской эпохи (*Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004*), а следующую конференцию решено было посвятить обсуждению проблем региональной хронологии и типологии предметов вооружения сарматского времени. Актуальность этой тематики для разработки хронологических колонок очевидна. Таким образом, тематика конференций постепенно конкретизировалась, что давало возможность детального, но одновременно широкого рассмотрения конкретных вопросов сарматской археологии, выявления общего и особенного в проявлениях материальной культуры ранних кочевников различных районов степной Евразии. На заседании научного Оргкомитета в Анапе председателем постоянного Оргкомитета был избран Л. Т. Яблонский.

Надеюсь, что этот сборник материалов VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» сыграет заметную роль в развитии археологического сарматоведения и привлечет внимание широкого круга специалистов-сарматологов и всех, кто интересуется древней историей оружия. Хочется пожелать участникам данной конференции всяческих успехов во благо дальнейшего развития отечественного сарматоведения.

Л. Т. Яблонский

**Состав постоянного Оргкомитета
международной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории»**

Председатель: Яблонский Леонид Теодорович, доктор исторических наук
Члены: Лукьяшко Сергей Иванович, кандидат исторических наук
Максименко Владимир Евгеньевич, доктор исторических наук
Медведев Александр Павлович, доктор исторических наук
Мошкова Марина Глебовна, доктор исторических наук
Раев Борис Аронович, кандидат исторических наук
Симоненко Александр Владимирович, доктор исторических наук
Скрипкин Анатолий Степанович, доктор исторических наук
Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук
Шукин Марк Борисович, доктор исторических наук

**Состав Оргкомитета VI международной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории.
Вооружение сарматов: региональная типология и хронология»**

Председатель: Таиров Александр Дмитриевич, доктор исторических наук
(ГОУ ВПО «ЮУрГУ»)
Сопредседатель: Яблонский Леонид Теодорович, доктор исторических наук (ИА РАН)
Ответственный секретарь: Любчанский Илья Эдуардович, кандидат исторических наук
(ГОУ ВПО «ЧелГУ»)
Члены: Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук (ЮУФ ИИА УрО РАН)
Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук (ЮУФ ИИА УрО РАН)
Гуцалов Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук (ЧНЦ УрО РАН)
Иванова Надежда Оттовна (ЧОКМ)

Содержание

Гуцалов С. Ю. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э.	11
Яблонский Л. Т., Рукавишникова И. В. Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского-1 могильника)	16
Таиров А. Д. Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья	24
Краева Л. А., Купцов Е. А. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья	30
Скрипкин А. С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии)	38
Клепиков В. М. Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье	51
Сергацков И. В. Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья	58
Кривошеев М. В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья	65
Стрижак М. С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV вв. до н. э.	71
Ворошилов А. Н., Медведев А. П. Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время	76
Глебов В. П. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II–I вв. до н. э.).	88
Симоненко А. В. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины	99
Боталов С. Г. Мечи и кинжалы гуннской эпохи	114

Зубов С. Э. Ранние палаши Волго-Уралья	124
Яблонский Л. Т. Оружие ранних саков Приаралья	134
Шульга П. И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э.	142
Горбунов В. В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н. э. – V в. н. э.	157
Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II)	164
Балабанова М. А., Перерва Е. В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов	173
Суворова Н. А. Ранние кочевники Южного Приуралья: одонтологическая характеристика	182
Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А. Палеоклиматические реконструкции для раннего железного века в Южном Приуралье на основе комплексного изучения палеопочв, погребенных под курганами	188
Гайдученко Л. Л. Органика в колчанах и футлярах ранних кочевников Южного Зауралья	190
Библиографический список	194
Список сокращений	206
Summary	207

Table of contents

Gutsalov S. Y. Swords and daggers of nomads in the South Priuralye region in VI–I B. C.	11
Yablonskiy L. T., Rukavishnikova I. V. The armor of an early-Sarmat warrior (based upon the materials of the Philippovskiy-1 burial ground).	16
Tairov A. D. Different kinds of blade weapons of the early Iron Age from South Zauralye	24
Kraeva L. A., Kuptsov E. A. The new data on the gorytos' construction of the early South Ural nomads	30
Skripkin A. S. The blade weapons of the early nomads from Lower Povolzhye of VII–IV B.C.	38
Klepikov V. M. The early-Sarmat swords in Lower Povolzhye	51
Sergatskov I. V. Swords and daggers in middle-Sarmat monuments of Lower Povolzhye	58
Krivosheyev M. V. The armament of the late-Sarmat period in Lower Povolzhye	65
Strizhak M. S. About the female burial with the nomad weapon of Priuralye and Povolzhye in VI – the beginning of IV B. C.	71
Voroshilov A. N., Medvedev A. P. The armament of the population of the forest-steppe Podonye during the Scythian-Sarmat time	76
Glebov V. P. The armament and warfare of the Lower Podonye nomads in the early-Sarmat time. (II–I B. C.)	88
Simonenko A. V. Swords and daggers of the Prokhorov-type on the territory of Ukraine	99
Botalov S. G. Swords and daggers of the Hun epoch	114

Zubov S. E. The early broadswords of the Volga-Urals region	124
Yablonskiy L. T. The weapons of the early Saks from the Priaralye region	134
Shulga P. I. The armor in the Altay region in VI – III B. C.	142
Gorbunov V. V. The main stages of the warfare development of Altay nomads in II B. C. - V A. D.	157
Tishkin A. A., Gorbunov V. V. The set of weapons of the peoples great migration epoch from Gorniy Altai (according to the materials and data from the Yaloman-II burial ground)	164
Balabanova M. A., Pererva E. V. The identification of the weapons' types based upon kinds of wounds on Sarmats	173
Suvorova N. A. The early nomads of the South Ural region and their odontologic characteristics	182
Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., Golyeva A. A. The palaeoclimatic reconstructions of the early Iron Age in South Priuralye based upon the complex studies of palaeosoils under the burial mounds	188
Gaiduchenko L. L. The organics in bowcases and containers of the early nomads in South Zauralye	190
<i>The reference list</i>	194
<i>The list of abbreviations</i>	206
<i>Summary</i>	207

Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э.

Предметы вооружения, в силу своего массового распространения и характера применения, являются одной из основных категорий культуры у древних кочевников. При этом, важнейшим их свойством является адекватное отражение как генеральной линии развития культуры, так нюансов культурной эволюции. Данное свойство хорошо иллюстрируется на примере распространения мечей и кинжалов в Южном Приуралье в VI–I веках до н. э. Последних к настоящему моменту в регионе известно не менее 200 экземпляров. Они достаточно равномерно распределяются в хронологическом отношении, что позволило создать типологию, в значительной мере соответствующую разработкам по данной теме К. Ф. Смирнова (1961) и М. Г. Мошковой (1963), которые обуславливали типы, исходя из морфологических особенностей оружия. В частности, отдел определяется формой наконечника, а тип – формой перекрестия. Исходя из вышесказанного, клинковое оружие номадов Южного Приуралья было разбито на 9 отделов:

- I – с брусковидным наконечником;
- II – с серповидным наконечником;
- III – с рогатковидным наконечником;
- IV – с зооморфным наконечником;
- V – с антенным (когтевидным) наконечником;
- VI – с кольцевым наконечником;
- VII – без металлического наконечника.

Особняком рассматриваются привозные мечи, так как их роль в генезисе клинкового оружия у номадов Южного Приуралья была достаточно заметной.

Внутри I отдела выделены типы: I, 1 – с бабочковидным (сердцевидным) перекрестием и I, 2 – с брусковидным перекрестием. Необходимо отметить, что в отделе II наблюдаются наконечники, изготовленные как из массивного бруска, так и из легкого стержня. Поэтому считаю возможным выделить в нем типы II, 1а – с массивным серповидным наконечником и бабочковидным перекрестием; II, 1б – с массивным серповидным наконечником и брусковидным перекрестием и II, 2 – с наконечником

в виде горизонтального или серповидного стержня и брусковидным перекрестием.

Внутри V отдела выделяются варианты с бабочковидным и сердцевидным наконечниками.

В VII отделе наблюдаются мечи двух типов – VII, 1 – тонким прямым перекрестием и VII, 2 – с перекрестием в виде переломанного бруска, обращенного основанием вверх (*табл. 1*).

Вполне возможно, что со временем будут открыты новые типы, относящиеся к тому или иному отделу мечей и кинжалов приуральских номадов.

Подобный подход продуктивен, так как способен наглядно продемонстрировать направление эволюции данного класса вооружения. Наблюдения показывают, что с момента формирования культуры на территории Южного Приуралья в конце VI–V веках до н. э. в погребениях номадов региона встречается уже сформировавшийся комплекс клинкового оружия. Несмотря на кажущееся разнообразие, форма мечей и кинжалов имеет вполне унифицированный вид – при наличии разнообразных наконечников, все они обладают к тому моменту бабочковидными перекрестиями. К этому времени относятся мечи I, III–VI отделов, которым присущи массивность, средний и малый размер. Их характеризуют бабочковидные перекрестия и брусковидное, антенное (когтевидное), зооморфное и рогатковидное наконечники.

Еще Смирнов К. Ф. заметил, что савроматские мечи и кинжалы являются производными от скифских акинаков, получивших более раннее распространение в Причерноморье и на Северном Кавказе. В первую очередь таковыми являются мечи I отдела с брусковидным наконечником и бабочковидным перекрестием (Смирнов К. Ф., 1961. С. 10–21). К числу скифских К. Ф. Смирнов относил и мечи с зооморфным и антенным наконечником (Смирнов К. Ф., 1961. С. 18–22). Достаточно сложно определить происхождение мечей с рогатковидным наконечником и бабочковидным перекрестием. Единственный экземпляр этого отдела присутствовал в кургане Жалгыз-Оба в верховьях

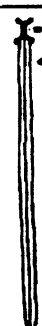
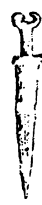

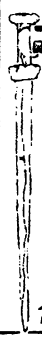
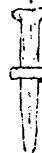
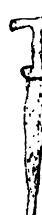
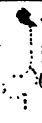
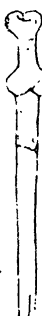

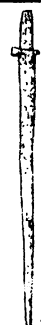

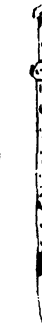

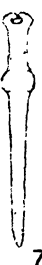

Опись	I		II		III	IV	V	VI	VII			
III – I вв. до н.э.												
конец V – IV вв. до н.э.												
2-я пол. VI – V вв. до н.э.												

Табл. 1. Мечи и кинжалы кочевников Южного Приуралья VI–I вв. до н.э.

1, 9 – Сынтас, 1; 2 – Бесоба, 4; 3 – Алебастрово II, 17; 4 – Бесоба, 1; 5 – Жалгыз-Оба; 6 – Бисоба, 1; 7 – Шаншар, 2/3; 8 – Нижнепавловский, 2; 10 – Мечетсай, 6/9; 11 – Уркач I, 24; 12 – Имангазы-Карасу, 3/1; 13 – Имангазы-Карасу, 3/2; 14 – Мечетсай, 7/4; 15 – Новопавловка, 5/3; 16 – Матвеевский, 5; 17 – Сарытау I, 7; 18 – Покровка 2, 8/7; 19 – Покровка 2, 23/2; 20 – Алебастрово II, 12/3; 21 – Челкар III, 6/1; 22 – Мечетсай, 5/9; 23 – Покровка 2, 17/2; 24 – Новопавловка, 5/2; 25 – Покровка 1, 3/5; 26 – Покровка 1, 12/3; 27 – Лебедевка VII, 16/8; 28 – Мечетсай, 3/11; 29 – Покровка 2, 16/2; 30 – Володарка II, 4/2. Все – железо

Илека (табл. 1, 5). Погребальный комплекс, откуда он происходит, датируется, вероятнее всего, рубежом VI–V вв. до н. э. Рукоять его имеет двусторонний продольный ложок.

Очень похожие разновидности данного типа кинжалов встречены на территориях Памира, Среднеазиатского междуречья и Восточного Казахстана. Там они представлены либо случайными находками, либо находились в более поздних комплексах II–I вв. до н. э. (Мандельштам А. М., 1966. Табл. XXXIX, 6–14; Обельченко О. В., 1978. Рис. 1, 2; 3, 2). Аналоги им имеются и среди памятников тагарской культуры Южной Сибири (Мартынов А. И., 1979. Табл. 34, 36).

Итак на начальной стадии формирования прохоровской культуры наблюдается преобладание

восточноевропейского направления связей. Это положение, кстати, находит подтверждение и в том, что уже к концу данного периода в вооружении ранних кочевников Южного Приуралья появляются мечи синдо-меотского типа. Одним из таковых является меч из погребения 2 кургана № 12 могильника Алебастрово II (табл. 1, 20). Наряду с другими мечами этого типа, найденными в курганах под Уральском, К. Ф. Смирнов отнес его к IV–III вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1980. С. 42, 43). С такой датировкой этого экземпляра трудно согласиться.

Погребения в кургане № 12 2-й группы у села Алебастрово, судя по планиграфии кургана и инвентарю захоронения (плоские стеклянные глазчатые бусы овальной формы, бронзовые наконеч-

ники стрел: один – двухлопастной, а остальные трехлопастные и трехгранные со сводчатыми головками) были совершены последовательно в короткий промежуток времени. И потому дата меча, скорее всего, вторая половина V в. до н. э. В целом для мечей данного периода характерна тенденция перехода от бабочковидного перекрестия к брусковидному, перегнутому посередине, а от него – к прямому бруску. И потому закономерной стала в конце V–IV вв. до н. э. эволюция мечей и кинжалов в сторону их упрощения в изготовлении и эффективности в употреблении. Кроме того, в этот период происходит увеличение доли мечей «всаднического» типа², которые составляют примерно треть из массы мечей и кинжалов. В предшествующий период находки таковых были единичны. Бывшие до того в обиходе акинаки с бабочковидными перекрестиями и разного рода навершиями постепенно выходят из употребления. Так, в конце V века до н. э. еще встречаются отдельные мечи с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (Мечетсай, 6/9; Целинный 1, 52/1; Покровка 2, 23/10) (табл. 1, 10). Но уже в самом начале IV века до н. э. они преобразуются в мечи с широким брусковидным навершием и широким же прямым брусковидным перекрестием (тип I, 2), которые представлены пятью экземплярами: Имангазы-Карасу, 3/1 (табл. 1, 12); Мечетсай, 8/1; Тамар-Уткуль VII, 8/2; Покровка 8, 1/14 и Покровка 8, 16/6.

В дальнейшем мечи и кинжалы данного типа постепенно приобретают формы, характерные для «классического» «прохоровского» меча, которым присущи серповидные навершия и прямые перекрестия. В этом плане показательной является находка короткого кинжала со слабо изогнутым брусковидным навершием и массивным брусковидным перекрестием в погребении 2 кургана № 3 могильника Имангазы-Карасу (табл. 1, 13). Следует заметить, что кинжал, близкий к рассматриваемой форме (тип I, 1а), найден в кургане № 1 могильника Бесоба, относящегося к концу VI – первой половине V вв. до н. э. (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж., 1977. Рис. 2, 8) (табл. 1, 4). Тем самым, достаточно четко обозначается местная линия формирования прохоровских мечей на основе акинаков с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием.

Другой путь формирования «прохоровских» мечей II отдела – это их эволюция из мечей с узким бабочковидным (ложнотреугольным) перекрестием и антенным навершием с поперечной перекалиной (см., например: Сарытау I, 7; Жаман-Каргала I, 18/2) (табл. 1, 17), изредка встречаю-

щихся в погребениях Южного Приуралья на рубеже V–IV вв. до н. э. А. Г. Гаврилюк и А. Д. Таиров предположили формирование прохоровских мечей на основе скифских акинаков с когтевидным навершием (Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993), что вполне резонно. Истоки данных мечей, производных от скифских «парадных», видятся в древностях северопричерноморской Скифии (Смирнов К. Ф., 1961. С. 21, 22; Исмагилов Р. Б., 1978. С. 233; Таиров А. Д., Ульянов И. В., 1996. С. 241). В глубине приуральских степей их насчитывают единицы, тогда как значительное число их встречено в качестве случайных находок к северу от реки Урал на стыке лесостепной и степной природных зон (Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976; Исмагилов Р. Б., 1978; Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А., 1977). Безусловно, они местного производства, однако интересен факт нахождения их среди памятников рассматриваемого времени в Восточной Европе на кромке леса и степи (Исмагилов Р. Б., 1978. С. 229–235; Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976. С. 240, 241; Таиров А. Д., Ульянов И. В., 1996. С. 141; Братченко С. Н. и др., 1989. Рис. 4, 1. С. 172), некоторые из них весьма напоминают мечи синдо-меотского типа. Поэтому можно предположить их изготовление под влиянием вышеназванных мечей северокавказского происхождения.

Мечи же собственно синдо-меотского типа продолжают встречаться в погребениях IV века до н. э. на территории Южного Приуралья. В частности, таковые выявлены в Краснохолмском могильнике (Моргунова Н. Л., 1996. Рис 5, 7) и в курганах уральского Левобережья (Смирнов К. Ф., 1980. С. 43. Рис. 3, 7–9). Тем самым фиксируется тесная связь кочевников Южного Урала и Восточной Европы в рассматриваемое время. В пользу последнего предположения говорит находка в погребении 1 кургана № 6 в 3-м могильнике у озера Челкар в Уральском левобережье ксифоса – короткого меча колющего типа (табл. 1, 21), являющегося частью паноплии греческого гоплита.

Показательно, что данный экземпляр полностью железный, в то время как классические ксифосы имели бронзовую рукоять. Последнее обстоятельство говорит, вероятнее всего, о местном изготовлении изучаемого меча по эллинским образцам, хорошо известным в степи. Характерно, что анализируемый предмет вооружения имел роговидное навершие, а перекрестие было прямым, но завершающимся шаровидными окончаниями. То есть, по форме этот кинжал (общая длина – 40 см) весьма близок «классическим» «прохоровским» образцам, широко распространенным на Южном Урале в это время. И тем самым, он не выпадает из

общего контекста развития клинкового оружия, как на Южном Урале, так и в степях Восточной Европы. В данную типологию не вошел кинжал из погребения 6 кургана № 7 могильника Мечетсай, датированного концом IV – началом III вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1975. Рис. 41, 8). Оформление его рукояти не совсем отчетливо, хотя напоминает он махайру – кривой серповидный древнегреческий меч с лезвием на внутренней стороне клинка длиной 50–60 см. Если последнее предположение является верным, то наличие этой разновидности эллинского клинкового оружия в названном некрополе – дополнительное свидетельство тесных связей кочевников Южного Урала с Северным Причерноморьем в IV веке до н. э.

С другой стороны, необходимо отметить, что данные направления внутреннего развития мечей и кинжалов южноуральских кочевников совпали с распространением в Южном Приуралье с середины IV века до н. э. мечей с прямым брусковидным перекрестием и роговидным навершием, изготовленным из стержня (тип II, 2). У многих из них навершие и рукоять рифленые, что является, скорее всего, результатом навивки проволоки на стержень (табл. 1, 14). Особенно хорошо данная деталь заметна на мечах из погребений 4 и 6 кургана № 6 Мечетсайского могильника (Смирнов К. Ф., 1975. Рис. 41, 7, 9). Наиболее ранние экземпляры мечей и кинжалов со слабо изогнутым брусковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием, у которых рукоять обвита золотой проволокой, представлены в кургане Иссык (Акишев К. А., 1978. Табл. 23; 24), датированного, скорее всего рубежом V–IV вв. до н. э. Поэтому можно предположить, что эволюция прохоровского клинкового оружия была стимулирована и центральноазиатским культурным влиянием, тем более, что клинки с подобного рода рукоятками ранее на Южном Урале были неизвестны.

Из всех учтенных для III–I веков до н. э. мечей и кинжалов, около половины имеют серповидное навершие и прямое перекрестие (табл. 1, 22, 23). Второй по представительности группой (треть от всего количества) являются мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием (табл. 1, 26, 27). На протяжении данного этапа центральноазиатское воздействие на формирование клинкового оружия у южноуральских кочевников стало преобладающим. Так, уже в конце IV века до н. э., судя по находке в погребении 3 кургана № 5 могильника у села Новопавловка (Железчиков Б. Ф., Кригер В. А., 1978), получают распространение мечи с рогатковидным навершием и луновидным перекрестием (табл. 1, 15). Еще один меч такого типа

встречен в погребении 2 этого кургана, относящегося к III–II вв. до н. э. (табл. 1, 24). Вероятно, прав О. В. Обельченко, связывая появление кинжалов этого типа с южносибирским влиянием (Обельченко О. В., 1978. С. 123) – мечи и кинжалы с перекрестиями луновидного типа известны на тисульском этапе развития тагарской культуры (Мартинов А. И., 1979. Табл. 34, 36).

В принципе, мечи этого типа вписываются в общую канву развития клинкового оружия кочевников Южного Урала на данном этапе, представляя собой очередную модификацию «классического» «прохоровского» меча. Вероятно уже в конце IV века до н. э. у кочевников Южного Урала появилась мода на мечи и кинжалы с кольцевым навершием. Анализируя находки данного типа, можно предположить, что появление его связано с культурным импульсом с территории Центральной Азии. Так, среди памятников тагарской культуры уже на ранних этапах ее развития известны клинки с кольцевым навершием. На территории Северного Китая они встречаются еще с конца VI века до н. э. (Чжун Сук-Бэ, 1998. Рис. 2, 4, 8). Самый ранний экземпляр рассматриваемой формы на Южном Урале происходит из погребения 7 кургана № 8 могильника Покровка 2 и датируется IV в. до н. э. Покровский кинжал имеет удлиненную рукоять без перекрестия и кольцевое навершие (табл. 1, 18). Он представляет собой единственную находку из данного погребения. Согласно наблюдениям автора раскопок, данное погребение было прорезано более поздним погребением 4 (Яблонский Л. Т. и др., 1995. С. 37, 40), датированным набором инвентаря (бронзовые наконечники стрел, раковина, подвеска из клыка животного) IV в. до н. э. С другой стороны, нельзя исключать появление мечей рассматриваемой формы под влиянием внутренней эволюции, на основе скифских акинаков с когтевидным или антенным навершием. В пользу данного предположения говорит факт находки в кургане № 1 могильника Сынгас меча с бабочковидным перекрестием и антенным навершием, сомкнутым в форме кольца (табл. 1, 9).

Следует заметить, что в изучаемый период в погребениях Южного Приуралья найдено 4 коротких меча с прямым перекрестием и волютообразным навершием: три – в Покровском могильном комплексе и один – в погребении 6 кургана 7 могильника Барбастау III. И потому, предположение о формировании мечей с кольцевым навершием на основе более ранних образцов клинкового оружия кочевников Южного Урала (Смирнов К. Ф., 1959. С. 320, 321; Скрипкин А. С., 1990. С. 122) является логичным. С другой стороны, нельзя сбрасывать

сывать со счетов и тот факт, что мечи и кинжалы с кольцевым навершием на территории Южной Сибири были широко распространены в скифское время (Мартынов А. И., 1979. Табл. 7, IV; 8, 2, 9). Характерно, что в барабинской лесостепи в погребении 30 кургана № 25 могильника Сопка 2, относящегося к V–IV вв. до н. э., был обнаружен биметаллический кинжал (бронзовая рукоять, железный клинок) с кольцевым навершием и прямым перекрестием (Полосьмак Н. В., 1987. Рис. 72). И потому не исключается южносибирское культурное влияние на процесс формирования данного типа клинкового оружия (Хазанов А. М., 1971. С. 8, 9), вероятно при участии носителей саргатской культуры.

Другая разновидность мечей позднепрохоровского времени – это мечи VII и VIII отделов – без навершия и, соответственно, с коротким прямым перекрестием (табл. 1, 28) и перекрестием в виде переломанного бруска 3, обращенного основанием вверх (табл. 1, 29). Находки их сопрягаются с мечами с кольцевым навершием и, как правило, с различного типа пряжками. Мечи названных разновидностей получают широкое распространение лишь со II века до н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 20).

А. С. Скрипкин считает, что в сформировавшемся виде мечи VII отдела появляются уже в IV–III веках до н. э. (Скрипкин А. С., 1990. С. 128). А. Д. Таиров, в принципе, солидаризируясь с А. С. Скрипкиным по данному вопросу, относит появление мечей этого типа к IV веку до н. э. (Виноградов Н. Б., Таиров А. Д., 1996. С. 174). Вполне вероятно, что в пользу столь раннего распространения мечей данной формы свидетельствует находка из подбойного погребения 2 кургана № 23 могильника Покровка 2 (табл. 1, 19), относящегося к IV веку до н. э. Мечи этого типа были широко распространены на территории Средней Азии и Южной Сибири в конце I тыс. до н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 19), но истоки их происхождения уводят в глубь Центральной Азии. Так, В. Н. Васильев справедливо видит более ранние аналоги этим мечам на территории Китая и предполагает принадлежность к подлинно китайскому оружию (Васильев В. Н., 2005. С. 100). Более того, двуручный меч длиной 104 см был обнаружен Г. А. Кушаевым в начале 80-х годов XX столетия в известном по находкам серебряных фалларов погребении 2 кургана № 4 могильника Володарка II (табл. 1, 30). Столь длинная рукоять говорит о принадлежности меча, скорее всего, к аксессуарам пехотинца, чем всад-

ника. Что заставляет думать об импортном характере этого экземпляра. Другой меч с территории Южного Приуралья с аналогичным перекрестием из погребения 2 кургана № 16 могильника Покровка 2 (табл. 1, 29) имеет короткую рукоять, что позволяет предположить его изготовление на месте по импортным образцам.

На основании анализа клинкового оружия Южного Приуралья можно констатировать, что векторы культурных взаимодействий на разных этапах истории кочевников региона были разной силы и направленности. Если изначально (с VI по IV вв. до н. э.) доминировало восточноевропейское (скифское) направление, а восточное, в принципе, не фиксируется, то уже в IV веке до н. э. центральноазиатское влияние становится явным, а в III–I веках до н. э. доминирующим. Заимствования образцов оружия из Центральной Азии наблюдаются во всех известных в тот момент отделах клинкового вооружения. Таким образом, клинковое оружие кочевников Южного Приуралья демонстрирует следующие особенности своего развития:

- 1) появление комплекса клинкового вооружения к концу VI века до н. э. в степях Южного Урала «в готовом, сложившемся виде». Уже тогда для него характерна каноничность, завершенность основных форм. Причем, основные образцы данного вида оружия, скорее всего, производны от раннескифских акинаков;

- 2) культурная непрерывность на протяжении всех этапов от VI по I века до н. э. Единая линия развития наблюдается на всех этапах и на переходе между ними;

- 3) основной чертой процесса развития клинкового оружия на Южном Урале во второй половине I тыс. до н. э. была его стандартизация, хотя инновации прослеживаются отчетливо;

- 4) характер формирования мечей и кинжалов южноуральских кочевников демонстрирует совпадение данного процесса с основным направлением развития прохоровской культуры в целом.

Примечания:

1. Полагаю, что мечи, рукояти которых имеют антенные и когтевидные навершия, морфологически близки и потому должны рассматриваться в рамках одного отдела.

2. К «всадническим» автор относит экземпляры, длина которых достигала 1 м и более.

3. Данное определение впервые введено в научный оборот В. Н. Васильевым (Васильев В. Н., 2005).

Вооружение раннесарматского воина (по материалам Филипповского -1 могильника)

После возобновления раскопок Филипповского 1 могильника в 2004 году (Яблонский Л. Т. и др., 2005; Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2006а; 2007) здесь были найдены многочисленные предметы воинского снаряжения. Их можно условно разделить на группы:

- 1) предметы защитного вооружения;
- 2) предметы наступательного вооружения;
- 3) украшения и орнаментированные детали портупей.

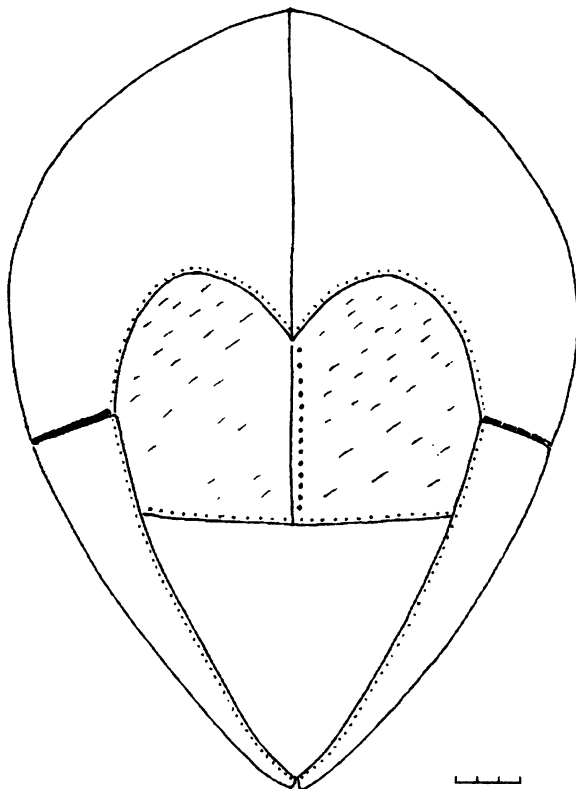
Так в кургане 11 (раскопки 2004 года) впервые в практике раскопок захоронений раннесарматского типа¹ был найден железный шлем. При ограблении кургана он был перемещен и поврежден грабителями, но форма его достаточно уверенно реконструируется.

Шлем железный кованый², состоит из двух склепанных внахлест боковин и пары нащечников (рис. 1). Корпус округлой формы, задняя (тыльная) стенка вертикальная, передняя (теменная) стенка скошенная, соединительный шов на ней образует тупоугольное ребро. Шлем имеет лицевой вырез с наносным выступом и надглазными дугами. Нащечники выполнены в форме вытянутой неправильной трапеции. Они прикреплены к корпусу шлема при помощи шарнирных креплений, каждое из которых состоит из 7–8 петель. Передние края нащечников образуют с лицевым вырезом корпуса шлема единую линию. По краю шлема и нащечников по всему периметру через интервал в 0,5–0,6 см проделаны мелкие отверстия. Следует отметить, что шлем сохранился не полностью, лишь в виде крупных, подвергшихся коррозии фрагментов. В частности, не сохранилась его передняя левая четверть, что не позволяет дать более детальное описание предмета. Размеры: высота корпуса – 45 см, размеры по основанию 25×35 см, длина нащечников – 20 см, ширина в месте крепления – 10 см.

К предметам защитного вооружения относится также железный ламилярный чешуйчатый доспех (рис. 2), найденный в кургане 28 (раскопки

2005 года). Доспех находился на пороге погребальной камеры и подземного хода в нее и был установлен сюда, очевидно, в качестве жертвенного подношения (о вероятном назначении подземных ходов Филипповских курганов см.: Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., 2006б).

Сохранился *in situ* фрагмент с общими размерами 80×20 см. Среди пластин панциря различаются грудные однотипные. Все они выполнены в виде пластин подпрямоугольной формы, верхние углы которых скруглены. В верхней части пластин располагаются сквозные отверстия для скрепления их между собой. Пластины оплечий имеют более крупные размеры и согнуты в большей степени, имея в профиль С-видную форму. Среди пластин панциря попадались железные сферические

Курган 11. Железный шлем (реконструкция)

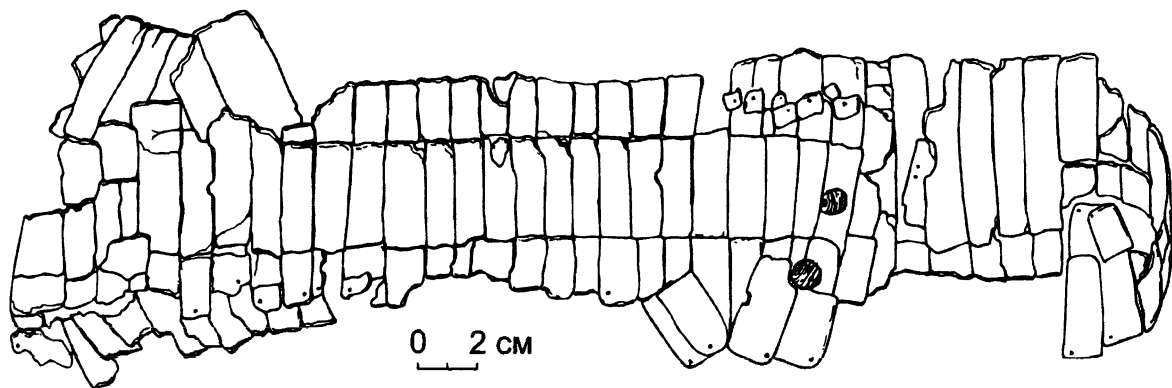

Рис. 2. Курган 28. Доспех (*in situ*) у порога подземного хода

ворворки со сквозными отверстиями для продевания веревок или ремней, которыми стягивались отдельные части панциря.

Среди предметов наступательного вооружения – разнотипные бронзовые наконечники стрел (некоторые из них с разнообразными тамгами на головках), короткие железные мечи-акинаки, массивные втульчатые железные наконечники копий, железный клевец, железные и серебряный колчаные крюки.

Но наиболее полное представление об облике воина раннесарматского времени дали раскопки в 2006 году «царского» кургана № 4 могильника. Помимо центрального погребения в большой яме с дромосом, здесь были обнаружены боковые захоронения, сооруженные в толще краев насыпи. Их оказалось три: два – в восточном секторе кургана и одно – в западном. Все могильные ямы были ориентированы длинными осями параллельно краю насыпи кургана в данных секторах и однотипны по конструкции – прямоугольные в плане, глубокие, с продольными заплечиками, на которые были уложены бревна перекрытия.

Погребение 2 принадлежало пожилому по тем временам (50–55 лет) воину. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. Погребенный был уложен на травянистую подстилку, которая перекрывала всю площадь погребальной камеры.

В юго-восточный угол могильной ямы помещен железный чешуйчатый доспех, который был набран из 10–14 рядов железных чешуек, нашитых на кожанную основу, застегивавшуюся предположительно на левом боку. Чешуйки прямоугольной формы, с округлым нижним краем, примерные размеры – 3,5×1,5 см. Точное расположение и число крепежных отверстий на пластинах пока не известно, но можно предположить их расположение на верхнем краю чешуек. Ряды чешуек идут с перекрытием сверху вниз. При этом

верхний ряд перекрывает нижний на 0,4–0,5 см. Нижний ряд состоял из более крупных чешуек. Плечи были защищены отдельным ламеллярно-чешуйчатым оплечьем, состоящим из наплечников и дополнительных нагрудных пластин. Наплечники состояли из пяти рядов чешуек и нижнего ряда более длинных и узких пластин, размерами примерно 2×14 см, соединенных между собой ламеллярным способом. Дополнительная защита груди состояла из двух комплексов более крупных пластин, размерами 4×19 см, связанных между собой так же ламеллярно. Они располагались в районе ключиц. Все детали оплечья были окантованы по краю кожанной полосой. Возможно, окантовка была также и у основного доспеха (консультация Д. В. Рукавишникова).

В юго-западном углу в пол погребальной камеры был вертикально воткнут массивный железный наконечник копья, древко которого не сохранилось. Длина наконечника 59,6 см, максимальный диаметр втулки 4 см. Максимальная ширина листовидного лезвия 5,4 см. Длина лезвия – 34,8 см, втулки – 24,8 см.

На груди погребенного находилась гривна с заходящими концами, выполненная из литого золотого прута. Концы гривны украшены объемными фигурками лежащих в полный рост хищников кошачьей породы, вероятно, львов.

Поперек бедер, рукоятку у правой кисти лежал короткий железный меч-акинак. Перекрестие меча золотое, бабочковидной формы с литым изображением многофигурной композиции в зверином стиле. Лезвие меча гравировано золотыми нервюрами и сложным орнаментом из золотых проволочек (рис. 3). Отметим бабочковидную форму перекрестия меча и брусковидно-овальное навершие его рукояти. По общему облику он напоминает знаменитый меч из Чертомлыка (Алексеев А. Ю. и др., 1991), для которого не исключена дата IV в. до н. э.

Общая длина меча – 58,0 см, длина рукояти до перекрестия – 9 см, высота перекрестия – 3 см, ширина клинка под перекрестием – 8 см, ширина наверху 7,5 см, высота наверху – 2 см, толщина овального сечения клинка в средней его час-

ти – 0,8 см. Темляк меча украшала крупная хрустальная граненая бусина.

Острие клинка меча располагалось поверх колчана (скопление бронзовых наконечников стрел – более 200 разнотипных экземпляров). На головках некоторых наконечников прослеживались разнотипные тамгаобразные знаки. Под левой тазовой костью находился каменный оселок с отверстием для подвешивания.

В районе левого локтя располагался массивный золотой умбоновидный предмет трапециевидный в сечении с отверстием в центре (рис. 4), а несколько выше – массивная золотая литая пряжка в виде фигурки лежащего тигра. Пряжка имела две прорези, расположенные взаимоперпендикулярно. Она служила в качестве обоймы для перекрестия ремней портупеи. Умбоновидный предмет служил утяжеляющей бляхой горита. Изображения аналогичных предметов известны на каменных изваяниях, которые связывают со скифской культурой (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994). От самого горита сохранились остатки переплетенных прутьев, на поверхности которых фиксировались следы кожи. Внутри горита были найдены точильный камень в виде обработанной пластины и железный нож. В горите воина из погребения 3 лежала еще и костяная ложечка.

Погребение 3 располагалось неподалеку от погребения 2 и к северу от него. На дне могильной ямы был расчищен скелет молодого мужчины-воина. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой в южный сектор. Справа от скелета, под бортом погребальной камеры *in situ* располагались две металлические детали копья – массивный железный наконечник, типологически аналогичный вышеописанному и вток с серебряной втулкой, ажурной по краю, свернутой из серебряного листа и скрепленной серебряными гвоздями на древке копья, и железным набалдашником (возможно из свернутого спирально железного прута) (рис. 5). Такие железные втоки были обнаружены ранее при раскопках курганов 11 и 28 могильника. Судя по взаиморасположению наконечника и втока *in situ*, общая длина копья составляла 3,2 м.

На шею погребенного была надета гривна с заходящими концами, сделанная из золотого литого прута. Концы ее украшены объемными фигурками лежащего хищника кошачьей породы, вероятно, льва.

Поперек бедер, рукоятью к правой кисти лежал короткий железный меч-акинак, типологически аналогичный вышеописанному, но без золо-

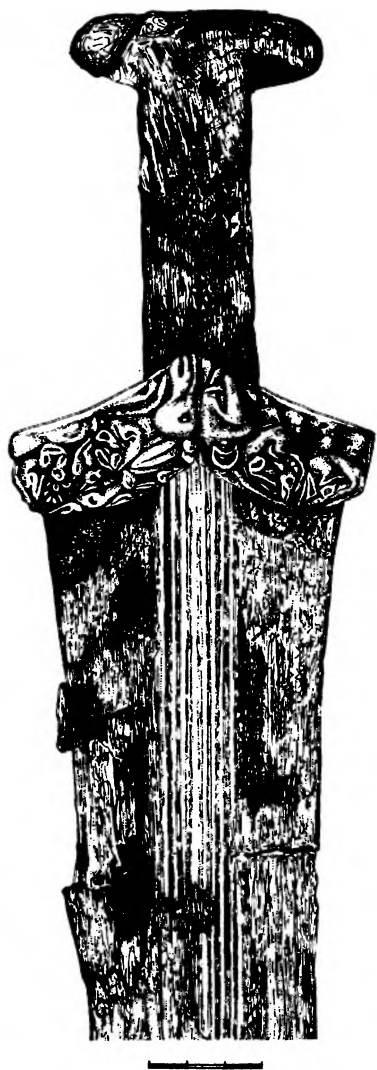

Рис.3. Курган 4, погребение 2. Железный меч (деталь)

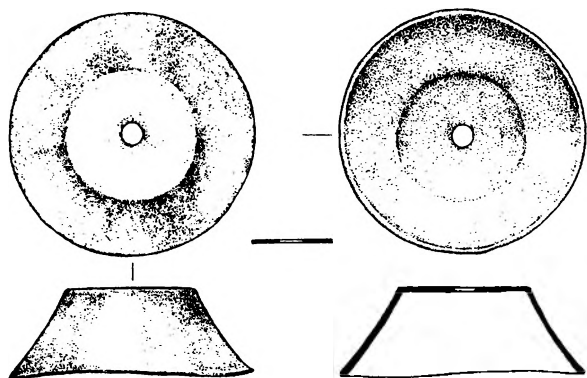

Рис.4. Курган 4, погребение 3. Золотой умбо

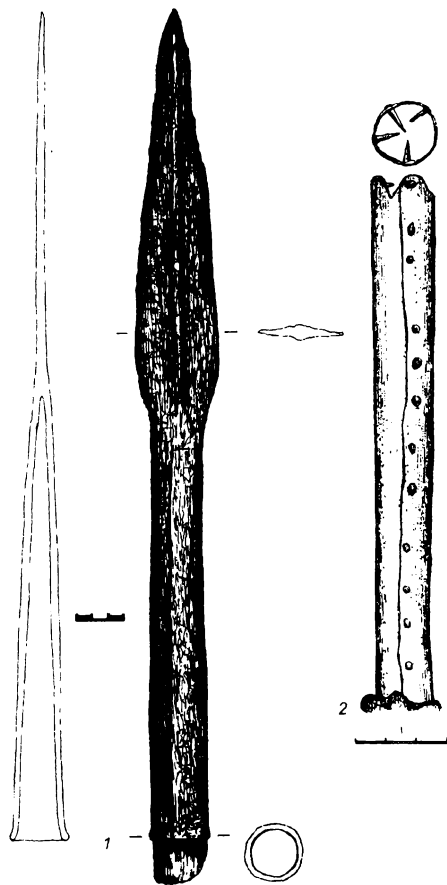

Рис.5. Курган 4, погребение 3.
Металлические детали копья.
1 - железный наконечник; 2 - серебряный вток

тых деталей перекрестия и гравировки золотом на клинке. На его навершии, однако, имелись небольшие выступы, обернутые золотой фольгой.

У левого бедра находились золотые предметы – массивная трапециевидная в сечении бляха горита, типологически абсолютно аналогичная вышеописанной, но несколько уступающая ей по размерам (диаметр больший – 15,2 см, меньший – 9 см, высота 4,9 см, диаметр отверстия – 0,9 см) и пряжка (обойма для перекрестия ремней портупей), выполненная в виде серебряной литой пластины с двумя изнаночными петлями (рис. 6, 1). Лицевая поверхность пряжки покрыта золотой фольгой со штампованной многофигурной композицией в зверином стиле.

Рядом с левой бедренной костью, ниже тазобедренного сустава был найден портупейный крюк. Он сделан из литого серебра и изображает композицию из противопоставленных голов грифона и пантеры (рис. 6, 2). Детали голов животного и мифической птицы покрыты глубокой гравировкой, заполненной плакировкой золотом. Крюк совершенно аналогичен крюку из погребения 2, но гораздо лучшей сохранности. Заметим здесь, что абсолютно аналогичное изделие происходит из впускного воинского погребения в кургане 16 Филипповского могильника. Колчаный крюк иной конструкции найден в погребении 4 кургана 4 (рис. 6, 3). В отличие от описанных, он

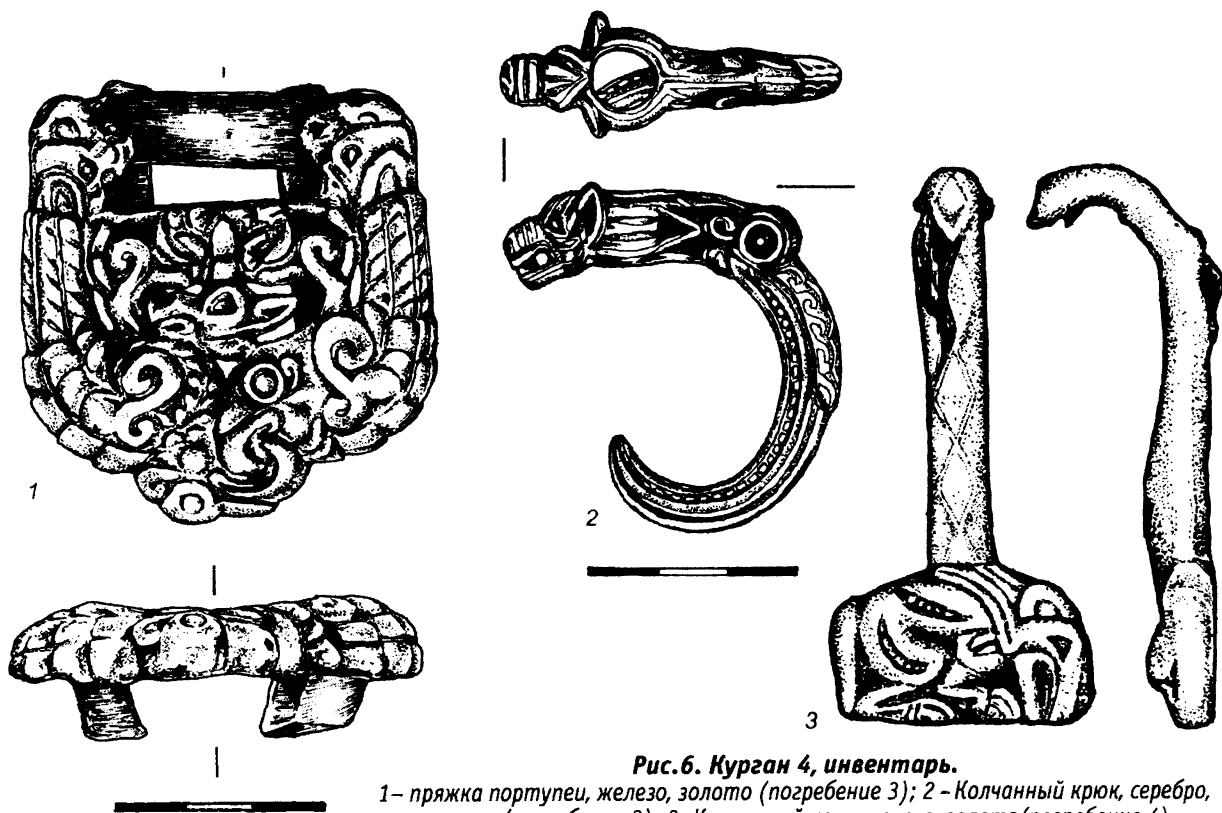

Рис.6. Курган 4, инвентарь.
1 – пряжка портупей, железо, золото (погребение 3); 2 – Колчаный крюк, серебро, золото (погребение 3); 3 – Колчаный крюк, железо, золото (погребение 4)

железный, покрыт золотой фольгой и изготовлен в двух плоскостях, чем напоминает крюки, известные по материалам могильников скифского времени Подонья (Пузикова А. И, 2001; Савченко Е. И., 2004).

У левого бедра лежал железный боевой топор. Обломки железного клебца были найдены ранее

в погребении 1 кургана 15 Филипповского могильника.

Поверх острия меча находился колчан, наполненный стрелами, от которых сохранились бронзовые наконечники (более 60 экземпляров) (рис. 7). Головки некоторых наконечников, как и в погребении 2, покрыты тамгаобразными знака-

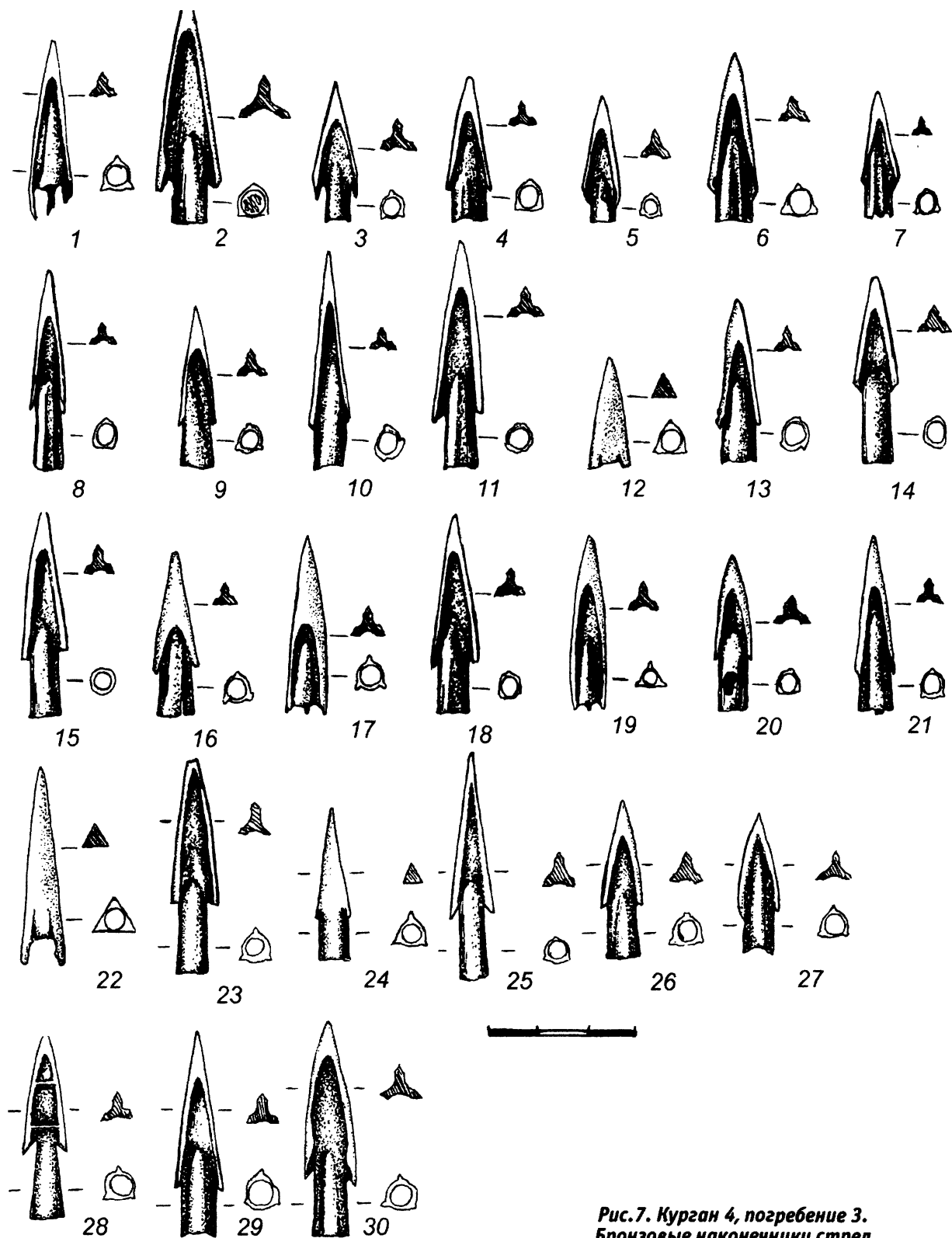

Рис. 7. Курган 4, погребение 3. Бронзовые наконечники стрел

ми. Такие знаки зафиксированы ранее на наконечниках стрел из курганов 11 и 26 Филипповского могильника.

Между скелетом и наконечником копья стояла деревянная чаша от которой, помимо древесного тлена, сохранилась золотая накладка на венчик. Она представляет собой прорезную ажурную пластину с изображением оленя в зверином стиле. Такие оковки хорошо известны по материалам из «царского» кургана 1 Филипповского могильника.

На поверхности дна погребальной камеры сохранился тлен от травянистой подстилки.

Погребение 4 находилось в западной поле насыпи кургана и фиксировалось в нижней части насыпи выше поверхности погребенной почвы. В плане могильная яма по форме приближалась к широкому прямоугольнику и достигала глубины около 4 м от поверхности, с которой она начиналась. Вдоль длинных бортов могильной ямы проходили заплечики, на которых в поперечном направлении лежали бревна перекрытия, сохранившиеся в виде отпечатков на поверхности заплечиков. На поверхности восточного заплечика был найден массивный железный наконечник копья, типологически аналогичный описанным выше. Не исключено, что при сооружении захоронения он был воткнут в заплечик ближе к торцевому южному борту могильной ямы.

На дне погребальной камеры были расчищены два скелета. Захоронение парное одновременное. Оба погребенных лежали на спине, головой в южный сектор, в вытянутом положении. Восточный скелет принадлежал молодому мужчине, лежащим лицом в сторону скелета женщины. В головах погребенного лежал железный меч-акинак, поверх которого в наклонном положении находился серебряный сосуд. Нельзя исключить, что меч был воткнут в дно могильной ямы, а сосуд прислонен к нему. Оба предмета могли изначально находиться в вертикальном положении и упасть при обрушении бревен перекрытия погребальной камеры.

На шею погребенного была надета гривна с заходящими концами, сделанная из литого золотого прута. Концы ее украшали литые фигурки баранов.

На запястье погребенного был одет кольцевидный браслет. Его концы, украшенные изображением головы ушастого животного с длинной узкой мордой (вероятно, волка) были разомкнуты, но не заходили друг на друга. На запястьях женщины находились литые золотые браслеты иного типа – более массивные, так называемой «омеговидной» формы. У них разомкнутые концы, ук-

рашенные объемными фигурками баранов. Омеговидные литые золотые браслеты есть в составе Амударьинского клада и датируются V–IV вв. до н. э. (Зеймаль Е. В., 1979. Рис. на обложке. С. 64–69). Там же можно обнаружить типологические аналогии гривнам из Филипповских курганов.

Поперек бедер, рукоятью к кисти располагался короткий железный меч-акинак, типологически аналогичный мечам из погребений 2 и 3. У правого предплечья находился колчан, от которого сохранился набор разнотипных бронзовых наконечников стрел (98 штук). Рядом был уложен железный, обтянутый золотой фольгой колчанный крюк, украшенный изображением в зверином стиле (рис. 6, 3).

Закрытые археологические комплексы кургана 4, с учетом установленных аналогий предметам вооружения из разных курганов могильника, позволяют довольно точно реконструировать облик раннесарматского воина.

На голове у него – железный кованый шлем с нащечниками на шарнирах. Торс защищен железным чешуйчатым доспехом, снабженным нагрудниками и наплечниками. Чешуйки доспеха нашиты на кожу, что делало доспех подвижным (мягким). Отдельные части доспеха связывались между собой ремешками, на концах которых располагались железные шаровидные ворворки. Наступательное вооружение раннесарматского воина представлено длинным, свыше 3 м, копьём с массивным втульчатым листовидным наконечником. На древке копья крепился вток, серебряный или железный, в виде скрученной в пружину ленты.

На правом бедре подвешивался короткий железный меч-акинак. На левом – саадак-горит (набор из лука, помещенного в специальный футляр и колчана со стрелами, число которых могло превышать 200 штук). Горит украшали массивной золотой умбоновидной утяжеляющей бляхой. Горит прикреплялся к портуpee или к специальному поясному (бедренному) ремню с помощью колчанного крюка, серебряного или железного, иногда позолоченного и украшенного в зверином стиле. Портуpee снабжалась пряжкой для перекрещивания ремней. К ней подвешивали также каменный оселок.

Частью воинского набора являлись плети-нагайки. Золотые втулки-обоймы от таких плетей вместе с деревянными рукоятями были найдены в жертвенном комплексе из погребения 5 кургана 4 Филипповского могильника (рис. 8). Так как они происходят из жертвенного комплекса, то их расположение на одеянии воина достоверно не устанавливается.

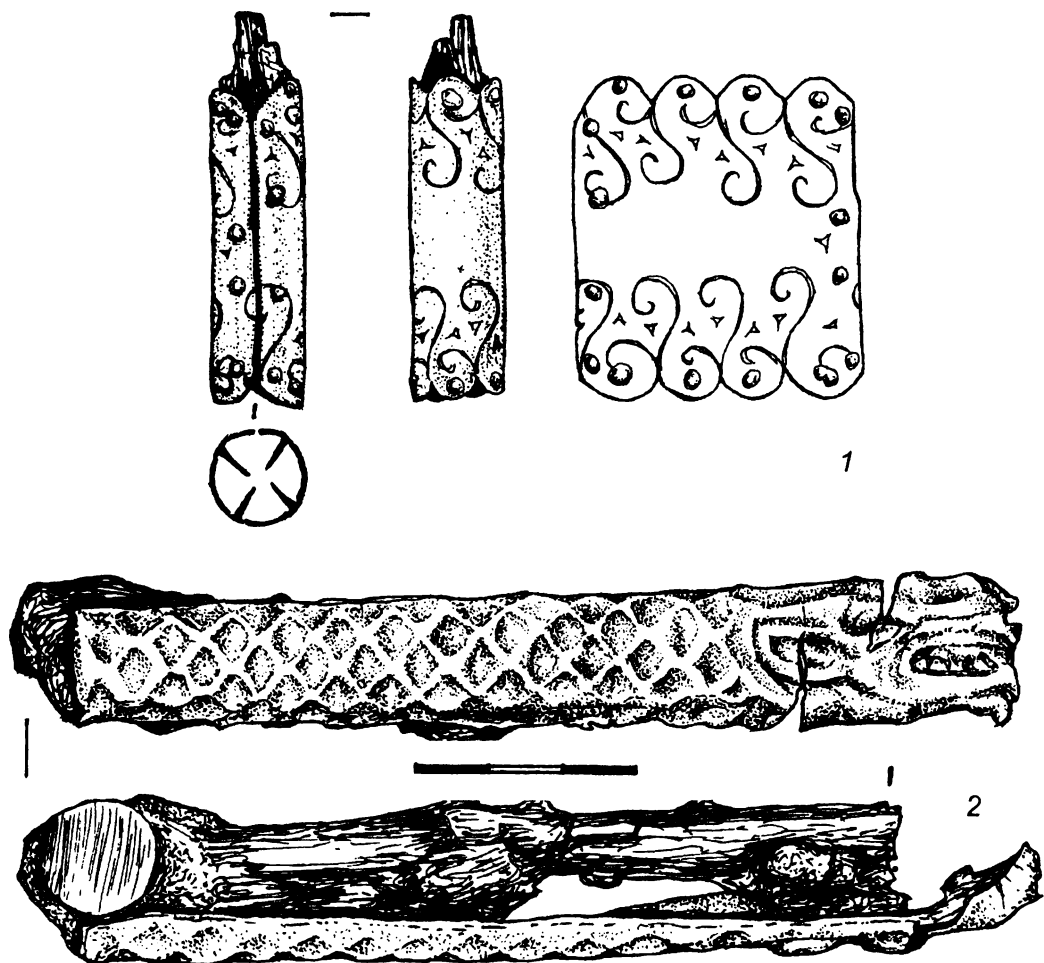

Рис.8 Курган 4, погребение 5. Золотые детали плетей

На левом бедре воина мог находиться также боевой железный топор-клевце.

Наши представления об облике Филипповского воина обобщены на рисунке 9. При реконструкции доспеха учтены данные М. В. Горелика (1993). Форма деревянной кибиты лука реконструирована документально по находке в погребении 5 кургана 4 Филипповского-1 могильника.

В погребальном обряде воина использовали богатое убранство (символы власти): на груди – гривна, на руке – золотой браслет.

В общем контексте археологических находок из могильника описанный воинский комплекс датируется в пределах второй половины V–IV вв. до н. э.

Любопытно, что все перечисленные выше воинские аксессуары хорошо известны по изображениям на скифских изваяниях Предкавказья и Северного Причерноморья (Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. С. 61–75).

Согласно рассказу Геродота (IV, 102), скифы перед походом на них Дария I стремились уговорить принять участие в боевых действиях на своей сто-

роне представителей соседних племен, в том числе, неких савроматов, которые говорят по-скифски (Геродот, IV, 117), и эти савроматы, в отличие от некоторых прочих, ответили согласием.

Мы далеки от попыток отождествлять Филипповских воинов с савроматами Геродота (критику подобных отождествлений см.: Очир-Горяева М. А., 1992; 1993). Но мы можем предположить, что соседи-степняки (совсем не обязательно савроматы Геродота), говорящие на близких языках и ведущие образ жизни на основе сходного хозяйственно-культурного типа, могли обладать и сходной тактикой ведения боевых действий и, отсюда, общими традициями в экипировке и вооружении своих воинов.

Здесь важно отметить, что установленные нами аналогии между реальными археологическими находками в Филипповских курганах и изображениями предметов экипировки на каменных изваяниях Причерноморья имеют большое значение при уточнении датировок тех и других. Но это задача будущих исследований.

Примечания:

¹ В рамках этой работы мы не имеем возможности обосновывать культурно-типологическую атрибуцию могильника, но пионер его исследования А. Х. Пшеничнюк приводил аргументы в пользу отнесения памятника именно к комплек-

сам раннесарматского типа (Pshenichnuk A. Kh., 2000. P. 30).

² Описание и реконструкция Д. В. Мещерякова.

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 06-06-80175

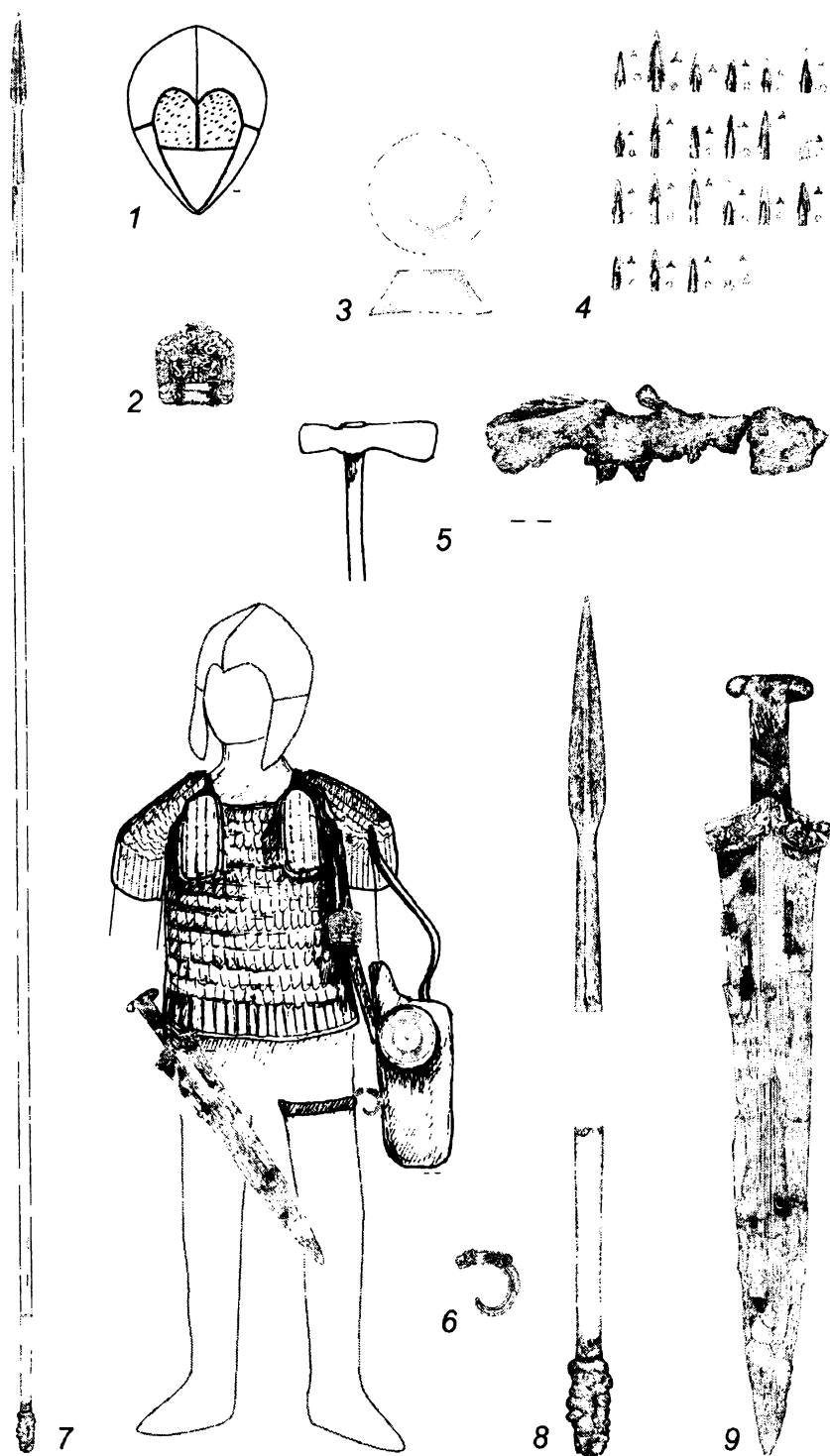

Рис. 9. Документальные воинские аксессуары и реконструкция воинского снаряжения.
 1 – железный шлем; 2 – портупейная пряжка; 3 – золотой умбон горита; 4 – бронзовые наконечники стрел;
 5 – железный клевец; 6 – серебряный колчанный крюк; 7 – масштабная реконструкция копья;
 8 – металлические детали копья; 9 – железный меч

Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья

В данной работе представлены как уже известные, так и вновь выявленные образцы клинкового оружия из Южного Зауралья¹. Повторное обращение к введенным в научный оборот мечам и кинжалам связано с тем, что некоторые из них были опубликованы в малодоступных изданиях, иногда с некоторыми погрешностями в прорисовках, либо без соответствующих описаний.

Кинжал из кургана 1 могильника Кирса. Могильник находится на левом берегу реки Кирса (левый приток реки Малый Кизил) в 3,9 км к ЮВВ от ее устья, в 4,8 км к ЮЮВ от центра села Кирса Верхнеуральского района Челябинской области. В сильно разрушенной грабителями мо-

гильной яме, помимо многочисленных костей человека и животных, найдены железный кинжал, четыре бронзовых наконечника стрел (рис. 1) и фрагменты трех круглодонных сосудов с примесью талька в тесте.

Клинок кинжала сохранился плохо, особенно последняя его треть, которая распалась на мелкие чешуйки. От остальной сильно расслоившейся части клинка сохранилась только сердцевина. Сохранность перекрестия, рукояти и навершия удовлетворительная.

У кинжала широкое почковидное перекрестие, плоская прямая рукоять и уплощенное брусковидное навершие. Клинок, представленный двумя крупными фрагментами, имеет линзовидное сечение.

Рукоять в сечении подпрямоугольная с прямыми параллельными длинными и скругленными короткими гранями. Навершие в сечении подпрямоугольное с прямыми параллельными длинными и скругленными короткими гранями. Перекрестие в сечении также имеет прямые параллельные длинные и скругленные короткие грани.

Размеры кинжала. Общая длина сохранившейся части – 32,5 см. Ширина клинка у перекрестия – 4,4 см. Рукоять: длина – 7,5 см, ширина – 2,8 см, толщина – 0,6–0,7 см. Навершие: высота – 1,5–1,7 см, ширина – 4,6–4,7 см, толщина – 1,0 см. Перекрестие: высота 2,5 см в центре и 3,4–3,7 см по краям, максимальная ширина – 5,4 см, толщина – до 0,7 см.

Кинжал из села Варна (рис. 2, 1). Хранится в местном краеведческом музее. В. А. Булдашов приводит следующее его описание: «Точное место находки неизвестно, хотя вероятнее всего – территория Варненского района. Общая длина кинжала составляет 32,5 см, в том числе лезвие – 22 см.

И рукоять и клинок изготовлены из одной полосы железа, перекрестие – из двух пластин, скрепленных парой клепок. Поверхность изделия покрыта плотными железными окислами черного цвета. Форма перекрестия – бабочковидная, клинок – вытянуто-треугольной формы, которую,

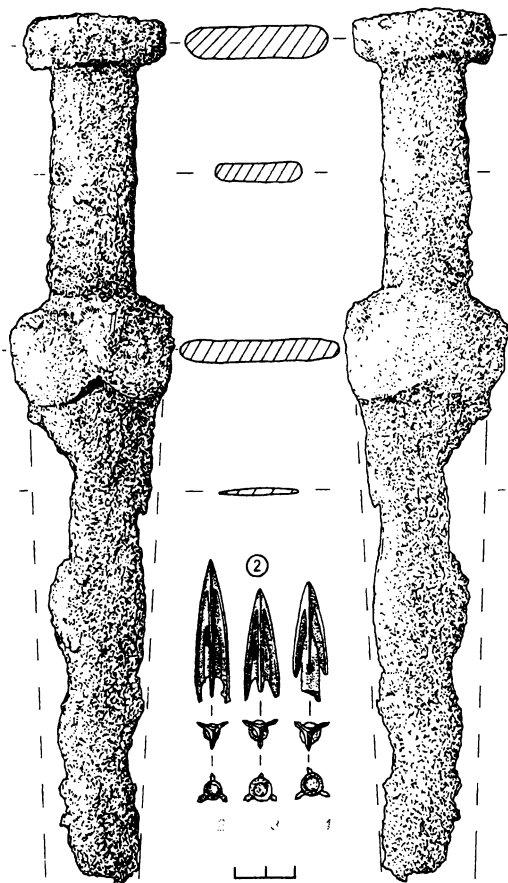

Рис. 1. Комплекс находок из кургана 1 могильника Кирса. 1 – железо; 2–4 – бронза

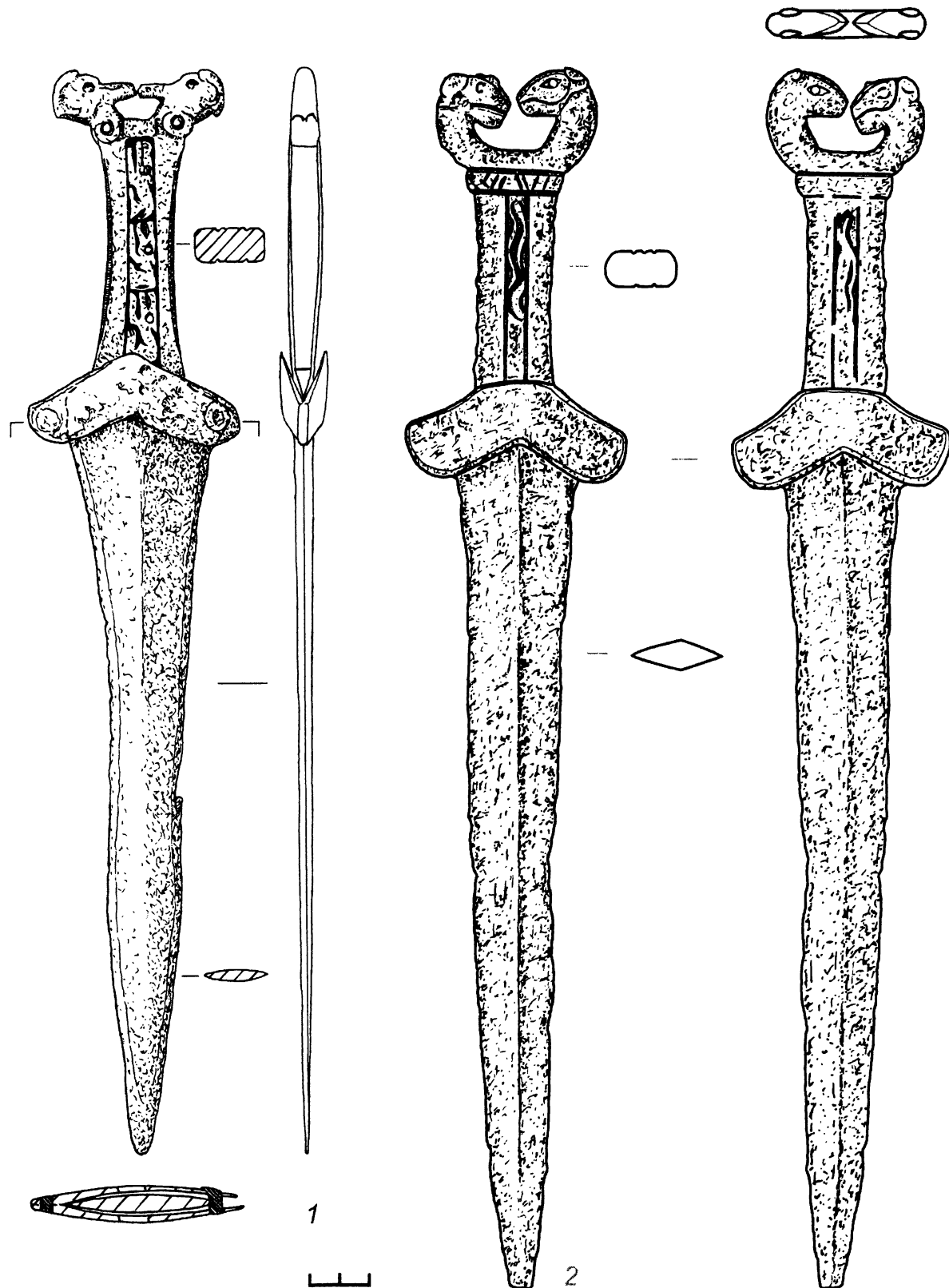

Рис. 2. Железные кинжалы из Южного Зауралья.
 1 – село Варна; 2 – село Долгодеревенское

возможно, придала ему позднейшая заточка. Рукоять кинжала прямоугольная в сечении, по всей ее длине на обеих сторонах проходит полоска углубления с тремя гравированными профильными изображениями животных, расположенных в ряд. Нам представляется, что в данном случае мы имеем дело со стилизацией волка, судя по признакам, характерным в зверином стиле для этих животных: оскаленная пасть, хорошо обозначенный нос, острые, прямоугольные, плотно прижатые уши. Зооморфное навершие, венчающее пятачок рукоятки, исполнено в виде двух противопоставленных головок животных, сохранность которых не позволяет точно определить изображаемый образ. ...Время существования кинжала V в. до н. э.» (Булдашов В. А., 1995. С. 35, 36).

Навершие такого типа на кинжале, найденном на берегу реки Уршак в Башкирии, по мнению В. С. Горбунова и Р. Б. Исмагилова, «трактуют в виде двух повернутых друг к другу затылками птичьих голов» (Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976. С. 241. Рис. 1, 11). На этом кинжале, также как и на кинжале из села Варна, на верш рукояти, по ее краям, помещена пара круглых птичьих глаз.

Следует отметить, что достаточно узкое перекрестие данного кинжала имеет практически одинаковую по всей длине ширину. По своей форме оно близко к «сломанному под тупым углом». От последнего его отличают только сильно скругленные окончания. Пластины составляющие перекрестие соединены не кузнечной сваркой, что характерно для абсолютного большинства кинжалов савромато-сарматского времени, а клепкой. Причем, одна из клепок проходит через раскованную часть клинка. Не исключено, что данное перекрестие изготовлено позднее взамен утраченного. В настоящее время клинок имеет линзовидное сечение, что, возможно, является результатом позднейшей заточки.

Размеры кинжала. Общая длина – 32,5 см. Клинок: длина – 21,4 см, ширина у перекрестия – 4,8 см, толщина у перекрестия – 0,6 см. Рукоять: длина – 7,4 см, ширина – 2,1–2,8 см, толщина – 0,8–1,1 см. Перекрестие: длина – 6,7 см, ширина – 1,7–1,9 см. Навершие: высота – 1,7 см, ширина – 5,4 см, толщина – до 1,0 см.

Кинжал из села Долгодеревенское (рис. 2, 2). Найден в окрестностях села при распашке поля. Хранится в фондах Челябинского областного краеведческого музея. В. А. Булдашов дает следующее его описание². «Железный кинжал длиной 37 см, из которых клинок составляет 24,5 см. Все изделие сработано из одной полосы, за исключением

приваренного перекрестия. Поверхность покрыта черными окислами железа. Клинок удлиненно-треугольной формы со слабо выраженным ребром жесткости. Перекрестие бабочковидное, сильно корродированно. Рукоятка овальная в сечении, в середине – желобок, в который с обеих сторон вписано рельефное стилизованное изображение змейки. В основании зооморфного навершия выделена полоса, охватывающая рукоять, украшена рельефным зигзагом. Само навершие исполнено в виде двух противостоящих головок животных с хорошо различимыми каплевидными глазами, круглыми ушами и пастью от кончика морды до уха. В изображении ясно читается образ кошачьего хищника... По совокупным признакам... данный образец может быть ... датирован V в. до н. э.» (Булдашов, В. А., 1995. С. 36).

Клинок кинжала ромбовидный в сечении, постепенно сужающийся к острию. Центральная часть рукояти выделена двумя параллельными неглубокими желобками, между которыми находится изображение «змейки». Между зооморфным навершием и рукоятью помещена колодочка, выделенная двумя параллельными неглубокими желобками. Колодочка украшена разнонаправленными косыми насечками.

Размеры кинжала. Общая длина – 35,9 см. Клинок: длина – 24,8 см, ширина у перекрестия – 3,8 см. Перекрестие: длина – 6,9 см, ширина – 1,9 см. Рукоять: длина – 5,8 см, ширина – 2,3–2,6 см, толщина – 1, 1 см. Колодочка: высота – 0,5 см, ширина – 2,8–3,0 см. Навершие: высота – 2,8–3,1 см, ширина – 5,0 см, толщина – 0,8–0,9 см.

Кинжал из кургана Котлик. Окрестности села Котлик Пластовского района Челябинской области³. В середине 80-х годов XX века в Челябинский областной краеведческий музей поступил комплекс предметов из разрушенного кургана: железные кинжал, нож, крючок-застежка, два бронзовых наконечника стрел (рис. 3). Комплекс кургана датирован V веком до н. э. (Таиров А. Д., 1995. С. 115).

Навершие кинжала, отделенное от рукояти узкой рельефной колодочкой, выполнено в виде пары противопоставленных головок ушастых грифонов с круто загнутыми вниз клювами. Круглые уши слегка выступают из головы (рис. 3, 1).

Рукоятка короткая рубчатая с тремя валиками с одной стороны и двумя валиками, разделенными широким желобком, с другой. Перекрестие бабочковидное. Клинок с параллельными друг другу лезвиями дает в сечении узкоромбическую фигуру.

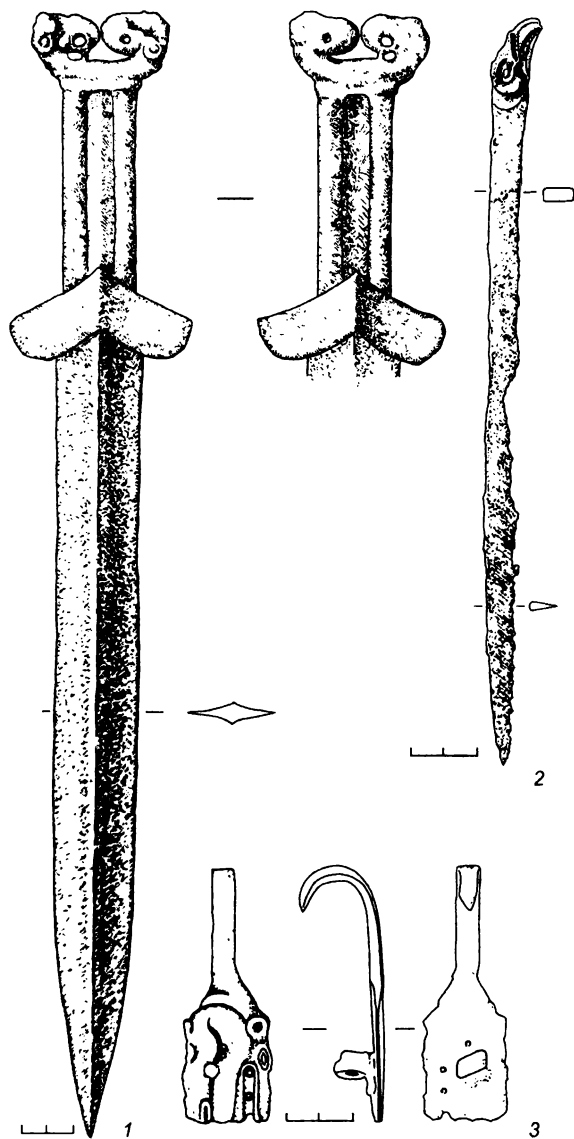

Рис. 3. Комплекс находок из кургана Котлик.
1–3 – железо

Размеры кинжала. Общая длина – 39 см. Клинок: длина 26,7 см, ширина у перекрестия – 3,2 см, в средней части – 3,0 см, толщина в средней части – 0,8 см. Рукоять: длина – 7,0 см, ширина – 2,6 см. Перекрестие: длина – 6,6 см, ширина – 1,9 2,1 см. Колодочка: длина – 2,9 см, высота – 0,4–0,5 см. Навершие: ширина – 5,0 см, высота – 2,3 см.

Железный узкий однолезвийный нож без выделенной рукояти (рис. 3, 2). Общая длина 21,2 см, ширина лезвия и рукояти 0,9–1,1 см. Лезвие в сечении клиновидное, рукоять – прямоугольная. Конец рукояти оформлен в виде головки грифона с подчеркнутой восковицей и выпуклым глазом.

Железный крючок-застежка с зооморфными изображениями на щитке в стиле «головоломки» (рис. 3, 3). Голова и передняя нога лошади являют-

ся, одновременно, сильно изогнутым туловищем хищника с сомкнутыми передними и задними ногами и прижатой к ним головой с длинной оскаленной пастью, овальным глазом и круглым ухом. Последнее, в свою очередь, является глазом птицы, изогнутый клюв которой лежит поверх шеи лошади. На оборотной стороне щитка – круглая наклонная петля.

Кинжал из Чебаркульского музея (рис. 4). Найден на крайнем юге Чебаркульского района Челябинской области. Хранится в Чебаркульском краеведческом музее⁴.

Весь кинжал выкован из одной полосы металла. Сохранившаяся часть клинка имеет линзовидное сечение. С обеих сторон клинок орнаменти-

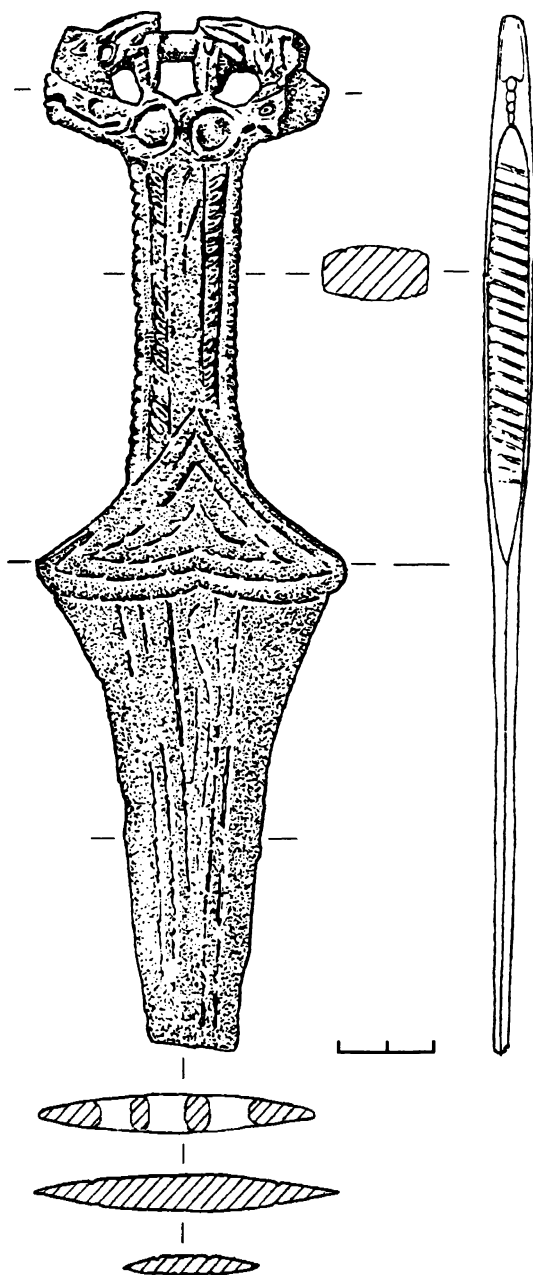

Рис. 4. Железный кинжал из Чебаркульского музея

рован прочеканенными прямыми параллельными линиями, сходящимися к острию.

Роль подтреугольного «перекрестия» выполняет раскованная верхняя часть клинка. На ней, а также на нижней части рукояти, помещено изображение трех вписанных друг в друга треугольников, обращенных острым углом вверх и образованных прочеканенными линиями. Боковые грани треугольников слегка вогнутые, нижняя – состоит из двух пологих дуг. В середине центрального треугольника прочеканены две соединяющиеся сверху дуги, которые в целом параллельны боковым сторонам треугольников.

Рукоять кинжала имеет подпрямоугольное сечение. Ее боковые грани рассечены глубокими наклонными параллельными желобками, создающими ребристую поверхность. У краев фронтальных поверхностей рукояти помещены орнаментированные полосы. Они образованы двумя параллельными желобками, пространство между которыми заполнено изображениями овала с прямой линией по его длинной оси, размещенными наклонно, параллельно друг другу. Между полосками орнамента просматриваются фрагменты прочеканенных линий.

Навершие кинжала относится к типу когтевидных. Оно трактовано в виде пары когтистых лап в три изгиба, соединенных между собой поперечной перекладной. В основании каждой лапы изображены глаза в виде двойных кружочков.

Размеры кинжала. Общая длина сохранившейся части – 21 см. Клинок: длина сохранившейся части – 9,1 см, ширина у «перекрестия» – 5,7 см, толщина у перекрестия – 0,5 см. Рукоять: длина – 6,5 см, ширина – 2,2–2,6 см, толщина 0,9–1,1 см. «Перекрестие»: длина – 6,4 см, ширина – 3,9 см, толщина – 0,5–1,0 см. Навершие: высота – 2,9 см, ширина – 5,9 см, толщина – 0,5–0,9 см.

Кинжал из поселка Павловский (рис. 5, 1). Найден на берегу небольшого водоема к северу от поселка Павловский Брединского района Челябинской области⁷. Сохранность его удовлетворительная. После обнаружения оба лезвия клинка по всей их длине были подвергнуты двухсторонней заточке. Особенно сильно сточена его нижняя треть, где заточке подвергнуты не только лезвия, но и сам клинок. На одной из сторон клинка, у перекрестия, фиксируется след абразивного круга в виде глубокого желобка. На этой же стороне абразивом снята грань на конце перекрестия. В верхней части рукояти, близ навершия, имеется узкий треугольный в сечении желобок шириной 0,1 см, пересекающий плоскость рукояти наклонно слева направо. Очевидно, это след рубки зубилом, однако о времени ее ничего определенного сказать не представляется возможным, так же как и о следах на одной из боковых граней рукояти между желобком и навершием. Кинжал выкрашен краской в черный цвет.

Клинок первоначально, вероятно, был более длинным, чем в настоящее время, с почти параллельными друг другу лезвиями. В сечении он ромбовидный с двумя узкими треугольными канавками в центре каждой стороны.

Рукоять узкая, гладкая, прямоугольная в сечении. Короткое узкое навершие относится к типу прямых. Однако концы его слегка изогнуты в раз-

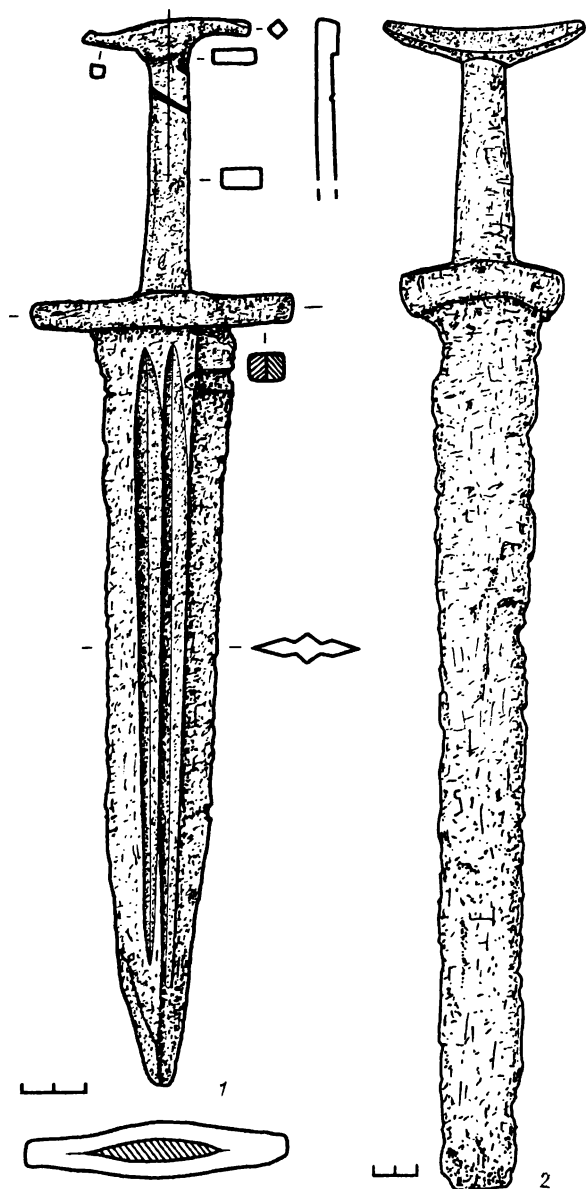

Рис. 5. Случайные находки железных кинжалов из Южного Зауралья. 1 – поселок Павловский; 2 – Кунашакский район

ные стороны в вертикальной плоскости, что придает ему S-видную форму. Причем один из концов еще дополнительно повернут на 90 градусов в горизонтальной плоскости. По словам находчика О. Ю. Красильникова, навершие кинжала после его обнаружения не подвергалось никаким механическим воздействиям. Боковые грани рукояти плавно переходят в навершие. На одной из продольных сторон кинжала навершие отделено от рукояти узкой колодочкой, составляющей с навершием единое целое как по толщине, так и по оформлению. Колодочка и перекрестие на этой стороне кинжала возвышающейся над плоскостью рукояти на 0,1–0,15 см. На другой продольной стороне рукоять никак не отделена от навершия и плоскость рукояти совпадает с плоскостью навершия. В сечении концы навершия квадратные, середина – прямоугольная. Перекрестие прямое, узкое, на окончаниях квадратное в сечении.

Клинок, рукоять и перекрестие кинжала выкованы из одной полосы металла. Перекрестие насажено позднее. Оно изготовлено из одного согнутого пополам прямоугольного в сечении прутка, или из двух отдельных одинаковых по размерам и сечению прутков. Заготовка перекрестия одевалась на верхнюю часть клинка, прикрывая его плечики, и скреплялась кузнечной сваркой (в настоящее время перекрестие подвижно относительно клинка).

Размеры кинжала. Общая длина – 31,8 см. Клинок: длина – 22,3 см, ширина у перекрестия – 4,1 см, толщина – 0,8 см. Перекрестие: длина – 7,6 см; ширина – 0,8–1,0 см, толщина – 0,8–1,7 см. Рукоять: длина до колодочки на перекрестии – 7,3 см; ширина – 1,2–1,4 см; толщина – 0,5–0,7 см. Перекрестие: длина – 4,9 см, ширина – 0,4–1,0 см, толщина – 0,5–0,6 см.

Меч из Кунашакского района (рис. 5, 2). Случайная находка на территории Кунашакского района Челябинской области. Более точное место об-

наружения меча, а также место его хранения неизвестны. В руки археологов попала лишь фотография изделия, предоставленная владельцем антикварного салона.

Меч имеет длинный, широкий, плавно сужающийся, линзовидный (?) в сечении клинок, конец которого утрачен. Рукоять, овальная в сечении, расширяется от слабо изогнутого серповидного навершия к дуговидному перекрестию. Клинок и рукоять меча выкованы из одной полосы металла. Навершие и перекрестие изготовлены отдельно. Навершие, вероятно, имеет в сечении подтреугольную форму.

Размеры меча. Общая длина сохранившейся части – 50,8 см. Клинок: длина сохранившейся части – 38,6 см, ширина у перекрестия – 4,5 см, на окончании – 3,4 см. Рукоять: длина 8,8 см, диаметр – 2,0–2,8 см. Навершие: длина – 8,9 см, ширина – 0,6–1,7 см. Перекрестие: длина – 7,3 см, ширина – 1,7–1,9 см.

Примечания:

¹ Выражаю признательность С. Г. Боталову, Н. Б. Виноградову, С. Ю. Гуцалову, Н. О. Ивановой за любезно предоставленные мне материалы.

² В публикации В. А. Будашова (1995. С. 36) этот кинжал обозначен как «кинжал из с. Миасское». Однако в архивах автора место его находки обозначено как село Долгодеревенское Сосновского района Челябинской области. Под этим названием рисунок кинжала и опубликован в ряде работ (Таиров А. Д., 2000а. Рис. 49, 2; 2004. Рис. 7, 69).

³ Первая публикация кинжала (Таиров А. Д., 1995. С. 115, 116; см. так же: Таиров А. Д., 2000а. Рис. 53)

⁴ В первой публикации кинжала (Таиров А. Д., 2004. Рис. 7, 67) его местонахождение ошибочно указано как «случ. нах. у с. Миасское».

⁵ Благодарю О. Ю. Красильникова за предоставленную мне возможность публикации данной находки.

Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья

В современной научной литературе военному делу кочевников раннего железного века Евразии уделено большое внимание. На данный момент сложились типологические схемы и хронологические шкалы, определен ареал распространения различных образцов оружия кочевников. В то же время вводимые в научный оборот новые материалы позволяют постоянно уточнять и дополнять уже имеющиеся сведения по различным категориям наступательного и оборонительного вооружения, а также военному делу кочевников Южного Приуралья VII в. до н. э. – IV в. н. э.

Наименее изученной категорией вооружения являются колчаны и гориты ранних кочевников, что обусловлено, как правило, их неудовлетворительной сохранностью в погребениях.

Прежде чем перейти непосредственно к теме исследования, следует разобраться с терминологией: что такое колчан и что такое горит? Согласно устоявшейся традиции, под колчаном подразумевается футляр для хранения и транспортировки стрел (Трубников С. В., 2001. С. 134.). Горит же использовался для хранения и ношения не только стрел, но и самих луков преимущественно кочевниками, в основном скифами. (Трубников С. В., 2001. С. 141; Советская энциклопедия, 1988. С. 325)¹. Наибольшее число известных горитов приходится на находки именно из скифских погребений VI–IV веков до н. э. По мнению Е. В. Черненко, горит как футляр для хранения и ношения лука и стрел состоял на вооружении основной массы скифских воинов и был у них более популярен, нежели колчан (Черненко Е. В., 1981. С. 29).

Находки горитов или их изображений на территории расселения других кочевых племен раннего железного века известны, но крайне малочисленны. Так, В. Н. Васильев в своей монографии по вооружению и военному делу кочевников Южного Урала приводит данные всего лишь о трех случаях находок горитов VI–IV вв. до н. э. или их изображений на указанной территории (Васильев В. Н., 2001. С. 24. Рис. 1, 1–3).

На стеле из Большого Гумаровского кургана (рис. 1, 1) изображенный горит имеет подтрапециевидную форму, расширяющуюся в верхней части, с четко выделенным отсеком для лука (Исмагилов Р. Б., 1987. С. 89). На костяной figurке всадника из кургана 3 Филипповского могильника (рис. 1, 3) (Золотые олени Евразии, 2003. С. 27) горит имеет подпрямоугольную форму со скопленным нижним концом, верхняя его часть оформлена в виде волнистой линии. В. Н. Васильев отмечал, что, как и на изображениях скифских горитов, лук на приуральских изображениях выступает из футляра примерно на одну треть своей длины. В то же время, на этих горитах отсутствует боковой кармашек для стрел, а сами стрелы закрыты верхней частью горита по самое оперенье (Васильев В. Н., 2001. С. 24).

Интересные данные о конструкции горита приуральских кочевников первой половины IV века до н. э. были получены С. В. Богдановым в ходе раскопок погребения 3 Линевского одиночного кургана в Илекском районе Оренбургской области в 1988 году. Находившийся у кисти левой руки покойного горит (рис. 1, 5) представлял собой прямоугольную каркасную конструкцию из округлых в сечении деревянных плашек толщиной 2–3 см. Каркас был обтянут кожей, прошитой по углам зигзагообразным швом. Длина горита составляла около 40 см, ширина – около 20 см, толщина – 7–12 см. Состоял он из двух частей: передней – отделение для стрел, представлявшее собой кожаный короб на деревянном каркасе, и задней – кожаный мешок, в котором помещался лук. От самого лука сохранился фрагмент изогнутой формы длиной 40 см брусковидный в сечении (Богданов С. В., 1989. С. 23; Мещеряков Д. В., 1997. С. 47, 61. Рис. 7, 1; Васильев В. Н., 2001. С. 24. Рис. 1, 3).

Очевидно, горитом того же типа, но несколько иной конструкции следует считать аналогичную находку в погребении 7 кургана 7 Мечетсайского могильника (рис. 1, 6). Горит лежал вдоль левой руки и бедра погребенного. Внутри нахо-

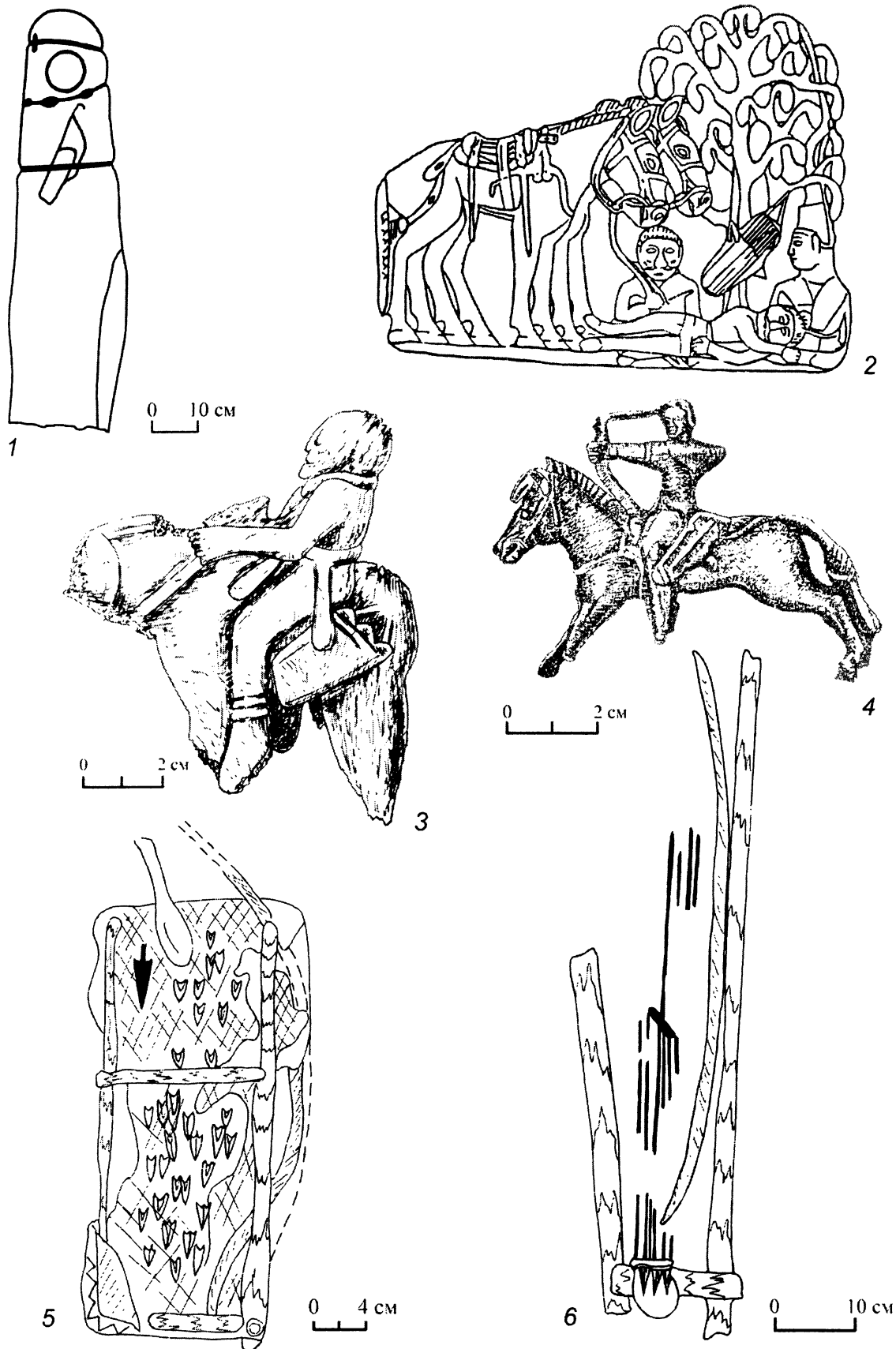

Рис. 1. Гориты ранних кочевников Евразии.

1 – фрагмент стелы; 2 – поясная пластина; 3, 4 – фигурки всадников; 5, 6 – каркасные гориты. 1 – Гумарово, курган 1 (по Р. Б. Исмагилову); 2 – Сибирская коллекция Петра I (по С.И. Руденко); 3 – Филипповка, курган 3, погребение 1 (по А. Х. Пшеничнюку); 4 – Алматы (по Г. С. Джумабековой); 5 – Линецкий одиночный курган (по С.В. Богданову); 6 – Мечетсай, курган 7, погребение 7 (по К. Ф. Смирнову)

дился деревянный лук в виде слегка изогнутого целого бруска с заостренными концами длиной 75–80 см и десять стрел, наконечники которых помещены в кожаный мешочек. Судя по рисунку, длина горита составляла не менее 80 см (Смирнов К. Ф., 1975. С. 120. Рис. 42, 1).

В ходе раскопок последних лет, проводимых Оренбургской археологической экспедицией под руководством Н. Л. Моргуновой², были получены новые данные, позволяющие уточнить некоторые детали конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья.

Кожаный горит IV в. до н. э. обнаружен в погребении 3 кургана 7 могильника Шумаево I (рис. 2, б). Он находился у правой руки погребенного. Его длина вместе с сохранившимися древками составляла 24 см, ширина – 10–12 см, толщина – 6 см. Горит сшит из кусков шкуры крупного рогатого скота мехом наружу. Швы соединены суровыми скрученными нитками. Каркас горита двухслойный. Верхний слой скроен из трех больших кусков шкуры. Фигурные вставки отдельных кусочков кожи, вшитые нитками, образовывали своеобразный рисунок на лицевой поверхности и торцевых частях колчана. Дно выкроено из целого куска шкуры 6×12 см и выложено войлоком (?). Второй слой представлял собой хорошо выделанную цельную эластичную кожу от стенки желудка крупного рогатого скота.

Горит имел два кармана, разделенных перегородкой, выкроенной из целого куска шкуры, пришитой волосьям покровом вниз. Первый карман (по порядку разбора) шириной 3–4 см содержал 42 бронзовых наконечника и три цельнодеревянных стрелы. Второй карман имел ширину не менее 2 см. В нем находился обмотанный лентами животного происхождения (шерсть, кожа) деревянный лук (рис. 2, 7), семь бронзовых наконечников стрел, костяная ложечка и три свернутых в трубочку кусочка коры. Внутри каждой трубочки были завернуты деревянные палочки: три – круглые в сечении, диаметром 0,6 см, и одна – квадратная в сечении.

Нижний слой горита сшит из трех кусков шкуры. В нижней части горита, с обратной стороны, вероятно, находился небольшой отдельный карман прямоугольной формы (6,5×8,5 см), в котором лежали зерна конопли (Моргунова Н. Л., 2001. С. 24–26; Моргунова Н. Л. и др., 2003. С. 53–58. Рис. 36).

Вполне вероятно, что горитом являлся и прямоугольной формы колчан, обнаруженный у левого бедра костяка 2 погребения 12 кургана 9 могиль-

ника Шумаево II (табл. 1). Горит изготовлен из лубяных или деревянных планок с использованием шкуры животного с шерстью. Его длина составила 35 см, ширина – 15 см. Внутри находились 38 бронзовых и 15 железных наконечников стрел, фрагменты деревянного лука и железный прямой односторонний нож (Моргунова Н. Л., 2002. С. 59. Рис. 242, 254; Моргунова Н. Л. и др., 2003. С. 155–157. Рис. 94; 95).

Еще один горит происходит из погребения 2 кургана 1 могильника Акоба II (рис. 2, 1). В нем было четыре отделения-кармана. Хорошо сохранилась нижняя его четверть размером 12×14 см. Лицевая сторона этого горита состоит из пяти полос шкуры шириной по 3 см, сшитых волосьям покровом наружу, параллельно друг другу. Между собой полосы сшиты изнутри шерстяными скрученными нитками. Внутренние стенки отделов скроены из целых кусков выделанной эластичной кожи без меха. Дно горита было двухслойным и имело каплевидную форму размерами 7×11 см. Заостренная сторона куска дна сшивалась с кусками кожи внутренних и внешних стенок горита. Таким образом, получалось, что одна боковая часть горита, сшитая из сложенных вместе кусков кожи всех отделов, сшивалась с куском донной части. Для лучшего скрепления получившийся шов был прошит сверху дополнительной полосой шкуры, внутри которой была проложена овальная в сечении деревянная планка диаметром 1×0,5 см, создающая ребро жесткости. Противоположная боковая сторона горита сшивалась изнутри из двух или трех полос шкуры мехом наружу (ее общая ширина составила 8 см). Внутренний кусок дна сшивался с остальной частью горита изнутри. Внешний кусок пришивался снаружи швом через край скрученными шерстяными нитками. Между внешним и внутренним кусками дна проходил кожаный шнур толщиной 3×5 мм.

Первый карман горита содержал 11 бронзовых наконечников стрел. Во втором находились два костяных (рис. 2, 2) и 137 бронзовых наконечников стрел. Третий карман содержал разложившиеся фрагменты кожи и растительную труху. В четвертом по счету кармане находились два фрагмента концевых частей лука длиной 9,5 и 7 см и толщиной 2 см (рис. 2, 3, 4). Некоторые детали конструкции лука удалось восстановить. Центральная его часть состояла из двух соединенных вместе деревянных пластин, овальной в сечении формы диаметром 6×13 мм, обмотанных по спирали кожными лентами. Поверх лент наклеена выделанная шкура животного, мехом наружу с перпендикуляр-

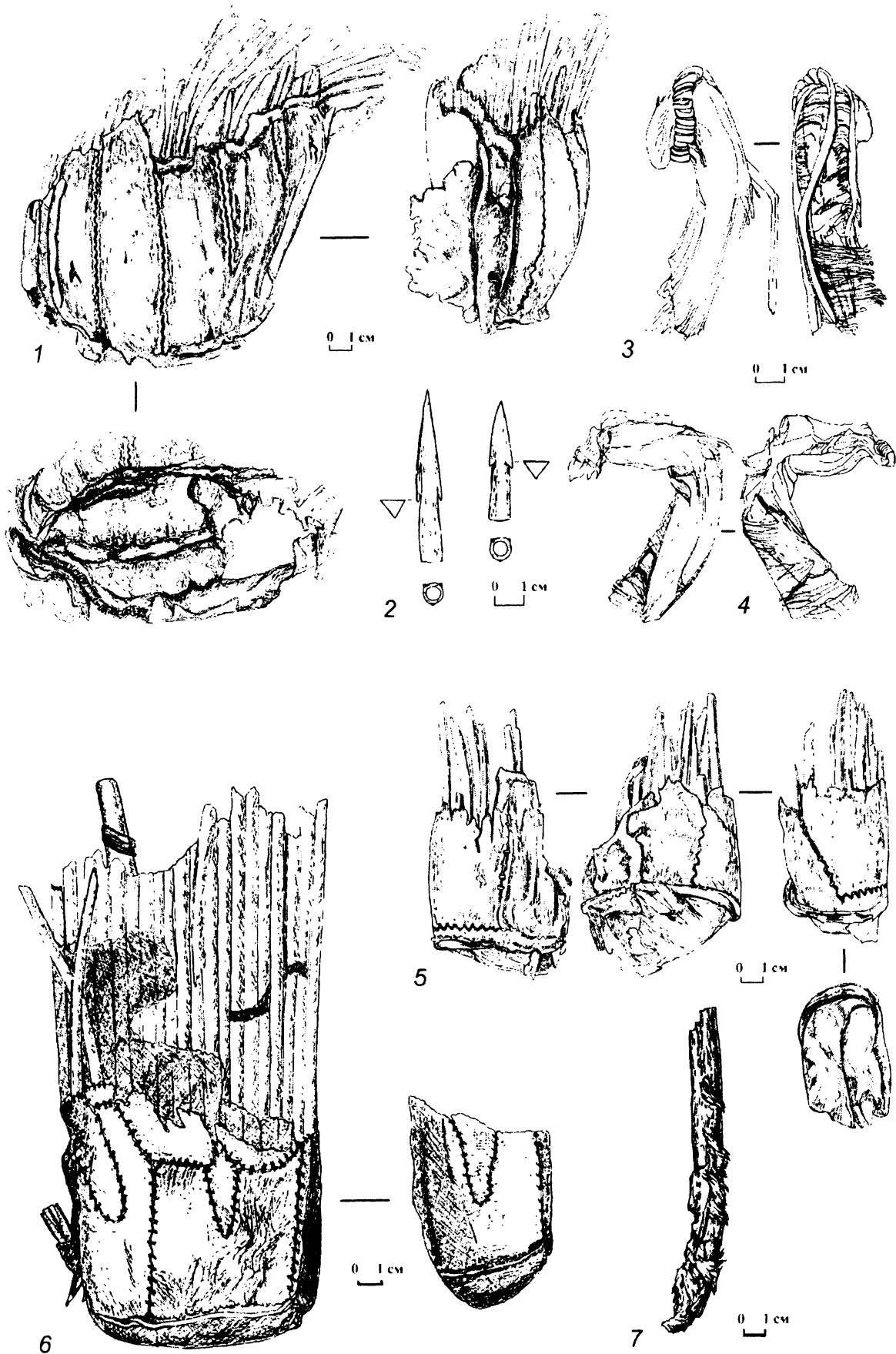

Рис. 2. Остатки горитов, колчанов и луков в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья.
 1 – фрагмент горита; 2 – костяные наконечники стрел; 3, 4, 7 – концевые фрагменты лука; 5 – фрагмент колчана; 6 – горит. 1–5 – Акоба II, курган 1, погребение 2; 6, 7 – Шумаево I, курган 7, погребение 3

ным расположением направления волокон относительно кожаных лент. На концах лука имелись выступы длиной по 2 см и диаметром 1,3 см для крепления тетивы. Хорошо сохранился фрагмент тетивы, закрепленный за один из выступов (Моргунова Н. Л., 2006. С. 34. Рис. 194–196).

В основном гориты располагались слева от погребенных, что полностью соответствует представлению о способе их ношения именно на левой стороне. Исключением являются гориты лежавшие справа из Линевского одиночного кургана и могильника Шумаево I.

Правостороннее расположение горита или колчана в погребениях кочевников Южного Приуралья К. Ф. Смирнов связывал с хорезмийской традицией (Смирнов К. Ф., 1961. С. 35). В данном случае, мы солидарны с мнением В. Н. Васильева о том, что оружие кочевники носили так, как им было удобно (Васильев В. Н., 2001. С. 26). Возможно, воины с правосторонним размещением горитов и колчанов были левшами и такой способ ношения являлся наиболее приемлемым для них. Косвенным доказательством этого предположения может служить тот факт, что расположение колчана или горита справа от покойного встречается в погребениях Южного Приуралья реже, чем случаи их левостороннего нахождения.

Все найденные гориты по особенностям конструкции и материалам изготовления можно разделить на несколько типов (*табл. 1*).

Тип I представлен деревянными каркасными конструкциями, кожаная обшивка которых образует карманы для лука и стрел. К данному типу относятся гориты из Линевского одиночного кургана и могильников Мечетсай и Шумаево II. Тем не менее, несмотря на общее сходство, в их конструкциях имеется ряд отличий. Во всех перечисленных случаях, отделение для лука помещено за карманами, в которых хранились стрелы, но варьирует расположение этих карманов относительно самого каркаса, форма и размер каркаса.

Вариант 1 представлен находкой из Линевки (*рис. 1, 5*). Кожаный мешок для лука в этом горите размещен с обратной стороны прямоугольного деревянного каркаса, поэтому его правая сторона, не имеющая ребра жесткости, принимает форму помещенного в нем лука. Нижний край мешка крепился к донной планке каркаса таким образом, что концевая часть плеча лука не выходит за пределы этой части деревянной основы горита. Горит имел длину около 40 см, поэтому лук из него должен был выступать на одну треть, но в то же время, примерно на одну треть своей длины должны были быть откры-

тыми и стрелы. Очевидно, что именно этот вариант горита воспроизведен на стеле из Гумарово (*рис. 1, 1*). Отсутствие же прорисовки оперенных концов стрел можно объяснить схематичностью изображения.

К варианту 2 отнесены гориты из Мечетсай и Шумаево II. Они также представляют собой обшитый кожей деревянный каркас с пришитыми к нему кожаными карманами для лука и стрел, но все же отличаются по своему внешнему виду и конструкции от горита из Линевки. В обоих случаях деревянный каркас имеет трапециевидную форму. Отсек для стрел располагается с лицевой стороны горита, но мешок для лука прикреплен таким образом, что лук находится в пространстве ограниченном деревянной рамой со всех сторон (*рис. 1, 6*). Именно поэтому гориты этого типа имеют подпрямоугольную форму со скошенным нижним концом.

От горитов из Линевки и Гумарово гориты этого варианта отличаются несколько большими (60–80 см в длину) размерами и иным оформлением верхней части, поэтому стрелы полностью закрыты кромкой кожаного кармана. Подобный горит, видимо, изображен на костяной фигурке всадника из Филипповки (*рис. 1, 3*).

Возникает вполне закономерный вопрос: почему на изображенном горите стрелы полностью закрыты карманом, а лук выступает на одну треть своей длины, если согласно многочисленным исследованиям длина сарматских стрел составляла около 60 см (Смирнов К. Ф., 1961. С. 34; Мошкова М. Г., 1962. С. 208), а размеры лука в боевом состоянии – 60–65 см (Васильев В. Н., 2001. С. 24)? Можно предположить, что изображенный на костяной фигурке всадника лук не совсем «скифского» типа. Еще К. Ф. Смирнов предполагал, что длина савроматского лука могла достигать 80 см (Смирнов К. Ф., 1961. С. 32), а сарматский лук по форме отличался от хорошо известного сигмаобразного «скифского» сложного лука и имел длину не менее 75 см (Смирнов К. Ф., 1975. С. 163).

В данном случае, интересно отметить сходство горитов из Мечетсай, Шумаево II и Филипповки с изображением горита на фигурке конного лучника, украшавшей бронзовую курительницу, случайно найденную в ходе строительных работ на территории Алматы в 1979 году и датированной IV–III вв. до н. э. (*рис. 1, 4*). Горит представляет собой прямоугольный короб, правая сторона которого повторяет очертания плеч лука, низ его скруглен. Кармашка для стрел не видно, так же как и самих стрел. В то же время лук всадника довольно круп-

№ п/п	Памятник	Горит / колчан Кол-во отделений	Материал, особенности изготовления	Датировка	Колчаный крюк	Предметы в горите / колчане	Предметы в горите / колчане					
							На кончики стрел	Лук	Ко стьяна ложка	Нож	Семена	другое
Кожаные гориты на деревянном каркасе (тип I вариант 1)												
1	стела из Гумарово	горит, не менее 2-х отделений	изображение на каменной стеле	VII-VI вв. до н.э.				х				
2	Линевский одиночный курган, п. 3	горит, 2 отделения	кожа на деревянном каркасе	IV в. до н.э.		83	х	х				
Кожаные гориты на деревянном каркасе (тип I вариант 2)												
1	Филипповский могильник	горит, не менее 2 отделений	изображение на костяной фигурке всадника	IV в. до н.э.				х				
2	Мечетсай к. 7, п. 7	горит, 2 отделения	кожа на деревянном каркасе	IV-III вв. до н.э.	х	10	х					
3	Шумаево II к. 9, п. 12/2	горит	кожа + деревянные или дубовые планки	III в. до н.э.	х	53	х		х			
Кожаные гориты (тип II)												
1	Аюба II к. 1, п. 2	горит, 4 отделения	кожа + деревянное ребро жесткости	V в. до н.э.	х	150	х					
2	Шумаево I к. 7, п. 3	горит, 2 отделения	кожа	IV в. до н.э.	х	45	х	х			х	Деревянные палочки в берестяных трубочках
Колчаны с несколькими отделениями												
1	Аюба II к. 2, п. 1	колчан, 2 отделения	кожа	V в. до н.э.	х	73					х	
2	Новотроицк II к. 4, п. 2	колчан, 4 отделения	кожа	IV в. до н.э.		ок. 80						
3	Шумаево II к. 9, п. 14	колчан, 3 отделения	кожа + деревянные дощечки	III в. до н.э.		50						древки стрел
4	Яковлевка к. 3, п. 1	колчан, 3 отделения	кожа + кожа человека	IV в. до н.э.	х	188						

ного размера – около половины человеческого роста. Автор считает данный лук либо модернизированным вариантом «скифского», либо одним из вариантов более мощного и большего по размерам лука «гунского» типа (Джумабекова Г. С., 1998. С. 77, 78). Таким образом, если совместить изображение лука с изображением горита, он как раз будет выступать из него на одну треть своей длины.

Изображенный на алматинской курильнице горит отличается от горитов из Мечетсая, Шумаево II и Филипповки расположением мешка для лука относительно деревянного каркаса. На фигурке алматинского всадника этот мешок расположен, как и в горите из Линевки, за деревянным каркасом, поэтому его правая сторона повторяет очертания плеч лука.

Тип II представлен кожаными горитами из могильников Шумаево I и Акоба II, которые, тем не менее, при внешней своей схожести имеют незначительные конструктивные особенности, одна из которых заключается в наличии деревянного ребра жесткости в горите из Акобы. На наш взгляд, это различие не принципиально, поскольку внешний вид и конструкции обоих, в целом, идентичны. Внешне гориты данного типа, видимо, имели форму близкую к прямоугольной, с закругленной нижней частью. О том, как выглядела верхняя часть горитов достоверно утверждать нельзя, вследствие того, что эта часть в обоих случаях не сохранилась.

Видимо, гориты всех перечисленных типов были открытыми, так как застежки с клапанов, закрывающих карман со стрелами, широко известные в скифских древностях (Черненко Е. В., 1981. С. 36–41) и изредка встречающиеся у сарматов Нижнего Поволжья (Мошкова М. Г., 1963. Табл. 20, 15, 17), в сарматских погребениях Южного Приуралья не выявлены. Случаи находок украшений колчанов и горитов в Приуралье также достаточно редки.

Таким образом, отличие конструкции и оформления горитов приуральских кочевников от предметов аналогичного назначения в Скифии (Черненко Е. В., 1981. С. 29–93) очевидно, но в то же время наблюдается их определенное сходство с горитами саков Восточного Казахстана (Джумабекова Г. С., 1998. С. 72–78). Следует отметить, что у саков в употреблении, видимо, был и горит более сходный по конструкции со скифским. Так, горит прямоугольной формы с пришитым к нему карманом для стрел, близкий по своему устройству аналогичным находкам из Причерноморья, изображен на паре золотых пластин из «Сибир-

ской коллекции» Петра I (рис. 1, 2) (Древнее искусство, 1974. Илл. 61).

О хронологических рамках бытования того или иного типа горитов у кочевников Приуралья говорить еще рано в связи с относительной малочисленностью представленной серии находок. Тем не менее, приуральские изображения горитов и их находки в погребениях укладываются в хронологические рамки VII–III вв. до н. э., что практически соответствует датировке аналогичных скифских находок. Видимо, не следует ожидать находок горитов в погребениях кочевников позднее III века до н. э., по следующей причине.

Нам представляется, что появление горита как футляра для совместного хранения стрел и лука было тесно связано с возникновением и использованием лука именно «скифского» типа. Небольшой по размерам «скифский» лук было удобно носить в горите, подвешенным вдоль бедра. Фрагменты вариантов «скифского» лука найдены в горитах из Линевского одиночного кургана и могильников Шумаево I и Акоба II. Распространение более мощных и тяжелых луков приводит к появлению новых форм горитов, образцы которых представлены находками из Мечетсая и Шумаево II. Еще раз отметим, что лук, обнаруженный в Мечетсайском горите был, как и «скифский», сложносоставным, но отличался от него своей дугообразной формой и большими размерами. Следует признать, что 75–80 сантиметровой горит, из которого лук выступает на 25–30 см, носить на поясе не очень удобно. Поэтому горит, видимо, уже к концу III века до н. э. постепенно, выходит из употребления.

Складывается впечатление, что горит как средство хранения и транспортировки лука и стрел у приуральских «савромато-сарматов» был менее популярен, чем колчан и, видимо, налучье. Судя по материалам из погребений, колчаны существовали параллельно с горитами и также отличались разнообразием конструкций и используемых при их создании материалов. Примечательно, что в погребении 2 кургана 1 могильника Акоба II (V в. до н. э.) захороненный воин, кроме меча, копья и горита, был снабжен еще и колчаном с 20 стрелами, конструкцию которого удалось проследить (рис. 2, 5).

Колчан представлял собой расширяющийся кверху продолговатый двухслойный кожаный цилиндр. Внешний слой колчана состоял из нескольких кусков шкуры мехом наружу, сшитых между собой шерстяными скрученными нитками изнутри. Внутренний слой представлял собой хорошо

выделанную цельную эластичную кожу. Донная часть колчана была овальной и выкраивалась из отдельного куска шкуры, который сшивался со стенками снаружи. Изнутри его дно было выложено войлоком (Моргунова Н. Л., 2006. С. 30. Рис. 189–191).

Как правило, колчаны имеют одно отделение, предназначенное для стрел, но в приуральских погребениях известны и кожаные колчаны с большим (от 2-х до 4-х) количеством отделений (табл. 1). Такие колчаны очень схожи по своей конструкции с кожаными горитами, но, видимо, они уже изначально не были предназначены для хранения и ношения лука.

В. Н. Васильев при описании колчана из погребения 2 кургана 4 могильника Новотроицк II отмечает, что в каждом из 4-х кармашков находилось по 15–20 разнотипных наконечников стрел, а, следовательно, говорить о каком-то функциональном назначении каждого отсека будет неверно (Васильев В. Н., 2001. С. 25). В то же время, в каждом из трех отделений колчана из погребения 1 кургана 3 могильника Яковлевка в Башкирском

Зауралье стрелы были сгруппированы по размерам наконечников (Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. С. 67).

В целом, следует отметить, что детальный разбор конструкции колчанов ранних кочевников Южного Приуралья, а также анализ содержимого колчанов и горитов заслуживают отдельного изучения, результаты которого будут изложены в одной из последующих публикаций.

Примечания

¹ Синонимом греческого слова «горит», которое чаще употребляется в русском языке, является тюркское «саадак». Согласно определению В. Даля (Толковый словарь живого великорусского языка, СПб-М., 1882. С.126), саадак – это налучник, чехол на лук, обычно кожаный, тисненый, нередко убранный серебром, золотом, камнями, иногдашитый, бархатный. Встарь называли так и весь прибор: лук с налучником и колчан со стрелами (*Прим. ред.*).

² Выражаем глубокую признательность автору раскопок д. и. н. Н. Л. Моргуновой за возможность использования неопубликованных материалов.

Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н. э. (проблемы хронологии)

В предлагаемой работе рассматриваются мечи и кинжалы, происходящие как из погребальных комплексов, отождествляемых с савроматской культурой, так и представленные случайными находками с территории Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей и республики Калмыкии. Основная задача, которую поставил перед собой автор, попытаться проследить развитие этого вида оружия в рассматриваемое время. Выполнение поставленной задачи облегчается следующим обстоятельством: данную эпоху для евразийского степного пространства, частью которого является Нижнее Поволжье, принято называть скифской, характеризующейся рядом сходных черт в материальной культуре на обширном пространстве. Вооружение является составной частью так называемой «скифской триады», в которую входят еще предметы конской упряжи и искусства. Это дает возможность привлекать обширный круг аналогий с других территорий для уточнения времени существования нижеволжских находок оружия. В первую очередь это имеет отношение к собственно скифским памятникам Северного Причерноморья, где даты комплексов с оружием зачастую опираются на античный импорт, значительную роль в этом плане играют памятники скифского времени Кавказа.

Клинковое оружие в погребениях нижеволжских кочевников рассматриваемого времени по встречаемости стоит на втором месте после наконечников стрел, гораздо реже встречаются наконечники копий и совсем редко защитные доспехи. Мечи и кинжалы, представляющие собой массовые находки не только в Нижнем Поволжье, но и в других регионах, уже неоднократно являлись предметом изучения различных исследователей. Существуют вполне удовлетворительные их типологии, высказаны соображения по датировкам отдельных их типов. По этой причине я не ставлю перед собой задачу разработать новую их типологию.

Не вдаваясь подробно в историю разработки типологии этого вида оружия, отмечу, что пред-

ложенная в свое время в кандидатской диссертации (1950 г.) А. И. Мелюковой и опубликованная позже типология скифских мечей Северного Причерноморья (Мелюкова А. И., 1964. С. 47), принятая затем с некоторыми уточнениями К. Ф. Смирновым для мечей савроматской культуры (Смирнов К. Ф., 1961. С. 9), вполне удовлетворяет нашей задаче. В этой типологии более крупные группы (отделы) выделяются по форме наконечников. А. И. Мелюкова выделяла два отдела: 1) мечи с прямым, брусковидным или овальным наконечником и 2) с простым или зооморфным антенным наконечником. В типологии мечей, предложенной К. Ф. Смирновым, пять отделов: 1) с брусковидным наконечником, 2) с простым антенным наконечником, 3) с зооморфным наконечником, 4) без металлического наконечника 5) с плоским овальным наконечником. Оба исследователя выделяли типы по форме перекрестия: почковидное, бабочковидное, сердцевидное, ложнотреугольное. В качестве примера сошлюсь на имеющиеся в приложении к статье иллюстрации: почковидные перекрестия (рис. 1, 5; 2, 5, 6); бабочковидные (рис. 1, 6, 7 – ранние варианты; рис. 3, 4, 6–9 – поздние); сердцевидные (рис. 1, 8, 9); ложнотреугольные (рис. 4, 4, 6)

Предыдущие исследования клинкового оружия скифского времени позволили выделить ряд признаков, отдельные из которых определяют наиболее ранние, а другие более поздние его типы. В своей работе я попытался отойти от традиционного подхода рассмотрения вопросов формирования и развития этого вида оружия по отдельным типам. Сначала мной будет определено время существования каждого меча или кинжала вне зависимости от их группировки на типы. Затем будет выяснена специфика развития их формы, в какое время те или иные ее элементы появляются и в течение какого времени они существуют, сочетание каких признаков наиболее характерно для разных временных периодов.

И еще одно вводное замечание. В литературе, посвященной клинковому оружию скифского вре-

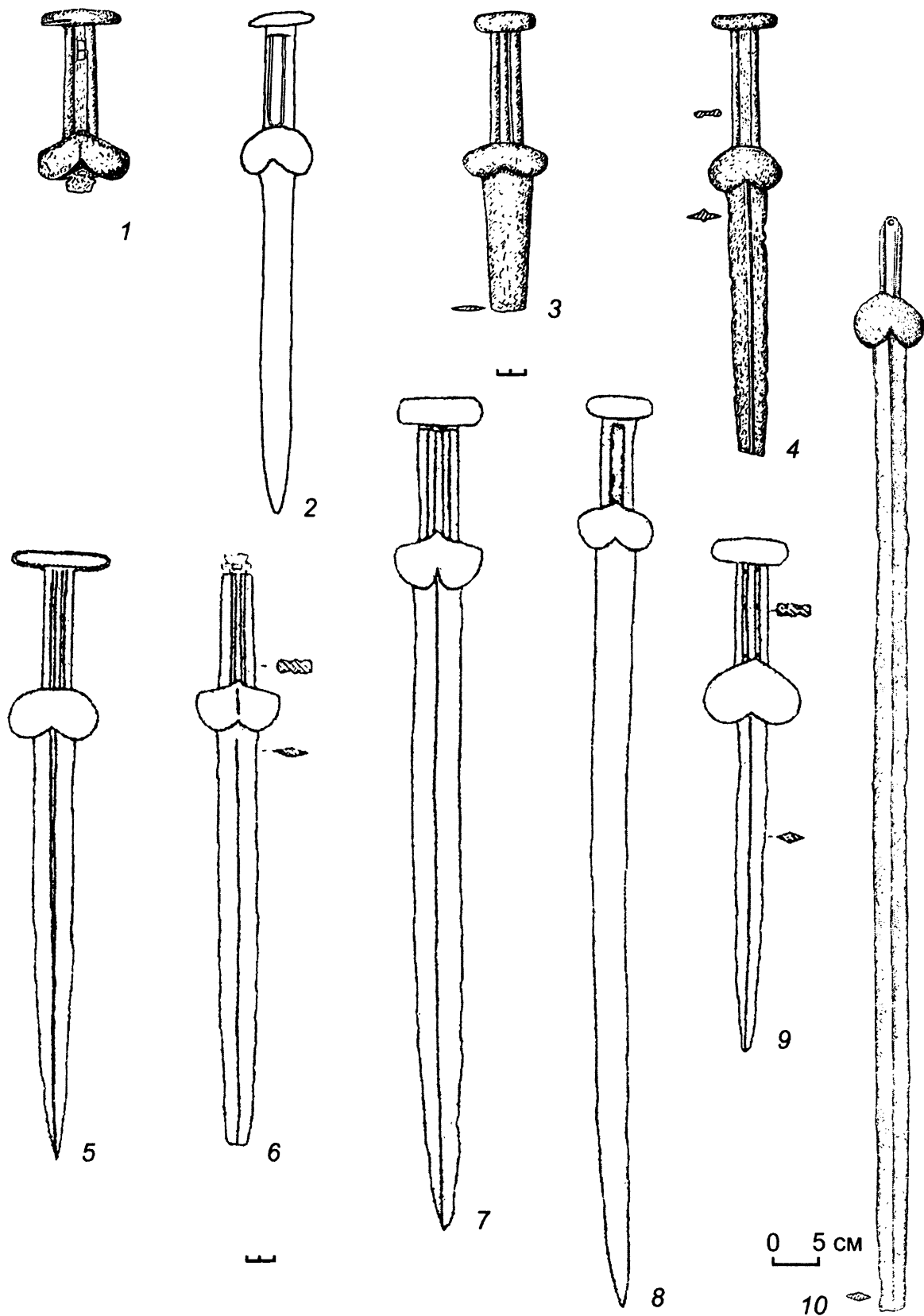

Рис. 1. Мечи и кинжалы Нижнего Поволжья (VII – первая половина VI вв. до н.э.).
 1 – Бугор Степана Разина; 2 – хутор Стеженский; 3 – Юловская волость, Вольский уезд;
 4 – село Средняя Липовка; 5 – село Мордовский Карай; 6 – Аркадакский музей; 7 – село Владыкино;
 8 – село Инясево; 9 – село Чиганак; 10 – Саратовский музей

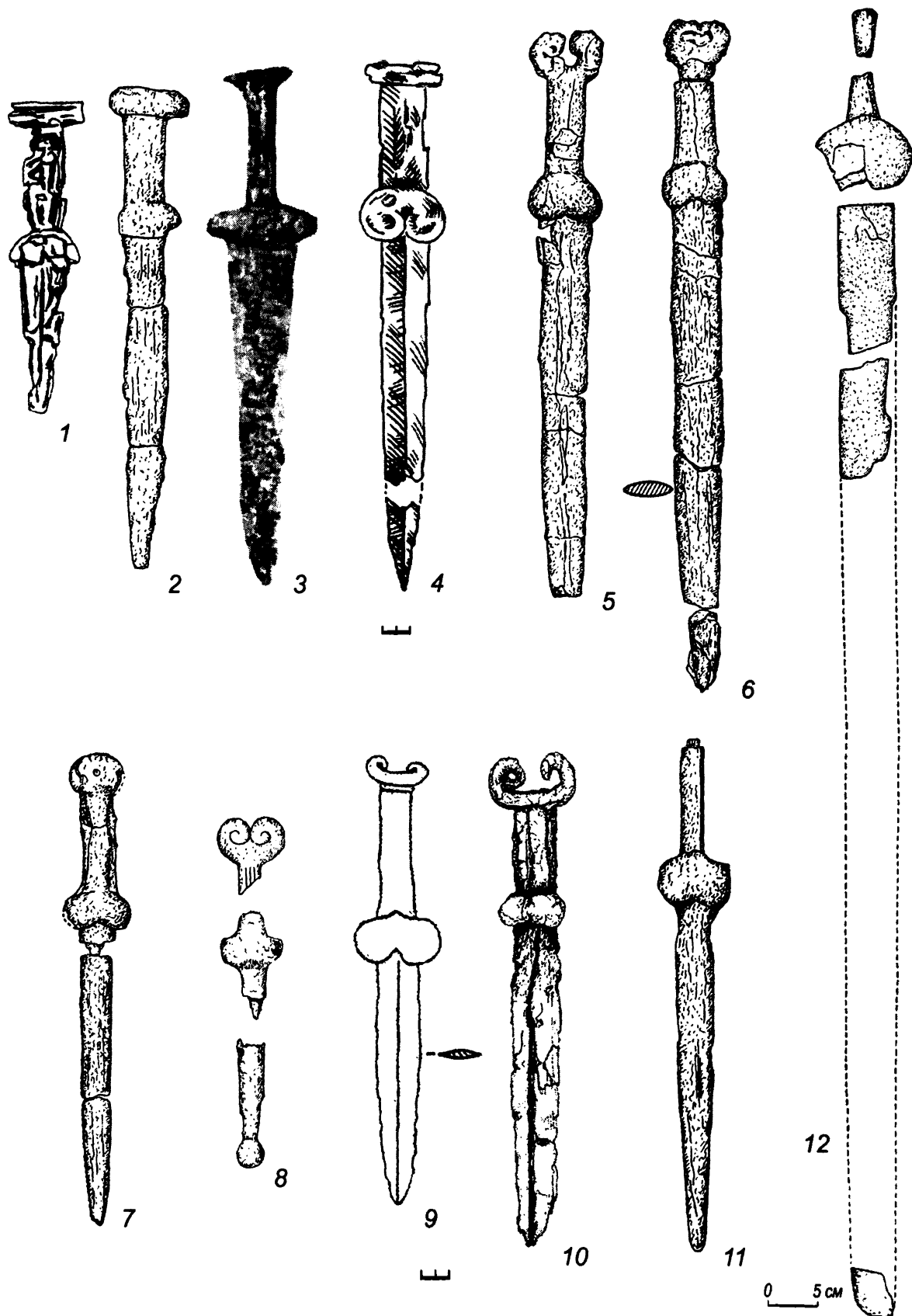

Рис. 2. Мечи и кинжалы Нижнего Поволжья (вторая половина VI – первая половина V вв. до н. э.).
 1 – Аксай I, курган 3, погребение 3; 2 – Норка, курган 4, погребение 3; 3 – 15-й поселок, курган 3, погребение 6;
 4 – Заханата, курган 5, погребение 22; 5, 6 – Блюменфельд А 12; 7 – село Мирное (Фриденберг), курган 5, погребение 1;
 8 – Покровск, курган 5, погребение 3; 9 – село Журавлиха; 10 – Приволжский бугор; 11 – село Квасниковка;
 12 – Покровск, курган 12, погребение 3

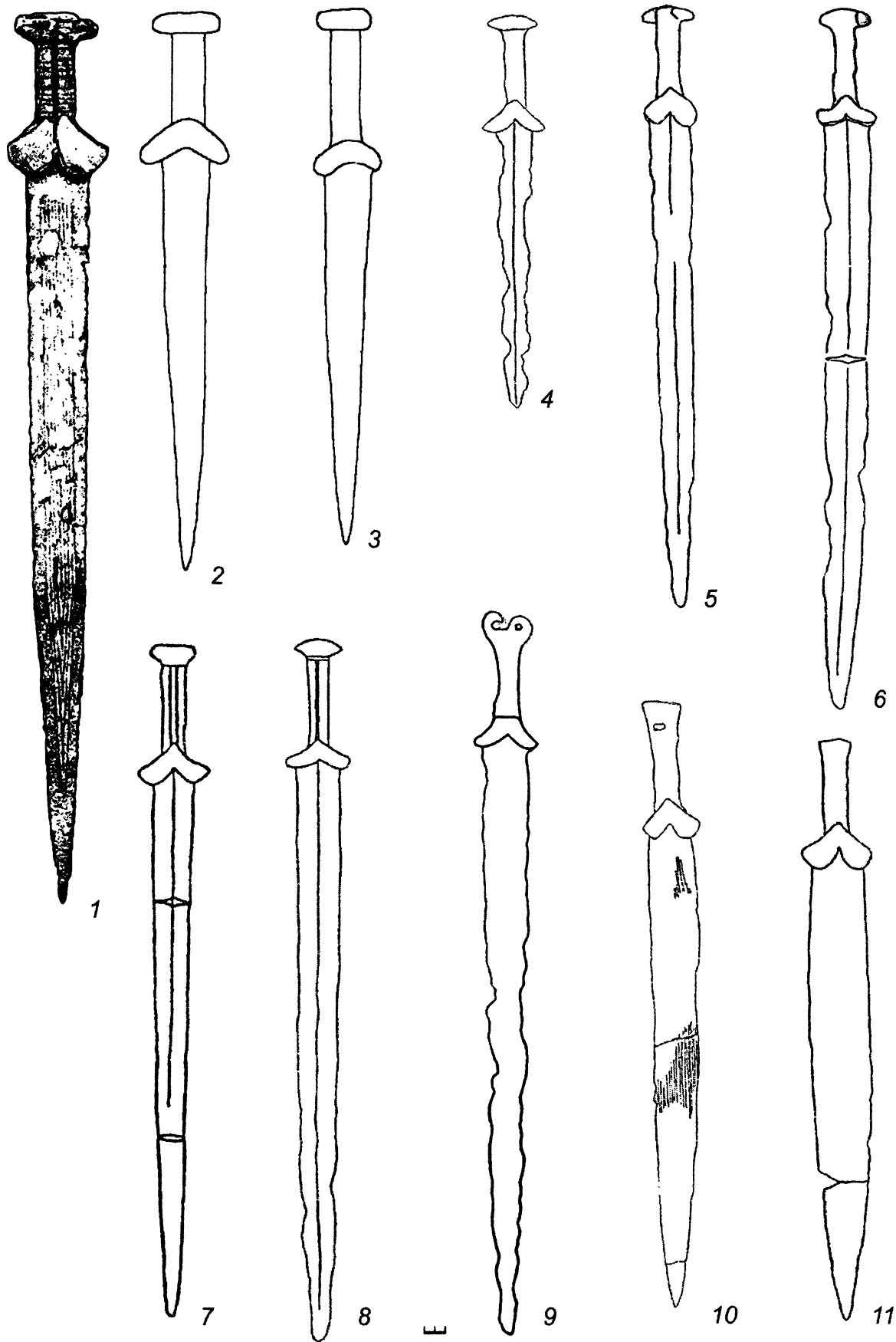

Рис. 3. Мечи и кинжалы Нижнего Поволжья (вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э.).
 1 – Соленое Займище, курган 2; 2, 3 – Элистинский могильник (2 – курган 21, погребение 1; 3 – курган 37);
 4–6, 9–11 – могильник Аксеновский I (4 – курган 3; 5 – курган 7; 6 – курган 15; 9 – курган 13; 10 – курган 11;
 11 – курган 6); 7, 8 – могильник Аксеновский II (7 – курган 14; 8 – курган 16)

мени можно встретить различные его названия: длинные мечи, мечи средних размеров, кинжалы, акинаки. В определении их видов у разных авторов существует свой подход. Я буду оперировать двумя видовыми названиями: мечи и кинжалы. Поскольку для моей работы этот вопрос не имеет принципиального значения, я воспользовался предложением, высказанным в свое время А. И. Мелюковой, считать предельную длину для кинжалов 40 см, для мечей – свыше указанного размера (Мелюкова А. И., 1964. С. 46).

VII – первая половина VI вв. до н. э.

Наиболее ранними в Нижнем Поволжье являются два биметаллических кинжала. Один из них был обнаружен в 1907 году в районе Бугра Степана Разина близ Камышина (Смирнов К. Ф., 1961. С. 10, 11). Этот кинжал имел бронзовую литую рукоять и железный клинок, значительная часть которого была утрачена. Бронзовая рукоять имела брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие. Навершие и перекрестие соединялись между собой двумя параллельными валиками с прорезью между ними. Клинок, заканчивающийся плоским стержнем, вставлялся в рукоять, заполняя пространство между валиками (рис. 1, 1). Второй полностью сохранившийся аналогичный кинжал с бронзовой рукоятью был найден у хутора Стеженского Алексеевского района Волгоградской области (Сергацков И. В., 1988. С. 249. Рис. 1). Он имел брусковидное навершие и почковидное перекрестие. Техника соединения клинка с рукоятью та же самая, что и предыдущего меча. Его общая длина 39,5 см (рис. 1, 2).

Кинжал, обнаруженный в окрестностях Бугра Степана Разина, К. Ф. Смирнов датировал не позже второй половины VII века до н. э., отметив, что сочетание бронзовой рукояти и железного клинка наиболее характерно для мечей переходной эпохи от бронзового к раннему железному веку (Смирнов К. Ф., 1961. С. 11). В другой своей работе он датирует этот кинжал в пределах всего VII в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 31). И. В. Сергацков, опубликовавший кинжал, найденный у хутора Стеженского, считал возможным датировать его концом VII – началом VI вв. до н. э. (Сергацков И. В., 1988. С. 250).

Большинство аналогий вышеназванным кинжалам происходит из районов Кавказа. Один из них был найден в погребении № 85 Тлийского могильника, находившегося на территории Южной Осетии (Техов Б. В., 1980. С. 58. Рис. 4, 7). Другой кинжал происходит из Камбулты в Северной Осетии, от которого, как и в случае с кинжалом, обна-

руженном в районе Бугра Степана Разина в Поволжье, сохранился фрагмент клинка, черешком вставленный в бронзовую рукоять (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 45. Рис. 1). И еще один биметаллический кинжал, такой же сохранности, что и меч из Камбулты, был обнаружен в Березовском могильнике у Кисловодска (Тереножкин А. И., 1976. С. 114. Рис. 69, 8). Все они имели прорезь на бронзовой ручке, в которую вставлялись стержни железных клинков.

Раньше принято было относить такие биметаллические кинжалы к переходному времени от бронзового к раннему железному веку. Однако такое определение не давало возможность достаточно точно определить их хронологическую позицию. Кинжалы из Тлийского могильника и Камбулты имели перекрестия типичные для скифского времени: у первого оно было бабочковидное, у второго – сердцевидное. Мечи с такой формой перекрестия вряд ли могли появиться ранее VII века до н. э., когда начинают складываться основные элементы скифского культурного комплекса в восточноевропейском регионе (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 83–118; Мурзин В. Ю., 1990. С. 15–33).

В Нижнем Поволжье наиболее ранние погребальные комплексы, относимые к савроматской культуре, появляются во второй половине VI века до н. э. В них и в погребениях последующего времени находки кинжалов или мечей такого типа не известны. Оба нижневолжских биметаллических кинжала найдены случайно. Таким образом, мы можем допустить, что оба они существовали до появления самых ранних погребений савроматской культуры, то есть до второй половины VI века до н. э.

Что касается приведенных кавказских аналогий, то кинжал, например, из Тлийского могильника разные авторы датируют или в пределах VII в. до н. э. (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 28), или VII–VI вв. до н. э. (Есаян С. А., Погребова М. Н., 1985. С. 47). В скифских памятниках Северного Причерноморья рассматриваемый тип мечей крайне редкая находка, А. И. Мелюкова приводила только один такой пример. Это биметаллический меч с почковидным перекрестием из кургана № 2 у Райгорода, найденный вместе с чернолаковым киликом, не позволяющим весь комплекс датировать временем ранее середины VI в. до н. э. (Мелюкова А. И., 1964. С. 47. Табл. 15, 3). Вероятно, это наиболее поздняя находка меча такого типа. В последнее время с территории Украины стали известны еще несколько находок этого типа оружия. А. И. Бабенко удалось насчитать

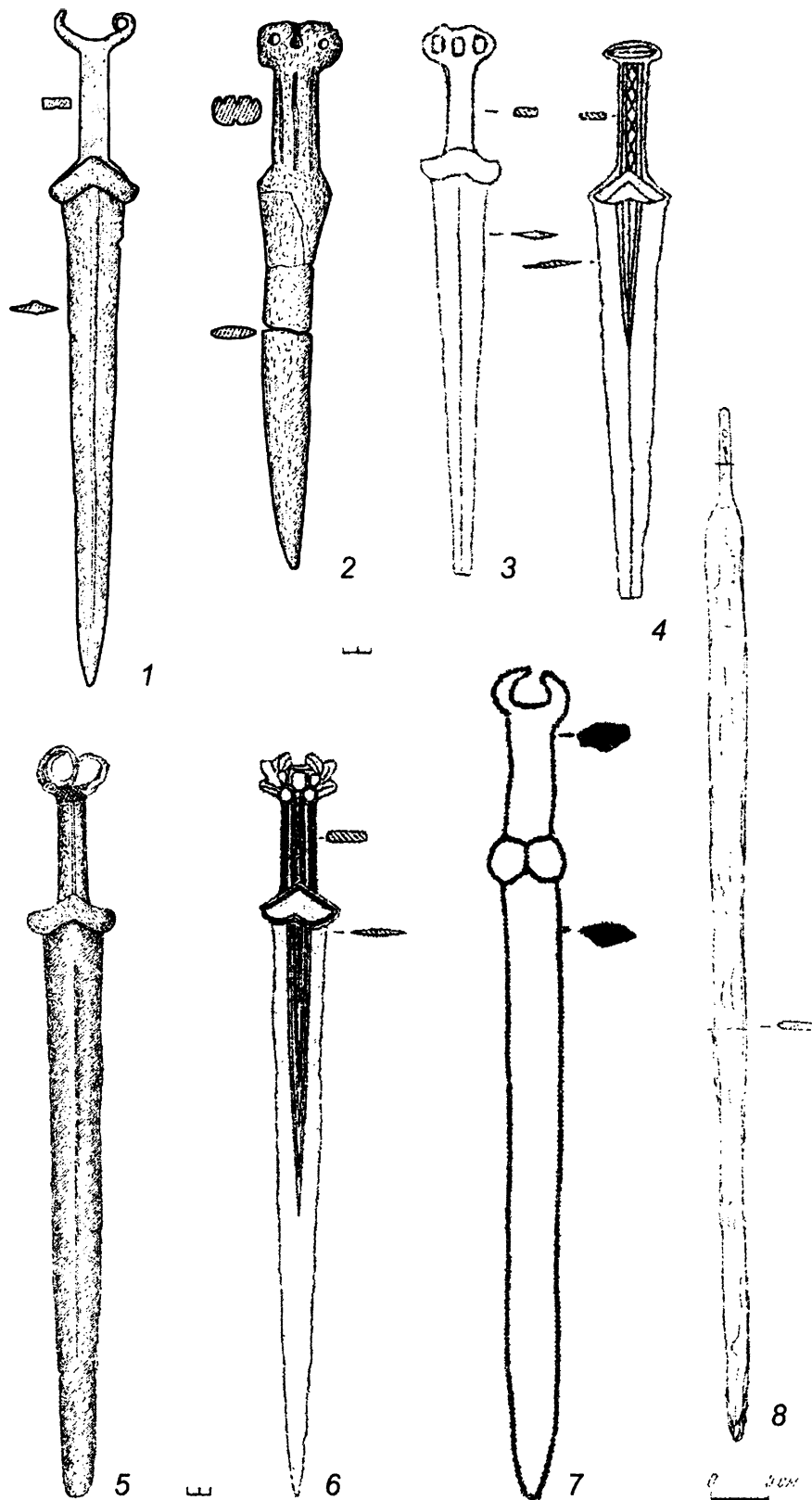

Рис. 4. Мечи и кинжалы Нижнего Поволжья. 1-6 – вторая половина V – первая половина IV вв. до н. э. 7, 8 – нестандартные формы.
 1 – город Вольск; 2 – урочище Исидай; 3 – село Пилюгино; 4 – села Кистендей и Сергеевка; 5 – село Озерки; 6 – села Шняево и Яковлевка; 7 – могильник Островной, курган 7, погребение 8; 8 – могильник Никольское IV, курган 1, погребение 3

тринадцать местонахождений биметаллических мечей и кинжалов, происходящих преимущественно с территорий восточноевропейских степей и Кавказа, суммарно датируемых им VII–VI вв. до н. э. (Бабенко А. И., 2006. С. 53–57).

Наиболее убедительной является версия о происхождении названных выше биметаллических мечей скифоидного облика от более ранних предскифских типов клинкового оружия. В этом плане особый интерес представляет находка части меча в Березовском могильнике у Кисловодска. Он имел бронзовую ручку с прорезью, в которую была вставлена сохранившаяся верхняя часть железного клинка со стержнем. В этом отношении он является полной аналогией для биметаллических мечей скифского времени, отличаясь только по форме перекрестия – оно было прямым с опущенными вниз краями, что характерно для мечей предскифского времени. Мечи с такой формой перекрестия в свое время были включены А. И. Тереножкиным в сводку находок новочеркасского периода, датированного им 750–650 гг. до н. э. (Тереножкин А. И., 1976. С. 114. Рис. 97, 48, 49, 51).

Теперь обратимся к другой группе мечей, обнаруженной в Нижнем Поволжье, и изготовленной полностью из железа. Отличительной чертой некоторых из них является наличие валиков по краям ручки, идущих от навершия к перекрестию, что является повторением формы бронзовых ручек биметаллических мечей. Другая часть этой группы мечей имеет ручки, состоящие из трех валиков, разделенных желобками. Мне известно две случайные находки меча и кинжала с валиками по краям ручки: один из них (кинжал) был обнаружен у села Средняя Липовка в Кузнецком районе Саратовской области (Смирнов К. Ф., 1961. С. 10); другой (меч) у села Инясево Романовского района той же области (Моржерин К. Ю., 2004. С. 183). Первый из них имел прямое навершие и почковидное перекрестие, конец его клинка обломан, по его длине проходило треугольное в сечении ребро (рис. 1, 4). Второй меч отличался только перекрестием, имевшим сердцевидную форму. Он сохранился полностью, его длина 88,5 см (рис. 1, 8).

Два кинжала и три меча имели ручки, состоящие из трех продольных валиков. Места их находок следующие: Вольский уезд, случайная находка 1909 года (кинжал с брусковидным навершием и перекрестием, больше напоминающем почковидное, клинок обломан, длина сохранившейся части 20,3 см) (Смирнов К. Ф., 1961. С. 12) (рис. 1, 3); село Мордовский Карай Романовского района Саратовской области (меч с узким брусковидным

навершием и почковидным перекрестием, по середине клинка проходит продольный валик, длина меча 43,5 см) (рис. 1, 5); Аркадакский музей, место находки не известно (короткий меч, навершие утрачено, скорее всего, оно было брусковидным, под навершием закреплена муфта из узкой пластины с кольцом на одной стороне, перекрестие бабочковидное, длина меча 43,3 см) (рис. 1, 6); село Владыкино Ртищевского района Саратовской области, случайная находка 1996 года (меч с брусковидным навершием, под навершием такая же муфта, как и на предыдущем изделии, перекрестие бабочковидное, длина 58,7 см) (рис. 1, 7); село Чиганак, Аркадакский музей, случайная находка 1997 года (кинжал с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием, на ручке в желобках между валиками имеются три пары отверстий с золотой проволокой в них, длина его 38,2 см) (рис. 1, 9). Последние четыре находки были опубликованы К. Ю. Моржериным (2004. С. 182–186).

Вероятно, к этой группе следует отнести и меч, случайно обнаруженный в 1908 году и хранящийся в Саратовском краеведческом музее (№ 616). Этот меч отличается большими размерами, его длина более 111 см. Он имеет массивное сердцевидное перекрестие, навершие отсутствует. В верхней части ручки, снабженной по краям продольными валиками, имелось круглое отверстие (рис. 1, 10). К. Ф. Смирнов выделил этот меч в особую группу без наверший (Смирнов К. Ф., 1961. С. 22, 23), а А. М. Хазанов включил его в сводку находок мечей без навершия, являющихся наиболее ранними прототипами мечей с этим признаком, получивших широкое распространение в позднесарматское время (Хазанов А. М., 1971. С. 18).

Мне уже приходилось писать о спорности такого суждения (Скрипкин А. С., 1984. С. 84–86; 1990. С. 127, 128). Скорее всего, меч, обнаруженный в 1908 году, первоначально имел железное навершие, которое было утеряно и он впоследствии использовался без него. Не зря К. Ф. Смирнову не удалось найти убедительных аналогий ему. О том, что этот меч имел навершие, свидетельствует, на мой взгляд, форма его ручки, имевшая по краям два валика. Практически все мечи с таким оформлением ручки, обнаруженные в Нижнем Поволжье имели навершия, то же самое можно сказать и о многочисленных скифских мечах с аналогичными ручками. Имеющееся отверстие в верхней части ручки, по мнению К. Ф. Смирнова, служившее для крепления деревянной или костяной обкладки или навершия из того же материала, может иметь и другое объяснение. У многих

ранних скифских мечей на рукояти имела петька под навершием, служившая для крепления к рукояти темляка. Возможно, отверстие на рукояти меча, найденного в 1908 году, выполняло функцию такой петли. Между прочим, сам К. Ф. Смирнов в отношении меча, обнаруженного в районе Бугра Степана Разина, имевшего на ручке два квадратных отверстия (*рис. 1, 1*), не исключал такую возможность (Смирнов К. Ф., 1961. С. 11).

Вся эта группа железных мечей и кинжалов с ручками, имеющими по краям валики или состоящие из трех валиков, по своим признакам наиболее характерна для аналогичного оружия ранней скифской культуры. Они известны как в собственно скифских памятниках Северного Причерноморья, так и в различных памятниках Кавказа. А. И. Мелюкова датировала такие мечи на территории Северного Причерноморья преимущественно VI в. до н.э., отдельные их экземпляры, как она полагала, могли появиться и в конце VII в. до н.э. (Мелюкова А. И., 1964. С. 47–49). Меч рассматриваемого типа из кургана Старшая могила в Посулье был датирован не позже середины VI в. до н.э. (Ильинская А. И., 1968. С. 68. Табл. I, 1). А. И. Тереножкин включал мечи этого типа в выборку раннескифских находок, начиная с середины VII в. до н.э. (Тереножкин А. И., 1976. С. 208–210. Рис. 97, 74, 77, 78, 79). Ряд таких мечей, обнаруженных в скифских памятниках бассейна реки Рось, Г. Т. Ковпаненко датировала преимущественно VI в. до н.э. (Ковпаненко Г. Т., 1981. С. 106, 107. Рис. 60, 7–9). Существенный интерес представляет находка железного меча на северной окраине Киева (Белозор В. П., Скорый С. А., 1985. С. 255, 256). Этот меч, являющийся полной аналогией мечам, происходящим из случайных находок в Саратовской области, имел такую же, как и у них муфту с петлей, как и другой меч из собраний Полтавского краеведческого музея, упомянутый в статье выше-названных авторов. В. П. Белозор и С. А. Скорый отмечали, что петли, также как и отверстия под навершиями, фиксируются только на древнейших мечах скифского типа не позже VI века до н.э. Относительно даты меча, найденного в Киеве, они не исключали VII век до н.э., возможно, его конец.

Особенно широко такие мечи были распространены на территории Кавказа. Целая серия коротких мечей с аналогичным оформлением ручек происходит из погребальных комплексов VII–VI вв. до н.э. Тлийского могильника (Техов Б. В., 1980. С. 57–59. Рис. 7, 3; 12, 2; 14, 1; Вознесенская Г. А., 1975. С. 94–104. Рис. 1). Известны они в Самтаврском могильнике, в Кармир-Блуре и ряде дру-

гих памятников (Тереножкин А. И., 1975. С. 28, 29. Рис. 20, 1–3; Есаян С. А., Погребова М. Н., 1985. С. 40–52. Табл. I). Такая ситуация может объясняться тем, что в раннескифский период основной политический центр скифов находился в районе Северного Кавказа, откуда скифы совершали свои знаменитые походы в Переднюю Азию. Именно с этими событиями и в указанное время и связано распространение рассматриваемого типа мечей, характерного для скифской архаики (Мурзин В. Ю., 1990. С. 34–50).

Зачастую кавказские мечи обнаруживают абсолютную схожесть с поволжскими. Так, например, длина большинства мечей рассматриваемого типа с Северного Кавказа и Закавказья на превышает 50 см. В этом плане уникальным является меч из Кармир-Блуре, его длина равна 88 см. Ровно такую же длину имел аналогичный меч из Инясево Саратовской области (*рис. 1, 8*).

Хронологически вся эта нижневолжская группа мечей близка биметаллическим мечам из этого же района. Кроме типологического сходства их объединяет и условие находок, все они найдены случайно, вне погребальных комплексов. В Волго-Уральском регионе мне известна только одна находка такого меча в погребении. Это меч из погребения 5 кургана 1 в урочище Лапасин у села Любимовка. К. Ф. Смирнов, опираясь на находку аналогичного меча в Старшей могиле в Скифии, датировал погребение из Лапасина первой половиной VI в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 39. Рис. 8, 3д).

Вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.

Одной из самых ранних и хорошо датированных находок клинкового оружия, обнаруженной в Нижнем Поволжье в погребальном комплексе, является короткий кинжал, происходящий из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай I, находившегося в Октябрьском районе Волгоградской области (Дьяченко А. Н. и др., 1999. С. 96). Он имел прямое навершие, почковидное перекрестие, уплощенную рукоять и короткое лезвие, сужающееся вниз сразу от перекрестия. Его длина – 24,4 см (*рис. 2, 1*). Это погребение достаточно хорошо датируется родосско-ионийской амфорой – второй половиной VI в. до н.э. Не противоречат этой дате и другие находки из этого погребения: бронзовая крестообразная пластина с тремя головами грифонов и набор наконечников стрел с архаическими признаками (Дьяченко А. Н. и др., 1999. С. 108).

К этому же времени, ко второй половине VI века до н.э. или к его концу, можно отнести еще несколько мечей и кинжалов. Это меч из погребения 6 кур-

гана 3 у 15-го поселка теперешней Волгоградской области (рис. 2, 3) и несколько кинжалов – из кургана 4 у села Норка (рис. 2, 2); из погребения 3 кургана 5 у Покровска (Энгельс) (рис. 2, 8) и случайная находка 1912 года у села Квасниковка (рис. 2, 11). Меч, обнаруженный у 15-го поселка, имел брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие. По сопутствующему набору наконечников стрел К. Ф. Смирнов датировал этот меч второй половиной VI в. до н. э., полагая, что в целом набор наконечников стрел из погребения у 15-го поселка несколько архаичнее, чем в Блюменфельдском кургане А 12, который он относил к концу VI – первой половине V в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 36). Кинжал из кургана у села Норка, раскопанного А. А. Спицыным в 1895 году, сохранился плохо, особенно его перекрестие (рис. 2, 2). К. Ф. Смирнов полагал, что оно могло иметь бабочковидную форму. Навершие у него брусковидное. Общая длина кинжала 36 см. К. Ф. Смирнов считал, что кинжал из кургана 4 у села Норка по набору стрел датируется тем же временем, что и меч из кургана у 15-го поселка (Смирнов К. Ф., 1964. С. 36). Кинжал из погребения 3 кургана 5 у города Покровска сохранился во фрагментах, но форма его восстанавливается (рис. 2, 8). Он имел волutoобразное навершие и бабочковидное перекрестие, его длина около 27 см. В погребении вместе с кинжалом найден достаточно выразительный комплекс наконечников стрел, позволяющих датировать его второй половиной VI в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. С. 19). Форма перекрестия этого меча весьма характерна для ранних скифских мечей, у которых концы крыльев перекрестия несколько приподняты к верху. Такую форму перекрестия имеет известный парадный келермесский меч. Такая же форма перекрестия у целого ряда раннескифских мечей Закавказья, целая серия их происходит из Самтаврского могильника. Датируются они преимущественно второй половиной VII – началом VI в. до н. э. (Есаян С. А., Погребова М. Н., 1985. С. 46). Однако для закавказских мечей не характерны антенные (волutoобразные) навершия, они встречаются крайне редко и в более позднее время. Мечи с антенным навершием в скифских памятниках Причерноморья появляются в VI веке до н. э., а с бабочковидным перекрестием бытуют до V в. до н. э. (Мелюкова А. И., 1964. С. 60). Все это не исключает дату, предложенную К. Ф. Смирновым, для кинжала из Покровска. Кинжал, найденный у села Квасниковка (рис. 2, 11), имел такое же перекрестие, как кинжал из Покровска. Навершие его было утеряно, длина изделия 36 см. Скорее всего, этот кинжал датируется тем же временем, что и по-

кровский, поскольку у более ранних кинжалов и мечей, имеющих брусковидное навершие, ручка оформлена иным образом – она имеет боковые валики, которые отсутствуют у квасниковского кинжала.

В эту хронологическую группу можно включить еще несколько мечей и кинжалов. Это два коротких меча из известного блюменфельдского кургана А 12. Они имели простые антенные или, так называемые, волutoобразные навершия и почковидные перекрестия. Длина их около 48 см (рис. 2, 5, 6). К этой же хронологической группе относится кинжал из погребения 1 кургана 5 у села Мирное (бывшее Фриденберг), который также имел почковидное перекрестие и, по мнению К. Ф. Смирнова, антенное навершие. Длина его 33 см (рис. 2, 7). К. Ф. Смирнов на основании достаточно выразительного набора наконечников стрел из погребения кургана А 12, находящихся аналогии в северопричерноморских античных и скифских памятниках, датировал его концом VI – началом V в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 41). К этому же времени он относил и погребение у села Мирное (Смирнов К. Ф., 1961. С. 17). М. А. Очир-Горяева, выделив две хронологические группы наконечников стрел в памятниках савроматского времени Нижнего Поволжья, колчанный набор из кургана А 12 включила в первую группу, датированную ею второй половиной VI – первой половиной V в. до н. э. (Очир-Горяева М. А., 1996. С. 52–54).

Еще один кинжал с антенным навершием и почковидным перекрестием и длиной 38 см происходит из погребения 7 на Приволжском бугре в Наримановском районе Астраханской области (рис. 2, 10). Авторы публикации, на основании анализа шестидесяти бронзовых и двух железных наконечников стрел, а также формы самого кинжала, датируют погребальный комплекс в целом концом VI – началом V в. до н. э. (Павленко Ю. А., Шинкарь О. А., 2005. С. 214–219). Также как и в блюменфельдском кургане А 12 в погребении на Приволжском бугре вместе с кинжалом была обнаружена поделка из клыка кабана. Видимо, этим же временем датируется кинжал из погребения 22 кургана 5 могильника Заханата в Калмыкии. Он имел брусковидное навершие и массивное перекрестие, близкое по форме почковидному (рис. 2, 4). Вместе с кинжалом в погребении был найден клык кабана с отверстием на широком конце. На клыке было нанесено резное изображение хищника кошачей породы (Шнайндштейн Е. В., 1985. С. 80).

Вероятно, к этой хронологической группе относится и длинный меч из погребения 3 курга-

на 12 у города Покровска (Энгельс), который сохранился во фрагментах (рис. 2, 12). Его массивное, близкое по форме к почковидному перекрестие в большей мере характерно для ранних как скифских, так и савроматских мечей. Длина только одного клинка этого меча, по данным отчета автора раскопок П. С. Рыкова, составляла 117 см (Смирнов К. Ф., 1961. С. 22, 23). По наконечникам стрел из этого погребения К. Ф. Смирнов считал возможным датировать этот меч временем не позднее начала V в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. С. 23).

Еще один кинжал также, видимо, датируется этим временем. Он был обнаружен случайно у села Журавлиха Балтайского района Саратовской области в 1971 году. Кинжал имел антенное навершие и массивное сердцевидное перекрестие: длина его 31,8 см (рис. 2, 9). Основанием отнесения этого кинжала к рассматриваемой хронологической группе является типологическая близость его большинству мечей и кинжалов, включенных в эту группу. Автор публикации этого кинжала датирует его VI–V вв. до н. э. (Моржерин К. Ю., 2004. С. 183).

Вторая половина V – первая половина IV в. до н. э.

К началу этого времени может быть отнесен меч из достаточно богатого погребения кургана 2 могильника Солёное Займище в Астраханской области, раскопанного экспедицией, руководимой В. П. Шиловым. Меч имел брусковидное навершие и бабочковидное перекрестие. На его клинке находились продольные бороздки, а рукоять украшена продольными и поперечными бороздками. Длина меча 80 см (рис. 3, 1). Авторы публикации этого погребального комплекса, опираясь на многочисленные вещи из него – золотые украшения, в том числе и выполненные в зверином стиле; представительный набор наконечников стрел; бронзовое зеркало; сам меч, датируют его первой половиной V в. до н. э. (Берхин-Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я., 1965. С. 143–153). Северопричерноморские точные аналогии бронзовому зеркалу из Солёного Займища датируются V–IV вв. до н. э. (Кузнецова Т. М., 2002. С. 121). М. А. Очир-Горяева набор наконечников стрел из погребения Солёного Займища включила в выделенную ею вторую хронологическую группу комплексов, датируемую второй половиной V – первой третью IV в. до н. э. (Очир-Горяева М. А., 1996. С. 54. Рис. 8). Аналогичный меч происходит из кургана 30 Елизаветовского могильника из раскопок Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР, который хорошо датируется хиосской амфорой второй четвертью – серединой V в. до н. э. (Копылов В. П., 1980. С. 27, 28. Рис. 1, 7). Определению вре-

мени погребения из Солёного Займища также имеет отношение и находка в нем деревянной чаши с золотыми обкладками. В степной Скифии такие чаши встречаются в погребениях со второй половины V по конец IV вв. до н. э. (Фиалко Е. Е., 2004. С. 73). Таким образом, погребение из кургана 2 села Солёное Займище, скорее всего, может быть датировано временем близким к середине V в. до н. э.

Временем V в. до н. э. К. Ф. Смирнов предположительно датировал короткий меч, случайно найденный в 1904 году в районе города Вольска. Он имел антенное навершие и узкое перекрестие, согнутое под тупым углом, по середине клинка, почти до его конца, проходит валик, на одной стороне ручки имеется глубокий продольный желобок. Длина меча 45,5 см (рис. 4, 1). Основанием для датировки послужил валик на клинке, как признак, характерный для архаических мечей, в сочетании с общей формой меча не позволяющий датировать его позднее V в. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. С. 19). К. Ф. Смирнов относил меч, обнаруженный в районе города Вольска, к группе мечей, имеющих бабочковидное перекрестие, концы крыльев которого круто загнуты, однако на рисунке (Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 3, 3) перекрестие этого меча не соответствует описанию. Оно аналогично перекрестию меча расположенного на указанном рисунке рядом, обнаруженного у села Осьмушкино на Бузулуке (Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 3, 4). К. Ф. Смирнов пишет, что перекрестие бузулукского меча напоминает перекрестия приуральских мечей IV века до н. э. В целом этот меч он датировал концом V–IV вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. С. 19). Это не исключает возможность более поздней даты и для меча, найденного у города Вольска.

К V веку до н. э. К. Ф. Смирнов относил меч, обнаруженный в 1894 году у села Озерки, близ Аткарска. Он имел зооморфное навершие, круто загнутое в спираль, изображающее коготь с глазом орла, перекрестие его узкое бабочковидное. На рукояти его имелся продольный желобок. Длина меча 54,5 см (рис. 4, 5). Указанная дата для этого меча определялась, в частности, и по аналогии с мечом, найденном у города Вольска, что не дает убедительной опоры в его датировке. Форма перекрестия вольского меча типична для более позднего времени, чаще встречаемая у скифских мечей IV века до н. э.

К этой хронологической группе относится целая серия мечей и кинжалов, насчитывающая 13 экземпляров, происходящая из компактных курганных могильников Аксеновский I, II. В Аксеновском I могильнике они были обнаружены в курганах 3,

6, 7, 11, 12, 13, 15 (четыре меча), 32. Два из них можно отнести к категории кинжалов, длина одного 39,5 см (курган 3), длина другого 38 см (курган 13). В Аксеновском II могильнике обнаружено три меча – один в кургане 14 и два в кургане 16 (Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997. С. 127–152). Длина мечей из обоих могильников колеблется от 54 до 67,5 см. Восемь мечей и два кинжала имели брусковидные навершия, у двух мечей навершия отсутствовали, у одного меча было антенное навершие (рис. 3, 4–11). Большинство из них имело узкие бабочковидные перекрестия и только у одного меча из кургана 7 перекрестие по своей форме было близко сердцевидному (рис. 3, 5).

Авторы публикации датируют погребальные комплексы Аксеновских курганных могильников с середины V по начало IV вв. до н. э. (Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997. С. 151). Все аксеновские погребения с колчанными наборами М. А. Очир-Горяева включила в выделенную ею вторую хронологическую группу, датируемую второй половиной V – первой третью IV в. до н. э. (Очир-Горяева М. А., 1996. С. 54). Уменьшение ширины перекрестия для наиболее поздних скифских мечей отмечала А. И. Мелюкова. Она выделила тип мечей с «ложнотреугольной» формой перекрестия, отметив, «что середина его, обращенная к стержню рукояти имеет вид равнобедренного треугольника (угол прямой или тупой), а нижняя сторона, составляющая как бы основание этого треугольника, не прямая, а сломана вверх под углом к середине» (Мелюкова А. И., 1964. С. 51), которые в скифских памятниках распространяются с IV века до н. э. Частично тенденция формирования такого типа перекрестия просматривается и на аксеновских мечах, например, из кургана 6 (рис. 3, 11) и кургана 11 (рис. 3, 10) могильника Аксеновский I. Большая часть погребений Аксеновских I, II курганных могильников близка по времени их сооружения, о чем свидетельствует единство обрядовых традиций и сходство вещевого материала. О позднем их времени в рамках савроматской культуры, на мой взгляд, свидетельствует стремление в ряде случаев положить погребенного по диагонали ямы (курганы 6 и 11 могильника Аксеновский I; курган 14 могильника Аксеновский II). Эта черта обряда, зародившаяся в южно-уральских степях, в Нижнем Поволжье начинает фиксироваться с IV века до н. э. (Скрипкин А. С., 2004. С. 61–64).

В эту группу входят мечи обнаруженные в Элистинском курганном могильнике. В погребении 1 кургана 21 был найден меч длиной 53 см. Он имел брусковидное навершие и, по мнению авторов публикации, бабочковидное перекрестие (рис. 3,

2). Судя по рисунку, перекрестие его по форме ближе к треугольному. Другой короткий меч из кургана 37, длиной 42 см, имел рукоять близкую по форме рукояти мечу из кургана 21. Его перекрестие также имело подтреугольные очертания (рис. 3, 3). По обряду оба погребения относятся к савроматской культуре (Синицын И. В., Эрдниева У. Э., 1971. С. 87, 88, 100, 101). Наличие в колчанах обоих погребений бронзовых и железных наконечников стрел почти в равных количествах, скорее всего свидетельствует о позднем времени этих комплексов в рамках савроматской культуры. Видимо, их следует датировать IV в. до н. э., возможно, его первой половиной.

К этой хронологической группе я отношу еще четыре меча из случайных находок. Один из них был найден в 1986 году между селами Кистендей и Сергеевка в Аркадакском районе Саратовской области (рис. 4, 4). Он имел овальное навершие, плоскую рукоять, украшенную продольными линиями и ромбами между ними, и перекрестие, которое А. И. Мелюкова называла ложнотреугольным. Клинок треугольной формы, равномерно сужающийся к концу, по которому проходят прочерченные линии, соединяющиеся примерно в середине клинка. Длина меча 42,5 см (Моржерин К. Ю., 2004. С. 182, 183).

Мечи с таким оформлением рукояти наиболее характерны для скифских памятников IV века до н. э. (Савченко Е. И., 2004. С. 157–159). По форме они близки парадным мечам, в том числе и из известных курганов того же времени, принадлежащих скифским династиям.

Второй меч был обнаружен в 1998 году в окрестностях села Пилюгино в Балтайском районе Саратовской области. Навершие его зооморфное (когтевидное), соединенное перекладинами, перекрестие бабочковидное (рис. 4, 3). Клинок в сечении ромбический, конец его обломан. Длина сохранившейся части меча 42 см (Моржерин К. Ю., 2004. С. 183, 184). Близким ему по оформлению рукояти является кинжал, обнаруженный на дюнах урочища Исайка Красноярского района Астраханской области. Его длина 37 см (Смирнов К. Ф., 1961. С. 21, 22) (рис. 4, 2). Такой же формы меч происходит из кургана 11 могильника Кара-Оба, который К. Ф. Смирнов датирует рубежом V–IV вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 70. Рис. 51, 4). Аналогии двум описанным выше мечам, найденным в Саратовской области, есть среди находок IV века до н. э. Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (Янгүлов С. Ю., 2002. С. 52. Рис. 1, 8). Навершия мечей, обнаруженных у села Пилюгино и в урочище Исайка, явно зооморфные, но сильная коррозия не позволяет

достаточно точно установить характер изображений на них. По форме они близки навершиям хорошо сохранившихся мечей, волюты которых выполнены в виде стилизованных голов птиц с длинными клювами, соединенных в верхней части планкой (Ростовцев М. И., 1918. С. 58. Табл. VII, 14; Смирнов К. Ф., 1961. С. 22. Рис. 4, 5). Такую же форму навершия имел парадный меч из боковой могилы известного скифского кургана Солоха (Ибинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 124). Это царское погребение датируется первой четвертью IV в. до н. э. (Алексеев А. Ю., 2003. С. 228).

Весьма близок по оформлению рукояти вышеописанным мечам и меч, обнаруженный в 1970 году на пашне между селами Шняево и Яковлевка Базарнокарабулакского района Саратовской области (Моржерин К. Ю., 2004. С. 184. Рис. 9). Волюты навершия выполнены в виде трехчленных когтей, в основании которых схематично изображен глаз птицы. Рукоять орнаментирована продольными линиями, по ее бокам имеются поперечные насечки. Перекрестие ложнотреугольное (рис. 4, б). Все названные мечи с зооморфными навершиями имеют одинаковую форму клинков, равномерно сужающуюся от перекрестий к их концу, что характерно для наиболее поздних образцов скифских мечей.

Нестандартные типы мечей

В памятниках рассматриваемого времени встречаются мечи, являющиеся по деталям своего оформления нехарактерными для соответствующего вооружения Нижнего Поволжья. Один из них – меч из Островного могильника в Калмыкии (курган 7, погребение 8) (рис. 4, 7). По описанию авторов раскопок он имел кольцевое навершие и бабочковидное перекрестие (Шишлина Н. И. и др., 2005. С. 36, 37). Мне уже приходилось высказывать сомнение о наличии у этого меча кольцевого навершия, поскольку его рисунок в публикации не дает четкого представления о его форме. За кольцевое навершие могли быть приняты и несомкнутые волюты (Скрипкин А. С., 2005. С. 183). Невыразительный набор вещевых материалов из островного погребения не позволяет достаточно точно определить его дату, но по деталям обряда оно бесспорно относится к савроматской культуре.

А. И. Мелюкова из достоверных находок мечей с кольцевым навершием в скифское время отмечала только один случай – это случайная находка под Кисловодском (Мелюкова А. И. 1964. С. 59). Меч с кольцевым навершием и бабочковидным перекрестием изображен на раннескифском изваянии из Кировоградского музея (Ольховский В. С., 2005.

С. 220. Ил. 76). Отдельные, весьма редкие, находки мечей с кольцевым навершием в скифское время в восточноевропейских степях, скорее всего, объясняются влиянием традиций центральноазиатского региона, где такой тип клинкового оружия был широко распространен, начиная с позднебронзового века (Скрипкин А. С., 2005. С. 182).

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием начинают распространяться в собственно сарматских памятниках, начиная с II–I веков до н. э., и широко распространяются в I – первой половине II вв. н. э.

Уникальной для рассматриваемого времени является находка меча без металлического перекрестия и навершия из погребения 3 кургана 1 группы Никольское IV в Астраханской области (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. С. 101–104) (рис. 4, 8). Форма могильной ямы этого погребения и ориентировка погребенного характерны для савроматской культуры. Лепной сосуд также находит аналогии в памятниках этой культуры. Нахождение равного количества бронзовых и железных наконечников в купе с двумя костяными ворворками позволяют датировать это погребение, скорее всего, в пределах IV в. до н. э.

Мечи такой формы получают распространение в позднесарматское время, что позволило авторам публикации предположительно высказаться о позднесарматской принадлежности Никольского погребения. Однако, по большинству признаков оно может быть отнесено к более раннему времени, о чем уже говорилось выше.

Хронологические особенности мечей и кинжалов савроматского времени Нижнего Поволжья

Выделенные выше хронологические периоды и распределение по ним мечей и кинжалов в значительной мере условно, поскольку точных хронологических реперов для рассматриваемого времени немного. В большинстве своем хронологические построения опирались на выработанные в скифо-сарматской археологии относительные датировки.

К VII – первой половине VI вв. до н. э. отнесены пять мечей и столько же кинжалов. В основном их клинки с параллельными лезвиями, сужающимися в нижней части. Из 10 экземпляров в восьми случаях сохранились навершия, которые имели брусковидную форму. Форма перекрестий отличается большей вариативностью, представлено три их варианта: почковидные (4 случая), сердцевидные (3 случая), бабочковидные (3 случая). Перекрестия этой хронологической группы мечей отличаются массивностью. Два кинжала из

этой серии имели бронзовые ручки, что в наибольшей мере характерно для клинкового оружия предскифского времени. Известные находки мечей или кинжалов с такими же ручками в памятниках скифской архаики являют собой пример сохранения более ранней традиции. Отличительной особенностью мечей и кинжалов, полностью изготовленных из железа, входящих в данную хронологическую выборку, является наличие двух валиков по краям плоской ручки или трех продольных валиков, между которыми проходят два желобка. Мечи и кинжалы, ручки которых имеют по краям валики, полностью имитируют форму биметаллических кинжалов. Ряд находок мечей из этой группы под навершием на рукояти имели муфты с петлями – деталь, которая встречается на скифских мечах архаического времени.

И еще одной особенностью этой группы оружия является то, что все они были найдены случайно, вне погребальных комплексов, до появления здесь погребений савроматской археологической культуры. Подавляющая часть их найдена в северных районах рассматриваемого региона, в пределах Саратовской области (8 экз.), на территории Волгоградской области (2 экз.). Значительное количество мечей и кинжалов во время, синхронное скифской архаике, было оставлено какой-то кочевнической группировкой, не оставившей сколько-нибудь заметного следа в погребальной практике региона. Все это имеет отношение к проблеме становления савроматской культуры.

В группу, датируемую второй половиной VI – первой половиной V вв. до н. э., включены четыре меча и семь кинжалов. В девяти случаях у них сохранились навершия, шесть из них имели антенную форму и три – брусковидную. Из перекрестий преобладала почковидная форма, отмеченная в шести случаях, в четырех случаях перекрестия имели бабочковидную форму и в одном – сердцевидную. Ни у одного экземпляра не отмечено на ручке продольных валиков, что было характерно для предыдущей группы мечей и кинжалов. Новой деталью этой группы клинкового оружия является преобладание антенных наверший. Эту группу отличает еще и то, что в своем большинстве они обнаружены в погребальных комплексах, в девяти случаях из одиннадцати. К этой группе относится и самый длинный меч (Покровск, курган 12, погребение 3). Длина его сохранившейся части составляет 117 см.

К заключительному периоду, датируемому вто-

рой половиной V – первой половиной IV вв. до н. э., отнесено 19 мечей и три кинжала. В семнадцати случаях они происходят из погребений, в пяти – являются случайными находками. У этой группы мечей и кинжалов чаще встречаются прямые брусковидные навершия, зачастую имеющие овальные очертания. Они отмечены в четырнадцати случаях. Зооморфные навершия встречены четыре раза, антенные два раза. В двух случаях мечи не имели навершия. У большинства мечей этой хронологической группы были узкие, близкие к бабочковидной форме, перекрестия. Один меч (Аксеновский I, курган 7, погребение 1) имел перекрестие сердцевидной формы. Существенное уменьшение толщины перекрестий и их форма наиболее характерна для поздних мечей скифо-савроматского времени.

Следует отметить, что мечи с почковидным перекрестием у кочевников Нижнего Поволжья существовали до V века до н. э., возможно, до его начала. Мечи с бабочковидным перекрестием существуют на всем протяжении рассматриваемого периода, но эта форма навершия постепенно изменялась. Ранние варианты мечей отличались массивностью бабочковидных перекрестий, с приподнятыми краями крыльев. Начиная, видимо, со второй половины V века до н.э. такие перекрестия становятся более узкими. Мечи с сердцевидным перекрестием также существовали на всем протяжении рассматриваемого времени, но чаще встречаются в самый ранний период. К числу наиболее поздних относятся мечи с перекрестиями, приобретающими треугольные очертания или, так называемые «ложнотреугольные» перекрестия, которые наиболее типичными становятся для IV века до н. э.

Брусковидные навершия у мечей преобладают на самом раннем и на заключительном этапах рассматриваемого времени. На последнем этапе они в большинстве своем приобретают форму вытянутых овалов. Мечи с антенным навершием наибольшее распространение получают со второй половины, возможно с конца VI – в первой половине V веков до н. э. Во второй половине V века до н. э., возможно в его конце, появляются мечи с зооморфными навершиями и существуют в IV века до н. э. Клинки этих мечей приобретают треугольные очертания.

В статье использованы не все находки мечей и кинжалов савроматского времени из исследуемого региона, отдельные из них сохранились во фрагментах, по другим отсутствует полная информация.

Раннесарматские мечи в Нижнем Поволжье

В традиционных наборах оружия раннесарматской археологической культуры, представленных мечами, кинжалами, наконечниками стрел и копий, клинковое оружие занимает важное место, позволяя не только охарактеризовать специфику военного дела, но и намечать решение вопросов хронологии, социальной структуры, военных и торговых связей.

Морфологическая типология мечей и кинжалов, разработанная для скифо-сарматской эпохи (Смирнов К. Ф., 1961; Мошкова М. Г., 1963; Мелюкова А. И., 1964; Хазанов А. М., 1971; Васильев В. Н., 2001), дает возможность воспользоваться уже апробированными схемами для анализа раннесарматского материала с единственной оговоркой: наиболее общие характеристики перекрестия (отсутствие перекрестия, изогнутое брусковидное, прямое брусковидное, ромбовидное) в изучаемое время имеют большее хронологическое и региональное значение, нежели навершие (Клепиков В. М., 2002). Поэтому в основу выделения отделов в классификации мечей IV–I вв. до н. э. была положена форма перекрестия. Внутри отделов по особенностям наверший выделяются типы.

Отдел I. Мечи и кинжалы без металлического перекрестия (тип 1 – без металлического навершия; тип 2 – с прямым брусковидным навершием; тип 3 – с серповидным навершием; тип 4 – с кольцевым навершием).

Отдел II. Мечи и кинжалы с фигурным перекрестием (тип 1 – с фигурными костяными накладками на перекрестии; тип 2 – с бабочковидным перекрестием и расширяющейся к концу рукоятью; тип 3 – с узким бабочковидным перекрестием и антенным навершием; тип 4 – с перекрестием бабочковидной и ложнотреугольной формы и навершием в виде уплощенного овала).

Отдел III. Мечи и кинжалы с изогнутым брусковидным перекрестием (тип 1 – без навершия; тип 2 – с прямым брусковидным навершием; тип 3 – с серповидным навершием).

Отдел IV. Мечи и кинжалы с прямым брус-

ковидным перекрестием (тип 1 – без навершия; тип 2 – с прямым брусковидным навершием; тип 3 – с серповидным навершием; тип 4 – с навершием, сломанным под тупым углом; тип 5 – с круглым кольцевым навершием; тип 6 – с овальным кольцевым навершием).

Отдел V. Мечи и кинжалы с прямым или ромбовидным перекрестием (тип 1 – без навершия). Совмещение этих перекрестий в рамках одного отдела вызвана невозможностью иногда определить характер перекрестия при плохой сохранности, но при всех остальных равных характеристиках.

Периодизация раннесарматской культуры Нижнего Поволжья с выделением списка хроноиндикаторов уже была предложена в ряде статей (Клепиков В. М., Скрипкин А. С. 2002. С. 47–81; Скрипкин А. С., Клепиков В. М. 2004. С. 95–106) и выглядит следующим образом: первый период – IV – начало III вв. до н. э.; второй период – III или III – начало II вв. до н. э.; третий период – II–I или середина II–I вв. до н. э.

В предлагаемой работе ставится задача проследить динамику изменений клинкового оружия в границах обозначенных периодов.

Первый период – IV – начало III вв. до н. э. (рис. 1). Мечи без металлического навершия и перекрестия изредка встречаются в среднесарматских комплексах и являются основным типом мечей в позднесарматских памятниках (Скрипкин А. С., 1990. С. 132, 133; Хазанов А. М., 1971. С. 17–24).

Однако появились они уже в савроматское время и обнаруживаются в раннесарматских наборах вооружения. Трижды этот тип меча встречен в междуречье Волги и Дона. Например, такой меч найден в савроматском погребении 3 кургана 1 могильника Никольское-IV (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. С. 101–104. Рис. 80, 8). Вместе с этим мечом, колчанными крючками, костяными ворворками, лепным сосудом и оселком лежало 10 железных и восемь бронзовых втульчатых наконечников стрел со сводчатой головкой,

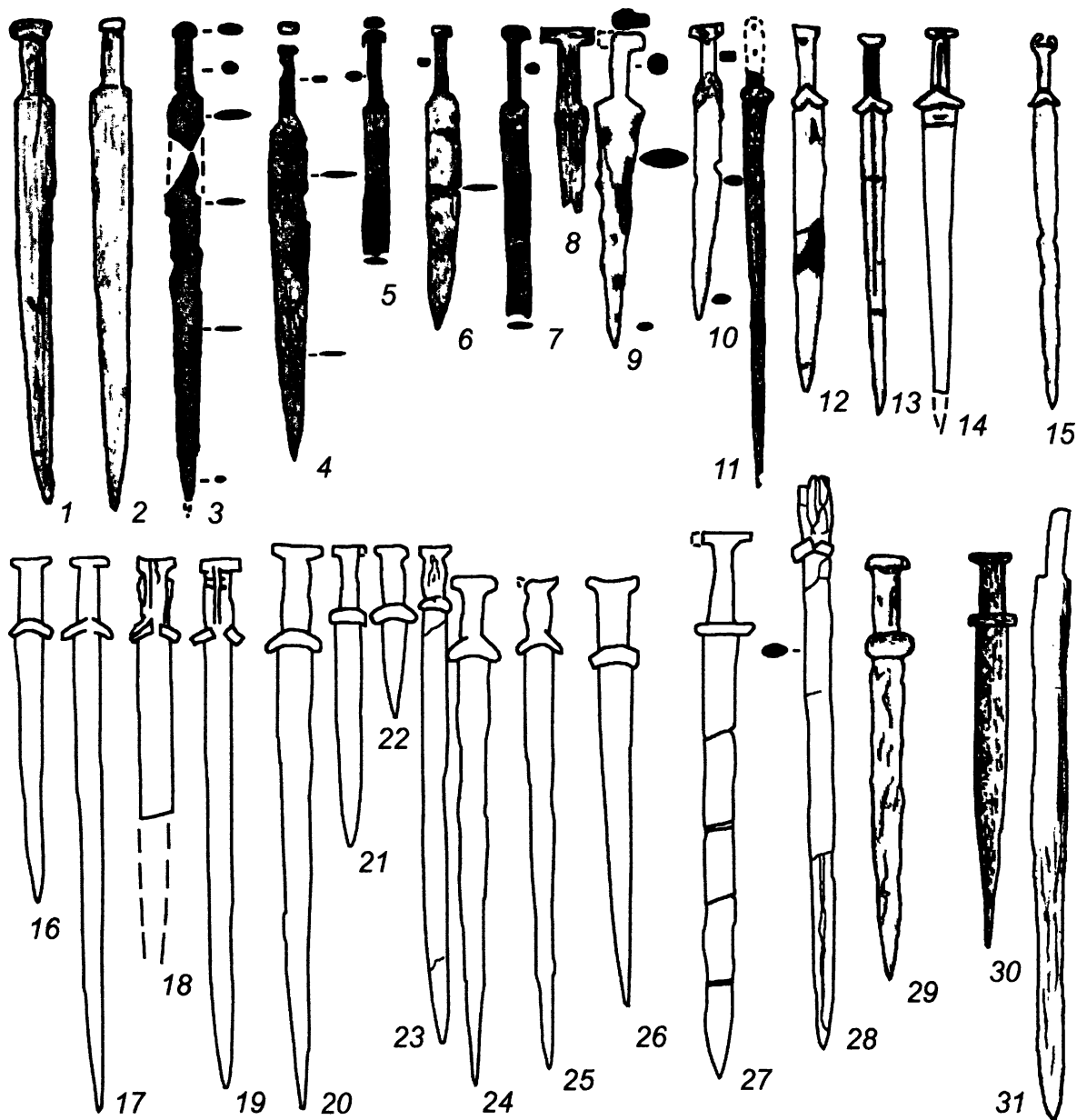

Рис. 1. Первый период – IV – начало III вв. до н.э.

- 1 – Арпачин-II, 6/5; 2 – Крепинский-II, 5/4; 3 – Цаган-Ташу-Толга-I, 2/2; 4 – Цаган-Ташу-Толга-I, 2/1;
 5 – Черный Бугор, погребение 1; 6 – Старица, 76/3; 7 – Старица, 4/кенотаф 3; 8 – Перегрузное-I, 23/6;
 9 – Березовка, 4/1; 10 – Яблоня-I, 3/4; 11 – Вертячий, 6/3; 12 – Аксеновский-I, 11/1; 13 – Аксеновский-II, 14/1;
 14 – Житков-II, 3/2; 15 – Аксеновский-I, 12/1; 16, 17 – Новоузенск, 1/19; 18 – Сайхин, С-В группа, 1/1;
 19 – Барановка, 27/1; 20 – Новоузенск, 1/16; 21 – Лятошинка, 1/4; 22 – Новоузенск, 2/8; 23 – Кривая Лука-XXXV, 1/7;
 24 – Новоузенск, 1/20; 25 – Новоузенск, 1/22; 26 – Эльтон, 10/9; 27 – Новоникольское, 3/3; 28 – Котлубань-II, 2/9;
 29 – Верхнеяблочный, 1/5; 30 – Лятошинка, 1/2; 31 – Старица, 4/9

бытовавших в IV веке до н. э. В низовьях Маныча во 2-м Крепинском могильнике (курган 3, погребение 11) в раннесарматском погребении IV века до н.э. найден кинжал этого типа (Максименко В. Е., 1983. С. 40, 41. Рис. 33). Длинный меч (рис. 1, 31) с набором бронзовых и железных наконечников стрел обнаружен в раннесарматском погребении IV–III вв. до н. э. у села Старица (курган 4, погребение 9). Если предположить близость этого погребения соседнему, с ранними типами бус

и бронзовым зооморфным колчанным крючком, а также кенотафам с мечами, наконечниками дротиков и псалями ранних типов (курган 4, погребение 6 и кенотафы 1–3), можно датировать этот меч более узко IV – началом III вв. до н. э. В междуречье Дона и Северского Донца в инвентаре Шолоховского кургана такой меч датируется В. Е. Максименко концом V – началом IV вв. до н. э. (Максименко В. Е., 1983. С. 31, 105. Рис. 13, 13). Однако, найденное в этом же комплексе бронзо-

вое зеркало, аналогичное зеркалам из некрополя у поселка Войкова и могильника Северный (курган 2, погребение 3), позволяет предложить другую дату – середина – вторая половина IV в. до н.э., совпадающую с хронологическими позициями волго-донских погребений.

Среди мечей первого периода раннесарматской культуры неоднократно встречаются мечи, названные К. Ф. Смирновым синдо-меотскими (Смирнов К. Ф., 1958. С. 304, 305), хотя, видимо, более удачным было бы название – меотские мечи (Эрлих В. Р. 1991. С. 77; Абрамова М. П. 2004. С. 19).

В Волго-Донском междуречье такие мечи найдены в могильниках Крепинский-II (курган 5, погребение 4) (рис. 1, 2) и Арпачин-II (курган 6, погребение 5) (рис. 1, 1). Мечи этого типа найдены также у села Старица на Волжском правобережье – в кенотафе 3 кургана 4 (рис. 1, 7) и в раннесарматском погребении 3 кургана 76 (рис. 1, 6). У меча из кенотафа был сломан клинок, возможно, в ритуальных целях. В низовьях Волги в одном из бэровских бугров (бугор «Черный», погребение 1) в 1995 году найден также обломанный меотский меч (рис. 1, 5) в савроматском погребении вместе с сосудами и колчанным крючком. Из Калмыкии (могильник Цаган-Ташу-Толга-I) происходят два меча (рис. 1, 3, 4), найденные в хорошо датированных раннесарматских комплексах IV века до н.э. В Заволжье этот тип меча встречен в двух погребениях из Саратовской области. В курганной группе Яблоня-I (курган 3, погребение 4) найден короткий меч (рис. 1, 10) вместе с бронзовыми наконечниками стрел и фрагментами орнаментированного сосуда во впускном погребении с южной ориентировкой. В могильнике Березовка (курган 4, погребение 1) в основном погребении с ортогональным положением погребенных меч этого типа (рис. 1, 9) найден вместе с бронзовыми, железными и костяным наконечниками стрел и железным наконечником копья (Дремов И. И., 1997. С. 161, 162. Рис. 4, 5).

К. Ф. Смирнов датировал мечи этого типа на сарматской территории IV – началом III вв. до н.э., подчеркивая преимущественно IV в. до н.э. в Приуралье (Смирнов К. Ф., 1980. С. 42, 43. Рис. 3). И. И. Марченко, анализируя раннесарматские комплексы Нижнего Прикубанья, датирует синдо-меотские мечи средних размеров в границах IV в. до н.э., а длинные мечи этого типа в его схеме продолжают использоваться до рубежа первой и второй четвертей III в. до н.э. (Марченко И. И., 1996. С. 231. Рис. 12). В. Р. Эрлих на обширном материале Закубанья также предлагает эту дату, удревнив нача-

ло бытования за счет самых ранних экземпляров до второй половины V в. до н.э. (Эрлих В. Р. 1991. С. 79, 80).

Единственным исключением выглядит меч из погребения 6 кургана 23 могильника Перегрузное I (рис. 1, 8). По совокупности погребального обряда и датировкам вещевого комплекса это погребение датируется II–I вв. до н.э. Следует заметить, что в анализируемую группу он входит по формальным признакам, однако широкое навершие выглядит несколько иначе, чем у традиционных меотских экземпляров. Вполне возможно, что из-за плохой сохранности, перекрестие у меча просто не сохранилось. Как аналогию можно привести меч с прямым перекрестием и прямым навершием из курганной группы Степная-IV (курган 1, погребение 33) (рис. 2, 8), который по остальному погребальному инвентарю датируется III – I вв. до н.э. (Шнайдштейн Е. В., 1991. Рис. 31).

Мечи II отдела находят прямые аналогии в скифских памятниках IV века до н.э. и могут быть отнесены к разряду средних. К мечам 1 типа следует отнести клинок из погребения 3 кургана 6 могильника у хутора Вертячий (рис. 1, 11). Такие узкие длинные клинки появились у скифов с конца V века до н.э. и продолжали бытовать впоследствии. Трапезиевидная костяная накладка на перекрестии напоминает накладки иной формы из кургана 489 у села Макеевка (Мелюкова А. И., 1964. Табл. 18, 9). Костяные накладки, заменяющие железное перекрестие, встречены в кургане 17 у села Русская Тростянка (Либеров П. Д., 1965. Табл. 17, 5, 6). Меч средних размеров 2 типа, найден в Аксеновском могильнике в диагональном погребении 1 кургана 11 (рис. 1, 12). Бабочковидное перекрестие и расширяющаяся к концу рукоять свидетельствуют о его кавказском происхождении (Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф., 1977. С. 271).

К мечам 3 типа следует отнести меч средней длины с узким бабочковидным, а скорее близким к ложнотреугольному, перекрестием и навершием в виде несомкнутых волот. Этот меч происходит из Аксеновского-I могильника, кургана 12, погребения в яме с заплечиками (рис. 1, 15). Такие навершия известны в скифских, савроматских и кавказских древностях VI–V веков до н.э. (Мелюкова А. И., 1964. С. 54, 55. Табл. 20; Смирнов К. Ф., 1961. С. 18–20. Рис. 3; Козенкова В. И., 1982. С. 21. Табл. XV, 6). Ложнотреугольное перекрестие является отражением того общего процесса изменений в евразийских степях, которое заключалось в постепенном сужении бабочковидного и сердцевидного перекрестия, процесса проявившегося

широко в конце V–IV веках до н. э. (Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф., 1977. С. 271).

В диагональном погребении из Житковского кургана на левобережье реки Маныч найден меч с рукоятью, обернутой золотой пластиной (рис. 1, 14), отнесенный нами к типу 4, или к I отделу III типа по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова А. И., 1964. С. 51. Табл. 18). Аналогичные мечи известны на Нижнем и Среднем Дону, а также на Кавказе (Шилов В. П., 1961. С. 195. Рис. 11; Либеров П. Д., 1965. Табл. 17, 1, 2; Козенкова В. И., 1982. С. 21. Табл. XV, 4). Меч этого типа, но без золотых обкладок, найден в диагональном погребении 1 кургана 14 Аксеновского-II могильника (рис. 1, 13) (Шилов В. П., Очир-Горяева М. А., 1997. С. 143. Рис. 15, 32). Оба меча имеют ромбический в сечении обоюдоострый клинок. На рукояти житковского меча боковые поверхности покрыты поперечным рифлением. Рукоять аксеновского меча имеет по краям валикообразные утолщения. Мечи II отдела бытуют в IV веке до н. э., не выходя за рубеж IV–III веков до н. э.

Мечи I и II отделов были распространены преимущественно в северопричерноморском и кавказском регионах, с которыми, вероятно, связано и их происхождение.

Мечи III отдела (рис. 1, 16–26, 28), иначе называемые мечами переходного типа, по мнению К. Ф. Смирнова, формировались в Южном Приуралье (Смирнов К. Ф., 1964. С. 24). Все эти мечи традиционно характеризуются как переходные между савроматскими акинаками с брусковидным навершием и крыловидным или узким бабочковидным перекрестием и классическими прохоровскими образцами с серповидным навершием и прямым перекрестием.

Большая часть мечей III отдела встречена в заволжских раннепрохоровских комплексах, в таких могильниках, как Новоузенск, Лятошинка, Эльтон, Сайхин. Но и на правобережье Волги в диагональных погребениях могильников Барановка (курган 27) и Кривая Лука XXXV (курган 1, погребение 7), в раннесарматском погребении 9 кургана 2 могильника Котлубань-II обнаружены аналогичные мечи. Расположение памятников с таким оружием в правобережном понизовье Волги в местах предполагаемой зимней переправы и наличие мечей сарматского облика в характерных раннепрохоровских погребениях подчеркивает связь этих комплексов с заволжским населением IV века до н. э. Обращает на себя внимание и одновременное появление таких мечей в других контактных зонах, например, в кургане 7 у села Рус-

ская Тростянка и в степях Кубанского Правобережья, что позволяет предположить определенную связь с этими территориями (Либеров П. Д., 1965. Табл. 17, 3, 4; Марченко И. И., 1996. С. 48–50).

Мечи с прямым навершием и прямым перекрестием (IV отдел 2 тип) хотя и рассматриваются в серии классических прохоровских мечей с серповидным навершием (Смирнов К. Ф., 1961. С. 27; Мошкова М. Г., 1963. С. 34; Скрипкин А. С., 1990. С. 117), но выделяются в отдельный тип. В. Н. Васильев квалифицирует такие мечи как тупиковую ветвь развития прохоровского оружия, появившегося в IV веке до н. э. и получившего распространение на рубеже IV–III веков до н. э. (Васильев В. Н., 1995. С. 9).

В Нижнем Поволжье такие мечи немногочисленны. Ряд из них по обряду и сопутствующему инвентарю может быть датирован IV в. до н. э., другие изредка встречаются в раннесарматских комплексах III–I вв. до н. э. (Мамонтов В. И., 2000. С. 51. Рис. 30; Шнайдштейн Е. В., 1991. Рис. 31). Следует отметить наличие таких мечей не только в памятниках с раннесарматскими чертами погребального обряда, но и в тех, которые могут быть определены как относящиеся к савроматской археологической культуре (Верхнеяблочный, курган 1, погребение 5) (рис. 1, 29).

Одним из самых распространенных типов раннесарматских мечей были мечи и кинжалы с прямыми перекрестиями и разными вариантами серповидных наверший (типы 2 и 3 IV отдела). Все исследователи, отмечая их массовое распространение в III–I веках до н. э., указывают на IV век до н. э. как дату их возникновения (Смирнов К. Ф., 1961. С. 27; Мошкова М. Г., 1963. С. 34; Васильев В. Н., 1995. С. 10). В Нижнем Поволжье предположить начало бытования классического прохоровского меча позволяет комплекс вещей из кенотафа № 1 у села Старица, датируемый IV – началом III веков до н. э. Хотя на фотографии в отчете сохранившаяся часть навершия скорее напоминает прямое брусковидное, но полевая прорисовка и описание указывают все-таки на его серповидность.

Второй период – III – начало II веков до н. э. (рис. 2). Основная часть мечей IV отдела представляют собой образцы, сформировавшиеся к III веку до н. э. и бытующие в сарматском наборе оружия вплоть до рубежа эр.

Навершия в виде дуги или сломанного под тупым углом бруска, определяя разные типы, в то же время на массовом материале не позволяют выявить хронологических различий. В III – начале

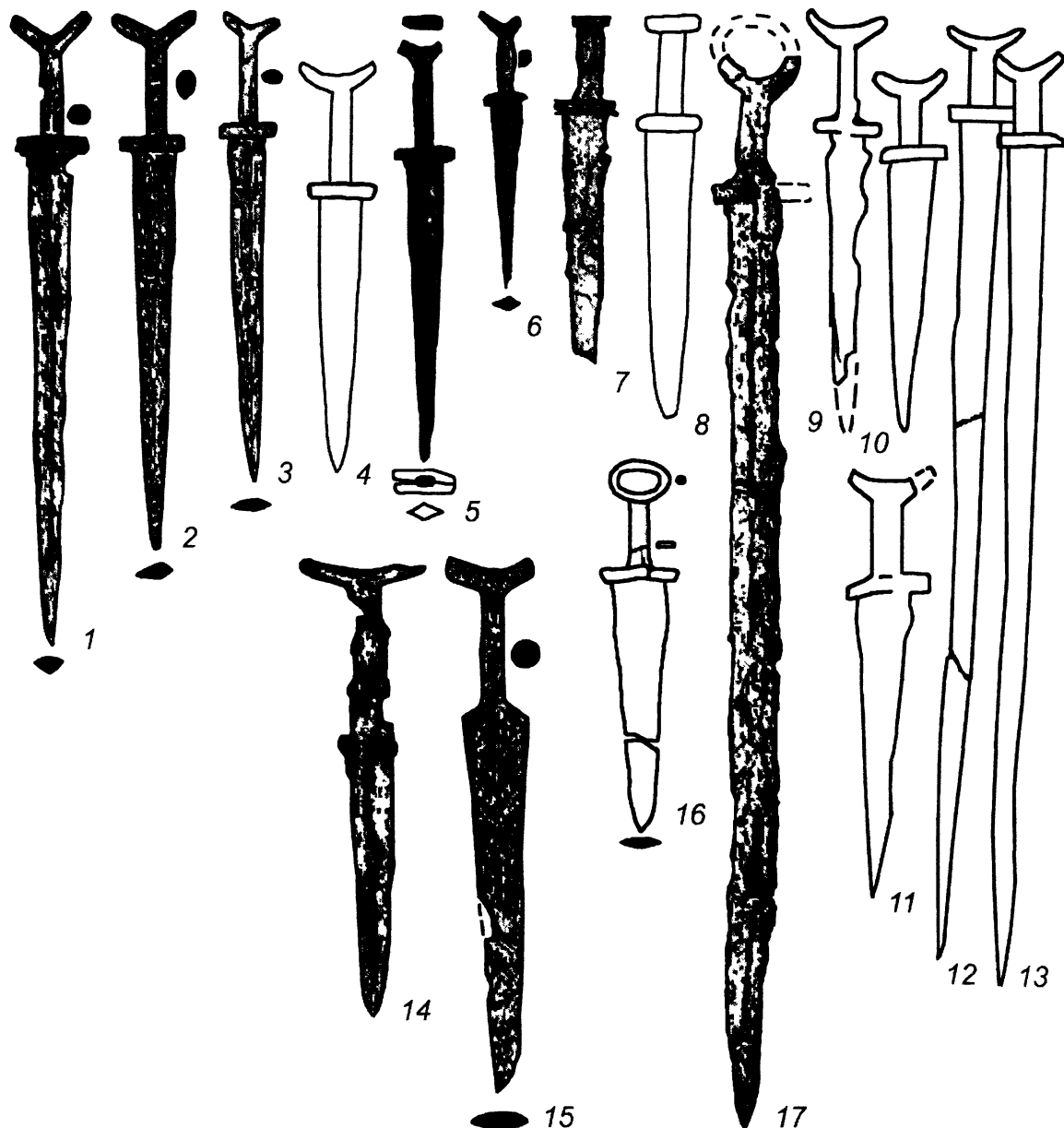

Рис. 2. Второй период – III – начало II вв. до н.э.

1 – Киляковка, 3/7; 2 – Киляковка, 4/46; 3 – Царев, 83/5; 4 – Джангала, 3/2; 5 – Лятошинка, 6/5; 6 – Лятошинка, 6/3; 7 – Первомайский-VII, 46/6; 8 – Степная-IV, 1/33; 9 – Усатово-II, F19/2; 10 – Калиновка, 19/17; 11 – Лятошинка, 5/5; 12 – Венгеловка, 2/10; 13 – Венгеловка, 2/11; 14 – Солодовка-I, 5/9; 15 – Киляковка, 4/5; 16 – Бережновка, 2/11; 17 – Калиновка, 19/17

II веков до н. э. известны как короткие (Джангала, курган 3, погребение 2; Верхний Еруслан, курган 1, погребение 5) (рис. 2, 4), так и длинные мечи (Венгеловка, курган 2, погребения 10 и 11) (рис. 2, 12, 13).

Возможно, дериватом синдо-меотских и северокавказских мечей, изменившихся под влиянием прохоровского оружия, являются мечи без металлического перекрестия с серповидным навершием. Такое предположение было высказано К. Ф. Смирновым, датировавшим этот тип концом III в. до н. э. – рубежом нашей эры (Смирнов К. Ф., 1980. С. 42–44. Рис. 3). Правда А. С. Скрипкин предло-

жил и другое объяснение – потерю или преднамеренную поломку перекрестия у классических раннесарматских мечей с прямым перекрестием и серповидным навершием (Скрипкин А. С., 1990. С. 119, 120). Мечи этого типа были зафиксированы в Прикубанье и датированы И.И. Марченко на основании корреляции с наконечниками стрел второй четвертью III–II вв. до н. э. (Марченко И. И., 1996. Рис. 12). Они найдены и в Заволжье у села Киляковка (курган 4, погребение 5) и села Солодовка (курган 5, погребение 9) (рис. 2, 14, 15) вместе с инвентарем, не противоречащим датировке И. И. Марченко.

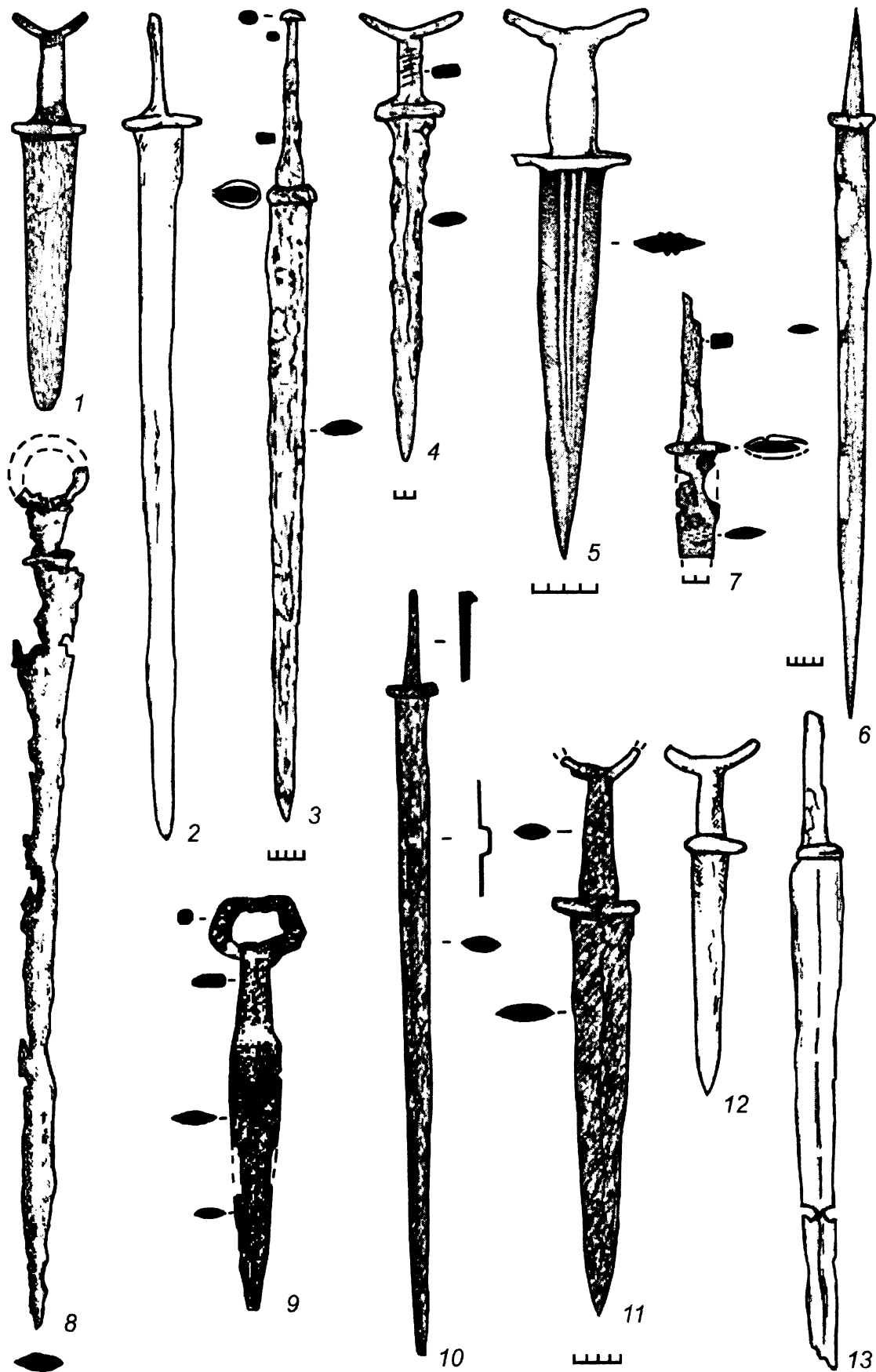

Рис. 3. Третий период – II–I или середина II–I вв. до н.э.

1, 2 – Жутово, 27/4; 3, 4 – Аксай, 2/2; 5, 6 – Яшкуль, 37/1; 7 – Перегрузное, 13/13; 8 – Петрунино-II, 1/14;
9 – Перегрузное, 33/5; 10, 11 – Новый Рогачик, 7/3; 12, 13 – Политотдельское, 12/19

Принято считать, что мечи с прямым перекрестием и кольцевым навершием (Отдел IV, типы 4 и 5) наиболее характерны для среднесарматской культуры. И действительно, начиная с рубежа эр, в I – начале II веков до н.э., этот тип клинкового оружия является основным у сарматов в восточноевропейских степях. К настоящему времени их известно несколько сот, обнаруженных в погребальных комплексах, большое количество их происходит и из случайных находок.

Однако находки таких мечей вместе с мечами 2 и 3 типов IV отдела позволяют исследователям отнести их появление к раннесарматскому периоду. Самые ранние находки этого типа оружия появляются, видимо, уже в III веке до н.э. Меч с кольцевым навершием в сочетании с набором бронзовых и железных черешковых наконечников стрел из раннесарматского комплекса могильника Бережновка (курган 2, погребение 11) (рис. 2, 16) служит исследователям, изучавшим сарматское оружие, основным аргументом для определения времени начала бытования таких мечей с III века до н.э. (Смирнов К. Ф., 1959. С. 320; Хазанов А. М., 1971. С. 9). В то же время появление таких мечей еще не означает их широкого распространения. С определенной долей вероятности к ранним экземплярам можно добавить меч из Калиновского могильника (курган 19, погребение 17) (рис. 2, 17), отнесенный В. П. Шиловым к серии мечей с серповидным навершием, но после реставрации определенный как меч с кольцевым навершием (Шилов В. П., 1959. С. 376. Рис. 40, 1; Хазанов А. М., 1971. С. 9). Вместе с ним был найден короткий меч с серповидным навершием (рис. 2, 10) и фрагментированное плоское круглое зеркало с длинной прямоугольной ручкой, датированное В. П. Шиловым по многочисленным аналогиям IV – началом III вв. до н.э. (Шилов В. П., 1959. С. 434. Рис. 42, 6). Еще одним свидетельством появления мечей 3 типа не позже III века до н.э. могут служить раннесарматские комплексы могильника Покровка 1 в Южном Приуралье. В кургане 12 обнаружены мечи с кольцевым навершием в сопровождении датирующего инвентаря (Яблонский Л. Т. и др., 1995. С. 18–21. Рис. 22, 23, 1–5). В могильниках как Волго-Донского междуречья, так и Заволжья обнаружены мечи с кольцевым навершием без металлического перекрестия, которые были по формальным признакам отнесены к типу 4 отдела I. Однако следует оговориться, что выделение этого типа условно, так как вполне вероятно, что первоначально они имели перекрестия, до нас не дошедшие.

Третий период – II–I или середина II–I вв. до н.э. (рис. 3). Если датировка мечей с кольцевым навершием с III века до н.э. иногда вызывает несогласие, то бытование их во II – I веках до н.э. представляется бесспорным. Кроме сочетания мечей с серповидным и кольцевым навершиями, встречающихся в одном комплексе, можно упомянуть и найденный в могильнике Перегрузное (курган 33, погребение 5) меч с кольцевым овальным навершием (рис. 3, 9) вместе с фибулой «зарубинецкого» типа. Сарматы часто использовали длинные мечи с кольцевым навершием. Так среди известных парных находок мечей и кинжалов в сарматских комплексах II–I вв. до н.э. значительно преобладают именно длинные, иногда свыше метра, мечи с кольцевым навершием.

Однако подавляющее большинство из них следует определить в группу коротких мечей. Некоторые из них совсем небольших размеров, остальные, в основном, укладываются в размерные рамки 40–55 см. В производстве железных мечей с прямым перекрестием и кольцевым навершием не существовало жестких стандартов, они могли различаться между собой некоторыми морфологическими деталями (например, формой клинка, навершия и т. д.).

Как правило, навершия мечей в плане имеют круглую форму – тип 4, но нередко встречаются и овальные, которые выделяются в тип 5.

Мечи без металлического навершия с прямым или ромбовидным перекрестием (отдел V, тип 1) относятся к группе длинных, размеры их варьируют в пределах 95–110 см. Лезвия обычно прямые и узкие, рукоять в большинстве случаев длинная, штыревидная, на некоторых сохранились штифты для крепления обкладок.

Датировки раннесарматских мечей этого типа начиная со II века до н.э. убедительно обоснованы А. С. Скрипкиным (Скрипкин А. С., 2000. С. 19–29).

Представительная серия мечей из сарматских комплексов Нижнего Поволжья демонстрирует несовпадение их хронологических позиций с временными рамками собственно сарматских культур и периодов внутри культуры. В этом отношении оружие имеет свою собственную периодизацию и закономерности развития. Кроме того, следует отметить, что большая часть типов мечей, бытовавших в раннесарматское время, за исключением классических «прохоровских», не может служить маркером самой раннесарматской культуры, поскольку встречается и в памятниках других синхронных культур.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-20103 а/В

Мечи и кинжалы в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья

Военное дело – неотъемлемая часть культуры и самой жизни практически любого кочевого общества. В значительной степени весь жизненный уклад кочевников был связан с войной и военными действиями в самых различных их формах. В этом отношении сарматы не являются исключением, наоборот – в сочинениях древних историков они предстают одним из наиболее ярких примеров предельной милитаризации всех общественных институтов.

I – первая половина II веков н. э. – время существования среднесарматской культуры – одна из наиболее ярких и насыщенных событиями страниц истории сарматов. Именно в это время различные кочевые объединения (языги, роксоланы, аорсы и аланы) проявляют очень высокую военно-политическую активность на восточных границах Римской империи, вторгаются в Закавказье, угрожая Армении и Парфии. Неоднократные успехи военных акций сарматов были обусловлены высокой степенью организации у них военного дела. Изучение его в значительной степени строится на исследовании археологического материала.

Комплекс вооружения среднесарматской культуры Нижнего Поволжья изучен достаточно полно в фундаментальных исследованиях А. М. Хазанова и А. С. Скрипкина (Хазанов А. М., 1971; Скрипкин А. С., 1990. С. 58–74, 117–142). Все вооружение сарматов делится на две категории – наступательное и защитное. Первая категория в погребальных памятниках поволжских степей представлена полно и весьма выразительно: мечи и кинжалы, наконечники стрел и копий. Вторая – гораздо хуже и единичными экземплярами: шлемы, детали доспехов и щитов. Видимо, использование их в погребальных ритуалах было строго регламентировано и в могилы они попадали лишь спорадически.

Вероятно, к вспомогательным видам вооружения следует относить топоры и арканы. В среднесарматских памятниках доно-уральских степей известно несколько случаев находок железных

топоров, но, за исключением секиры из Сусловского могильника, нет полной уверенности, что они являются оружием. Они вполне могли иметь и обычное хозяйственное назначение. Что же касается арканов, то кроме свидетельств Иосифа Флавия, Амвросия, Павсания, Помпония Мелы и Аммиана Марцеллина, повествующих об искусном применении их сарматами (Хазанов А. М., 1971. С. 50), какими-либо археологическими данными о них мы не располагаем.

Отечественные и зарубежные исследователи типологию сарматского оружия строили на основе морфологии (Смирнов К. Ф., 1961; Шилов В. П., 1959. С. 432–462; Мошкова М. Г., 1963. С. 33–36; Хазанов А. М., 1971; Скрипкин А. С., 1990. С. 59–74; Васильев В. Н., 2001; Клепиков В. М., 2002. С. 18–41; Ginters W., 1928). На сегодняшний день такой метод является наиболее эффективным, хотя и не лишенным некоторых недостатков. В частности, при его применении далеко не всегда учитывается технология изготовления той или иной вещи. Однако, металлографическое изучение сарматского оружия – процесс довольно трудоемкий и длительный, требующий специальной подготовки исследователя и долженствующий служить предметом особого исследования.

Мечи и кинжалы. Деление сарматского клинкового оружия на эти две категории довольно условно, так как морфологически они бывают трудно различимы. Они должны делиться по своему функциональному назначению: меч – оружие рубяще-колющего типа, кинжал – колющего. Однако бывает трудно провести грань между длинным кинжалом и коротким мечом, особенно, когда имеешь дело с археологическим материалом. Часто коррозия настолько деформирует клинок, что определить его функцию невозможно. Пожалуй, единственным критерием деления на мечи и кинжалы в нашем случае являются их размерные значения. А. С. Скрипкиным была проведена группировка сарматских мечей по их размерам. Исходя из статистических данных, он выделил две размер-

ные группы (отдельно для мечей с кольцевидным навершием): от 28 до 75 см и от 90 до 113 см. По его мнению первая группа может считаться короткими мечами или акинаками, вторая – длинными мечами (Скрипкин А. С., 1990. С. 61). В типологических схемах А. М. Хазанова и А. С. Скрипкина они рассматривались суммарно. На наш взгляд этот принцип группировки вполне оправдан, прошел проверку временем и стал традиционен. Вряд ли есть смысл его менять.

Исходя из морфологических деталей мечей – формы навершия и перекрестия – все клинковое оружие среднесарматской культуры можно разделить на несколько типов. Ведущей, количественно доминирующей группой являются мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием. Такие мечи были выделены А. С. Скрипкиным в тип 3 (Скрипкин А. С., 1990. С. 62). Остальные типы мечей в среднесарматских памятниках представлены количественно небольшими группами или единичными экземплярами: мечи с волотообразным навершием и прямым перекрестием (тип 5 по А. С. Скрипкину); меч с дисковидным навершием и прямым перекрестием; мечи без металлического навершия с прямым или ромбовидным перекрестием (типы 6 и 7 по А. С. Скрипкину); мечи без металлического навершия и перекрестия (тип 8 по А. С. Скрипкину). Этим ассортимент данной категории оружия в среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья исчерпывается.

Самой многочисленной серией являются мечи с **кольцевидным навершием и прямым перекрестием**. В ней имеется несколько экземпляров без перекрестия, но так как нет полной уверенности в том, что оно изначально у них отсутствовало, а не разрушилось в результате коррозии или не было утеряно еще в древности, то они не выделялись в отдельный тип. В среднесарматских памятниках Нижнего Поволжья на сегодняшний момент (2006 г.) мной учтено 157 экземпляров мечей и кинжалов рассматриваемого типа. Не меньше их известно на Нижнем Дону, южнее Маныча. В Южном Приуралье их значительно меньше, как и самих погребений I – первой половины II веков н. э.

Вся группа морфологически монолитна, хотя можно отметить некоторые различия в форме навершия. В большинстве своем оно имеет правильную форму кольца (рис. 1, 1), но есть навершия сегментовидной (рис. 1, 4), овальной, вертикально сплюснутой формы (рис. 1, 2, 3). У отдельных экземпляров верхняя часть навершия сплюснута и прогнута. Технология изготовления наверший также различается. В большинстве случаев конец

рукоятки расковывался в тонкий стержень, который затем изгибался в кольцо, конец которого внахлест сваривался с основанием рукояти. Во втором варианте конец рукоятки расковывался в плоскую петлю, в которую вставлялось отдельно изготовленное кольцо, закреплявшееся в нем горячей ковкой. Оба варианта хронологически не различимы.

В свое время, следуя предположению В. Гинтерса, А. М. Хазанов выдвинул версию происхождения мечей с кольцевидным навершием эволюционным путем от акинаков с волотообразным навершием. По его мнению, этот процесс происходил в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье и завершился к III веку до н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 6–9). Появившись еще в раннесарматское время, этот тип стал ведущим в среднесарматскую эпоху. Это мнение в свое время было поддержано всеми исследователями. Однако в 1992 году была высказана иная точка зрения. А. С. Скрипкин предположил, что мечи с кольцевидным навершием появились у сарматов не ранее II века до н. э. под влиянием восточных традиций, в частности под влиянием кочевого населения Северного Китая и Южной Сибири (Скрипкин А. С., 1992. С. 34, 35). Эта мысль была недавно развита им в специальной обширной статье (Скрипкин А. С., 2005. С. 171–185). Мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестием появляются у сарматов Поволжья и Южного Приуралья во II, возможно, в III веках до н. э. на фоне целого ряда инноваций восточного происхождения и представляют собой продукт развития форм данного типа, известного в восточных районах евразийских степей и Северного Китая еще с эпохи поздней бронзы (Скрипкин А. С., 2005. С. 183, 184).

В относительно массовом количестве они становятся известны в позднепрохоровское время – во II–I веках до н. э. В погребениях этого времени такие мечи и кинжалы чаще всего встречаются в сочетании с мечами других типов – по большей части с классическими прохоровскими мечами с серповидным навершием и прямым перекрестием, реже с длинными мечами без навершия, с прямым или ромбовидным перекрестием – хотя известно достаточно много раннесарматских комплексов, содержавших только мечи с кольцевидным навершием (Синицын И. В., 1959. С. 115, 116. Рис. 37, 21. С. 148–155. Рис. 50–52). Целая серия коротких (длиной не более 60 см) мечей происходит из погребений кургана № 33 могильника Перегрузное I, датируемых II – серединой I веков до н. э.¹, но все же для позднепрохоровских комп-

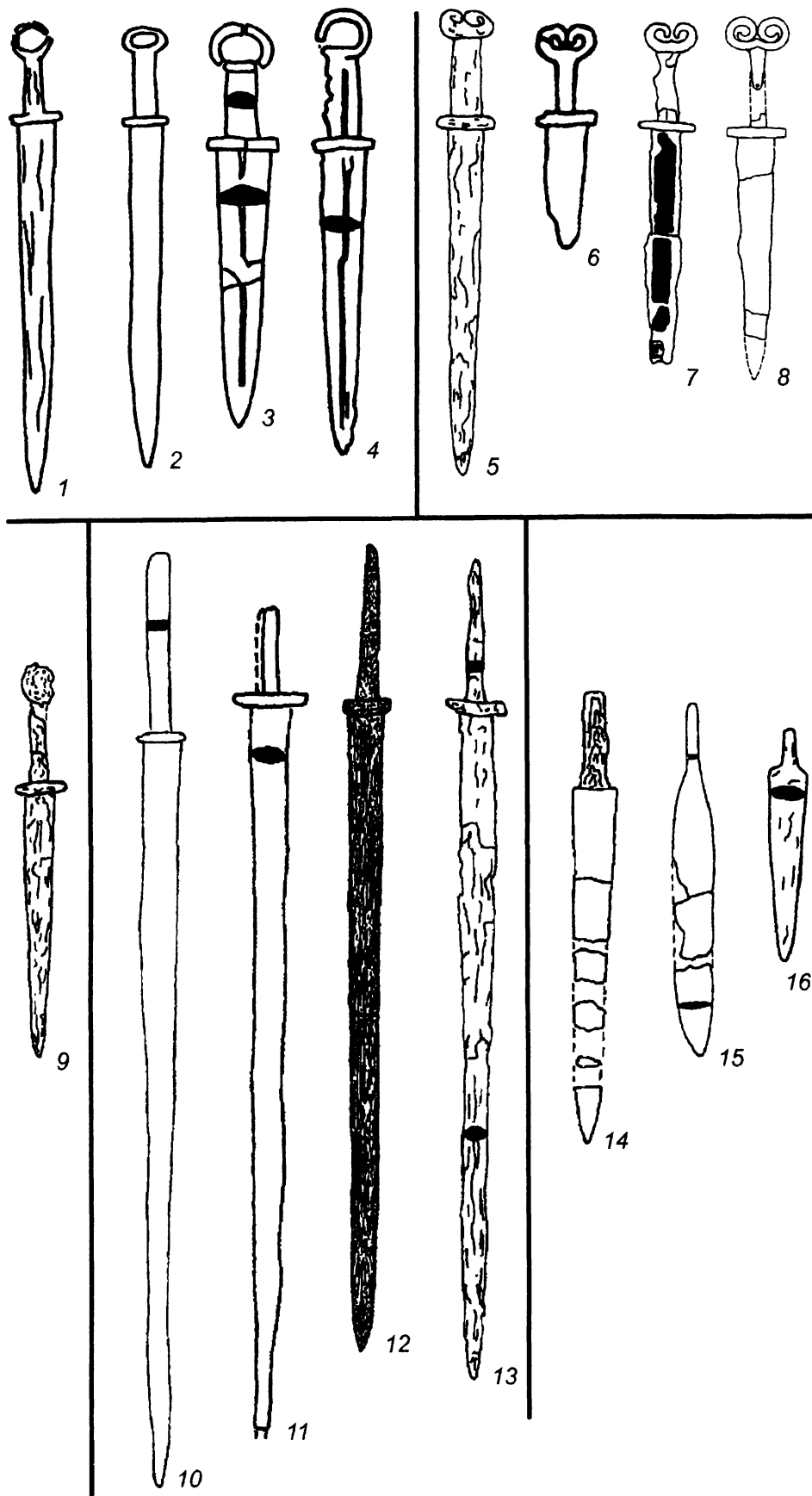

Рис. 1. Мечи и кинжалы из среднесарматских памятников Нижнего Поволжья:

1-4 – мечи и кинжалы с кольцевидным, овальным и сегментовидным навершиями;

5-8 – мечи и кинжалы с волютообразным навершием (7 и 8 из позднесарматских погребений);

9 – кинжал с деревянным дисковидным навершием; 10-13 – мечи без навершия с прямым, ромбовидным перекрестием;

14-16 – мечи и кинжалы без навершия и перекрестия. Все без масштаба

лексов более характерны не короткие, а длинные, так называемые всаднические мечи длиной около 1 м.

Мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием становятся массовым явлением, превращаются в ведущий тип клинкового оружия в среднесарматскую эпоху, в I – первой половине II веков н. э. Традиционно принято считать такую ситуацию, если не признаком вызревания среднесарматских традиций в недрах раннесарматской культуры, то проявлением генетической связи двух культур. Действительно, этот факт можно рассматривать как аргумент в вопросе о преемственности ранне- и среднесарматской культур, но эту линию преемственности не следует понимать излишне прямолинейно. В среднесарматских памятниках нет длинных мечей с кольцевидным навершием. Длина таких мечей не превышает 70 см. Пожалуй, это единственная хронологическая особенность мечей рассматриваемого типа – длинные, около 1 м и больше, мечи датируются только II–I вв. до н. э. и в среднесарматскую эпоху они не известны. За исключением отмеченного факта никаких иных возможностей для хронологических разработок данный тип клинкового оружия не дает.

Появившись у сарматов во II веке до н. э. (не исключается и III век до н. э.), мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием существовали все позднеспеховское время и в среднесарматскую эпоху практически без каких-либо переменных изменений, за исключением отмеченных ранее размерных соотношений, имеющих культурно-хронологическое значение. Видимо, сарматские мечи и кинжалы с кольцевидным навершием и прямым перекрестием представляют собой завершающую фазу эволюции клинкового оружия этого рода. Начальный этап генезиса этого типа мечей следует связывать с районами Северного Китая и Южной Сибири, где они появляются еще в эпоху поздней бронзы и известны в раннескифское время (Членова Н. Л., 1976. С. 37; Вадецкая Э. Б., 1986. С. 88–90; Чжун Сук-Бэ, 2000. С. 129). Эволюция их насчитывает почти тысячу лет, причем этот процесс не отличался особой динамичностью и разнообразием форм. Вероятно, в этом и кроется причина хронологической невыразительности мечей интересующего нас типа.

Мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестием у сарматов доживают до начала позднесарматской эпохи. Раскопки на Дону и в Нижнем Поволжье убедительно свидетельствуют в пользу

верности мысли А. М. Хазанова, что они существуют и на первом этапе позднесарматской культуры, вплоть до начала III века н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 12; Volkov I. V., Guguev Yu. K., 1986. S. 73, 74. Pl. 51, 1; Безуглов С. И., 1988. Рис. 2, 3; Гугуев В. К., Безуглов С. И., 1990. Рис. 2, 11; Сергацков И. В., 2000. С. 127. Рис. 106, 5; Илюков Л. С., 2000. Рис. 5, 4). Это обстоятельство лишний раз свидетельствует о генетической связи средне- и позднесарматской культур и о сохранении многих среднесарматских традиций на первом этапе позднесарматской культуры во второй половине II – первой половине III веков н. э.

Мечи с волютообразным навершием и прямым перекрестием. В среднесарматских памятниках они представлены небольшой серией и происходят из районов Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Криволиманский, курган 8, погребение 5; Новый, курган 85, погребение 4; курган 106, погребение 7; Ханата, курган 2, погребение 1; Жутово, курган 43, погребение 1 (рис. 1, 5, 6).

Единично такие мечи встречаются в позднеспеховских памятниках (Скрипкин А. С., 1990. С. 125, 126. Рис. 22; Сергацков И. В., Шинкарь О. А., 2003. Рис. 7, 8; Мордвинцева В. И., Клепиков В. М., 1998. С. 86. Рис. 4, 1; Скрипкин А. С., 2003. С. 289–294). Известны две находки кинжалов с бронзовыми волютообразными навершиями в позднесарматских погребениях второй половины II – начала III веков н. э. в Сидорах и Барановке (Скрипкин А. С., Мамонтов В. И., 1977. С. 285–287; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Рис. 26). Вряд ли немногочисленные экземпляры кинжалов такого рода следует считать прямым наследием традиций скифской эпохи в сарматской культуре Нижнего Поволжья. Скорее всего, они принадлежат к числу инноваций в сарматской культуре, имеющих восточные истоки, и появляющихся во II в. до н. э. Кинжалы с волютообразными навершиями хорошо известны в памятниках Среднеазиатского междуречья и Согда последних веков до н. э. и начала н. э. (Мандельштам А. М., 1966. С. 14, 46; Обельченко О. В., 1978. Рис. 4; Литвинский Б. А., Седов А. В., 1984. Табл. XIII, 5, 6; Степная полоса, 1992. Табл. 41, 9, 20). Вероятно, именно эти районы и следует рассматривать в качестве исходной территории, где этот тип кинжалов сформировался и откуда он был принесен в волго-донские степи. Появление таких кинжалов в Северном Причерноморье в погребениях среднесарматского облика, видимо, связано с этими же процессами (Симоненко А. В., 1984. С. 132–135).

Общая дата кинжалов с волютообразным на-

вершием и прямым перекрестием укладывается в рамки II в. до н. э. – начало III в. н. э. Служить каким-либо основанием для узких датировок комплексов они не могут. Единственная особенность, которую следует отметить – у кинжалов из Сидор и Барановки, происходящих из поздне-сарматских погребений (рис. 1, 7, 8), навершия изготовлены из бронзы.

Меч с дисковидным навершием и прямым перекрестием (рис. 1, 9). Известен в единственном экземпляре и происходит из могильника Первомайский VII, курган 14, погребение 3 (Мамонтов В. И., 2000. Рис. 17, 13). В качестве навершия у него имелся деревянный диск, надевавшийся на штыревидную рукоять. Видимо, навершие было обшито красной кожей. Для сарматских памятников волго-донских степей меч из Первомайского могильника безусловно оригинален, но он находит весьма близкие аналогии в Средней Азии, в Агалыксайском и Лявандакском могильниках (Обельченко О. В., 1978. С. 117, 118. Рис. 1, 3; Степная полоса., 1992. Табл. 41, 13). Первый меч О. В. Обельченко датировал II в. до н. э., а второй – временем около рубежа эр (Обельченко О. В., 1961. С. 163; 1978. С. 118). Богатое воинское захоронение из VII Первомайского могильника, откуда про-

исходит рассматриваемый меч, достаточно четко датируется I в. н. э. (Мамонтов В. И., 2000. С. 17–19. Рис. 16, 17). Интересно, что из нижнедонских могильников Ново-Александровка I и Высочино V среднесарматского времени происходят короткие мечи или кинжалы с железными дисковидными навершиями, которые находят прямые аналогии в среднеазиатских памятниках (Глухов А. А., 2005. Рис. 38, 8, 9; Обельченко О. В., 1978. Рис. 3, 5; Степная полоса., 1992. Табл. 41, 4). Такая близость форм не случайна. Думается, абсолютно прав А. А. Глухов считающий, что у сарматов такие кинжалы появляются в уже сложившемся виде, а сформировался этот тип оружия в Средней Азии (Глухов А. А., 2005. С. 62).

Мечи без металлического навершия, с прямым или ромбовидным перекрестием. А. С. Скрипкиным они были отнесены к типам 6 и 7 (Скрипкин А. С., 1990. С. 62). В статье они рассматриваются суммарно, без деления их на отдельные группы (рис. 1, 10–13). Такие мечи известны как в Заволжье, так и в Волго-Донском междуречье. В своей недавней статье А. С. Скрипкин привел сводку находок мечей этого вида и дал им исчерпывающую характеристику (Скрипкин А. С., 2000. С. 17–21). Мечи указанных типов всегда длинные, они имеют длинную штыревидную рукоятку, короткое прямое, ромбовидное в сечении перекрестие. Иногда перекрестие имеет прямоугольный вырез, иногда оно слегка изогнуто в сторону рукояти. У некоторых экземпляров перекрестие бронзовое, надевавшееся на основание клинка. А. С. Скрипкиным было учтено 19 мечей рассматриваемого типа, из них девять были найдены в раннесарматских памятниках, восемь – в среднесарматских и два – в позднесарматских погребениях. С 2000-го года, с момента выхода статьи А. С. Скрипкина, их количество в поволжских сарматских погребениях увеличилось незначительно. В раннесарматских погребениях они были обнаружены в погребении 3 кургана № 3 могильника Маляевка V и в погребении 13 кургана № 13 могильника Перегрузное I (Сергацков И. В., Дворниченко В. В., Демкин В. А., 2001. Рис. 10, 10; Клепиков В. М., Шинкарь О. А., 2004. Рис. 10, 5). В частично разграбленном среднесарматском кургане № 2 могильника Колобовка III найдены обломки длинного меча, возможно, интересующего нас типа (Сергацков И. В., Клепиков В. М., 2001. Рис. 5, 8). В кургане № 37 могильника Аксай II, датирующегося I в. н. э., обнаружен еще один длинный железный меч с коротким прямым перекрестием и без металлического навершия.²

в р е м я	Типы мечей и кинжалов				
					
III в. н.э.					
II в. н.э.					
I в. н.э.					
I в. до н.э.					
II в. до н.э.					
III в. до н.э.					
IV в. до н.э.					

Рис. 2. Хронологические позиции мечей и кинжалов из среднесарматских погребений Нижнего Поволжья

Мечи рассматриваемого типа исследователи вполне обоснованно возводят к китайским прототипам. Однако путь поступления их к сарматам был не прямым, а через Среднюю Азию, где отмечается наибольшая концентрация таких мечей. Именно там и был выработан этот тип мечей, представляющих собой дериват китайских образцов (Маслов В. Е., 1999. С. 220, 221; Скрипкин А. С., 2000. С. 17–21).³ Рассматриваемый тип оружия А.С. Скрипкиным суммарно датируется в пределах II в. до н. э. – первой половины III в. н. э. (Скрипкин А. С., 2000. С. 20). Таким образом, появившись у сарматов в конце прохоровской эпохи, мечи без металлического наконечника с прямым перекрестием выходят у них из употребления в начале позднесарматского периода.

Мечи и кинжалы без металлического наконечника и перекрестия (рис. 1, 14–16). А. М. Хазановым по форме основания клинка они подразделялись на типы 2 и 3 (Хазанов А. М., 1971. С. 17). Их было принято считать типичным оружием позднесарматской культуры, хотя, по наблюдениям А. М. Хазанова, они появляются у сарматов уже в сусловскую эпоху (Хазанов А. М., 1971. С. 20). Сейчас очевидно, что самые ранние образцы такого оружия датируются гораздо более ранним временем. В погребении 3 кургана № 1 могильника Никольское IV, где погребенный был ориентирован головой на запад, найден длинный меч без перекрестия и наконечника. Бронзовыми наконечниками стрел и типичной «сарматской» керамикой погребение датируется IV или даже второй половиной V веков до н. э. (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. С. 102–104. Рис. 80, 8). Это один из самых ранних образцов мечей такого рода в Поволжье.

А. С. Скрипкиным была приведена сводка мечей без наконечника и перекрестия, происходящих из ранне- и среднесарматских комплексов (Скрипкин А. С., 1990. С. 132, 133). К ней следует добавить кинжалы из погребения 3 кургана у села Писаревка и погребения 2 кургана № 1 могильника Желтухин; кургана № 106 курганной группы Бахтияровка III (раскопки В. А. Кригера 1985 г.), относящихся к среднесарматской культуре (Сергацков И. В., 2000. С. 81. Рис. 99, 3. С. 99. Рис. 119, 20). Таким образом, единичные экземпляры мечей и кинжалов без наконечника и перекрестия появляются у кочевников Нижнего Поволжья еще в скифскую эпоху, более широко распространяются в ранне- и среднесарматское время, но ведущей формой становятся в памятниках позднесарматской культуры.

Происхождение длинных позднесарматских

мечей от центральноазиатских прототипов сейчас может считаться убедительно доказанным (Безуглов С. И., 2000. С. 169–182). Вопрос о генезисе мечей и кинжалов этого же типа, но более раннего времени, не столь ясен, но, думается, и здесь сыграл свою роль восточный культурный импульс.

Все типы мечей и кинжалов, бытующих в среднесарматскую эпоху, имеют довольно широкую дату (рис. 2). В I – первой половине II веков н. э. безусловно преобладают короткие мечи с прямым перекрестием и кольцевым наконечником. Это стандартный тип меча среднесарматской культуры, один из ее определяющих признаков. Однако, как уже отмечалось, эти мечи, в том числе и короткие, появляются уже в раннесарматскую эпоху и доживают до первого этапа позднесарматской культуры. Они не могут служить точно датирующим материалом, в лучшем случае они могут лишь указывать на культурную принадлежность комплекса, в котором такие мечи присутствуют. То же самое относится и к остальным рассмотренным в статье типам мечей и кинжалов. По сравнению со скифской эпохой в среднесарматское время комплекс клинкового оружия довольно сильно стандартизируется. Создать дробную типологию мечей среднесарматской культуры невозможно. Также невозможно строить на них «узкую» хронологию памятников. Среднесарматская культура существовала относительно небольшой отрезок времени, в течение которого какие-либо эволюционные тенденции просто не сумели проявиться. Да и судя по тому, что абсолютное большинство типов мечей, бытовавших в сусловскую эпоху, в начале III века н. э. исчезает⁴, они достигли конечной фазы своей эволюции. Однако, по всей вероятности, это не самый важный фактор рассматриваемой проблемы. Скорее всего, у сарматов к I веку н. э. сложились весьма устойчивые традиции в военном деле. Эти традиции не оставляли места для каких-либо вариаций в производстве клинкового вооружения. Возможно, сыграли свою роль и некоторые изменения в способе ведения боя сарматами, которые, вероятно, произошли примерно на рубеже эр.

В массе раннесарматских памятников четко выделяется довольно многочисленная группа погребений с устойчивым сочетанием длинного и короткого мечей, колчана со стрелами и наконечника копья. Такие комплексы вполне справедливо принято считать захоронениями тяжеловооруженных воинов-всадников. Они составляли ударную силу сарматского войска и одновременно социальную

элиту кочевого общества (Лукашов А.В., 1986. С. 66–81; Васильев В. Н., 2001. С. 90–93). Среди среднесарматских погребений Нижнего Поволжья таких комплексов очень мало. Абсолютное преобладание коротких мечей и кинжалов в комплексе вооружения средних сарматов при незначительном количестве длинных всаднических мечей может указывать на иной способ ведения боя у них по сравнению с раннесарматской эпохой. Не исключено, что и в социальном отношении среднесарматское общество было организовано несколько иначе, чем раннесарматское – воинская элита могла играть в нем более скромную роль, чем в предшествовавшее время.

В середине II век н. э. в волго-донских степях появляются носители новой позднесарматской культуры. Они принесли с собой новый комплекс вооружения, новые традиции военного дела. Ведущим типом клинкового оружия становится длинный меч без металлического навершия и перекрестия. Распространение на огромных просторах восточноевропейских степей «всаднических» погребений второй половины II – первой полови-

ны III веков н. э. с удивительно близкими уздечными наборами, поясной гарнитурой и предметами вооружения вполне справедливо связывается исследователями со становлением у поздних сарматов дружинной организации, игравшей главную роль в кочевом обществе первых веков н. э. (Безуглов С. И., 1997. С. 138; 2000. С. 180; Мошкова М. Г., 2001. С. 244).⁵

Примечания:

¹ Раскопки В. М. Клепикова 2004 года. Материалы не опубликованы.

² Раскопки А. Н. Дьяченко 2006 года. Материалы не опубликованы.

³ В указанных статьях помещен обширный список литературы по этой теме.

⁴ Исключение составляют лишь мечи и кинжалы без перекрестья и навершия.

⁵ Впрочем, археолог никогда не должен забывать, что имеет дело лишь с незначительными фрагментами некогда живой культуры. В деле воссоздания ее по этим фрагментам исследователя могут ждать довольно большие сложности и ошибки (Клейн Л. С., 2004. С. 110–134).

Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья

Оружие в жизни кочевников имело важное значение и свидетельством этому являются многочисленные находки предметов вооружения в погребениях степного населения раннего железного века.

Комплексное изучение вооружения сарматского времени предпринималось в трудах А. М. Хазанова и А. С. Скрипкина (Хазанов А. М., 1971; Скрипкин А. С., 1990. С. 59–74, 117–142). Вооружение позднесарматской культуры до сих пор изучено не достаточно основательно. В последние годы проблеме вооружения позднесарматского времени посвящены лишь единичные публикации (Безуглов С. И., 2000. С. 169–193).

В погребениях Нижнего Поволжья середины II–IV веков н. э. встречаются различные типы вооружения: мечи, кинжалы, стрелы, копья, луки. В исследуемых комплексах не зафиксированы предметы защитного вооружения.

Всего, из проанализированных погребений позднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья, предметы вооружения встречены в 21,3 % погребений (123 погребения). При этом в 93,4 % случаев вооружение встречено в мужских погребениях и лишь 6,6 % случаев – в женских.

Относительно клинкового вооружения уже устоялись принципы деления его на кинжалы, короткие и длинные мечи в зависимости от длины, предложенные в работах А. М. Хазанова (Хазанов А. М., 1971. С. 109–117), А. С. Скрипкина (Скрипкин А. С., 1990. С. 60), В. М. Клепикова (Клепиков В. М., 2002. С. 21).

Мечи. В исследованной выборке погребений позднесарматского времени зафиксировано 64 находки мечей. Длина мечей свыше 40 см. Среди них два – с кольцевидным навершием и характерный тип для позднесарматской культуры без металлического навершия и перекрестия.

Единственный длинный меч без перекрестия с кольцевидным навершием обнаружен в позднесарматской могиле с подбоем и северной ориентировкой погребенного, у которого отмечена де-

формация черепа, (Авиловский II, 14/1) (рис. 1, 1). Видимо, навершие у данного меча выступает в качестве архаичного пережитка среднесарматской эпохи.

Все остальные мечи не имели металлического навершия и перекрестия. Такие мечи являются одним из наиболее ярких индикаторов позднесарматской культуры в сочетании с другими признаками.

Существуют различные точки зрения на вопросы происхождения и генезиса мечей без навершия и перекрестия. Так А. М. Хазанов выделил мечи без навершия и перекрестия во 2 и 3 типы своей типологии и указывал на время их господства во II–IV вв. н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 17, 20). Появление мечей без навершия он относил к савроматскому времени и их генезис до позднесарматского времени связывал с преемственностью традиций вооружения в савроматско-сарматском мире. При этом А. М. Хазанов не исключал влияния среднеазиатских областей и Сибири на эволюцию мечей этого типа у сарматов (Хазанов А. М., 1971. С. 20). А. С. Скрипкин выделил мечи без металлического навершия и перекрестия в своей типологии в тип 8. По его мнению, такие мечи появились и развивались с раннесарматского времени параллельно с мечами без навершия с перекрестием, но широко были распространены лишь в позднесарматское время (Скрипкин А. С., 1990. С. 62, 63, 132, 133). С. И. Безуглов в работе посвященной позднесарматским мечам Подонья приводит убедительную версию происхождения длинных мечей позднесарматского времени от среднеазиатских прототипов. Появление их в Подонье он связывает с культурно-историческими переменами конца I – конца II вв. н. э. в сарматском мире в целом, приведшими к утверждению позднесарматской культуры (Безуглов С. И., 2000. С. 169–193).

Различия между мечами 2 и 3 типов, выделенных А. М. Хазановым, состоят в форме перехода от основания клинка к рукояти-штырю: во 2 тип

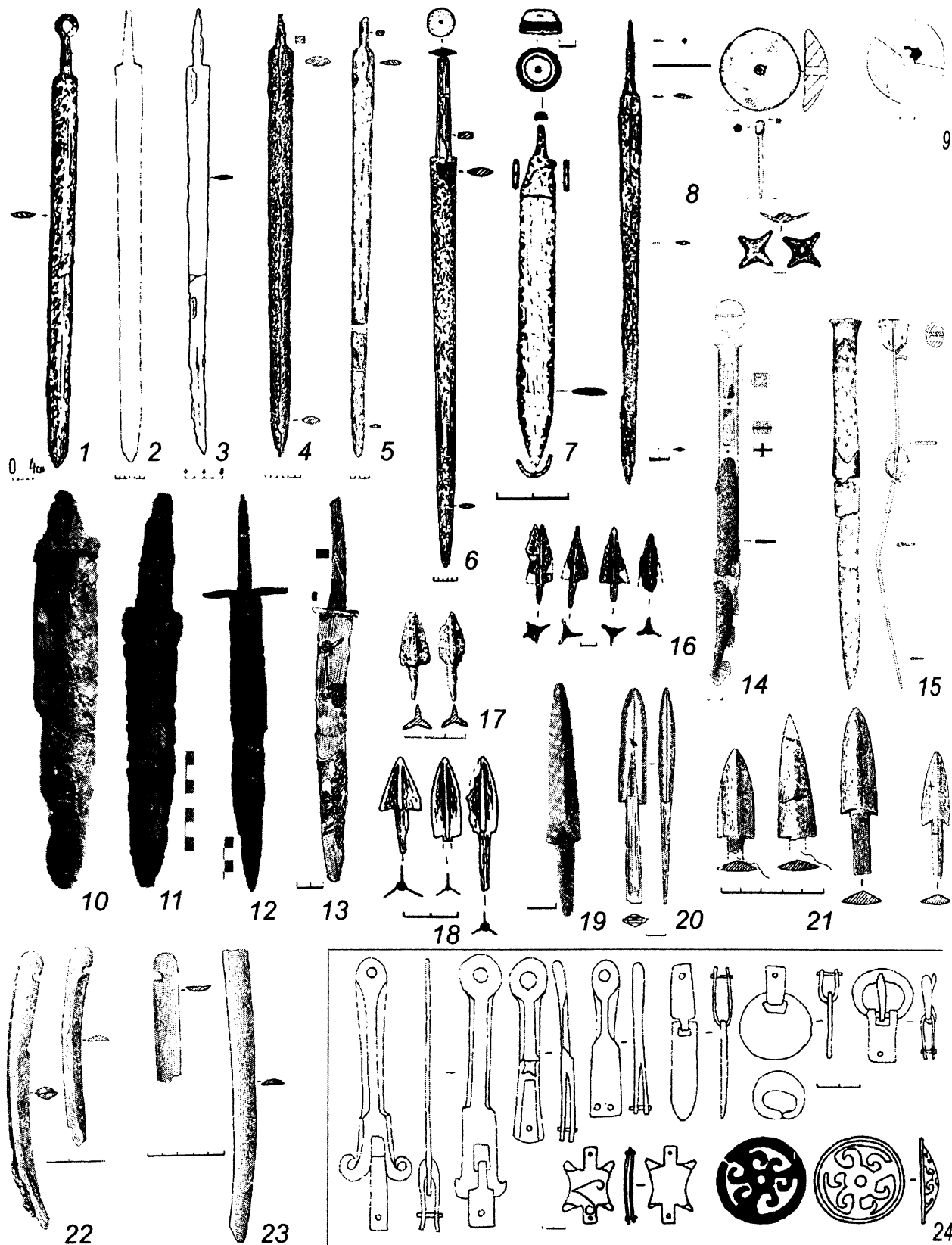

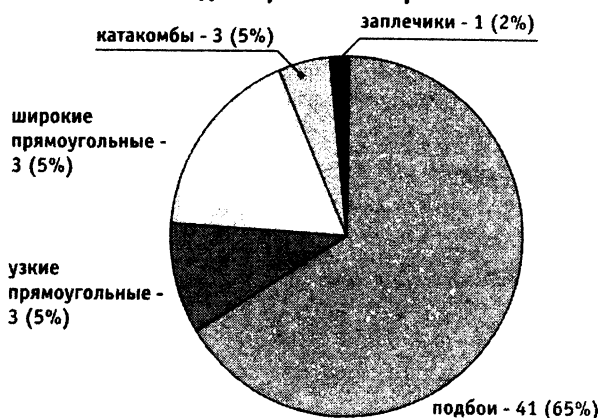
Рис. 1. Вооружение и вещи из позднесарматских погребений Нижнего Поволжья:

- 1 - Авиловский II, 14/1; 2 - Улан-Толга (Хопр-Толга); 3 - Кузин хутор, 13/1; 4 - Абганерово II, 8/1; 5 - Гусевка I, 3/1; 6 - Колобовка III, 1/4; 7 - Большая Дмитриевка, 24/1; 8 - Солянка I, 3/2; 9 - Три брата II, 25/1; 10 - Жutowo, 38/1; 11 - Сидоры, 22/1; 12 - Аксай II, 27/1; 13 - Старица, 63/1; 14 - Ковыльнов III, 5/1; 15 - Аксай II, 5/1; 16 - Лебяжье, 7/1; 17 - Калиновский, 38/1; 18 - Барановка I, 23/1; 19 - Успенка I, 2/1; 20 - Колобовка III, 1/1; 21 - Калиновский, 7; 22 - Калиновский, 11/2; 23 - Калиновский, 7/1; 24 - Котлубань, 2/1

объединены мечи и кинжалы с треугольным основанием клинка и плавным переходом от клинка к рукояти, а в тип 3 – длинные мечи, основание которых образует прямой угол с рукоятью. Причем, мечи 3 типа появляются в III–IV веках н. э., тогда как мечи типа 2 господствуют с начала позднесарматской эпохи (Хазанов А. М., 1971. С. 17, 20). Однако мною в исследованных комплексах не обнаружено какой-либо хронологической изменчивости форм ручки-штыря, вариантов переходов от клинка к ручке. Оба типа существуют параллельно с середины II века н. э. и преобладание какого-то из них не наблюдается (рис. 1, 2–5). В большинстве случаев форма перехода от клинка к ручке фиксируется плохо, вследствие коррозии и точно установить тип меча не представляется возможным.

В позднесарматских погребениях хорошо известны элементы ременной гарнитуры и детали отделки мечей. Среди них каменные и металлические навершия, крепившиеся к деревянным ручкам, портупейные скобы из нефрита и др. (Безуглов С. И., 2000). В Нижнем Поволжье таких находок значительно меньше чем в Подонье. В обозначенной выборке зафиксировано лишь четыре меча с каменными навершиями. В кургане 1 могильника Колобовка III в насыпи кургана обнаружен набор вещей, среди которых меч длиной 108 см с халцедоновым навершием (рис. 1, 6). Этот набор, вероятно, связан с диагональным погребением № 1, датируемым второй половиной II в. н. э. (Сергацков И. В., Клепиков В. М., 2001. С. 196, 197. Рис. 1, 2, 4, 6). В могильнике Большая Дмитриевка в насыпи кургана № 24 обнаружен короткий меч с халцедоновым навершием (рис. 1, 7). Курган относится к позднему этапу позднесарматской культуры второй половины III–IV вв. н. э. (Матюхин А. Д., 1997. С. 193, 194. Рис. 6, 16). В диагональном погребении могильника Три брата II (курган 25, погребение 1), дата которого не выходит за рамки II века н.э., рядом с мечом найдено халцедоновое навершие на бронзовом штифте (рис. 1, 9) (Рыков П. С., 1936. С. 154. Рис. 24). В могильнике Солянка I (курган 3, погребение 2) обнаружен длинный меч (97 см) с навершием из опала, на штифт которого надето украшение в виде серебряной звездочки (Скворцов Н. Б., 2001. С. 244. Рис. 1, 5–7) (рис. 1, 8). Размеры мечей варьируют в широких пределах: длина их колеблется от 44 до 108 см, ширина клинка у основания – от 3,5 до 8 см. Причем мечи в количественном плане распределяются на шкале длины и ширины клинка достаточно равномерно.

Таблица 1
Находки мечей в различных типах погребальных ям позднесарматского времени

Мечи в позднесарматское время встречаются во всех типах погребальных конструкций, но чаще всего в подбоях (табл. 1). В 15 случаях меч найден слева от погребенного, в 18 – справа, в 31 – расположение меча определить не удалось. В 44 случаях погребения с мечами принадлежали мужчинам, лишь в одном комплексе костяк определен как женский (Терновский, 44/1). В 10 слу-

Таблица 2
Взаимовстречаемость различных типов вооружения в погребениях позднесарматского времени

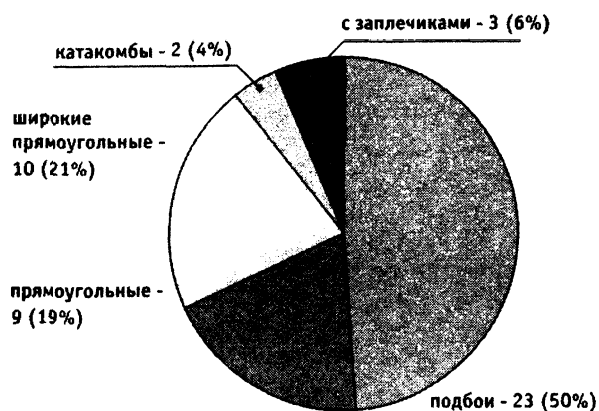
Виды оружия	меч	кинжал	стрелы	лук	колчан	копье
меч		10	7	3	1	2
кинжалы	10		6	2	3	
стрелы	7	6		3	3	1
лук	3	2	3		2	
колчан	1	3	3			
копье	2		1			

чаях меч сопровождался кинжалом (табл. 2) и, как правило, он лежал с той же стороны от покойного, что и меч. В семи погребениях обнаружены стрелы. Колчан найден вместе с мечом в одном, а детали луков в трех погребениях. Лишь в двух комплексах найдены совместно меч и копье (Садовский – одиночный курган у ПМК п. 1; Старица, 25/2а). В восьми захоронениях находки меча сопровождалась находками удилищ. Часто на клинках мечей и кинжалов находят остатки деревянных ножен. Во всех описанных случаях, где это удалось зафиксировать, указывается, что ножны и мечей, и кинжалов были окрашены в красный цвет.

Кинжалы. Кинжалы в исследованных комплексах зафиксированы в 50 погребениях. Лишь два

Находки кинжалов в различных типах погребальных ям позднесарматского времени

Таблица 3

захоронения определены как женские, остальные – мужские. Кинжалы встречаются в различных типах ям, но чаще всего в подбоях (табл. 3). В шести случаях кинжал найден слева от погребенного, в 14 – справа, в одном случае между ног погребенного (Кузин хутор, 30/1).

Кинжалы представлены тремя типами. Кинжалы с кольцевыми навершиями происходят из двух погребений позднесарматского времени (Бережновка II, 67/1; Громославка II, 3/1). Оба погребения датируются в рамках второй половины II в. н. э. и, вероятно, эти клинки несут в себе пережитки традиций среднесарматской культуры, которые в Нижнем Поволжье сохраняются достаточно долго.

Другой тип – кинжалы с прямым перекрестием без металлического навершия, обнаружены в 12 погребениях. В трех случаях они встречены вместе с мечом. Перекрестия у этих кинжалов железные или бронзовые. Некоторые железные перекрестия широкие, накованные поперек основания клинка (Ленинск, 11/1; Сидоры, 22/1; Жутово, 38/1) (рис. 1, 10, 11). Ряд кинжалов имеют узкие ромбовидные железные перекрестия, которые, вероятно, имитируют аналогичные бронзовые (Акса́й II, 27/1; Ковыльнов III, 5/1) (рис. 1, 12). Собственно бронзовые перекрестия имеют плоскую ромбовидную форму и отмечены в двух погребениях (Старица, 63/1; Вербовский I, 5/1) (рис. 1, 13). Все погребения, в которых найдены кинжалы с прямым перекрестием, датируются в рамках второй половины II – первой половины III вв. н. э.

Наиболее многочисленна серия, представленная 36 кинжалами без навершия и перекрестия. Длина их варьирует от 25 до 39 см, ширина – от 3 до 5 см. Большинство имеют плавный переход от основания клинка к рукояти, однако встречаются кинжалы с прямым углом при переходе от клинка к рукояти (Октябрьский III, 1/1).

В 88 % случаев кинжалы обнаружены в погребениях, датируемых второй половиной II – первой половиной III в. н. э., и лишь 12 % захоронений с кинжалами датируются временем после середины III в. н. э. При этом отмечено, что все кинжалы с перекрестием относятся ко второй половине II – первой половине III вв. н. э.

В десяти случаях кинжалы сочетаются с мечами без навершия и перекрестия. В шести погребениях с такими кинжалами обнаружены стрелы. Колчан найден вместе с кинжалом в двух погребениях. В трех погребениях встречены остатки луков, в трех совместно с кинжалом найдены детали колчанов (табл. 2).

Необходимо отметить высокий процент встречаемости кинжалов с прямым перекрестием в захоронениях позднесарматского времени с такой категорией находок, как ножи с рукоятями, которые целиком или частично изготовлены из бронзы (Ковыльнов III, 5/1; Старица, 29/1) (рис. 1, 14, 15). Не исключено, что формы их рукоятей повторяют популярные в сарматское время костяные расширяющиеся кверху рукояти, сделанные как из двух пластинок, так и из цельной кости. В шести погребениях кинжалы сопровождалась ножами с бронзовыми рукоятями, пять из этих кинжалов имели прямое перекрестие.

Все погребения с ножами с бронзовыми рукоятями датируются второй половиной II – первой половиной III вв. н. э.

Всего в данной выборке учтено 11 таких ножей, в восьми случаях они обнаружены вместе с мечом или кинжалом. Столь высокий процент встречаемости этих ножей с клинковым оружием позволяет предположить, что они, наряду с мечами и кинжалами, входили в набор вооружения воинов высокого социального ранга. Все ножи найдены в мужских погребениях со значительным преобладанием в них северной ориентировки и высоким процентом деформации черепов. Такие ножи встречены в основном в подбоях, в единичных случаях – в узкой прямоугольной яме или катакомбе. Лишь однажды нож обнаружен в диагональном погребении второй половины II в. н. э., но он не сопровождался другим оружием (Акса́й II, 5/1).

До позднесарматского времени ножи с бронзовыми деталями рукоятей не известны в сарматском мире. Вероятно, в Нижнее Поволжье они были принесены с востока носителями позднесарматской культуры. Аналогичные ножи известны в Приуралье (Целинный I, 6/1) (Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000. Рис. 33, 18) и в Средней Азии (Литвинский Б. А. 1978. С. 14. Рис. 4, 1).

Стрелы. Стрелы являются редкой находкой в погребениях позднесарматского времени (рис. 1, 16–18). В исследуемых комплексах стрелы обнаружены в 4 % (24 погребения) от общего числа утненных погребений и в 19% от числа погребений с оружием. Практически все погребения датируются второй половиной II – первой половиной III вв. н. э. Как правило, в погребениях находят единичные наконечники, которые лишь обозначают нахождение стрел в могиле. Редко в могилах встречены наборы, включающие от 5 до 10 стрел (Старица, 75/1; Калиновский, 38/1).

В большинстве случаев железные стрелы позднесарматского времени представлены достаточно крупными трехлопастными черешковыми экземплярами. Продолжают бытовать наконечники 4–6 типов (по типологии А. М. Хазанова), размеры головок которых в большинстве случаев достигают 3–5 см (Хазанов А. М., 1971. С. 40, 41). Лопасты их срезаны под острым, тупым или прямым углом. В одном случае обнаружен наконечник типа 7 – с ромбической головкой (Петрунино IV, 2/1).

После середины III века н. э. в Нижнем Поволжье обычай класть стрелы в могилу практически исчезает. Мне известно лишь два погребения этого времени, в которых найдены единичные железные черешковые наконечники стрел плохой сохранности (Абганерово II, 25/1; Купцын Толга, 25/1).

Все костяные наконечники стрел позднесарматского времени обнаружены в Заволжье (Колобовка III, 1/1; Калиновский, 7/1; Успенка I, 2/1) (рис. 1, 19–21). Все эти комплексы датированы второй половиной II – первой половиной III вв. н. э.

Стрелы обнаружены совместно с мечом в шести погребениях, с кинжалом – в пяти захоронениях, вместе с мечом и кинжалом – в одном комплексе. Трижды стрелы сопровождал лук и лишь два раза они обнаружены вместе с колчаном (Кузин хутор, 33/1; Три брата II, 26/1). В одном погребении стрелы найдены с остатками копья.

Обряд положения стрел в могилу, начиная с утверждения позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье, постепенно вырождается и практически прекращает свое существование после середины III века н. э.

Луки. Детали луков зафиксированы в 5,7 % (7 погребений) от числа погребений с оружием, которые датируются серединой II – первой половиной III вв. н. э. В могилах, как правило, фиксируются лишь костяные накладки на лук, концевые или срединные (рис. 1, 22, 23). В погребениях после середины III века н. э. детали луков не зафиксированы.

Копья. Копья отмечены в четырех из исследованных комплексов. В двух случаях копья сопровождали мечи. В трех случаях в могилах были найдены лишь фрагментированные втулки копий, форма которых не восстанавливается (Старица, 20/1, 25/2а; Садовский – одиночный курган у ПМК, 1/1). Только в могильнике Три брата I (курган 2, погребение 1) в узкой прямоугольной яме, где погребенная (по П. С. Рыкову) была ориентирована головой на север, обнаружен железный наконечник копья листовидной формы со стержнем для насадки на древко. Длина наконечника – 27 см (Рыков П. С., 1936. С. 119, 120). К сожалению, в публикации не приведено изображение этого наконечника и судить о нем можно лишь приблизительно. Аналогий копьё, описываемому П. С. Рыковым, мне не известно.

Таким образом, вооружение позднесарматской культуры представляло собой, в основном, систему ближнего наступательного боя. Об этом свидетельствует археологический материал. Но не стоит забывать о том, что мы имеем дело с отражением только погребальных традиций. О защитном вооружении позднесарматского времени можно лишь предполагать, опираясь на свидетельства древних авторов. Археологических данных в Нижнем Поволжье об этой категории инвентаря нет.

В середине II века н. э. в степном регионе утверждается позднесарматская культура, обозначившая начало нового этапа в развитии воинского дела кочевников. В середине II – первой половине III вв. н. э. в степях от Приуралья до Дона появляются воинские погребения высокого социального статуса. В них высокое социальное положение отражено лишь в инвентаре, характерном для воинов-всадников. Несмотря на различные типы могильных конструкций, среди которых имелись как погребения в подбоях, в узких прямоугольных ямах, так и диагональные погребения в широких прямоугольных ямах, такие комплексы отличает близость воинской экипировки. Атрибутом таких погребений является длинный меч без металлического навершия и перекрестия и конская сбруя (рис. 1, 24) (Колобовка III, 1/1, 1/4; Абганеры, 3/1; Жutowo, 1/1; Старица, 26/2; Подгорненский IV, 17/1; Центральный VI, 16/8; Четыре брата, 3/6 и др.) (Безуглов С. И., 1997; 2000. С. 180; Яблонский Л. Т. и др., 1995. С. 41. Рис. 62–70).

Высокая военизированность позднесарматского общества, большое количество травм военного характера, отмечаемых на скелетах (Перерва Е. В., 2002. С. 145–147) и иные данные палеопато-

логического анализа (Балабанова М. А., 2004. С. 182, 183), позволили некоторым исследователям предположить наличие у позднесарматского населения профессиональных мужских воинских союзов или дружинной организации (Балабанова М. А., 2004. С. 183; Безуглов С. И., 1997. С. 138; 2000. С. 180).

В столь милитаризованном обществе погребения с богатым набором инвентаря, характерным для воинского комплекса, предполагают принадлежность таких могил лицам, имеющим отношение к высшей знати позднесарматского общества.

Однако, в середине III века н.э. единство сарматского мира, сложившееся от Приуралья до Подонья во второй половине II – первой половине III веков н. э. было разрушено. После середины III века н. э. в Нижнем Поволжье исчезают элитные воинские погребения. В это время уже не встречаются признаки среднесарматской культуры, часто фиксируемые во второй половине II – первой половине III веков н. э. Погребальный об-

ряд становится крайне унифицированным. Ведущим типом ям являются подбойи, северная ориентировка погребенных значительно преобладает над южной. В погребениях этого периода элементы вооружения встречается значительно реже, чем в предыдущий. Если во второй половине II – первой половине III веках н. э. элементы вооружения обнаружены в 37 % погребений, то в середине III–IV веках н. э. они найдены лишь в 15,5 % погребений. Из оружия встречаются лишь мечи и кинжалы типов, характерных для предыдущего этапа позднесарматского культуры. Трудно предполагать, что население Нижнего Поволжья после середины III века н. э. отказалось от использования луков, стрел, копий. Видимо, мы имеем дело с отмиранием обряда помещения этих вещей в могилы ввиду их значительной ценности. Каких-либо изменений в типах и системе вооружения во второй половине III–IV веках н. э. не наблюдается.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-01-20103а/В.

О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI – начале IV в. до н. э.

Обращаясь к теме женских погребений кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, невозможно обойти стороной ключевые и наиболее дискуссионные проблемы сарматской археологии в целом. Постоянное пополнение археологического материала возвращает исследователей к вопросам, казавшимся уже давно решенным, и таким образом, неизменно оставляя два крупных блока проблем для обсуждения. Первый блок касается вопросов происхождения кочевых племен Приуралья и Поволжья, их этнической идентификации, родства и единства. Ко второму блоку дискуссионных проблем можно отнести проблему периодизации, решение которой еще далеко от своего окончательного завершения.

В попытках найти ответы на общие вопросы, разрешить ряд дискуссионных проблем скифской и сарматской археологии, исследователи нередко обращались к, назовем ее условно, «женской теме». Так, М. И. Ростовцев, выступая против родства савроматских и сарматских племен, в качестве одного из аргументов приводит письменные свидетельства античных авторов, отмечавших особое положение женщин у савроматов: «Но в предании нашем мы легко устанавливаем отличие одного племени от другого. Ни один из античных писателей, говоря о сарматах на основании сведений из первых рук, не упоминает о том, что было для грека главным признаком савроматов, – о роли женщины. Только там, где сведения подлинны подверглись литературной обработке, на сарматов переносится то, что составляет в старом предании особенность савроматов» (Ростовцев М. И., 2002. С. 93). В 1947 году выходит статья Б. Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов», где на основании археологического материала и данных письменных источников обосновывается положение о существовании единой археологической культуры на территории «от Аткарска до г. Степного и Яшкуля, между Волгой и Доном, до Эмбы

на восток и отсюда на север до Бузулука и до Магнитогорска и Орска», соответствующей савроматам (Граков Б. Н., 1947. С. 103). Здесь же выдвигается тезис о родстве савроматской и сарматской культур, где первая – одна из ступеней развития второй. Для подтверждения своей точки зрения Б. Н. Граков попытался «показать, что археологически может быть прослежено наличие пережитков матриархального рода у савроматов-сарматов» Поволжья и Приуралья (Граков Б. Н., 1947. С. 106).

М. И. Ростовцев и Б. Н. Граков свои первоначальные выводы об особом статусе женщины у ранних кочевых племен сделали на основании письменных источников, из которых особенно широко известны сообщения Геродота и, в чем-то повторившего его, Псевдо-Гиппократа (Геродот, IV. 116, 117; Псевдо-Гиппократ, 17). Сведения о савроматском женовластии (гинекократии) и женский образ, созданный древними авторами (они вместе с мужьями и без них ездят верхом, выезжают на охоту, выступают в поход, стреляют из лука и бросают копья, носят одинаковую одежду с мужчинами, а также – девушка не выходит замуж, пока не убьет врага), особенно повлияли на представления исследователей о женщинах «савроматской» культуры и прочно утвердились в последующем в научной литературе. Именно с савроматами принято связывать легенды об амазонках – женщинах-воительницах, широкое отражение преданий о которых встречается в античной литературе, искусстве, вазописи.

Сопоставив сведения античных источников и археологический материал, накопленный к тому времени, Б. Н. Граков приходит к заключению, что погребальный обряд кочевников Поволжья и Приуралья подтверждает данные письменных источников. Исследователь выделяет несколько признаков обряда, которые, по его мнению, согласуются с данными античных историков и могут являться

доказательством наличия пережитков матриархата или особого положения женщины у савроматов: предметы вооружения и предметы культа в женских погребениях, центральное место женского погребения в кургане, вокруг которого группируются остальные (Граков Б. Н., 1947).

Данные о вооруженных женщинах встречаются в истории многих народов. О том, что женщины могут быть бесстрашными воинами хорошо знали на Востоке: личная стража многих восточных монархов состояла из женщин – «как только царь встанет, пусть он будет окружен отрядами женщин с луками» (Артхашастра., 1993). Известно также, что именно женская гвардия охраняла древнеиндийского царя Ашоку (Горбовской А. А., Семенов Ю. С., 1988. С. 56). Этот обычай бытовал и в Африке вплоть до конца прошлого столетия. Участие женщин в вооруженных походах или набегах известно у осетин и абхазов – женщины из привилегированных сословий «предводительствовали иногда во время ночных походов с целью грабежа» или сопровождали мужа в набегах, и даже нападениях на вражеские войска (Зиги Е., 1967. С. 293). Черкесские женщины охотились с луками и хищными птицами в руках, наравне с мужчинами принимали участие в набегах (Кох К., 1974. С. 619). Существование вооруженных женщин на протяжении многих веков человеческой истории широко известный факт, который мог быть естественной чертой различных кочевых объединений раннего железного века, например, в силу особенностей быта. Соответственно, само по себе использование такого признака как наличие предметов вооружения в женском погребении в качестве отличительной черты культуры не может не вызывать некоторые сомнения.

Насколько же выборка, привлеченная Б. Н. Граковым, подтверждает особый статус женщины у «савроматов»? В качестве примера существования «женщин стрелков из лука, иногда конных» Б. Н. Граков приводит материалы кургана близ Магнитогорска; кургана 5, могильника Башкирское стойло; кургана Д 17, могильника Альт-Веймар; кургана 2, Прохоровского могильника и кургана 3, могильника Ак-Джар. Вещи из кургана близ Магнитогорска попали к исследователям после ограбления, «добросовестные показания находчиков и тщательный протокол пристава» не вызывают доверия, соответственно, материал данного погребения вообще не может быть принят к анализу. Для погребений из могильников Башкирское стойло, Альт-Веймар и Ак-Джар не было сделано антропологических определений пола. Погребения

были отнесены к женским на основании инвентаря: «состав погребения, скорее всего женский»; «есть, однако, в этом инвентаре нечто, что позволяет определить погребение как женское. Это раковина» (Граков Б. Н., 1947. С. 116, 118). Единственное относительно достоверное женское погребение это погребение из кургана 2 Прохоровского могильника¹, которое датируется не ранее IV в. до н. э., что не может служить подтверждением наличия относительно большого количества захоронений женщин с оружием у сармат и тем более у «савроматов». Тем не менее, заявляя о многочисленных захоронениях «женщин, стрелков из лука» свойственных блюменфельдскому (савроматскому) этапу, Б. Н. Граков тем самым, как бы согласуясь с письменными источниками, формирует прочно устоявшееся затем представление о женщинах «савроматской» культуры как о воительницах.

К. Ф. Смирнов для подтверждения высокого положения женщины в обществе ранних кочевников отмечает признаки схожие с теми, которые выделил Б. Н. Граков, и приводит новые материалы в поддержку его идеи. Одним из этих признаков является участие женщин в военных действиях. К. Ф. Смирнов заявил о том, что у «савроматов достоверно женских погребений с оружием или конской сбруей...не менее 20 % от всех могил с оружием и конской сбруей», чем дал серьезный повод для еще большего утверждения представления о женщинах как воительницах у кочевников Приуралья и Поволжья (Смирнов К. Ф., 1964. С. 201). Однако не ясен процент погребений женщин с уздой, но **без** оружия, от 20% погребенных с уздой **и** оружием. Кроме того, не известно какие конкретно имелись ввиду погребения и были ли для них сделаны антропологические определения пола. Вероятнее всего, определения были выполнены не для всех захоронений, и К. Ф. Смирнов также мог относить погребение к женскому или мужскому на основании состава инвентаря, считая некоторые предметы характерными для женских погребений (Смирнов К. Ф., 1964. С. 102, 103). Тем не менее, это положение закрепилось в археологии и исследователи, впоследствии обращавшиеся к теме вооруженных женщин, оперировали и оперируют приведенными К.Ф. Смирновым данными – 20 %, тем самым еще более укрепляя сложившиеся представления (см. напр.: Хазанов А. М., 1970. С. 141; Смирнов А. П., 1971. С.189; Мирошина Т. В., 1990. С. 168).

Обращаясь к вопросам матриархата, общественного строя и социальной структуры, иссле-

дователями часто привлекались материалы захоронений, для которых не было выполнено антропологических заключений. Не имея такого обширного археологического материала, какой накоплен к настоящему времени и, соответственно, возможности выделения критериев для отнесения погребения к женскому или к мужскому по совокупности целого ряда признаков, Б. Н. Граков, сомневаясь в поле погребенного, ориентировался на состав сопровождающего инвентаря. Раковины, зеркала, «жертвенники», украшения, туалетные (ритуальные) сосудики, костяные ложечки были для него несомненными маркерами женских погребений (Граков Б. Н., 1947). Вслед за Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирнов также зеркала, гребни, костяные ложечки, туалетные сосудики (вещи, причисляемые им к предметам туалета) и каменные столики (блюда) относит к инвентарю типичному для женских погребений кочевников Приуралья и Поволжья VII–IV веков до н. э. (Смирнов К. Ф., 1964. С. 152–162). Вещь характеризуется исследователями как «женская» или «мужская», на основании сделанных ими выводов о ее функциональном назначении. Считая, что костяная ложечка применялась для растирания румян и белил, Б. Н. Граков и К. Ф. Смирнов закрепляют за ней на долгое время статус типично «женского» предмета инвентаря.

В 1987 году М. А. Очир-Горяева, выявляя характерный вещевой комплекс «савроматской» культуры, выделила инвентарь типичный для мужских и женских захоронений Волго-Уралья (Очир-Горяева М. А., 1987. С. 45, 47). Одним из значимых результатов этого анализа является факт «проявления» костяной ложечки в мужском наборе предметов. Первым обратил внимание на то, что в савроматское время ложечки встречаются чаще в мужских погребениях со стрелами, а для женских погребений они характерны скорее в раннесарматское время А. Х. Пшеничнюк (Пшеничнюк А. Х., 1983. С. 95, 113). Однако его наблюдения остались незамеченными и ложечка продолжала рассматриваться как «специфически женская деталь туалета». Специальных исследований, посвященных костяным ложечкам практически нет. До начала 90-х годов исследователи ограничивались лишь краткими сведениями о них в работах обобщающего характера (Граков Б. Н., 1947. С. 111; Мошкова М. Г., 1963. С. 40, 41; 1989. С. 188; Смирнов К. Ф., 1964. С. 160, 161; Максименко В. Е., 1983. С. 97; Пшеничнюк А. Х., 1983. С. 95, 113). Первая работа, посвященная костяным ложечкам, в которой на основе анализа большого числа археологических

комплексов были детально рассмотрены вопросы территориального распространения, типологии, хронологии, функционального назначения ложечек, была предпринята В. К. Федоровым (Федоров В. К., 1993. С. 80–114). В статье автор подверг критике широко распространенное мнение о том, что ложечки являются предметами женского обихода и предназначены для растирания косметики. В. К. Федоров наглядно продемонстрировал, что «не менее 45 % всех ложкодержателек являются мужскими» и тесно связаны с предметами вооружения, особенно с колчанными наборами (Федоров В. К., 1993. С. 81). Также как и А. Х. Пшеничнюк, В. К. Федоров отмечает, что предметами мужского обихода ложечки являлись в савроматское время и только с позднепорохового они начинают встречаться почти исключительно в женских погребениях. Правда, В. К. Федоров, в отличие от А. Х. Пшеничнюка, не связывает ложечки раннесарматского времени с туалетными принадлежностями. Сопоставив костяные ложечки с древнеиндийскими жертвенными ложками, В. К. Федоров пришел к выводу, что ложечки ранних кочевников евразийских степей тесно связаны с культом напитка Сомы/Хаомы (Федоров В. К., 1993. С. 92–96). Не все выводы В. К. Федорова, однако, были замечены другими исследователями – костяная ложечка так и осталась для некоторых признаком женского погребения².

Материал моих исследований также свидетельствует о том, что костяная ложечка в савроматское время тесно связана с наконечниками стрел. Из 87 погребений используемой выборки (см. ниже) ложечка присутствовала в семи, шесть из которых содержали наконечники стрел и по данным антропологии являлись мужскими.

Для К. Ф. Смирнова ложечка являлась типично женской вещью, способной выступать маркером женских погребений. Исследователь не предполагал частую взаимовстречаемость в савроматское время костяной ложечки с предметами вооружения, а не с предметами туалета или культа. Не имея антропологических определений пола погребенных для большинства захоронений и ориентируясь на представления о костяной ложечке как «специфически женской детали туалета», К. Ф. Смирнов мог отнести все погребения, где встречались в комплексе ложечки и наконечники стрел к женским. Это и могло послужить основанием для его утверждения о существовании в савроматское время «не менее 20 % достоверно женских погребений с оружием».

При обращении к источникам (архивным и

опубликованным материалам «савроматских» комплексов) выяснилось, что число погребений, которые достоверно могут считаться женскими, невелико. Для большей части захоронений не были сделаны антропологические определения и погребения трактовались как женские или мужские на основании погребального инвентаря. Мною были выделены и проанализированы комплексы, меньше подвергнутые разрушению и с единственным костяком в погребальной камере. Из более 460 погребальных комплексов Волго-Уральского региона, относящихся к периоду VI–начала IV вв. до н. э. удалось собрать выборку из 87 погребений, для которых были сделаны антропологические определения пола³.

Предметы вооружения встречаются в 40 погребениях из 87 погребений данной выборки. Наконечники стрел обнаружены в 37 захоронениях, 36 из которых мужские. Число наконечников в могилах колеблется от одного экземпляра до сотни. Одиночные стрелы обычно лежат среди костей погребенного. Если стрел больше чем несколько, то они, как правило, находятся плотными скоплениями, видимо, лежали в колчанах.

Лишь в одном женском погребении (антропологические определения выполнены А. А. Хохловым и С. Фризенем) Ново-Орского могильника (курган 3, погребение 2) найдены три наконечника стрел. Два из них находились в засыпи ямы и один – на дне, в 10 см от правой ноги погребенной (Заседателева С. Н., 1980). А. Х. Пшеничнюк, характеризуя погребальный обряд и вещевой материал ранних кочевников Южного Урала, отметил, что подавляющее большинство наконечников стрел происходит из мужских погребений, в женских они «обычно встречались около головы или туловища погребенной – от 1 до 7 экз. – и, видимо, были брошены в могилу с какой-то ритуальной целью» (Пшеничнюк А. Х., 1983. С. 94). Отдельные наконечники стрел часто встречаются и в мужских погребениях, но не имеют при этом связи с оружием как таковым. По мнению В. Н. Мышкина, «единичные стрелы лишь иногда, когда помещались в погребение вместе с другими предметами вооружения, являлись символической заменой колчаных наборов» (Мышкин В. Н., 2001. С. 147). М. Барнабей, Л. Бондиоле и А. Гуди, проанализировав материал погребальных комплексов Приуралья и Поволжья пришли к выводу, что наконечники стрел, находимые в женских погребениях не были настоящим оружием и несли в себе другую смысловую нагрузку (Барнабей М., Бондиоле Л., Гуди А., 1994. С. 167).

Наконечники стрел могли использоваться как украшения и амулеты⁴, могли сопровождать погребения «шаманов». По свидетельству Л. П. Потапова, основным орудием шаманской деятельности у алтайских шаманов в древности был лук со стрелами. Лишь в относительно позднее время функции лука были перенесены в семантическое значение шаманского бубна, но и после этого, вплоть до XX века, бубен служил шаману оружием – луком, которым он угрожал своим противникам-духам (Потапов Л. П., 1934. С. 70, 71). Сакральное значение стрелы полисеманлично. Стрелой могли угрожать злему духу, она оберегала ее владельца от некоей опасности, служила посредником между миром людей и миром предков. К стреле привязывались умиловительные дары, она сама могла быть таким даром, если была «удачливой», стрела являлась символом мужского начала (оплодотворения) (Потапов Л. П., 1934; Кызласов И. Л., 1999; Сериков Ю. Б., 2005). В Древней Индии стрела, исполняя роль социально-дифференцирующего символа, применялась в брачных обрядах (Пандей Р. Б., 1982. С. 72, 233). Иногда отдельные наконечники стрел находят среди костей погребенного и, в таком случае, они вообще не являются элементами обряда.

Мечи и кинжалы присутствуют в 20 погребениях, 19 из которых являются мужскими и одно – женским. В 14 случаях из 20 кинжалы и мечи встречены в погребении вместе с наконечниками стрел. В женском погребении (Барановка I, курган 8, погребение 1; антропологические определения М. А. Балабановой) кроме кинжала, найдена одна бусина, нож, кости животных. Таким образом, в нем не было ни одного предмета из тех, которые принято считать характерными для женских погребений, да и сам набор можно считать скорее мужским. Погребение Барановки I это единственное антропологически определенное женское погребение савроматского времени, содержащее кинжал. Здесь следует отметить, что антропологические определения пола погребенного из этого захоронения были сделаны на основании замеров черепа. Однако, по мнению многих антропологов, такие определения дают погрешность и могут быть неверны до 10% случаев. Три наконечника стрел были найдены в женском погребении 2 кургана 3 Ново-Орского могильника, что, к сожалению, является недостаточным для подтверждения традиционных представлений о воинственности «савроматских» женщин. Между тем, нельзя утверждать с уверенностью, что женщины ранних кочевников Приуралья и Поволжья не играли ни-

какой роли в военной деятельности, в частности, из-за небольшого количества имеющихся антропологических определений. Однако, практически полное отсутствие предметов вооружения в женских погребениях возвращает исследователей к вопросам этнической идентификации ранних кочевников Приуралья и Поволжья, правомерности переноса на них сведений письменных источников, вопросам их социального и общественного устройства.

Любопытно, что в последнее время не подтверждается и бытовавшее до этого представление о скифских женщинах как о скромных хозяйках, хранительницах домашнего очага, которым противопоставлялись «савроматские», участвовавшие в войне наравне с мужчинами. Мнение, которое сохранялось в науке до открытия многочисленных женских погребений с оружием у скифов. В целом, исследователи отмечают неоднородность этих захоронений, их достаточно высокий социальный статус. Большинство высказывается за то, что женщины-воительницы составляли особую социальную группу, но, из-за отсутствия тяжелого вооружения в погребениях, предполагается, что формировавшиеся женские отряды выступали в качестве вспомогательных (Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. С. 176–182; Фиалко Е. Е., 1991. С. 4–16; Гуляев В. И., 2001. С. 29).

В дальнейшем планируется более детальный анализ 460 погребений VI–IV веков до н. э. с учетом возможного выделения предметов инвента-

ря, больше характерных для женских или мужских погребений. Подобное исследование планируется осуществить и для раннесарматского этапа. Хотя, собранный сегодня материал не позволяет говорить о существовании женских вооруженных отрядов у ранних сармат. Из 421 антропологически определенных погребений 176 содержат предметы вооружения, 20 из которых – женские. При этом мечи или кинжалы обнаружены всего в шести погребениях, колчаны со стрелами еще в четырех, в остальных погребениях находилось от одного до трех наконечников стрел.

Примечания:

¹ Речь, очевидно, идет о дореволюционных раскопках могильника (*Прим. ред.*).

² Костяные ложечки дважды надежно (с антропологическими определениями костяков) зафиксированы в мужских погребениях Филипповского могильника. Датировка этого могильника, включающая и IV в. до н.э., позволяет относить памятник и к раннесарматскому времени (по периодизации К. Ф.Смирнова и М. Г. Мошковой) (*Прим. ред.*).

³ Приношу искреннюю благодарность Л. Т. Яблонскому и Е. В. Перерва за предоставленные мне сведения по антропологическим определениям пола погребенных.

⁴ В одном из погребений могильника Покровка-2 бронзовый наконечник стрелы находился в кожаном мешочке, лежавшем на груди девочки-подростка (*Прим. ред.*).

Вооружение населения лесостепного Подонья в скифо-сарматское время

В начале I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы наступила новая эпоха – ранний железный век. Использование железа на первых порах, видимо, вынужденное, со временем привело к весьма радикальным переменам в жизни людей, их материальной и духовной культуре. В первую очередь они проявились в появлении нового оружия и новой тактики – отныне решающую роль в сражениях играли хорошо экипированные конные воины. И античная традиция, и археология свидетельствуют, что война и организация населения для войны теперь становятся почти повседневным атрибутом жизни.

Появление, а затем и широкое распространение на Дону строгой конской упряжи, железного меча, лука и стрел, а позже и защитного доспеха по существу ознаменовало начало «героической эпохи». В археологии Среднего Подонья она нашла отражение в целом ряде принципиально новых явлений. Сразу бросается в глаза резкая военизация многих сторон жизни и быта среднедонского и верхнедонского населения, особенно при сравнении с археологическими памятниками предшествующего периода – поздней бронзы. С наступлением раннего железного века в среднедонских курганных погребениях фиксируется много предметов вооружения, причем не только наступательного, но и оборонительного. Впервые появляется полная паноплия, защищавшая воина с головы до ног. Вместе с оружием часто встречаются детали снаряжения коня – бронзовые, а затем железные удила, псалии и другое, свидетельствующие о том, что в раннем железном веке верховая лошадь стала доступна практически каждому воину-номаду. Последнее нововведение не только позволило скотоводам совершать со стадами далекие сезонные перекочевки, но и явилось одной из объективных технических предпосылок военного превосходства кочевников над соседним оседло-земледельческим населением.

С другой стороны, постоянная угроза со стороны воинственных кочевников порождает в зоне

лесостепи в VII–VI веках до н. э. массовое строительство городищ. До наступления железного века Восточная Европа практически не знала этого типа археологических памятников. К середине I тыс. до н. э. за стенами хорошо укрепленных городищ, да и вокруг них наблюдается несравненно большая концентрация населения, нежели на самых крупных поселениях предшествующей эпохи бронзы. В лесостепи большие и малые городища, связанные с ними открытые поселения и курганные могильники со временем составляли локальные микрорайоны памятников, обычно занимающие долину и присклоновые участки местности той или иной реки. Не вызывает сомнений наличие в лесостепных обществах раннего железного века сильных властных структур, способных подвинуть их к выполнению иногда просто titанических по объему строительных работ по сооружению больших городищ. Расположенные рядом с ними курганные могильники служат наглядным показателем концентрации власти и богатства в руках местной военно-аристократической элиты.

Цель настоящего сообщения – проследить, как все эти эпохальные явления проявились в вооружении и военном деле у населения лесостепного Подонья VII в. до н. э. – III в. н. э. Отдельно будет рассмотрено вооружение скифской и сарматской эпох с более дробным делением внутри каждой из них.

Скифская эпоха. Для скифской эпохи мы располагаем данными о находках около 100 мечей и кинжалов, свыше 50 наконечников копий, 65 наконечников дротиков и 4,3 тысяч стрел. Судя по находкам самых ранних образцов вооружения, новая эпоха наступает на Среднем Дону не позже середины VII века до н. э. Сразу следует оговорить специфику и качество дошедшего до нас археологического материала. Раннескифский и среднескифский периоды на Среднем и Верхнем Дону представлены почти исключительно случайными находками. Вооружение конца V–IV веков

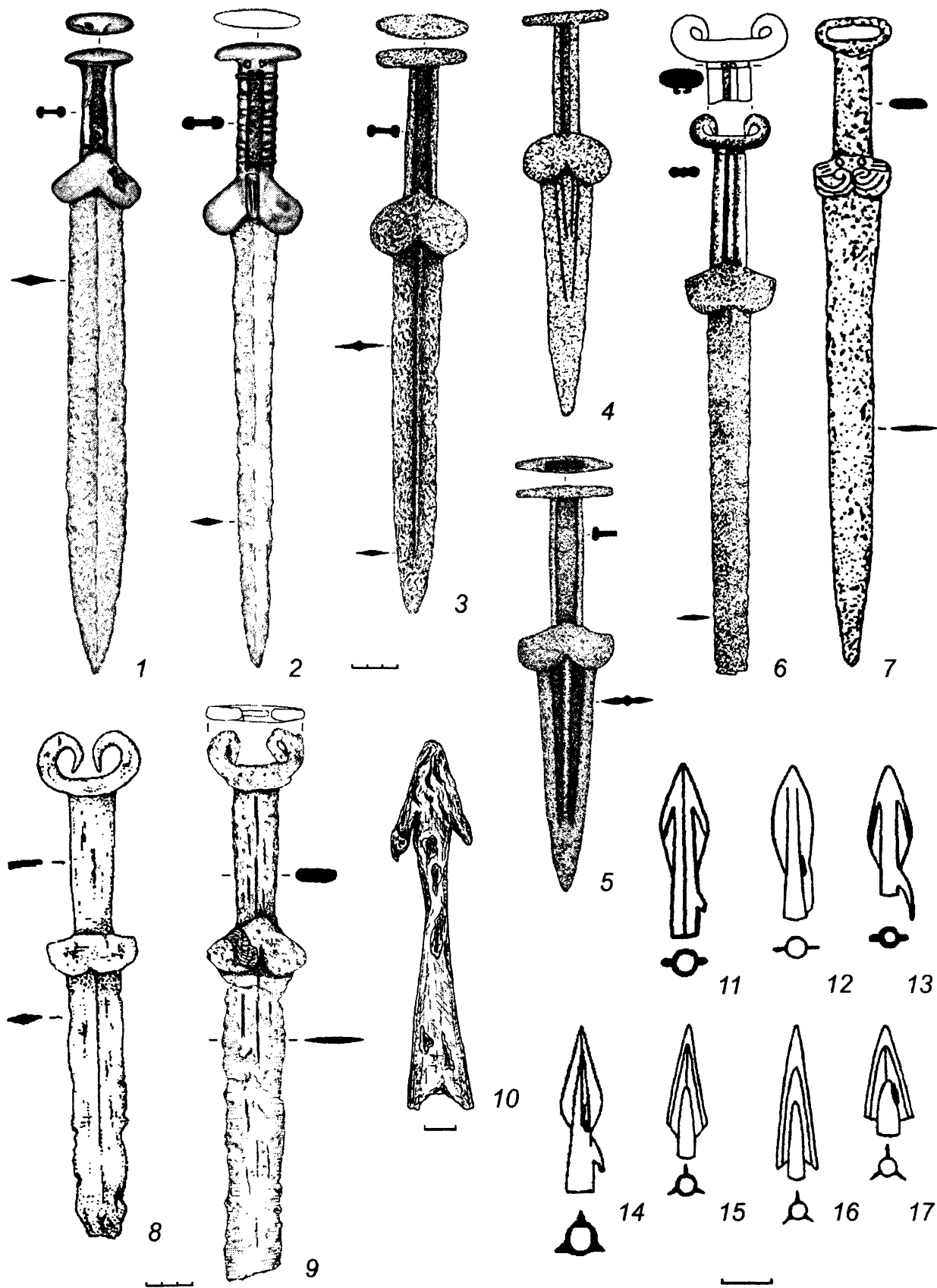

Рис. 1. Находки вооружения VII-V вв. до н.э.

1 – Покровка; 2 – Масловка; 3 – Нижний Карачан; 4 – Черниговка; 5 – Тамбов; 6, 12, 15–17 – Борисоглебск;
7 – Тынково; 8, 10, 14 – Гороховка; 9 – Бузенки; 11, 13 – Толучеево

до н. э. составляют преимущественно предметы из среднедонских курганных могильников, а также отдельные случайные находки.

Вооружение раннескифского времени.

Представлено случайными находками мечей, кинжалов, наконечников стрел.

Мечи и кинжалы. Типологически наиболее ранними являются биметаллические мечи VII в. до н. э. – 4 экземпляра. У них рукоять отлита из бронзы и насажена на железный стержень, переходящий в клинок (рис. 1, 1, 2). По классификации А. И. Мелюковой эти мечи относятся к 1 и 2 типам I отдела, характеризующимся брусковидным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием (Мелюкова А. И., 1964. С. 47, 49). Показатели длины этих мечей колеблются незначительно (около 40–45 см), что вместе с единообразной конструкцией свидетельствует о единстве этой группы наступательного вооружения (Ворошилов А. Н., 2006. С. 41). К тем же типам, что и биметаллические относятся архаические железные мечи, составляющие примерно три четверти из находок клинкового оружия раннескифского времени на территории лесостепного Подонья. Их рукояти целиком изготовлены из железа, навершия брусковидной формы, перекрестия бабочковидной (рис. 1, 5) или сердцевидной (рис. 1, 3) формы, реже – почковидные (рис. 1, 4). Около десятка этих мечей имеют на рукояти под навершием петлю, которая является характерной чертой раннескифского клинкового оружия. Для большинства мечей этой хронологической группы, найденных на территории донской лесостепи, характерна форма клинка с параллельными лезвиями, сужающимися к острию в его нижней трети или четверти. Возможно, это свидетельствует о применении их в равной мере как для нанесения рубящих, так и колющих ударов. Картографирование находок раннескифских мечей показывает, что они получили распространение на всей территории лесостепного Подонья вплоть до верховий Дона.

Стрелы. Наконечники стрел архаических типов из лесостепного Подонья, также как и мечи являются случайными находками. На сегодняшний день их известно совсем немного – менее десятка (Медведев А. П., 1999. Рис. 59). Все они отлиты из бронзы, втульчатые. Наиболее архаичны двулопастные наконечники с шипом на втулке (рис. 1, 11–13) относящиеся к различным типам первого отдела по классификации А. И. Мелюковой. Они характерны для VII – начала VI вв. до н. э. и лучше всего представлены в комплексах имен-

но Лесостепной Скифии (Мелюкова А. И., 1964. С. 18)¹.

Вооружение среднескифского времени представляют случайные находки мечей, дротиков, стрел.

Мечи и кинжалы. Эта хронологическая группа представлена мечами скифских типов конца VI – первой половины V вв. до н. э. с антенным навершием и бабочковидным (рис. 1, 6, 8, 9) или почковидным перекрестием (рис. 1, 7). Навершия волUTOобразные, иногда оформлены в зверином стиле в виде когтистой лапы хищной птицы. Клинки наиболее ранних мечей – с параллельными лезвиями, у остальных – треугольные. Форма последних наиболее приспособлена для нанесения сильного колющего удара, который необходим в бою с защищенным пластинчатым доспехом противником.

Из изучаемой серии клинкового оружия резко выделяется массивный однолезвийный меч, найденный в погребении кургана № 1 у села Абрамовка (Медведев А. П., Ефимов К. Ю., 2001. С. 209. Рис. 5, 1). Его длина свыше 50 см. Рукоять имеет двутавровое сечение с дополнительными вставками, перекрестие приклепано к массивному клинку, имеющему Т-образное сечение и сложную изогнутую форму. По основным признакам меч из Абрамовки идентичен греческой махайре.

Дротики. Этот вид древкового наступательного оружия представлен всего одной случайной находкой у села Гороховка довольно раннего наконечника (рис. 1, 10) с короткой втулкой и широким жаловидным пером (Медведев А. П., 1999. С. 102). Вероятнее всего это оружие еще не играло существенной роли в паноплии среднедонских воинов вплоть до конца V – начала IV веков до н. э.

Стрелы. Среднедонские наконечники рассматриваемого периода немногочисленны – немногим более десятка экземпляров бронзовых трехлопастных наконечников различных типов (рис. 1, 14–17), относящихся к концу VI–V вв. до н. э. У ряда наконечников (рис. 1, 14) еще сохраняется шип на втулке (Медведев А. П., 1999. С. 116). Интересно, что некоторые типы наконечников, происходящие из Донского Левобережья, в большей степени характерны для вооружения савроматской культуры (соответствуют типам 9, 12, 13 отдела II по классификации К. Ф. Смирнова) и населения более восточных областей Евразии (Смирнов К. Ф., 1961. С. 48, 50, 51). Остальные обычны для скифских колчанных наборов.

Вооружение конца V–IV вв. до н. э. Представлено преимущественно находками из средне-

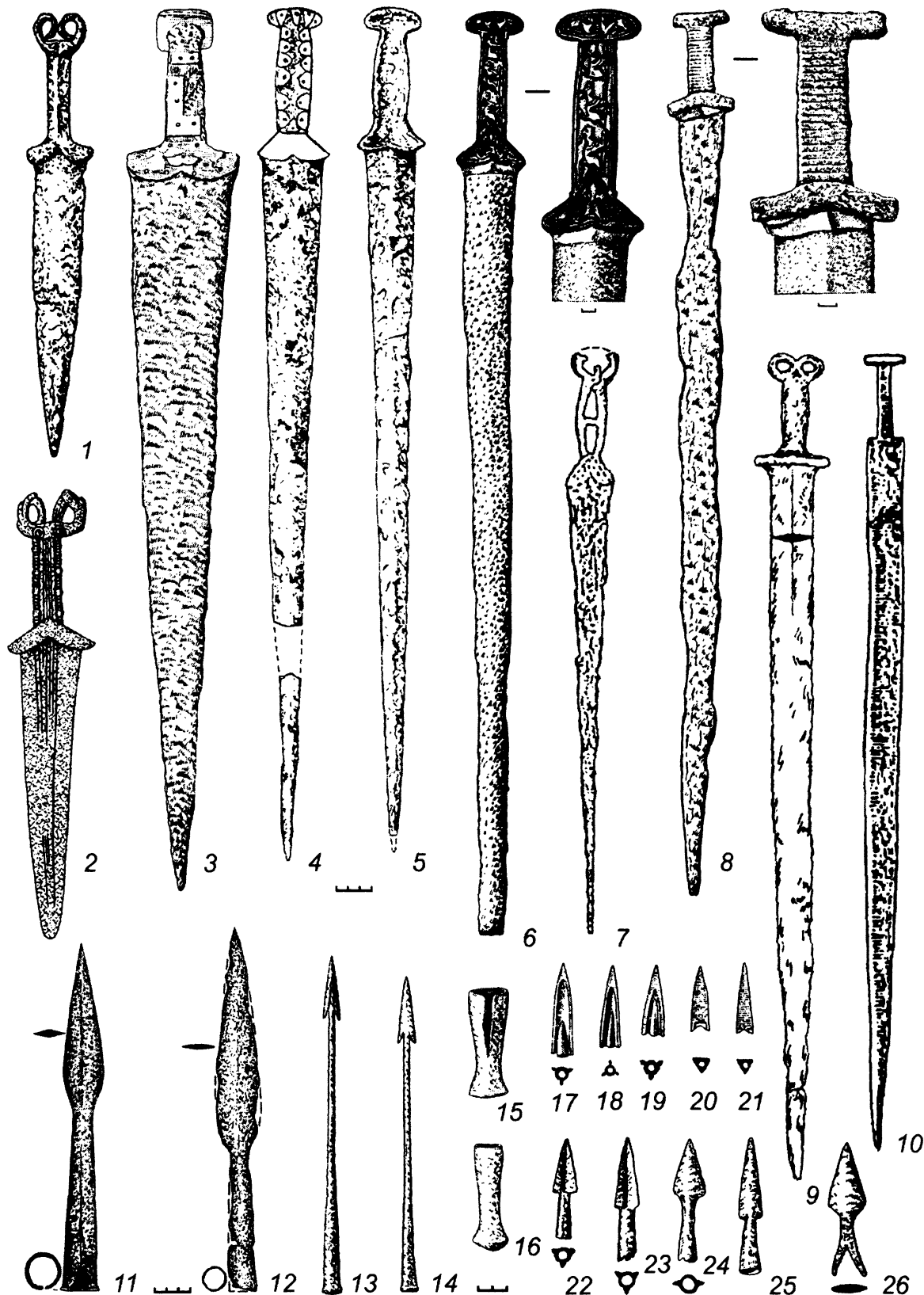

Рис. 2. Оружие конца V–IV вв. до н.э.

1 – Анна; 2 – Пиликовка; 3, 13 – Русская Тростянка, курган 17; 4, 5 – Дуковка, курган 9;
 6 – Частые Курганы, курган 3; 7 – Ближнее Стояново, курган 8, погребение 1; 8 – Русская Тростянка, курган 7;
 9 – Староживотинное, курган 38; 10 – Дуровка, курган 15; 11 – Дубовой, курган 4; 12 – Староживотинное, курган 28;
 14 – Русская Тростянка, курган 13; 15–16 – Мاستюгино, курган 29/21;
 17, 19–21, 24–26 – Мастюгино, курган 2 (1908); 18 – Мастюгино, курган 1 (1905); 22–23 – Русская Тростянка, курган 17

донских курганных могильников и отдельными случайными находками.

Мечи и кинжалы. Довольно многочисленным является тип мечей и кинжалов конца V–IV вв. до н. э. с антенным навершием: простым (рис. 2, 1), или, чаще зооморфным – в виде когтей хищной птицы (рис. 2, 2). Перекрестие в большинстве случаев бабочковидной формы, иногда ложнотреугольное. Клинки их исключительно треугольной формы. А. И. Мелюкова сгруппировала подобные экземпляры во второй отдел (Мелюкова А. И., 1964. С. 53). Количество мечей этого типа на Среднем и Верхнем Дону приближается к двум десяткам (все являются случайными находками).

Следующий тип – мечи с овальным навершием, узким бабочковидным или ложнотреугольным перекрестием и узким же треугольным клинком (рис. 2, 4–6). Большинство мечей данного типа (6 экземпляров) найдено в подкурганных погребениях, остальные (4 экземпляра) являются случайными находками. Они относятся к 3 типу I отдела по классификации А. И. Мелюковой (Мелюкова А. И., 1964. С. 51). Некоторые мечи этого типа считаются парадными (Савченко Е. И., 2004. С. 159), на что как будто бы указывают золотые орнаментированные обкладки их рукоятей. Но высокое качество металла, из которого сделаны их клинки (Пузикова А. И., 1984. С. 212), не исключает и боевого их назначения. Данные мечи происходят в основном из погребений второй–третьей четверти IV в. до н. э. К этой серии, скорее всего, следует отнести и меч из кургана № 8 у села Ближнее Стояново. Он имеет ажурную рукоять с перемычкой посередине и ажурное навершие (рис. 2, 7), близкое мечу из Хвощевой лесной дачи. Такие мечи раньше считались типом, характерным для лесостепной Скифии. Сейчас известны находки мечей с рукоятями, изготовленными в подобной ажурной технике, в степной Скифии и далеко на востоке – вплоть до Южного Приуралья (Филипповский и Бердянский курганы)².

Особого внимания заслуживают находки на Среднем Дону клинкового оружия, нетипичного для Скифии. Интересен оригинальный меч из погребения кургана № 17 у села Русская Тростянка (Пузикова А. И., 2001. С. 137. Рис. 28, 1, 1а), технология изготовления которого совершенно не характерна для скифского оружия. К его рукояти крепилось при помощи заклепок прямоугольное деревянное навершие, а также деревянное бабочковидное перекрестие и берестяные накладки (рис. 2, 3). Из среднедонских могильников происходят два длинных меча, обнаруживающих дале-

кие приуральские аналогии. Меч из кургана № 7 Русской Тростянки (рис. 2, 8) очень близок одному из роскошно оформленных акинаков Филипповки. Меч с волнитообразным навершием и прямым перекрестием из кургана № 38 у села Староживотинное (рис. 2, 9) по характеру оформления рукояти принадлежит типу, известному у кочевников Южного Приуралья (Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б., 1976. С. 240–242). Меч и кинжал синдо-меотского типа встречены в парном погребении кургана № 15 у села Дуровка (рис. 2, 10). Если синдо-меотские мечи из Дуровки свидетельствуют о южных связях населения Среднего Подонья, то отмеченные выше находки, возможно, отражают иное, широтное направление связей, более совпадающее с описанным Геродотом торговым путем в Приуралье (Медведев А. П., 2004. С. 162).

Копья. На сегодняшний день на территории лесостепного Дона найдено более 50 наконечников копий, происходящих почти из 40 погребений, что составляет около 20% от всех исследованных среднедонских захоронений. Подавляющее большинство наконечников (70 %) имеют перо остролистной формы (рис. 2, 11, 12). Этот тип характерен для IV века до н.э. и преобладал до самого конца скифской эпохи. Локальной особенностью, отличающей наконечники копий лесостепного Дона от наконечников других территорий, является длина втулки. У более чем 70 % хорошо сохранившихся экземпляров втулка по длине больше (рис. 2, 11) или примерно равна (рис. 2, 12) перу. Примерно половина наконечников Среднего Дона имеет внушительные размеры (40–53 см), что может свидетельствовать о применении здесь длинных штурмовых копий (Ворошилов А. Н., 2004. С. 209).

Дротики. Наконечники дротиков этого времени происходят исключительно из курганных захоронений – в 35 погребениях найдено более 60 наконечников дротиков. Все они принадлежат одному типу с узким жаловидным пером и длинной тонкой втулкой (рис. 2, 13, 14). Широкое использование дротиков в паноплии среднедонских воинов является еще одной особенностью местного вооружения в скифское время (Либеров П. Д., 1965. С. 16).

Втоки копий и дротиков. Половина копий и большинство дротиков среднедонских курганов имели втоки специфической рюмковидной формы (рис. 2, 15, 16). Они предохраняли древко от расщепления и служили для усиления наносимого противнику удара при метании короткого копья или в качестве противовеса у больших копий

(Ворошилов А. Н., 2004. С. 207). Такие рюмковидные втоки являются еще одной локальной особенностью вооружения Лесостепного Дона в скифское время.

Лук и стрелы. В лесостепном Подонье остатки луков скифского времени не встречены. Однако наконечники стрел найдены почти в 60 % среднедонских погребений. Это означает, что лук был самым распространенным видом наступательного оружия на Среднем Дону. Общее количество стрел составляет около 4300 экземпляров (Савченко Е. И., 2004. С. 178). Они представлены как бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел наиболее распространенных скифских типов V–IV вв. до н. э. (рис. 2, 17–21), так и местными железными втульчатыми наконечниками. Последние принадлежат двум основными типами: трехлопастные (рис. 2, 22, 23) и плоские (рис. 2, 24, 25). Иногда в подкурганых погребениях встречались плоские наконечники с расщепленным черешком (рис. 2, 26) и очень редко – костяные наконечники. В колчаных наборах, обнаруженных в погребениях, содержалось от нескольких штук до нескольких сотен стрел. Абсолютное преобладание железных втульчатых наконечников стрел является еще одной специфической чертой вооружения населения донской лесостепи V–IV вв. до н. э. (Медведев А. П., 1999. С. 104, 105), хотя в это время последние известны на Нижнем Дону, Кубани и у савроматов волго-донских степей. Плоские железные втульчатые наконечники явно представляют оригинальный местный тип (Медведев А. П., 1999. С. 106, 107).

Защитный доспех. Почти в 20 % среднедонских погребений найдены остатки чешуйчатых панцирей – не менее 28 экземпляров. По некоторым памятникам этот показатель еще внушительнее. Так, в Частых Курганах панцирь содержало каждое третье погребение скифского времени (Медведев А. П., 1999. С. 107). По количеству находок защитного доспеха курганы Среднего Дона занимают одно из самых высоких мест в Скифском мире. Изучение среднедонских панцирей убедило П. Д. Либерова в том, что они имеют явную типологическую связь со скифскими (Либеров П. Д., 1971. С. 28). Прочие виды защитного доспеха представлены значительно реже. Это бронзовый шлем, три пары бронзовых кнемид, немногочисленные остатки щитов и пластинчатых поясов. По этим деталям воинского снаряжения лесостепное Подонье также обнаруживает близость скорее к скифам, нежели к савроматам³.

Итак, самая ранняя серия вооружения населения донской лесостепи представлена архаи-

ческими мечами и кинжалами, обнаруживающими прямые аналогии в памятниках раннескифской архаики на Северном Кавказе, в лесостепном Правом- и Левобережье Днепра, в Башкирии, но не в Степной Скифии. Что касается набора вооружения из среднедонских курганов, то несомненно его близость скифскому степному и лесостепному оружию, особенно вооружению из могильников скифского времени на Северском Донце (Медведев А. П., 2006. С. 43–45). В то же время, на его вооружении находились отдельные образцы оружия, прототипы которых известны на Южном Урале, Северном Кавказе и в античных городах Северного Причерноморья.

Подтверждается определенная локальная специфика, особенно заметно проявившаяся в среднедонском вооружении IV века до н. э. Это большая длина втулки у наконечников копий, втоки характерной рюмковидной формы у древкового оружия, местный тип наконечников стрел (плоские железные втульчатые), широкое использование дротиков, высокий показатель применения чешуйчатого доспеха, особенно в сравнении с более восточными степными районами.

Сарматская эпоха. К настоящему времени надежно установлено, что в начале III века до н. э. практически все среднедонские городища прекратили свое существование. К этому времени перестали использоваться и связанные с ними некрополи типа Частых и Мاستюгинских курганов. Скорее всего, эти перемены носили катастрофический характер и были вызваны разрушительными набегами степных кочевников. Недавно на Семилуком городище открыты впечатляющие следы трагедии, связанные с разгромом этого поселения и гибелью большинства его обитателей (Медведев А. П., 1999. С. 145–152). В культурном слое городища, жилищах и хозяйственных сооружениях обнаружены останки не менее 70-ти человек. Причину массовой гибели обитателей этого поселения следует искать, скорее всего, среди трагических событий рубежа IV–III веков до н. э., когда пала не только Скифия, но и все связанные с ней политические образования. В результате в лесостепи почти начисто оборвались вековые традиции развития лесостепной скифоидной культуры.

Однако пока никакими позитивными данными о появлении и, тем более, присутствии сарматов в лесостепном Подонье в столь раннее время мы не располагаем. Здесь, как и в большинстве других регионов, до сих пор неизвестно ни одного комплекса, который можно было бы уверенно датировать III в. до н. э.⁴

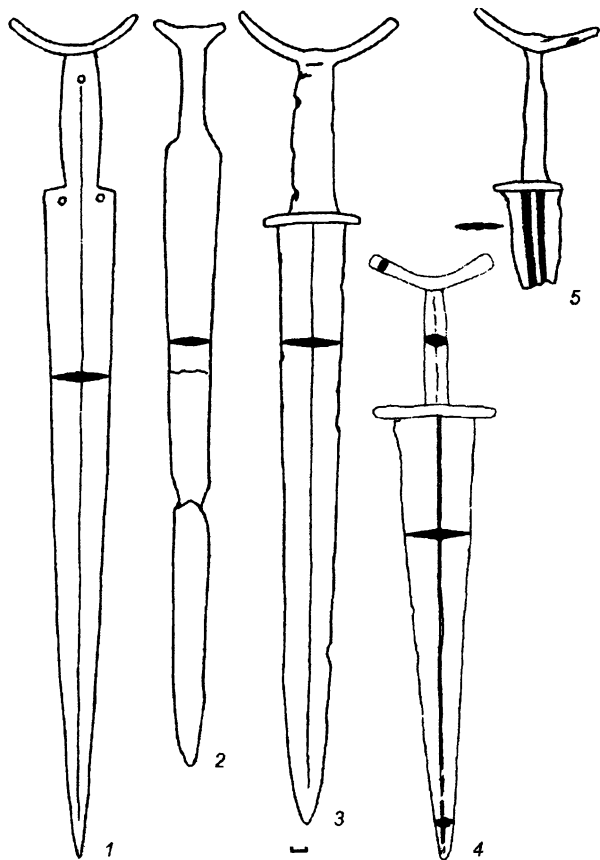

Рис. 3. Раннесарматские мечи.
1 – Острогжск; 2 – Веселый; 3 – Гороховка;
4 – Тамбов; 5 – Липовка

Раннесарматское вооружение (рис. 3). Первые раннесарматские памятники появляются на Среднем Дону, видимо, не ранее II века до н. э. На сегодняшний день они составляют весьма малочисленную группу, насчитывающую всего пять погребений и три клада («странных комплексов»). К этой хронологической группе относятся пять случайных находок раннесарматских мечей: из Острогжского уезда (рис. 3, 1), Веселого (рис. 3, 2), Гороховки (рис. 3, 3), Тамбова (рис. 3, 4) и Липовки (рис. 3, 5). По характерному серповидному навершию рукояти их следует датировать II–I вв. до н. э. (Скрипкин А. С., 1990. С. 119).

Среднесарматское вооружение (рис. 4). Этот период представлен на Верхнем Дону материалами Чертовичских курганных могильников I – начала II вв. н. э. (около 60 погребений). В состав вооружения лесостепных сарматов входили мечи, кинжалы и наконечники стрел. Находки остатков луков неизвестны. Не встречались здесь и наконечники копий.

Мечи. Найдено 13 экземпляров. Все они железные, имеют обоюдоострые клинки. По характеру оформления рукояти выделяются два ведущих типа.

Тип I – с прямым перекрестием и кольцевым навершием – 10 экземпляров (рис. 4, 1–6). Длина целиком сохранившихся экземпляров 45–50 см. Хранились они в деревянных ножнах, покрытых красной краской. Мечи этого типа наиболее характерны для среднесарматской культуры. Скорее всего, они использовались в ближнем бою.

Тип II – без металлического навершия с рукоятью-штырем – 3 экземпляра (рис. 4, 7–9). Отличаются большой длиной – от 70 до 104 см, что указывает на иное их назначение по сравнению с мечами I типа. Это длинные всаднические мечи, предназначенные для рубки с коня. У двух экземпляров имелись металлические перекрестия. В погребении кургана 1/16 Чертовичского I могильника найден меч с перекрестием, изготовленным из бронзовой пластины ромбической в сечении формы (рис. 4, 7). Из того же погребения происходит крупная мозаичная бусина, скорее всего, служившая украшением его портупей. Длинные мечи с бронзовым перекрестием появляются у сарматов в последние века I тыс. до н. э., но больше всего их найдено в комплексах I века н. э. Они обнаруживают далекие восточные (китайские) прототипы (Скрипкин А. С., 1990. С. 130–132. Рис. 22, 3, 6, 7).

Другой длинный меч с железным перекрестием найден в погребении кургана 4/9 Чертовичского I могильника (рис. 4, 8). Он имеет небольшое железное перекрестие и длинную рукоять-штырь, обложенную деревом. Навершием рукояти служил серебряный колпачок, скрепляющийся с ней при помощи штифта. В верхней части навершия имеется углубление для пастовой вставки бирюзового цвета. Несмотря на наличие оригинального навершия, этот экземпляр можно отнести к типу 6 сарматских мечей по классификации А. С. Скрипкина (Скрипкин А. С., 1990. С. 126–130. Рис. 21, 21, 24, 26, 28; 22, 1, 2, 8, 9).

Меч из погребения в кургане 6/11 этого же могильника, скорее всего, не имел ни металлического навершия, ни металлического перекрестия (рис. 4, 9). Под его рукоятью найдено изделие из гагата треугольной формы со сторонами 5,5×7,1×7,3 см, в центре которого расположено круглое отверстие. На лицевой стороне прочерчены четыре знака, композиционно группирующиеся вокруг отверстия. Пятый знак нанесен на одну из боковых сторон. Скорее всего, изделие служило амулетом при темляке или рукояти меча. Очень похожая пластина из эмсевичового сланца такой же треугольной формы с отверстием в центре, но значительно меньших размеров найдена рядом с длинным мечом (в конце верхней трети

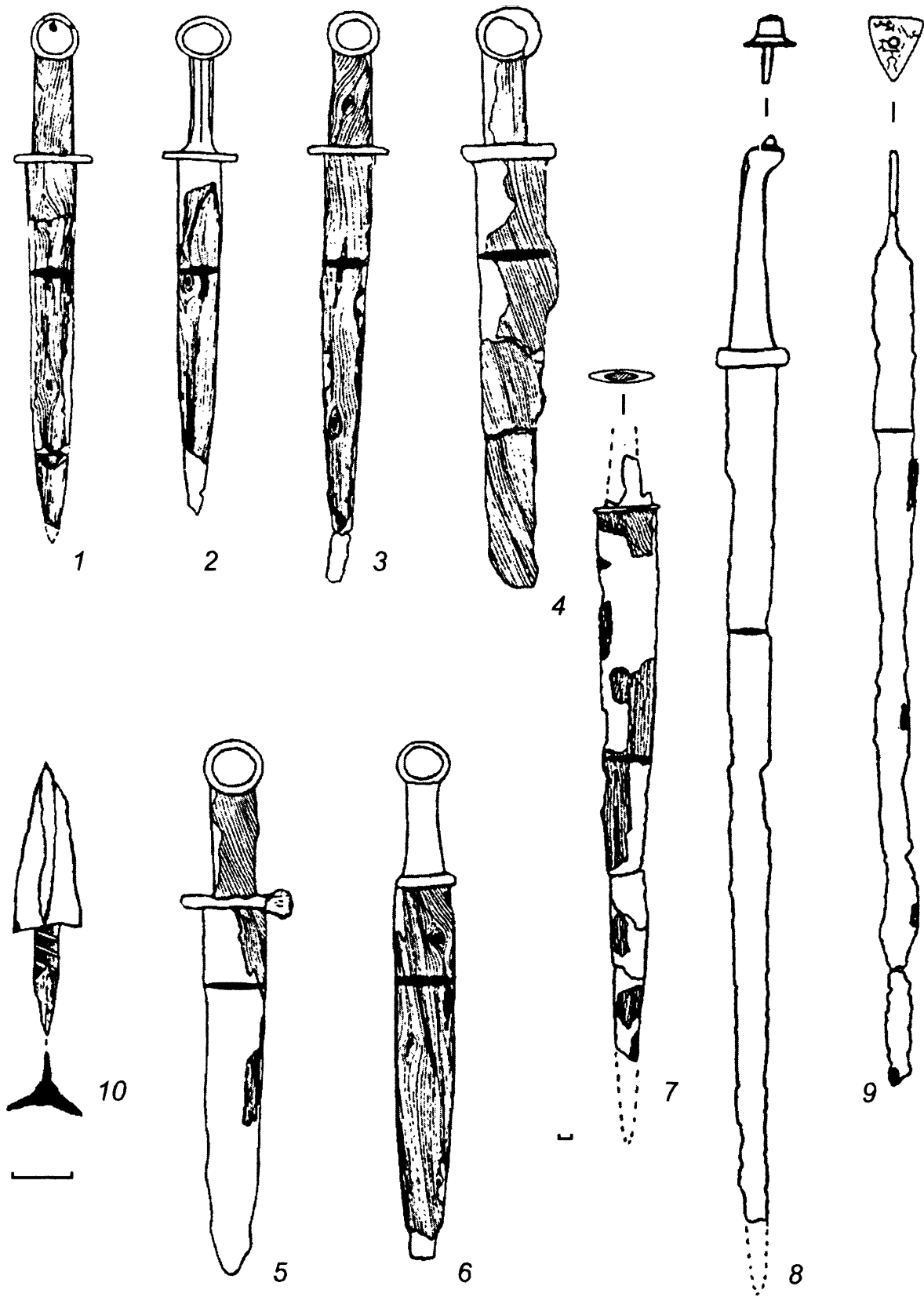

Рис. 4. Вооружение среднесарматского времени I Чертовичского могильника.
 1 – курган 9/13; 2, 10 – курган 12/32; 3 – курган 13/35; 4 – курган 14/24; 5 – курган 17/47; 6 – курган 19/19;
 7 – курган 1/16; 8 – курган 4/9; 9 – курган 6/11

клинки) в могильнике Тауйхабль в Адыгее (Кожухов С. П., 1998. С. 406. Рис. 2, 1).

Стрелы. Наконечники стрел найдены только в погребениях I Чертовицкого могильника – около 360 экземпляров, происходящих из 12 комплексов. Как правило, они встречались в колчаных наборах по 30–60 штук. От колчанов сохранились лишь отдельные фрагменты. Колчаны были деревянные и покрывались, как и ножны мечей, красной краской. Все наконечники изготовлены из железа. Они трехлопастные черешковые с головкой вытянутой треугольной формы (рис. 4, 10). У большинства экземпляров края лопастей срезаны под прямым углом к черешку. Реже встречаются наконечники с лопастями, срезанными под острым углом. Длина черешка редко превышает 1 см. В погребении кургана 12/32 уцелели верхние части древков стрел толщиной 0,5 см. Найденные в чертовицких погребениях наконечники представляют весьма устоявшиеся формы и полностью соответствуют господствующим типам сарматских наконечников стрел первых веков н. э. (Скрипкин А. С., 1990. С. 72, 73. Рис. 23, 71–74; 24, 1–44; Simonenko A., 2001. S. 193–198. Abb. 2, 5–20).

Иногда вместе с оружием в мужских погребениях встречались удила и другие детали снаряжения коня (11,7 % погребений). Их находки указывают на то, что значительная часть погребенных I Чертовицкого могильника принадлежала конным воинам. В целом, захоронения с оружием и снаряжением коня найдены в 37,2 % курганов воронежской группы, что значительно выше, нежели в степных среднесарматских могильниках (Максименко В. Е., 1998. С. 136; Ильюков Л. С., Власкин В. М., 1992. С. 244; Сергацков И. В., 2002. С. 96). Складывается впечатление, что мужские погребения I Чертовицкого могильника оставлены одной довольно сплоченной группой воинов-сарматов близкого социального статуса⁵.

Вооружение позднесарматского времени (рис. 5). Лучше всего изучено по материалам верхнедонских могильников II – середины III вв. н. э. (107 погребений). Снаряжение воина представлено находками мечей, кинжалов, наконечников копий и стрел.

Мечи и кинжалы. Они различаются лишь размерами. К типу I принадлежат экземпляры с кольцевидным навершием – 3 целых (рис. 5, 1, 2) и два во фрагментах. Их длина от 30 до 41 см. Впрочем, у верхнедонских воинов II–III вв. н. э. такие короткие клинки уже не являлись основным видом наступательного оружия для ближнего боя. К этому времени на смену им пришли длинные мечи II

типа без металлического навершия и перекрестия (рис. 5, 3–8) и кинжалы того же типа (рис. 5, 10, 11). Мечи без металлического перекрестия и навершия отличаются от кинжалов большей длиной – 80–100 см. У большинства из них штырь рукояти плавно переходил в пятую клинка – шесть мечей (рис. 5, 3, 5–8) и пять кинжалов (рис. 5, 10). К другому варианту принадлежит меч из кургана 78 Ново-Никольского могильника (рис. 5, 4) и кинжал из Кличино (рис. 5, 11). У них штырь рукояти переходит в пятую клинка, образуя прямой угол (тип 3 по А. М. Хазанову). Ширина клинка у пяты колебалась в пределах 3–5 см. Как те, так и другие относятся к наиболее распространенному типу позднесарматских мечей (Безуглов С. И., 2000. С. 169–193).

Рядом с длинным мечом из погребения кургана 29 Ново-Никольского могильника лежала довольно крупная стеклянная бусина черного цвета, со спиральным орнаментом белого цвета. Вместе с длинным мечом из кургана 15 Вязовского могильника (рис. 5, 6) встречена крупная халцедоновая бусина, а в погребении кургана 33 того же могильника – крупная прямоугольная пронизь из минерала серого цвета. Обе лежали справа от клинка в его верхней трети. Сейчас надежно установлено, что такие бусы в позднесарматское время использовались в качестве застежек португейного ремня и фиксаторов ножен мечей (Безуглов С. И., 2000. С. 177, 178).

В ряде захоронений Ново-Никольского и Вязовского могильников прослежено сочетание длинного позднесарматского меча без металлического навершия и перекрестия с кинжалом того же типа. Лишь в одном погребении Вязовского могильника встречен длинный позднесарматский меч и кинжал с прямым перекрестием и кольцевидным навершием среднесарматского типа (рис. 5, 2, 5).

Наконечники копий. В вооружении верхнедонских племен помимо мечей, кинжалов, луков и стрел важную роль играли копья. От них сохранились лишь наконечники, представленные 20 экземплярами (рис. 5, 12–19). Как правило, наконечники находились в ногах погребенных и очень редко слева или справа от головы. Обычно в могиле оставляли одно копьё и лишь дважды (курган 2 Вязовского могильника и курган 70 Ново-Никольского) найдено по паре наконечников, лежащих в ногах погребенного параллельно друг другу. Более чем в половине случаев наконечники упирались острием в стенку могилы. Учитывая размеры могильных ям, их длина вряд ли превы-

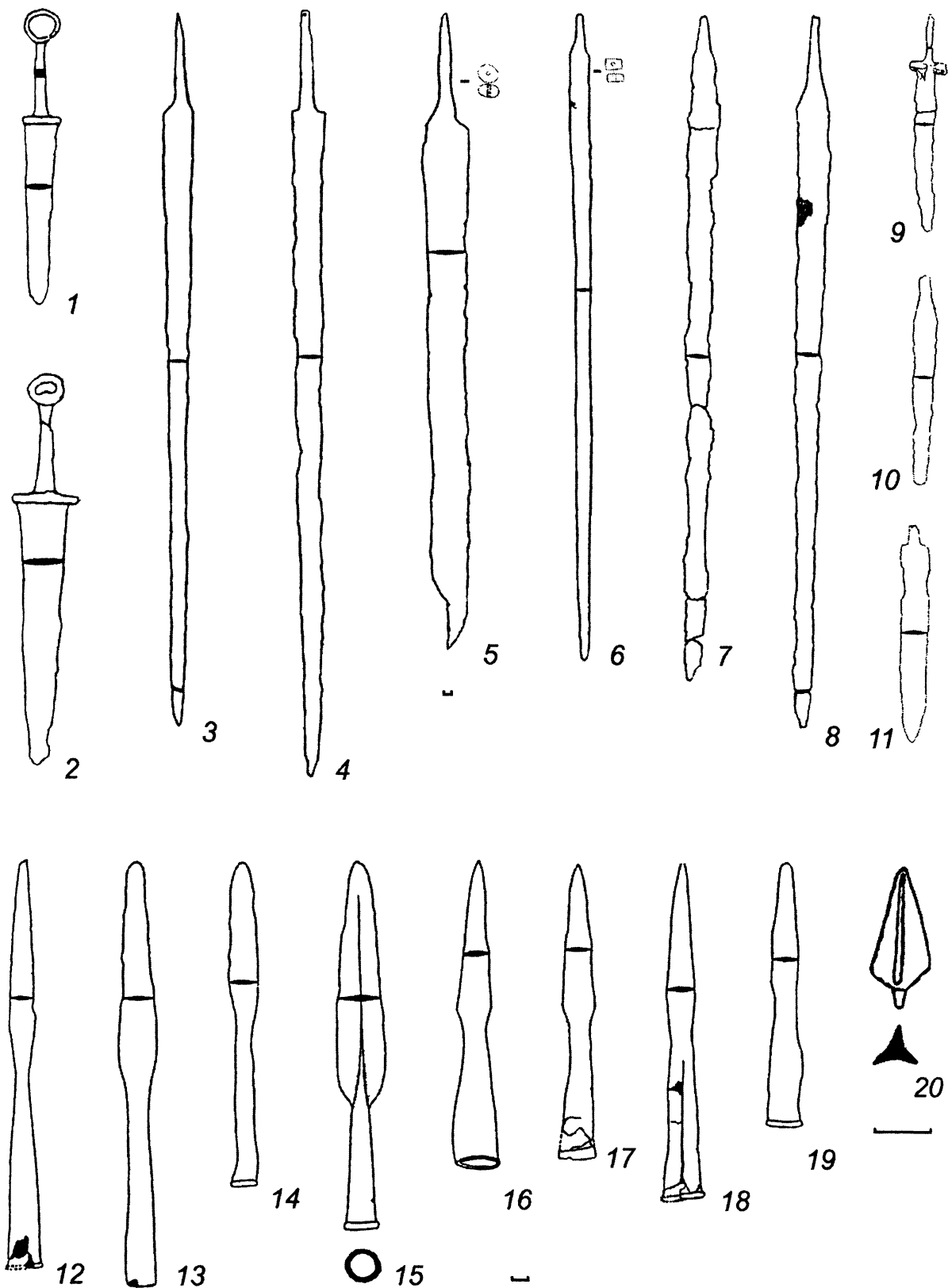

Рис. 5. Вооружение позднесарматского времени (верхнедонские могильники).
 1, 3, 4, 9, 10, 12, 13, 16–18, 20 – Ново-Никольский могильник; 2, 5–8, 14, 15, 19 – Вязовский могильник;
 11 – Кличино, грунтовое погребение

шала 2,2–2,5 м (Медведев А. П., 1990. С. 151–152).

Все верхнедонские наконечники – втульчатые. У целиком сохранившихся экземпляров втулка завершалась невысоким валиком, над которым находилось отверстие для гвоздика, скреплявшего наконечники с древком (рис. 5, 15). По размерам и форме пера выделяются три типа наконечников копий.

Тип I – с вытянутым остролистым пером, плавно переходящим в тонкую длинную втулку – 5 экземпляров (рис. 5, 12–14). Острые пера почти всегда скрутлено. Длина наконечников этого типа 25–30 см. Они обнаруживают несомненную близость скифским наконечникам, особенно среднедонским IV века до н. э. (Либеров П. Д., 1965. Табл. 18, 4).

Тип II – с довольно широким, скругленным у острия пером и короткой втулкой – 2 экземпляра (рис. 5, 15). Их длина 22–25 см. Полной аналогией им являются некоторые кубанские наконечники, в частности из кургана у станицы Тифлисской (Пушина И. И., Засецкая И. П., 1994. Табл. 25, 244/1).

Тип III – с узким подтреугольным пером, ширина которого не превышает максимальный диаметр втулки – 9 экземпляров (рис. 5, 16–19). Их длина 18–21 см. Наиболее точной аналогией им служат наконечники копий из кургана 6 у станицы Казанской (Пушина И. И., Засецкая И. П., 1994. Табл. 7, 46).

Таким образом, верхнедонские наконечники копий, видимо, имеют различное происхождение. Одни сохраняют традиционную форму наконечников местного лесостепного населения скифского времени, другие тождественны наконечникам южных степных районов, занятых сармато-аланскими племенами. Однако в средне- и позднесарматских погребениях поволжских и донских степей наконечники копий в сравнении с другими видами наступательного вооружения встречаются очень редко (Хазанов А. М., 1971. С. 44; Simonenko A., 2001. S. 206). Поэтому очень высокая для позднесарматской эпохи частота встречаемости наконечников копий в верхнедонских могильниках требует объяснения. По нашим наблюдениям в средне- и позднесарматское время наконечники чаще клали в могилы там, где подобный обычай существовал еще в скифское время (Кубань, Средний Дон, Степное Причерноморье). Судя по письменным источникам, у сарматов копья являлись едва ли не основным видом оружия. Но в силу каких-то причин, в степные могилы их клали крайне редко.

Наконечники стрел. Происходят из девяти верхнедонских погребений и насчитывают всего 52 экземпляра. Все верхнедонские наконечники

железные трехлопастные с небольшой головкой высотой 1,5–2 см и коротким черешком длиной 1–1,5 см (рис. 5, 20). Более крупные наконечники так называемых гуннских типов здесь не найдены. В отличие от предшествующего времени в погребениях встречается, как правило, по одному или несколько наконечников стрел. Исключение составляют лишь погребения кургана 7 (12 экземпляров) и кургана 53 (13 экземпляров) Ново-Никольского, а также курган 37 (20 экземпляров) Вязовского могильников. Но даже в них стрел встречено гораздо меньше, чем в рядовых погребениях I Чертовицкого могильника.

По сравнению с предшествующим временем доля мужских погребений II–III вв. н. э. с оружием несколько уменьшается (до 33,7 %). Но среди них заметно выделяется небольшая группа хорошо экипированных конных воинов, вооруженных длинными мечами, часто в сочетании с кинжалом, а иногда и копьем. Вместе с остатками вооружения в 15 верхнедонских погребениях встречены находки железных удил. Вероятнее всего, это уже не рядовые воины, а представители сформировавшейся конной дружины. Некоторые из дружинных погребений выделялись не только по инвентарю, но и по размерам курганных насыпей и могил. Однако, скорее всего, до полного обособления военно-аристократической верхушки у верхнедонских племен дело не дошло, так как захоронения ее представителей совершались по тому же ритуалу и на общих для всей родоплеменной группы кладбищах.

В целом, вооружение и снаряжение коня у верхнедонских племен имеет позднесарматский облик. Многочисленные находки длинных мечей, удил и других деталей конской упряжи указывают на то, что и на Верхнем Дону получила распространение дружинная всадническая культура, свойственная позднесарматской знати середины II – первой половины III вв. н. э. В то же время, как нам кажется, можно говорить об очевидной локальной специфике в вооружении и военном деле верхнедонских племен. Она проявилась прежде всего в традиции широко использовать в бою обычные копья с небольшими наконечниками, а не длинные штурмовые пики-контосы, как это было в обычае у позднесарматских и аланских всадников-катафрактариев.

Изучение воинского снаряжения у населения лесостепного Подонья VII века до н. э. – III века н. э. показывает высокую степень его близости степному скифскому, а позже сарматскому вооружению. В границах нашего региона практически не-

возможно проследить типологическую преемственность того или иного вида оружия – каждый раз оно появлялось в лесостепи извне, вероятно, вместе с новой волной номадов. В то же время в донской лесостепи выявляются некоторые локальные особенности состава вооружения, возможно, обусловленные необходимостью держать в подчинении оседлое население городищ (обилие дротиков, предназначенных для борьбы с щитоносной пехотой, находимых в погребениях скифского времени) или сохранением традиций местного населения (копья в верхнедонских могильниках позднесарматского времени).

Примечания:

¹ В раннескифскую эпоху на Среднем и Верхнем Дону появляются первые, хорошо укрепленные городища: Большое Сторожевое, Пекшевское и другие. Судя по наиболее точным хроноиндикаторам, это произошло не ранее VI века до н. э., то есть несколько позже распространения здесь вооружения раннескифского типа. Как соотносятся многочисленные находки архаических мечей и ранние донские городища пока неясно. Однако неоднократные находки в основании скифоидного слоя ⁶ Пекшевского городища человеческих останков, могут свидетельствовать о том, что освоение Верхнего Подонья скифоидным населением ⁷ сопровождалось военными столкновениями с носителями ранней городецкой культуры, которые в массе своей были вытеснены в северную зону лесостепи.

² Филипповский и Бердянский могильники (не курганы). Филипповский в хронологическом отношении однороден (не позднее IV в. до н. э. – по А. Х. Пшеничнюку). Бердянский могильник включает комплексы, относящиеся к разному времени (см.: Мещеряков Д. В., 1999) (Прим. ред.).

³ Не ясно, о каких именно «савроматах» идет речь в данном случае. О термине см.: Очир-Горяева М. А., 1992. (Прим. ред.).

⁴ Последнее заявление не относится, во всяком

случае, к Волго-Уральскому региону. Об этом см., напр.: (Клепиков В. М., 2002; Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. 2004) (Прим. ред.).

⁵ Помимо проанализированных выше находок вооружения в курганных могильниках, о развитии военного дела на Верхнем Дону в сарматское время свидетельствует серия недавно открытых городищ со слоями первых веков н. э. Из них назовем наиболее крупные: III Чертовицкое (6 га), Подгоренское (10 га), Гудовское городище (6,5 га), Каверинское (17 га) городища. Среди них наиболее исследованным является III Чертовицкое городище. Оно выделяется большими размерами и наличием мощной системы укреплений (общая протяженность около 1,5 км), состоящей из эскарпов, рвов и валов высотой до 7 м. Исследование укреплений показало, что сооружаются они около рубежа н. э. Возведение явно в спешке столь сложных и трудоемких деревоземляных укреплений нельзя объяснить иначе как сарматским синдромом – резко возросшей к началу н. э. угрозой вторжения кочевников. Но даже эти мощные укрепления не смогли надолго защитить обитателей городища от опасности с юга. В валах неоднократно фиксировались остатки сгоревших деревянных конструкций и следы их перестройки. В начале I века н. э. рядом с городищем возник I Чертовицкий могильник, свидетельствующий о регулярном присутствии здесь сарматов. Сарматские черешковые трехлопастные наконечники стрел обнаружены в валах и в культурном слое верхнедонских городищ – Вертячье, Сырское, Рябинки, Каверинское и др.

⁶ Этот термин применительно к стратиграфическому слою остается неясным (Прим. ред.).

⁷ Термин «скифское население» в его археологической трактовке, сам по себе, достаточно условен. Кто такие «скифоиды» не ясно совсем. В письменных источниках скифоиды не известны (Прим. ред.).

Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени (II–I вв. до н. э.)

Вооружение всегда считалось одной из наиболее интересных тем в отечественной сарматологии. Вооружению кочевников савромато-сарматского времени уделяли внимание К. Ф. Смирнов (1961), М. Г. Мошкова (1963. С. 30–35), А. М. Хазанов (1971), В. Е. Максименко (1983. С. 98–109; 1998. С. 133, 136), А. В. Симоненко (1986; 1998. С. 164–167. 2002. С. 107–122.), А. С. Скрипкин (1990. С. 59–63, 117–133), И. И. Марченко (1996. С. 48–72), В. Н. Васильев (2001), В. М. Клепиков (2002. С. 18–50) и другие исследователи.

Настоящая работа посвящена исследованию вооружения сарматов Нижнего Подонья. Время появления памятников раннесарматской культуры в Нижнем Подонье и Северном Причерноморье по данным археологии определяется как рубеж III–II вв. до н. э. или начало II в. до н. э. (Максименко В. Е., 1983. С. 43–49; Глебов В. П., 2005. С. 34–43) и подтверждается дестабилизацией ситуации в североопонтийском регионе в указанный период: возведение укреплений в Танаисе, разрушения и пожары на сельских поселениях Боспора, создание системы обороны Крымской Скифии. До прихода ранних сарматов на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье на протяжении большей части III века до н. э. стабильное кочевое население, видимо, отсутствовало (Полин С. В., 1992. С. 67–69, 120; Полин С. В., Симоненко А. В., 1997; Глебов В. П., 2002. С. 186–194). Нижнедонские кочевники II–I веков до н. э. уверенно сопоставляются с аорсами Страбона («аорсы ... живут по течению Танаиса» [«География», XI, 5, 8]). Господство ранних сарматов в Нижнем Подонье продолжалось до появления здесь новой миграционной волны кочевников – носителей среднесарматской культуры в поздней части I века до н. э. или на рубеже эр (Глебов В. П., 2004. С. 127–130). Письменные источники фиксируют сдвиг всех раннесарматских племен на запад. Судя по археологическим и письменным источникам, носители раннесарматской культуры были частично вытеснены

на запад, частично вошли в состав среднесарматской культурно-исторической общности и постепенно были ассимилированы. Существование групп раннесарматского населения в рамках среднесарматской культуры, постепенно размываемых в процессе культурно-этнической миксации, прослеживается на протяжении большей части I века н. э.

К настоящему времени в Нижнем Подонье открыто более 450 комплексов раннесарматской культуры. Приблизительно 30 % раннесарматских погребений содержат различные предметы вооружения: мечи, наконечники стрел, копий. Базу исследования составляют около 130 комплексов с оружием. В действительности, погребений с предметами вооружения несколько больше, однако захоронения с единичными наконечниками стрел (причина смерти, амулеты и др.) не включены в выборку.

Наконечники стрел

В погребениях раннесарматской культуры Нижнего Подонья зафиксировано более 50 находок колчанных наборов. Колчаны содержали разное количество стрел – от нескольких штук до 70–80, в одном случае – 120 стрел. Около 40 % колчанов содержали менее десятка стрел, около 50 % – от 15 до 50, и только 10 % – свыше 50 стрел.

Отдел 1. Втульчатые железные наконечники стрел

Тип 1. Наконечники с трехгранно-трехлопастной головкой (рис. 1, 1–12). В некоторых случаях сохранность наконечников не позволяет определить трехгранной или трехлопастной была головка. Внутри типа выделяются три варианта, различающиеся пропорциями.

Вариант 1 (рис. 1, 1–4). Небольшие наконечники с короткой головкой (от 1 до 2 см), лопасти срезаны прямо, обычно выражены довольно слабо, втулка чуть длиннее головки.

Вариант 2 (рис. 1, 5–8). Наконечники более вытянутых пропорций, головка высотой 2,5–3 см,

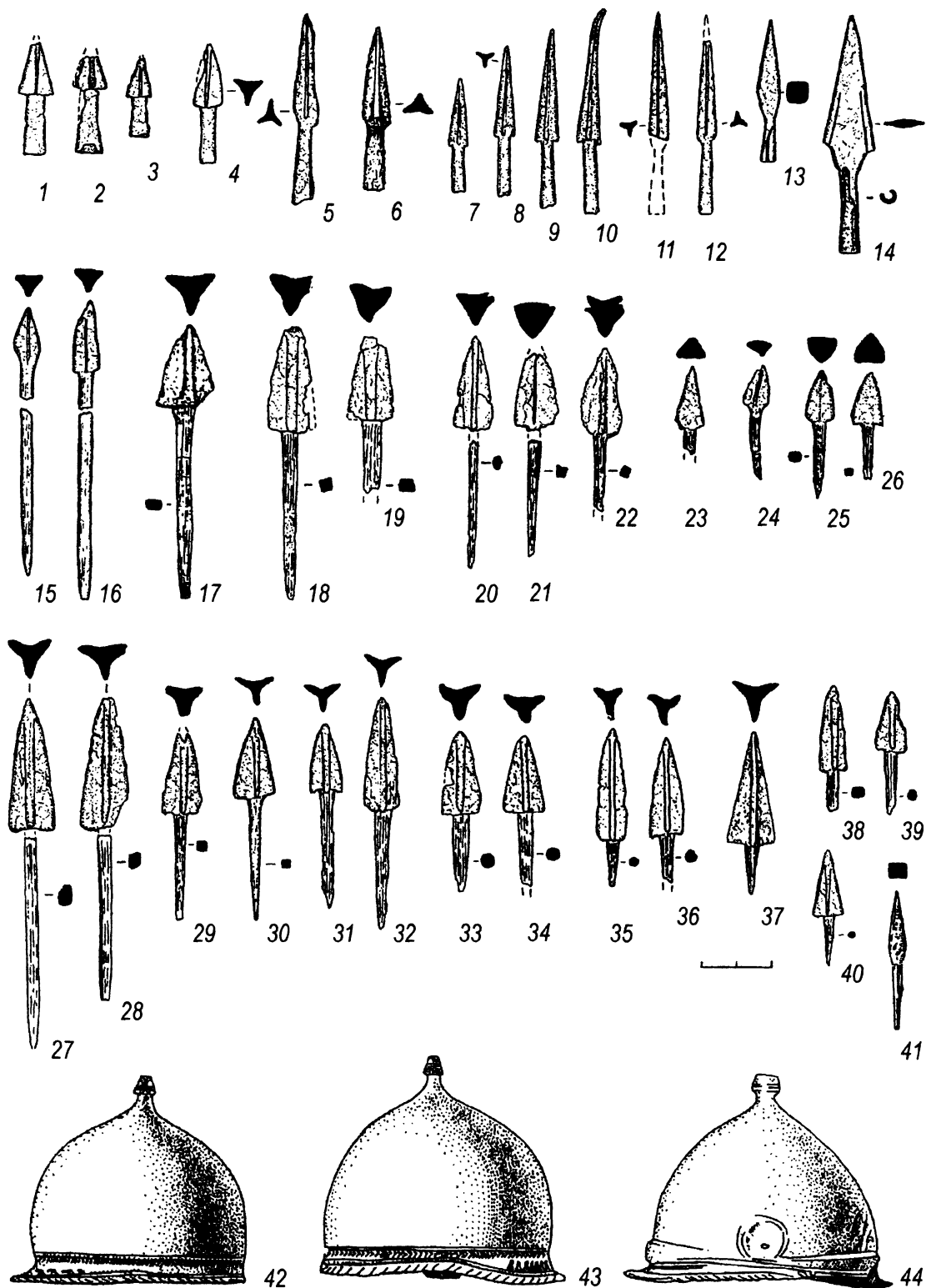

Рис. 1. Наконечники стрел из погребений раннесарматской культуры Нижнего Подонья. Шлемы из «кладов».

1-3, 23 – Ясырев I, курган 8, погребение 19; 4 – Койсуг, курган 5, погребение 26; 5 – Алитуб, курган 3, погребение 20; 6, 17 – Красногоровка I, курган 22, погребение 10; 7-10 – Койсуг, курган 5, погребение 12; 11, 12 – Новолакедемо-новский курган, погребение 2; 13 – Новоалександровка I, курган 13, погребение 2; 14-16 – Донской, курган 1, погребение 21; 18, 19 – Кулешовка, курган 1, погребение 17; 20-22, 27, 28 – Подгорненский VI, курган 1, погребение 9; 24 – Красногоровка III, курган 11, погребение 12; 25, 26, 29 – Подгорненский I, курган 1, погребение 9; 30, 40 – Криволиманский I, курган 8, погребение 5; 31, 32 – Золотые Горки IV, курган 9, погребение 3; 33, 34 – Сухо-Дюдеревский II, курган 1, погребение 9; 35, 36 – Кулешовка, курган 1, погребение 24; 37 – Валовый I, курган 7, погребение 5; 38, 39 – Сагванский I, курган 5, погребение 3; 41 – Попов, курган 30/6, погребение 13; 42 – Новопрохоровка; 43 – Новочеркасск; 44 – Веселый

лопасти срезаны прямо или чуть скошены к втулке, втулка несколько короче головки. Довольно сильно различаются размерами.

Вариант 3 (рис. 1, 9–12). Длинные наконечники вытянутых пропорций (так называемые «шиловидные»), высота головки до 4 см, лопасти выражены, срезаны прямо или чуть скошены к втулке, втулка значительно короче головки.

Тип 2. Наконечники с четырехгранной головкой (рис. 1, 13). Тип представлен 4 наконечниками стрел, происходящими из одного комплекса – Новоалександровка I, курган 13, погребение 2. Головка в сечении квадратная, высотой около 2,5 см, во втулку переходит плавно, втулка короткая, около 1 см.

Тип 3. Плоский наконечник (рис. 1, 14) – единственная находка из погребения 21 кургана 1 могильника Донской. Головка треугольной формы, в сечении линзовидная, края прокованы, втулка составляет менее половины длины наконечника. Длина наконечника – 6,8 см. Находился в колчане вместе с черешковыми наконечниками стрел. Возможно, является наконечником не стрелы, а небольшого дротика. Находки дротиков в колчане со стрелами изредка встречаются в раннесарматское время (Власкин М. В., 2005. С. 154. Рис. 2, 7).

Находки железных втульчатых наконечников типа 1, вариантов 1, 2 в нижнедонском регионе редки. Сегодня известно всего несколько погребений со смешанными наборами втульчатых и черешковых железных наконечников – Ясырев I, курган 8, погребение 19; Красногоровка I, курган 22, погребение 10, а также, возможно, Арпачин, курган 30, погребение 1, где встречен небольшой набор из трех наконечников плохой сохранности, один из которых как будто втульчатый, остальные – неясно. Кроме того, в раннесарматских погребениях иногда встречаются единичные железные втульчатые наконечники стрел – Сагванский I, курган 5, погребение 6; Койсуг, курган 5, погребение 26 и др. Очевидно, что втульчатые наконечники у сарматов в основной массе уже сменились черешковыми ко времени их прихода на Нижний Дон. Немногочисленные «зажившиеся» железные втульчатые наконечники еще были в ходу, но в несравненно меньших масштабах, нежели черешковые.

Особняком стоят комплексы не совсем обычного для Нижнего Подонья облика – Алитуб, курган 3 («Крестовый»), погребения 7 и 20; Новолакедемоновский курган, погребение 2; Койсуг, курган 5, погребение 12; Новоалександровка I, курган 13, погребение 2 и другие, с колчанными наборами, состоящими только из втульчатых желез-

ных наконечников стрел типа 1 варианта 2, 3 и типа 2. Погребенные в этих могилах, как правило, ориентированы в западный сектор. Существует мнение, что эти погребальные комплексы принадлежат мигрантам из кубано-ставропольского региона (Захаров А. В., 2000. С. 27–45; Глебов В. П., 2001. С. 61, 62; Парусимов И. Н., 2004. С. 197, 198), где в рассматриваемый период преобладала западная ориентация погребенных и доминировали втульчатые железные наконечники стрел тех же типов, что и найденные в перечисленных донских комплексах (Шевченко Н. Ф., 1993. С. 39–44; Марченко И. И., 1996. С. 59–61). Как показали полевые исследования последних лет, сарматские погребения кубано-ставропольского облика II–I вв. до н. э. имеют распространение в доно-кубанском междуречье вплоть до южных районов Ростовской области (Шевченко Н. Ф., 2003. С. 44–51. Рис. 1–5; Глебов В. П., 2000. С. 166–168. Рис. 27, 28; Власкин М. В., 2005. С. 154–156. Рис. 2, 3–12; Кузьмин В. Н., 2005. С. 171–173. Рис. 5). Многие из них весьма близки вышеперечисленным донским комплексам по обрядности и материальной культуре.

Отдел 2. Черешковые железные наконечники стрел

Тип 1. Наконечники с трехгранно-треугольной головкой (рис. 1, 15–26). В этот тип включены наконечники с трехгранной головкой, а также наконечники, лопасти которых намечены столь слабо, что они почти не отличаются от трехгранных. Головки треугольные или сводчатые. Внутри типа выделяются три варианта по длине черешка и размерам головки.

Вариант 1 (рис. 1, 15–19). Наконечники с длинными черешками (4–6 см, отдельные экземпляры достигают 8–9 см), черешки чаще четырехгранные, иногда округлые в сечении. По размерам головки могут быть выделены два подварианта: а) с небольшой головкой (высота 1–1,5 см, основание 0,6–1 см), лопасти срезаны прямо или под тупым углом к черешку (рис. 1, 15, 16), б) с крупной головкой (высота до 3,5 см, основание 0,8–1,2 см), лопасти срезаны прямо (рис. 1, 17–19).

Вариант 2 (рис. 1, 20–22). Наконечники с черешками средних размеров (2–4 см), черешки чаще четырехгранные, иногда округлые в сечении. Головки довольно крупные (высота около 2,5 см, основание 1,1–1,3 см), лопасти срезаны прямо.

Вариант 3 (рис. 1, 23–26). Наконечники с короткими черешками (до 2 см), черешки округлые в сечении или четырехгранные. Головки небольшие (высота 1,2–1,8 см, основание 0,7–0,9 см), лопасти срезаны прямо.

Тип 2. Наконечники с трехлопастной головкой (рис. 1, 27–40). Головки треугольные или сводчатые. Внутри типа выделяются три варианта по длине черешка и размерам головки.

Вариант 1 (рис. 1, 27, 28). Наконечники с длинными черешками (4,5–6 см), черешки почти всегда четырехгранные. Головки крупные, высоких пропорций (высота 3,7–4 см, основание 1,3–1,5 см), лопасти срезаны прямо.

Вариант 2 (рис. 1, 29–34). Наконечники с черешками средних размеров (2–4 см), черешки, как правило, округлые в сечении, но бывают и четырехгранные. Головки довольно крупные, высоких пропорций (высота 2–3 см, основание 1–1,2 см), лопасти срезаны прямо или слегка скошены к втулке.

Вариант 3 (рис. 1, 35–40). Наконечники с короткими черешками (до 2 см), черешки, как правило, округлые в сечении, но бывают и четырехгранные. Головки небольшие, высоких пропорций (высота 1,8–3,1 см, основание 0,8–1,3 см), лопасти срезаны прямо.

Тип 3. Наконечник с четырехгранной головкой (рис. 1, 41) – единственная находка из погребения 13 кургана 30/6 могильника Попов. Головка в сечении квадратная, высотой около 2 см, плавно переходит в черешок такой же длины.

Ранными признаками у железных черешковых наконечников считаются трехгранные головки, длинные черешки, у трехлопастных наконечников – сводчатые головки (Мошкова М. Г., 1963. С. 32; Хазанов А. М., 1971. С. 36, 37; Максименко В. Е., 1983. С. 103, 104; Скрипкин А. С., 1990. С. 141). Действительно, в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья наконечники с трехгранными головками (тип 1) и наконечники с трехлопастными головками и длинными черешками (тип 2 вариант 1) часто встречаются с вещами раннего облика: округлодонной посудой, зеркалами большого диаметра с валиком по краю и клиновидной ручкой, мечами с серповидным навершием и пр. Показательно, что эти наконечники сочетаются в колчанных наборах с другими ранними наконечниками: с бронзовым наконечником (Ясырев III, курган 1, погребение 7), с железными трехлопастными втульчатыми (Ясырев I, курган 8, погребение 19). Ранним признаком, лишь изредка встречающимся в развитой раннесарматской культуре, можно считать четырехгранность черешков стрел. Что же касается сводчатости головок, то трехлопастные наконечники со сводчатыми головками встречаются в погребениях раннесарматской культуры вплоть до самого ее финала, часто сочетаясь в колчанных наборах с наконечниками с треугольной головкой.

Показательно, что в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья не известны достоверные случаи находок наборов бронзовых наконечников стрел. Возможно, единственное исключение – детское погребение 28 кургана 4 могильника Койсуг, к которому В. Е. Максименко относит находку трех бронзовых втульчатых наконечников стрел (Максименко В. Е., 1970. С. 228. Рис. 2, 10). Однако обстоятельства этой находки неопределенны – наконечники были обнаружены не в погребении, а в заполнении ямы блиндажа, разрушившей частично раннесарматское детское погребение 28 и еще несколько могил, в том числе погребение 42 савроматского времени (Максименко В. Е., 1967. С. 16, 22, 35). Более вероятно, что бронзовые наконечники стрел не имеют отношения к погребению 28 – в детских погребениях раннесарматской культуры Нижнего Подонья находки колчанных наборов не зафиксированы ни разу.

Одиночные бронзовые наконечники разных типов в раннесарматских захоронениях иногда встречаются, но в большинстве случаев они, видимо, использовались в качестве амулетов, а не как оружие – Донской (Новочеркасская ГРЭС), курган 6, погребение 23; Подгорненский IV, курган 30, погребение 7; Подгорненский I, курган 1, погребение 9; Алитуб, курган 3 («Крестовый»), погребение 20; и др. Лишь изредка бронзовые наконечники находились в колчанных наборах вместе с железными черешковыми: Ясырев III, курган 1, погребение 7; Койсуг, курган 4, погребение 32. Интересно, что в последнем случае сарматы использовали как боевой архаичный бронзовый двухлопастный наконечник с боковым шипом VII–VI вв. до н. э. – он был встречен вместе с железным трехлопастным черешковым наконечником и колчаным крючком, у обоих наконечников были прослежены остатки древков. Видимо, это примеры «инерционного» использования отдельных бронзовых наконечников стрел. В целом же несомненно, что ко времени освоения сарматами нижнедонского региона бронзовые наконечники у них уже вышли из пользования. По мнению В. М. Клепикова и А. С. Скрипкина период бытования бронзовых стрел у сарматов ограничивается III веком до н. э. (Клепиков, 2002. С. 42; Клепиков, Скрипкин А. С., 2002. С. 66).

Очевидно, что сарматы пришли на Дон уже, главным образом, с железными черешковыми наконечниками стрел. Втульчатые наконечники на Нижнем Дону встречены лишь в немногих, видимо, наиболее ранних комплексах. Среди черешковых наконечников из погребений раннего го-

ризонта раннесарматской культуры наблюдается большое разнообразие: головки трехгранные и трехлопастные, черешки как длинные, так и короткие, округлые в сечении и четырехгранные; зачастую разнотипные наконечники сочетаются в одном колчанном наборе. Позже произошла известная унификация наконечников стрел. Основное большинство наконечников стрел развитой раннесарматской культуры в Нижнем Подонье составляют железные трехлопастные наконечники с головками высоких пропорций и средними или короткими черешками (тип 2, варианты 2, 3). Таким образом, развитие черешковых наконечников шло по линии укорачивания черешка, выделения лопастей и перехода от четырехгранного в сечении черешка к округлому.

Детали колчанов. В погребение 12 кургана 5 могильника Койсуг найден относительно хорошо сохранившийся колчан – кожаный, зауженный книзу, длиной приблизительно 50 см, шириной – до 20 см, с цветной геометрической аппликацией (синего, белого и коричневого цветов) и бронзовыми бляшками (Максименко В. Е., 1983. С. 100). Колчан из погребения 21 кургана 1 могильника Донской, вероятно, был украшен золотой фольгой – длинными спиралевидными лентами и одной прямой лентой. Сохранились также фрагменты кусочков фольги с геометрическим узором из продавленных ломаных линий. В погребении 20 кургана 3 («Крестовый») могильника Алитуб были обнаружены остатки колчана, сделанного из бересты. В нескольких погребениях были найдены колчаные крюки.

Мечи

В комплексах рассматриваемой выборки насчитывается в общей сложности 115 мечей. Мечи, размеры которых установлены, делятся на две группы: короткие (23–53 см) – 81 экз. и длинные (70–95 см) – 6 экз., промежуточное положение между этими размерными группами не заполнено. Большинство коротких мечей (70 %) имеет длину 30–45 см.

Отдел 1. Мечи с серповидными навершиями (рис. 2, 1–12), 28 экз.

Тип 1. Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием (рис. 2, 1–9), 23 экз. Внутри типа выделяется 2 варианта по форме клинка (у трех экземпляров не определяется из-за фрагментированности).

Вариант 1 (рис. 2, 1–4), 5 экз. Мечи с клинком в виде вытянутого равнобедренного треугольника, лезвия сужаются к острию равномерно от самого основания. Длина 36,5–41 см, лишь один экземпляр существенно длиннее – 51 см (Попов, курган 30/6, погребение 13).

Вариант 2 (рис. 2, 5–9), 15 экз. Мечи с параллельными или почти параллельными лезвиями, заметно сужающимися только у самого острия. Длина от 33 до 50 см.

Тип 2. Мечи с серповидным навершием без перекрестия (рис. 2, 10–12) 5 экз. Длина от 28 до 50 см. Почти все экземпляры – с подтреугольным клинком и равномерно сужающимися к острию лезвиями.

Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием (отдел 1, тип 1) считаются дальнейшим развитием мечей савроматского времени с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (Мошкова М. Г., 1963. С. 33; Скрипкин А. С., 1990. С. 117). Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием являются наиболее распространенным клинковым оружием от Зауралья до Поднепровья на протяжении почти всей раннесарматской эпохи и только к концу ее уступают позиции мечам с кольцевидным навершием. Ранее считалось, что верхней хронологической границей бытования мечей с серповидным навершием является II век до н. э., но А. С. Скрипкин, отметив случаи находок таких мечей с фибулами среднелатенской схемы, которые тогда было принято датировать концом II–I вв. до н. э., высказал предположение о существовании мечей с серповидным навершием и в I веке до н. э. (Скрипкин А. С., 1990. С. 118, 119). Позднее эта гипотеза подтвердилась благодаря находкам мечей с серповидными навершиями в комплексах, датирующихся не ранее I в. до н. э. (см., например: Власкин М. В., 2000. С. 12, 17–19. Рис. 4, 1; Очир-Горьева М. А., Лапа Н. Л., 2002. С. 200, 205. Рис. 1). По мнению исследователей, такие конструктивные элементы как «рожковидные» навершия, изогнутые под тупым углом, с утолщенными концами, характерны для поздних дериватов мечей с серповидным навершием (Скрипкин А. С., 1990. С. 119; Марченко И. И., 1996. С. 52–54). Относительно ранними, судя по сопутствующему материалу, являются мечи с подтреугольными клинками ромбическими в сечении.

Мечи с серповидными навершиями без перекрестия (отдел 1, тип 2) немногочисленны. И. И. Марченко датирует бытование мечей этого варианта у прикубанских сарматов второй четвертью III–II вв. до н. э. (Марченко И. И., 1996. С. 50, 51. Рис. 12). А. С. Скрипкин, полагая, что часть мечей этого варианта все же имела несохранившиеся перекрестия, склонен датировать их в рамках всей раннесарматской культуры (Скрипкин А. С., 1990. С. 119, 120). Необходимо заметить, что все донские мечи этого типа имеют клинки подтреуголь-

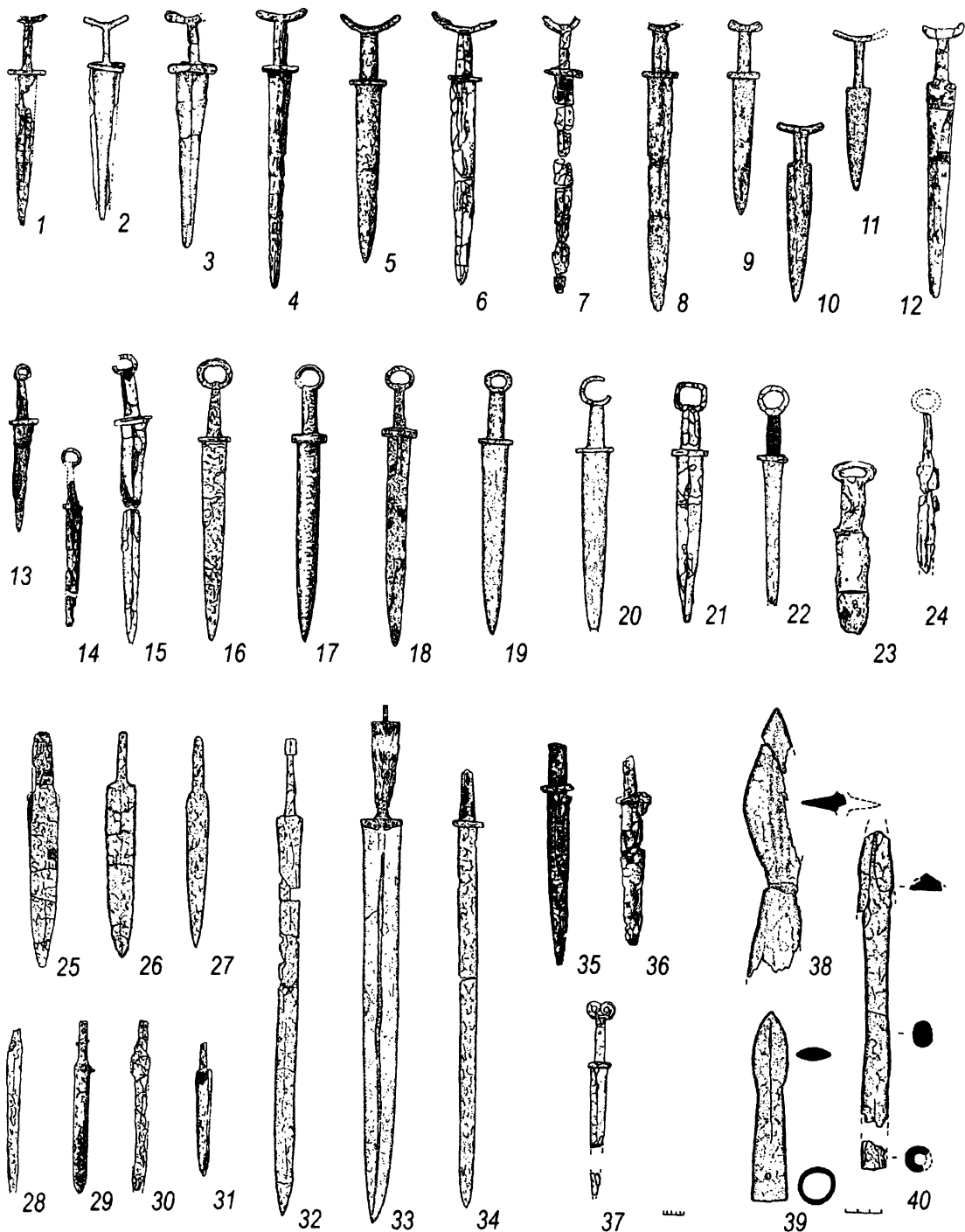

Рис. 2. Мечи и наконечники копий из погребений раннесарматской культуры Нижнего Подонья.

- 1 – Подгорненский I, курган 1, погребение 9; 2 – Донской, курган 1, погребение 21; 3 – Подгорненский VI, курган 1, погребение 9; 4 – Попов, курган 30/6, погребение 13; 5 – Высочино VI, курган 2, погребение 1; 6 – Северо-Западный I, курган 1, погребение 8; 7, 15 – Подгорненский IV, курган 7, погребение 3; 8 – Веселый, курган 2, погребение 6; 9 – Алитуб, курган 28, погребение 4; 10 – Кулешовка, курган 1, погребение 17; 11 – Поляков, курган 5, погребение 3; 12 – Чепрак IV, курган 3, погребение 4; 13 – Ясырев III, курган 1, погребение 7; 14 – Сагванский I, курган 8, погребение 9; 16 – Донской (Новочеркурзан ГРЭС), курган 2, погребение 7; 17 – Донской (Новочеркурзан ГРЭС), курган 5, погребение 23; 18 – Кулешовка, курган 1, погребение 24; 19 – Озерский, курган 3, погребение 9; 20 – Алитуб, курган 5, погребение 29; 21 – Балабинский I, курган 28, погребение 4; 22, 34 – Сухо-Дюдеровский II, курган 1, погребение 12; 23 – Западенский, курган 1, погребение 13; 24 – Сагванский I, курган 5, погребение 4; 25 – Пирожок, курган 2, погребение 2; 26 – Донской (Новочеркурзан ГРЭС), курган 5, погребение 10; 27 – Кастырский V, курган 3, погребение 1; 28 – Пирожок, курган 5, погребение 4; 29 – Серебряковка, курган 1, погребение 19; 30 – Подгорненский V, курган 1, погребение 1; 31 – Высочино IV, курган 4, погребение 1; 32 – Арпачин, курган 40, погребение 10; 33 – Балабинский I, курган 25, погребение 3; 35 – Ново-Николаевка I, курган 3, погребение 4; 36 – Сагванский I, курган 12, погребение 2; 37 – Криволиманский I, курган 8, погребение 5; 38 – Золотые Горки IV, курган 9, погребение 3; 39 – Попов, курган 58/26, погребение 10; 40 – Подгорненский VI, курган 1, погребение 8

ной формы с равномерно сужающимися к острию лезвиями, что позволяет предположить довольно раннюю хронологическую позицию этих мечей.

Отдел 2. Мечи с кольцевидными навершиями (рис. 2, 13–24), 37 экз.

Тип 1. Мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием (рис. 2, 13–23), 34 экз. Внут-ри типа выделяется два варианта по форме клинка.

Вариант 1 (рис. 2, 13–16), 4 экз. Мечи с клинком в виде вытянутого равнобедренного треугольника, лезвия сужаются к острию равномерно от самого основания. Длина – 30 см (Ясырев III, курган 1, погребение 7), несколько больше 30 см (Сагванский I, курган 8, погребение 9).

Вариант 2 (рис. 2, 17–23), 30 экз. Мечи с почти параллельными лезвиями, заметно сужающимися только у самого острия. Длина от 25 до 53 см.

Тип 2. Мечи с кольцевидным навершием без перекрестия (рис. 2, 24), 3 экз. Длина – в пределах 40–50 см. А. С. Скрипкин, отмечая немногочисленность таких мечей, полагает, что перекрестия их могли быть утрачены. Однако он не исключает, что мечи с кольцевидным навершием без перекрестия попадали к сарматам с Северного Кавказа, где такие формы оружия в рассматриваемый период имели большее распространение (Скрипкин А. С., 1990. С. 125). И. И. Марченко на кубанских материалах датирует мечи с кольцевидным навершием без перекрестия I в. до н. э. – II в. н. э., но при этом основное большинство находок происходит из памятников I–II веков н. э. (Марченко И. И., 1996. С. 55).

Происхождение и время появления мечей с кольцевидным навершием и прямым перекрестием (отдел 2, тип 1) являются предметом дискуссии. Ряд исследователей придерживается мнения, что формирование этого типа мечей произошло у сарматов на местной основе (возможно, путем смыкания волют у мечей с волутообразным навершием) параллельно с эволюцией мечей с серповидным навершием (Хазанов А. М., 1971. С. 8, 9; Васильев В. Н., 2001. С. 172, 173). А. С. Скрипкин, ранее разделявший эту точку зрения (Скрипкин А. С., 1990. С. 122, 123), в настоящее время отошел от нее – отмечая популярность клинкового оружия с кольцевидным навершием в различных районах Центральной Азии, он связывает широкое распространение мечей с кольцевидными навершиями в сарматской среде с приходом во II веке до н. э. с востока больших групп кочевников, вынужденных мигрировать из-за агрессивной политики державы хунну (Скрипкин А. С., 2005. С. 181–183).

Мечи с кольцевидным навершием также иног-

да имеют подтреугольную форму клинка (вариант 1), но реже, чем мечи с серповидным навершием; треугольность клина у них менее выражена. Среди мечей с кольцевидным навершием значительно преобладают клинки с параллельными лезвиями (вариант 2). Несомненно, мечи с подтреугольным клинком являются более ранней разновидностью, чем мечи с параллельными лезвиями. Однако это следует считать лишь тенденцией, а не жестким правилом, так как отдельные находки мечей с кольцевидным навершием и подтреугольным клинком (хотя и не столь выраженным, как у раннесарматских образцов) известны вплоть до среднесарматского времени (Глухов А. А., 2005. С. 26). Считается, что мечи с подтреугольным клинком являлись больше колющим, чем рубящим оружием. Это подтверждается тем, что они в среднем короче, чем мечи с параллельными лезвиями.

В целом, очевидно, что развитие мечей в раннесарматскую эпоху шло по линии постепенной замены серповидного навершия кольцевидным, а подтреугольного клинка клинком с параллельными лезвиями, сужающимися ближе к острию. Преобладание мечей с серповидными навершиями наблюдается в наиболее ранних памятниках раннесарматской культуры Нижнего Подонья – Подгорненские, Попов, Койсуг и др. Отмечена повышенная встречаемость их с округлодонной лепной посудой, зеркалами большого диаметра с валиком по краю диска и клиновидной ручкой, наконечниками стрел ранних типов. Мечи с кольцевидными навершиями в памятниках этого горизонта тоже присутствуют, хотя их и немного (Ясырев III, курган 1, погребение 7; Подгорненский IV, курган 7, погребение 3). На протяжении какой-то части раннесарматского периода мечи с серповидными и кольцевидными навершиями сосуществовали – известны случаи, когда мечи обоих типов находились в одном погребении (например – Подгорненский IV, курган 7, погребение 3). Со временем кольцевидные навершия вытесняют серповидные. В комплексах развитого и финального этапов раннесарматской культуры мечи с кольцевидными навершиями уже составляют большинство, а мечи с серповидными навершиями встречаются лишь эпизодически (Северо-Западный I, курган 1, погребение 8). Став ведущим типом клинкового оружия на завершающей стадии раннесарматской эпохи, мечи с кольцевым навершием продолжают господствовать и в среднесарматское время.

Отдел 3. Мечи без металлического навершия (рис. 2, 25–36), 18 экз.

Тип 1. Мечи без металлического навершия

и перекрестия (рис. 2, 25–32), 8 экз. Длина от 23 до 42 см. Большинство мечей с почти параллельными лезвиями, сужающимися ближе к острию.

Внутри типа по размерам и пропорциям выделяется два варианта.

Вариант 1 (рис. 2, 25–27), 4 экз. Мечи с коротким узким клинком. Длина 23–31 см, ширина клинка 2–3 см.

Вариант 2 (рис. 2, 28–31), 3 экз. Мечи с массивным широким клинком. Длина 38–42 см, ширина клинка до 5,5 см.

Вариант 3 (рис. 2, 32), 1 экз. Меч из погребения 10 кургана 40 могильника Арпачин. Длина его 86 см. В отличие от большинства сарматских мечей, лезвия арпачинского меча слегка вогнуты в верхней трети клинка, с одной стороны лезвие значительно сточено. Штырь рукояти в сечении квадратный, у пяты клинка – овальный. Рукоять имела костяное цилиндрическое навершие.

Тип 2. Мечи без металлического навершия с прямым перекрестием (рис. 2, 33–36), 10 экз.

Внутри типа по размерам выделяется два варианта.

Вариант 1 (рис. 2, 35–36), 8 экз. Короткие мечи. Длина от 28 до 46,5 см. Значительная часть мечей отнесена к этому типу условно, так как они явно имели навершия, утраченные в древности.

Вариант 2 (рис. 2, 33, 34), 2 экз. Длинные мечи. Размеры меча из погребения 12 кургана 1 могильника Сухо-Дюдеревский II – 74 см, меча из погребения 3 кургана 25 могильника Балабинский I – 95 см. Экземпляр из Балабинского отличается массивностью и шириной клинка (до 6,8 см), на штыре рукояти сохранились остатки древесины.

Короткие мечи без навершия и перекрестия (отдел 4, тип 1) представляют собой универсальную форму оружия, известную во все периоды сарматской истории. Вероятно, мечи двух выделенных размерных вариантов имели функциональные различия: вариант 1 – короткие кинжалы с узким клинком, вариант 2 – массивные тесаки с широким лезвием. Несколько особняком стоит длинный меч из Арпачина без перекрестия с костяным навершием (вариант 3) – он необычен вогнутостью лезвий в верхней трети клинка и наличием костяного навершия. Этот меч связывался Б. А. Раевым с кельтским клинковым оружием (Раев Б. А., 1979. С. 260–262), однако, по мнению А. С. Скрипкина у арпачинского меча нет явных признаков, свойственных кельтским мечам (Скрипкин А. С., 1990. С. 132).

Длинные мечи без металлического навершия, как известно, получают наиболее широкое рас-

пространение в позднесарматскую эпоху. Однако традиция использования длинных всаднических мечей существует и в раннесарматское, и в среднесарматское время. Помимо мечей из Арпачина, Сухо-Дюдеревского II и Балабинского I в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья известно еще три находки длинных мечей, типовая принадлежность которых остается неясной из-за плохой сохранности – Саганский I, курган 5, погребение 6 (около 74 см); Донской, курган 1, погребение 21 (не менее 70 см); Красногоровка III, курган 11, погребение 10 (около 70 см). А. С. Скрипкин сопоставляет длинные сарматские мечи без навершия с бронзовым или железным ромбическим перекрестием с китайскими мечами эпохи Цинь и Хань и относит их к числу новаций, попавших в волго-донские степи вместе в волной кочевников, пришедших сюда во II веке до н. э. с востока (Скрипкин А. С., 2000. С. 17–29).

Отдел 4. Мечи с волютообразным навершием (рис. 2, 37)

Представлен всего несколькими экземплярами. Бесспорно волютообразное навершие имеет меч из погребения 5 кургана 8 могильника Криволиманский I длиной 34 см. Еще в 1–2 случаях форма навершия не совсем ясна. Так в погребении 8 кургана 8 могильника Арбузовский был встречен меч плохой сохранности с кольцевым навершием «с несомкнутыми концами(?)» (Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. С. 147) – возможно, это также было волютообразное навершие. В погребении 3 того же кургана был найден меч с навершием в виде волюты, составленной из двух симметричных железных пластин, наложенных на деревянную основу и скрепленных с ней при помощи заклепок (Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. С. 147, 204. Рис. 36, 27).

Мечи с волютообразным навершием, изредка встречающиеся в ранне-, средне- и позднесарматское время, видимо, являются пережиточной формой клинкового оружия с волютообразным навершием, имевшего довольно широкое распространение в савроматскую эпоху (Смирнов К. Ф., 1961. С. 16–22. Рис. 2–4).

Ножны. Детали рукоятей. У многих мечей на клинках сохранились остатки деревянных ножен, иногда со следами кожи, которой они были обтянуты сверху. У меча из погребения 8 кургана 8 могильника Арбузовский ножны, выкрашенные в красный цвет, были украшены аппликацией из бронзовой фольги, конец ножен оформлен в виде круглой лопасти с оконтуренным железной проволокой краем. Навершие этого меча с одной стороны было покрыто золотой фольгой. У некоторых

мечей прослежены остатки деревянных частей рукояти, в ряде случаев крепившихся заклепками (Новопалестиновский II, курган 1, погребение 11; Серебряковка, курган 1, погребение 19). У меча из Серебряковки заклепки, помимо рукояти, располагались по периметру клинка (11 шт.) – очевидно, они скрепляли деревянные детали ножен. На рукояти меча из погребения 12 кургана 1 могильника Сухо-Дюдеревский II сохранились следы обмотки рукояти кожаным ремнем.

Наконечники копий

В раннесарматских погребениях Нижнего Подонья найдено шесть железных наконечников копий. Все они разнотипны и различаются размерами. Наконечник из погребения 5 кургана 4 могильника Балабинский II имеет перо лавролистной формы с продольным ребром и длинную втулку, отличается большой длиной – около 50 см. Наконечник из погребения 8 кургана 1 могильника Подгорненский VI (рис. 2, 40) также имеет длинную втулку, но перо короткое, в сечении подтреугольное или ромбическое, длина наконечника около 25–27 см. У наконечника из погребения 3 кургана 9 могильника Золотые Горки IV (рис. 2, 38) перо ромбовидной формы с сильно выступающим продольным ребром, втулка короткая, расширяющаяся книзу, длина наконечника около 21 см. Наконечник из погребения 10 кургана 58/26 могильника Попов (рис. 2, 39) длиной всего около 12 см, перо короткое (4 см), в нижней части втулки имеется отверстие. Детали и размеры наконечников копий из погребения 3 кургана 25 могильника Балабинский I и погребения 2 кургана 12 могильника Саганский I неясны в силу их плохой сохранности.

Примечательно, что у копий из нижнедонских раннесарматских погребений отсутствуют втоки. В. Е. Максименко приводит один случай находки втока копья – могильник Алитуб, курган 28, погребение 4 (Максименко В. Е., 1983. С. 107. Рис. 65, 5). Однако этот железный конусовидный втульчатый предмет с несомкнутой втулкой в действительности, видимо, являлся частью орудия типа острокопечника-стрекала – в этом погребении не было копья (во всяком случае, отсутствует наконечник). Подобные предметы иногда встречаются в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья, однако они ни разу не сопровождались наконечниками копий, поэтому трактовка этих предметов как втоков копий более чем сомнительна. Бесспорные находки копий с втоками в раннесарматских древностях Нижнего Подонья пока не известны. Считается, что втоки копий у сарматов выходят из употребления не позднее III века

до н. э. (Хазанов А. М., 1971. С. 49; Клепиков В. М., 2002. С. 35).

Защитное вооружение

В погребениях раннесарматского времени предметы защитного вооружения не встречены. Защитное вооружение представлено только шлемами типа Монтефортино из жертвенно-поминальных комплексов («кладов») раннесарматского времени: из разрушенного кургана у хутора Веселый (рис. 1, 44); из распахиваемого кургана у села Новопрохоровка (рис. 1, 42); беспаспортная находка из Новочеркасского музея донского казачества (рис. 1, 43). Иногда к перечню шлемов из донских «кладов» II–I вв. до н. э. причисляют и псевдоаттический шлем из Грушевского могильника (Симоненко А. В., 1998. С. 164; 2001. Рис. 6, 12). Однако этот комплекс, судя по находке в том же кургане амфоры IV в. до н. э. (Каталог., 1981. С. 36. Табл. 10, 3), относится к более раннему времени.

Шлемы из Новопрохоровки и Новочеркасского музея с пышным декором (фризы из треугольных фигур, пояски елочного орнамента, косые насечки по краю, бегущая волна и пр.), вероятно, являющиеся продукцией этрусских мастеров, отнесены Б. А. Раевым, А. В. Симоненко и М. Ю. Трейстером к типу Монтефортино А/Б и датированы первой половиной III в. до н. э. и второй половиной IV в. до н. э. соответственно (Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю., 1990. С. 118, 119, 121, 130, 131). Шлем из Веселого отличается от классических шлемов типа Монтефортино наличием козырька, что сближает его с аттическими шлемами; дата веселовского шлема, по мнению этих исследователей – вторая половина III – первая половина II вв. до н. э. (Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю., 1990. С. 121, 127). Б. А. Раев, А. С. Симоненко и М. Ю. Трейстер отмечают хронологический разрыв между временем производства шлемов (IV–III вв. до н. э.) и датировкой комплексов, в которых они найдены в Северном Причерноморье (большинство – II–I вв. до н. э.) и считают, что большинство импортных шлемов попали в Северное Причерноморье спустя более 100 лет после изготовления (Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю., 1990. С. 123, 124; Симоненко, 1998, С. 164–167). Однако недавно появилась гипотеза Ю. П. Зайцева, снимающая это противоречие – согласно его поправкам к хронологии шлемов, время производства шлемов, орнаментированных треугольными фигурами и бегущей волной, по современной европейской хронологии укладывается во II в. до н. э. (Зайцев Ю. П., 2005. С. 93, 94).

Состав и расположение оружия в погребениях

Основными видами вооружения нижнедонских ранних сарматов II–I веков до н.э. являются короткие мечи и стрелы (колчанные наборы). Мечи встречены в 79 погребениях, колчаны – в 18, мечи и колчаны – в 30. Прочие варианты наборов вооружения (меч–стрелы–копье, меч–копье) зафиксированы единично. Находки длинных мечей редки, комплект из двух мечей (длинного и короткого) встречен только один раз. Копья во II–I вв. до н.э. распространены очень мало, все они без втоков. Из предметов защитного вооружения в это время известны только импортные шлемы «Монтефортино». Такая же ситуация наблюдается в это время и в других сарматских регионах – в погребениях абсолютно преобладают мечи и стрелы, копья и дротики редки (Симоненко А. В., 1986. С. 10; Скрипкин А. С., 1997. С. 185; Васильев В. Н., 2001. С. 90–92), известны единичные находки парных копий (Власкин М. В., 2005. С. 154. Рис. 2, 11, 12).

Положение мечей зафиксировано в 97 погребениях. Большинство коротких мечей (70) находилось у правого бедра погребенного. Прочие варианты положения мечей встречаются гораздо реже – справа у верхней части туловища (а также сверху или под костяком) – 10, слева у бедра – 2, слева у верхней части туловища – 1, а также в единичных случаях у левой голени или стопы, за черепом, у левого плеча, в заполнении (на перекрытии?). Положение длинных мечей разнообразно: слева (Донской, курган 1, погребение 21 – вдоль левой ноги, поверх колчана), справа (Арпачин, курган 40, погребение 10 – вдоль правого бока), под костяком (Сагванский I, курган 5, погребение 6 – под левой частью туловища от плеча до бедра; Красногоровка III, курган 11, погребение 10 – под левой частью таза и между бедренными костями), справа, в стороне от погребенного, в сломанном виде (Балабинский I, курган 25, погребение 3; Сухо-Дюдереvский II, курган 1, погребение 12).

Положение колчанных наборов зафиксировано в 38 погребениях. Колчаны чаще находились слева от погребенного – 24 случая (обычно у бедра или голени – 16, реже у предплечья – 8). Справа от костяка колчаны располагались в восьми комплексах (у колена – 1, у предплечья – 7). В пяти погребениях колчаны лежали между голени или поверх них. В одном захоронении стрелы находились за черепом погребенного. В большинстве случаев наконечники стрел располагались остриями к ногам (33), гораздо реже – к изголовью (5).

Положение наконечников копий известно в четырех случаях: дважды за черепом (Золотые Гор-

ки IV, курган 9, погребение 3; Сагванский I, курган 12, погребение 2 – в этом погребении наконечник лежал «опираясь на дно и стену могильной ямы»), под стенкой напротив левого бедра (Балабинский II, курган 4, погребение 5), в заполнении (на перекрытии?) (Подгорненский IV, курган 1, погребение 8).

Таким образом, короткие мечи в большинстве случаев были положены справа, обычно вдоль бедра, длинные – как справа, так и слева, колчаны – чаще справа у ног или предплечья, реже – слева у предплечья, для копий трудно выявить закономерность из-за редкости находок этого оружия в раннесарматское время. Приблизительно 25 % мечей несут следы ритуальной порчи – сломаны или согнуты. Также сломан один из наконечников копий (Сагванский I, курган 12, погребение 2).

Наблюдается тяготение оружия к погребениям мужчин молодого и зрелого возраста, реже – подросткового и пожилого возраста. В единичных случаях мечи встречены в погребениях детей младше 10 лет. Женские захоронения с оружием малочисленны – не более 10–12 % от общего числа нижнедонских раннесарматских погребений с предметами вооружения. Вопреки мнению о преобладании в женских погребениях стрел над другим оружием, колчанные наборы, как и мечи, обнаружены лишь в двух–трех женских могилах, комплекты вооружения (меч–стрелы, меч–стрелы–копье) встречены один–два раза.

Характеристика вооружения и военного дела ранних сарматов по данным археологии и письменных источников

Наиболее полные сведения о вооружении сарматов II–I веков до н.э. приведены Страбоном при описании племени роксоланов: «они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья (*λοῦρη* – короткое копье [Перевалов С. М., 1999. С. 65]), лук и меч. Подобным образом вооружено и большинство других варваров» (Страбон. «География». VII, III, 17).

Итак, по данным археологии и письменных источников, сарматские вооруженные силы описываемого периода представляли собой конное, преимущественно легковооруженное войско. Судя по редкости длинных мечей, единичности штурмовых копий и отсутствию защитных доспехов, тяжеловооруженная кавалерия типа катафрактариев как род войск на этом этапе сарматской истории отсутствовала. Весьма проблематично и наличие у сарматов пехоты. Из сообщения Аппиана известно, что в войне Фарнака с узурпатором Асандром в 47 году до н.э., где на стороне Фарнака

выступали скифы и сарматы, в решающей битве они были побеждены «из-за недостатка в лошадях и неумения сражаться пешим строем» (Аппиан. «Митридатовы войны». 120). По мнению исследователей, пехота у сарматов могла набираться из обедневших номадов, вынужденных осесть на землю, либо из зависимых оседло-земледельческих племен (Хазанов А. М., 1971 С. 86; Нефедкин А. К., 2001. С. 204). Однако в Нижнем Подонье во II–I веках до н. э. нет следов седентаризации сарматов, не было и оседлого варварского населения, которое могло бы поставлять вспомогательные пехотные контингенты в сарматское войско.

Тактика легковооруженных номадов, вероятно, строилась на сочетании дистанционного и ближнего (возможно, спешенного, судя по длине мечей) боя (Горелик М. В., 1993. С. 73, 74; Васильев В. Н., 2001. С. 92). Характерными чертами этой, так называемой «скифской» тактики считаются подвижность, маневренность, внезапные нападения и быстрое отступление в случае неудачи, обязательный массированный обстрел противника из луков с целью измотать и обратить в бегство или хотя бы ослабить и расстроить его ряды перед вступлением в ближний бой (Блаватский В. Д., 1954. С. 22; Горелик М. В., 1993. С. 73). По мнению некоторых исследователей, сарматы знали такие военные построения, как лава и «карусель», и, возможно, могли вести эшелонированный бой. Тем не менее, без «ударного кулака» тяжеловооруженной конницы они не могли успешно противостоять противнику, знающему военный строй и располагающему тяжеловооруженной кавалерией или пехотой (Хазанов А. М., 1971. С. 68, 69; Васильев В. Н., 2001. С. 93). Так, легковооруженные роксоланы царя Тасия в столкновении с фалангой понтийского полководца Диофанта, несмотря на численное превосходство, оказались бессильны против сомкнутого строя тяжеловооруженной пехоты и были наголову разгромлены (Страбон. «География». VII, III, 17).

Интересно сравнить вооружение ранних сарматов и кочевников предыдущей и последующей эпох. Комплекс вооружения кочевников Нижнего Подонья IV – начала III вв. до н. э. совершенно иной: много копий и дротиков с втоками, нередко наборами по несколько штук, среди мечей преобладают массивные и длинные, часты находки панцирных пластин, большие наборы из бронзовых и железных втульчатых наконечников стрел. Судя по составу во-

оружия, характерному для тяжеловооруженной кавалерии, в тактике номадов IV – начала III вв. до н. э. решающее значение придавалось ближнему бою. Во II–I вв. до н. э. в вооружении номадов происходят значительные изменения – мечи укорачиваются, количество копий и дротиков значительно сокращается, металлические панцири исчезают. Очевидно, что с этим облегчением вооружения были связаны и какие-то изменения в тактике и приемах ведения боя.

В среднесарматское время, согласно данным письменных и изобразительных источников, в вооружении и тактике боя сарматов снова происходят кардинальные изменения (подробнее см.: Перевалов С. М., 1999. С. 65–67). Рассказывая о вторжениях сарматов в Закавказье в 35 году н. э. и в Мезию в 69 году н. э., Тацит описывает совершенно иной комплекс вооружения – длинные копья, длинные двуручные мечи, наборные панцири из железных пластин или твердой кожи, луки используются мало, щиты отсутствуют. Тактика сарматов заключается в лобовой кавалерийской атаке: «не допускать в битве метания стрел, а предупредить врага смелым натиском и вступить в рукопашную» (Тацит. «Анналы». VI, 35), «...когда (сарматы) появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться» (Тацит. «История». I. 79).

По данным археологии в среднесарматское время действительно заметны некоторые перемены в вооружении сарматов Нижнего Подонья: отмечено больше находок наконечников копий (хотя по-прежнему их на порядок меньше, чем мечей и наборов стрел), в том числе массивные наконечники штурмовых копий (Плоский I, курган 9, погребение 2; Крепинский I, курган 29, погребение 1), известны единичные случаи находок панцирных пластин (Криволиманский I, курган 41, погребение 1), умбонов щитов германского образца (Садовый, Высочино VII, курган 28, погребение 1), накладок луков «гуннского» типа (Царский, курган 41, погребение 1). Однако в основной массе погребений кочевников продолжает господствовать все тот же набор вооружения: короткий меч и лук «скифского» типа (без костяных накладок) с колчаном стрел, длинные мечи встречаются по-прежнему редко. В целом, эти новации не имели массового характера ни в Нижнем Подонье, ни в других сарматских регионах (возможно, за исключением, Кубани).

Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины

Так по традиции часто именуется сарматское клинковое оружие с узким прямым перекрестием и серповидным навершием¹. Оно многочисленно в раннесарматских погребениях Приуралья, Поволжья, Подонья, встречается в Северном Причерноморье и на Кубани. Эти клинки считаются одной из составляющих раннесарматской (прохоровской) культуры, ее характерной особенностью.

Почти 25 лет тому назад сарматские мечи и кинжалы с территории Северного Причерноморья впервые были рассмотрены в отдельной статье (Симоненко А. В., 1984. С. 129–147). Анализировалось там и единичное тогда оружие с серповидным навершием (было известно два экземпляра). К середине 80-х годов прошлого века количество находок возросло до семи (Симоненко А. В., 1986. С. 19–21, 218), в обобщающую работу по военному делу сарматов Северного Причерноморья добавилось три клинка (Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218), и совсем недавно стал известен еще один меч. Таким образом, на сегодня на территории Украины найдено 11 мечей и кинжалов прохоровского типа (рис. 1).

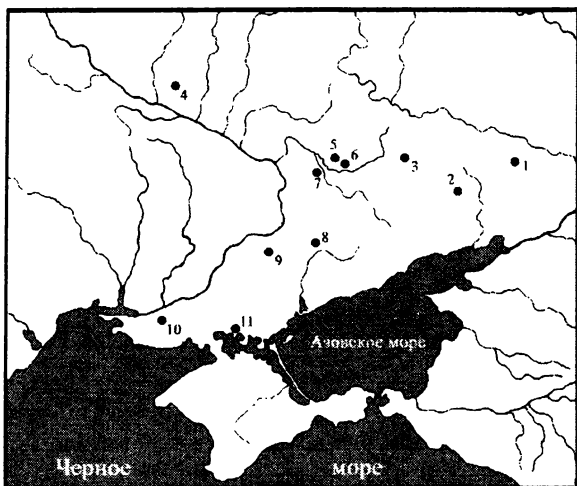

Рис. 1. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины.

1 – Червонопартизанск; 2 – Острый; 3 – Гришино;
4 – Хорол; 5 – Терны; 6 – Преображенка;
7 – Жемчужное; 8 – Виноградное; 9 – Большая Белозерка; 10 – Привольное; 11 – Сергеевка

Как водится, качество исследования в предыдущих работах сейчас меня не устраивает – изменились общие представления о раннесарматской культуре, обнаружались авторские ошибки и недочеты, появились новые идеи. В этой статье, помимо всего прочего, хотелось бы устранить прошлые недостатки и подвести некоторые итоги.

Мечи и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием на территории Украины найдены в следующих пунктах²:

1. Город Червонопартизанск Свердловского района Луганской области, курган 2, погребение 2 (Красильников К. И. и др., 2006. Рис. 26; 27). Впускное в курган эпохи бронзы. Погребенный в прямоугольной яме, вытянуто на спине, головой на С (рис. 2, 1). Меч лежал вдоль правого бедра. Длина клинка 43 см, ширина у пяты 4 см, общая длина 54 см (рис. 2, 2).

2. Поселок Острый Марьинского района Донецкой области, курган 2, насыпь (Моруженко А. А. и др., 1983. С. 23, 24. Табл. 14; Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218. Abb. 13, 5). Под почти распавшей насыпью на уровне древнего горизонта без следов погребения найдены в разных местах: скопление амфорного боя (рис. 3, 2, 3), тайник с бронзовым конским нагрудником (рис. 3, 5–7) и меч (рис. 3, 1). Общая длина меча 51 см, ширина клинка у пяты 4,8 см, длина ручки³ 8,2 см.

3. Село Гришино Красноармейского района Донецкой области, случайная находка во дворе колхозника М. Я. Перова (Симоненко А. В., 1984, С. 131, 132. Рис. 3, 1; Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218. Abb. 13, 4). Длина клинка 38 см, ширина у пяты 4,2 см, общая длина 48 см (рис. 4, 3).

4. Город Хорол, районный центр Полтавской области, разрушенный курган на южной окраине. Кинжал поступил в местный музей в 1970-х годах вместе с лепным сосудом (Степанович С. П., Супруненко О. Б., 1994. С. 43. Рис. 24). Длина клинка 28,8 см, ширина у пяты 3,6 см, общая длина 38,6 см (рис. 5, 4).

5. Село Терны Павлоградского района

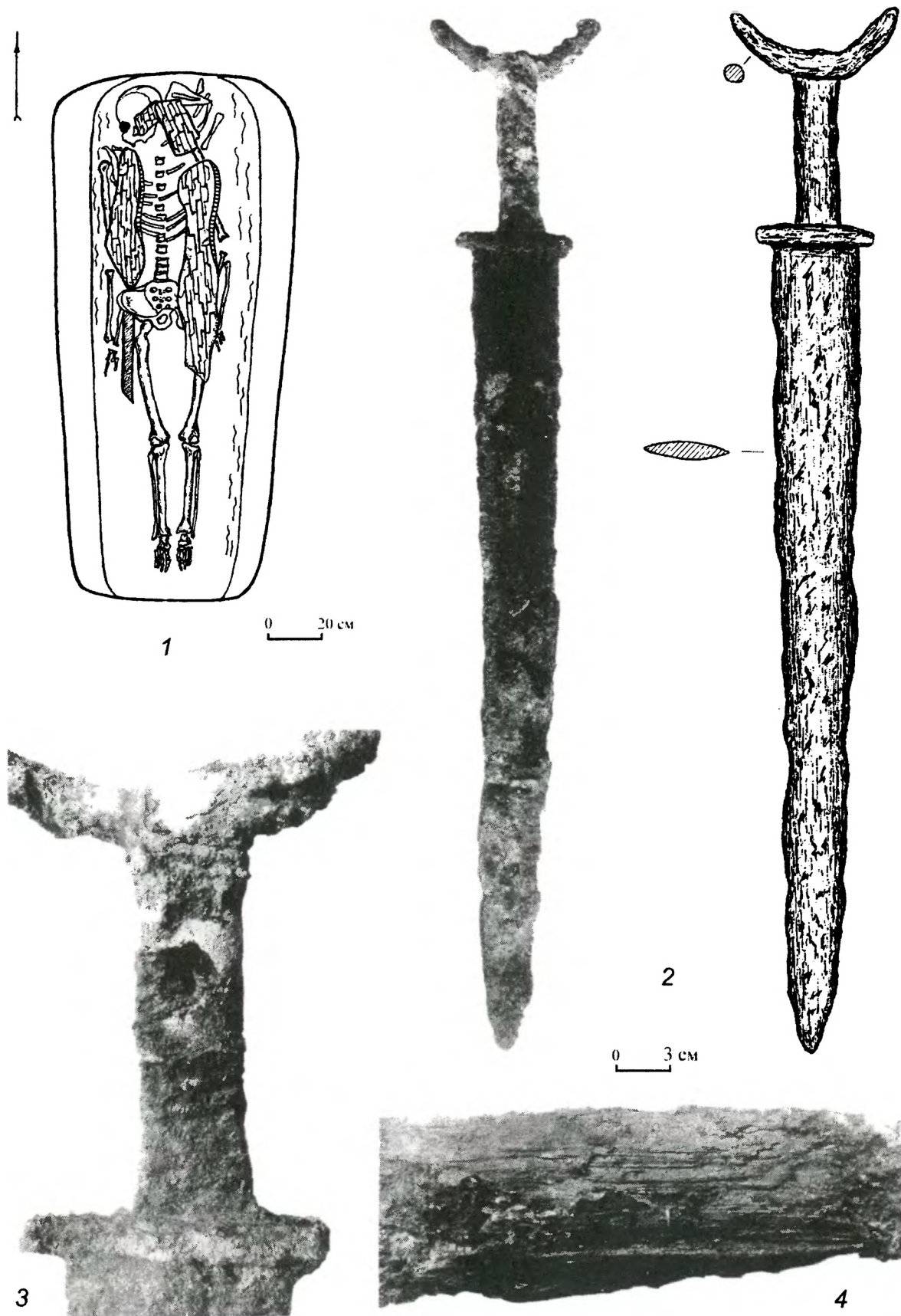

Рис. 2. Червонопартизанск (по: Красильников К.И. и др., 2006).
 1 – план погребения; 2 – железный меч; 3 – обмотка ручки; 4 – следы деревянных ножен

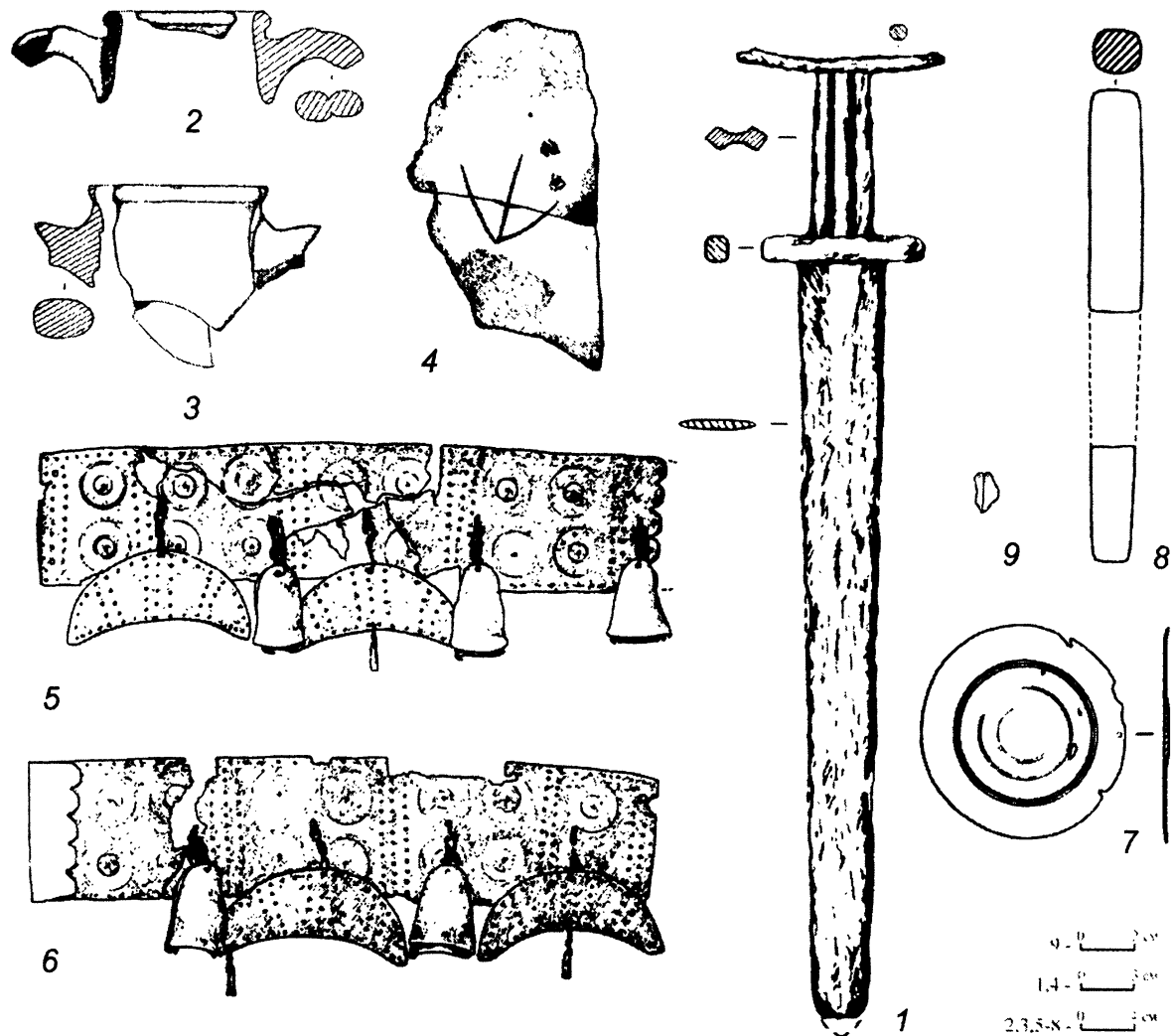

Рис. 3. Острый (по: Моруженко А.А. и др., 1983).

1 – железный меч; 2–4 – фрагменты амфор; 5, 6 – бронзовые пластины нагрудника; 7 – бронзовое зеркало; 8 – оселок из песчаника; 9 – золотая пластинка

Днепропетровской области, курган 4, погребение 20, раскопки И. Ф. Ковалевой в 1984 году (Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218. Abb. 13, 2). Впускное в курган эпохи бронзы. Разрушено при сносе бровки, ориентированной по оси С–Ю, что дает основания предполагать меридиональную ориентацию незамеченной могилы. Из ее инвентаря сохранился меч. Длина клинка 31 см, ширина у пяты 4 см, общая длина 41 см (рис. 4, 4).

6. Село Преображенка Павлоградского района Днепропетровской области, группа 2, курган 2, погребение 5, раскопки И. Ф. Ковалевой в 1983 году (Симоненко А. В., 1991. С. 24. Рис. 2, 2; Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218). Впускное в курган эпохи бронзы. Скелет вытянуто на спине, головой на ССЗ (рис. 6, 6). В комплексе – античный красноглиняный кувшин (рис. 6, 8) и железный черешковый нож (рис. 6, 9). Фрагментированный кинжал лежал на правом предплечье. Длина сохранившейся части клинка 18 см, ширина у пяты

5 см, общая длина реконструируется в пределах 30 см (рис. 6, 7).

7. Село Жемчужное Павлоградского района Днепропетровской области, курган 2, погребение 3, раскопки И. Ф. Ковалевой в 1986 году (Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218. Abb. 13, 1). Впускное в курган эпохи бронзы. В катакомбе с круглой входной ямой. Скелет вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 5, 1). В комплексе – лепная коническая курительница с рядом сквозных отверстий по середине корпуса (рис. 5, 3). Кинжал лежал на груди покойного, острием к ногам. Длина клинка (с обломанным острием) 29,5 см, ширина у пяты 4 см, общая длина 38,4 см (рис. 5, 2).

8. Село Виноградное Токмакского района Запорожской области, курган 31, погребение 1, раскопки Ю. Я. Рассмакина в 1985 году (Симоненко А. В., 1991. С. 24. Рис. 2, 1; Simonenko A. V., 2001. S. 217). Впускное в курган эпохи бронзы. Скелет в подпрямоугольной яме, вытянуто на спи-

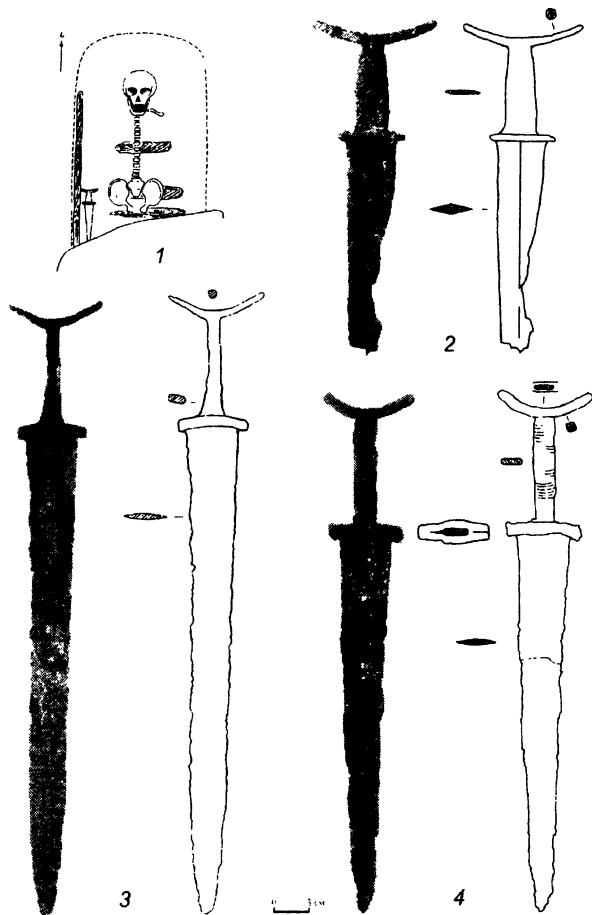

Рис. 4. Мечи прохоровского типа.

1, 2 – Большая Белозерка (1 – по: Савовский И.П., 1977); 3 – Гришино; 4 – Терны

не, головой на СЗ (рис. 6, 1). В комплексе – античный красноглиняный кувшин (рис. 6, 3), чернолощенная лепная миска ясторфско-зарубинецкого облика и тростниковые стрелы с девятью железными втульчатыми и одним черешковым трехлопастными и четырехгранными наконечниками (рис. 6, 4) в кожаном колчане, верхняя часть которого была украшена бронзовыми бляшками. Рядом с колчаном лежала костяная молотковидная булавка ямной культуры (рис. 6, 5). Фрагментированный меч лежал вдоль правой плечевой кости. Длина сохранившейся части клинка 18 см, ширина его в средней части 3,5 см. Общая длина оружия реконструируется в пределах 45 см (рис. 6, 2).

9. Поселок Большая Белозерка Каменка-Днепровского района Запорожской области, курган 1, погребение 4 (Савовский И.П., 1977. С. 283; Симоненко А. В., 1984. С. 131. Рис. 2; 3, 2; Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218). Впускное в курган эпохи бронзы. Скелет в прямоугольной яме, вытянуто на спине, головой на север (рис. 4, 1). Фрагментированный меч лежал вдоль правого бедра. Длина сохранившейся части клинка 20 см, ширина у пяты 5 см. Общая длина оружия ре-

конструируется в пределах 45–48 см (рис. 4, 2).

10. Село Привольное Цюрутинского района Херсонской области, курган 1, погребение 1 (Симоненко А. В., 1984. С. 141; Simonenko A. V., 2001. S. 234). Впускное в курган эпохи бронзы. Скелет в прямоугольной яме, вытянуто на спине, головой на север (рис. 7, 1). В комплексе – античный светлоглиняный кувшин (рис. 7, 5), бронзовая «скрепленная» фибула среднелатенской схемы (рис. 7, 3), сланцевый оселок (рис. 7, 4). Меч лежал вдоль левого предплечья. Длина клинка 34 см, ширина у пяты 4,3 см, общая длина около 45 см (рис. 7, 2). Верхняя часть клинка разрушилась при расчистке, форма навершия реконструирована со слов расчищавшего погребение А. И. Кубышева.

11. Село Сергеевка Новотроицкого района Херсонской области, курган 4, погребение 17 (Симоненко А. В., 1991. С. 24. Рис. 3, 1; Simonenko A. V., 2001. S. 217, 218. Abb. 13, 3). Впускное в курган эпохи бронзы. Скелет в подпрямоугольной яме, вытянуто на спине, головой на СВ (рис. 8, 1). В комплексе – чернолощенный горшок зарубинецкого типа (рис. 8, 4), железный наконечник копья с листовидным пером (рис. 8, 3), железный нож с горбатой спинкой (рис. 8, 5). Меч лежал на правом бедре, несколько наискось. Длина клинка 33,2 см, ширина у пяты 4 см, общая длина около 40 см (рис. 8, 2).

Клинок. Клинки скифских, савроматских и сарматских мечей, как известно, двух разновидностей: с параллельными лезвиями, сужающимися лишь в последней трети, ближе к острию, и с лезвиями, сужающимися сразу от пяты и придающими клинку форму треугольника. Клинки первой разновидности численно преобладают, и в то же время они, как правило, наиболее ранние⁴. Экземпляры из Северного Причерноморья подтверждают эту закономерность. Клинок первой разновидности – у самого раннего (см. ниже) меча из кургана близ поселка Острый (рис. 3, 1). Большинство клинков – второй разновидности, но лезвия клинка из Привольного параллельны, как на архаических мечах (рис. 7, 2). Длина клинков – от 33,5 до 44 см, ширина у пяты почти одинакова – между 4 и 5 см.

Все клинки в сечении линзовидные, лишь на двух (Острый, Большая Белозерка) заметно невысокое ребро по продольной оси. А. М. Хазанов обоснованно предположил, что клинков с ребром было больше, чем мы фиксируем, однако увидеть его мешает коррозия, которой испорчено оружие из погребений – недаром ребро заметно, как правило, на случайно найденных экземплярах (Хазанов А. М., 1971. С. 6). Я совершенно согласен с этим,

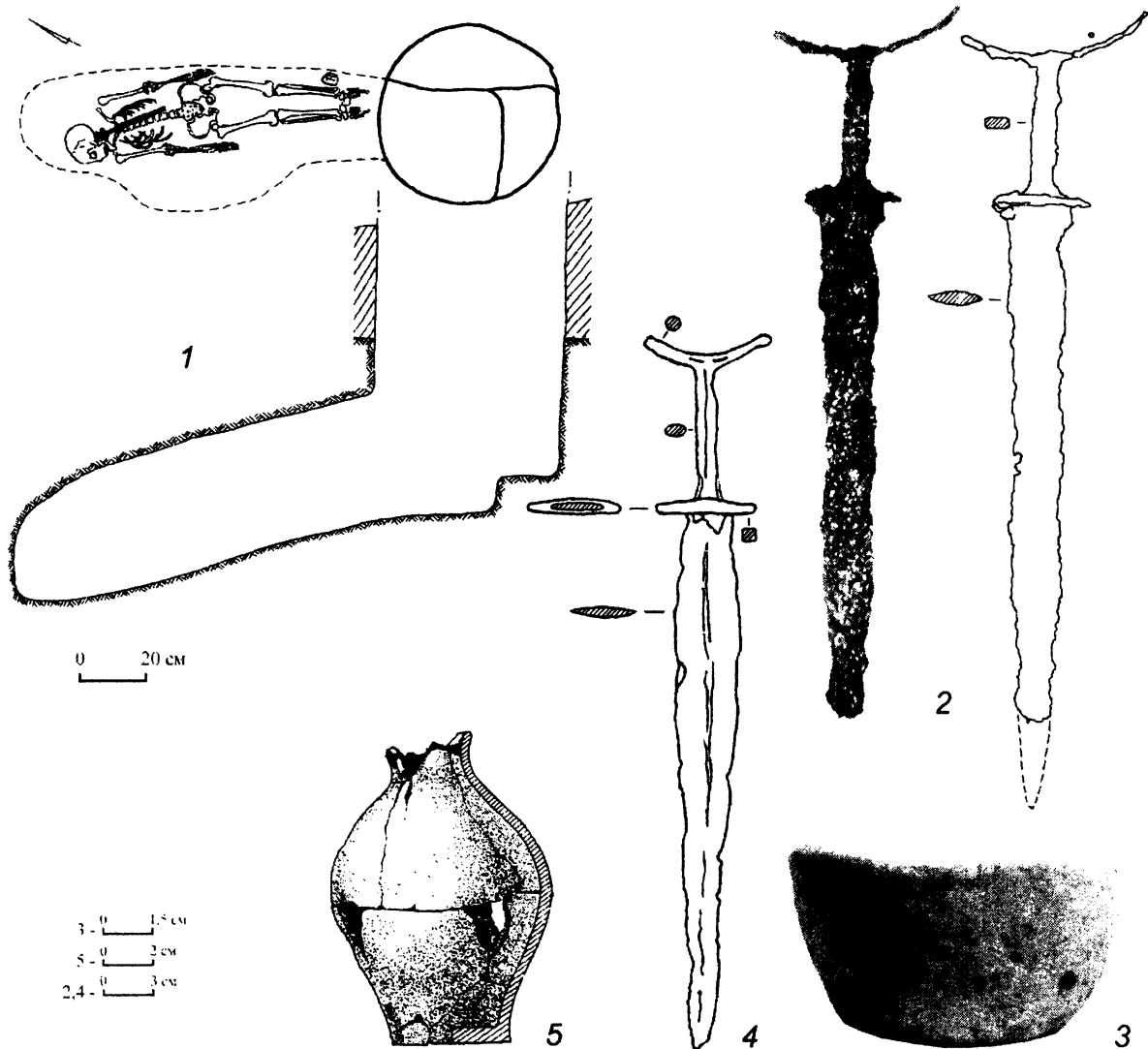

Рис. 5. Комплексы с мечами прохоровского типа.

1-3 – Жемчужное (1 – план погребения; 2 – железный кинжал; 3 – лепная курильница);
4-5 – Хорол (4 – железный кинжал; 5 – лепной горшок [по: Степанович С.П., Супруненко О.Б., 1994])

хотя не вижу оснований считать, как А. М. Хазанов, ребро на клинке архаическим признаком. Равным образом его наличие или отсутствие может объясняться технологией или производственной традицией.

Клинок из Виноградного сильно разрушен, однако на фрагментах заметны две (?) неглубокие каннелюры, сходящиеся углом к концу клинка (рис. 6, 2). Эта технологическая деталь отсутствует на основной массе раннесарматских клинков, но, возможно, ее трудно увидеть из-за коррозии. Так или иначе, я не могу назвать аналогов клинку из Виноградного.

Переkрестие. Эта деталь в целом однотипна – почти все перекрестия прямые, шириной до 1 см. Учитывая коррозию, реальная ширина перекрестия такого типа не должна превышать 0,6–0,8 см. У экземпляра из поселка Острый перекрестие не-

сколько шире остальных и его следует называть брусковидным (рис. 3, 1). Концы перекрестия выходят за пятю клинка на 1,0–1,5 см. Перекрестие меча из Гришина дуговидно изогнуто, концы его слегка опущены (рис. 4, 3). На экземплярах из Тернов и Сергеевки видна технология крепления: квадратная в сечении полоска железа обертывалась вокруг пятю клинка и сваривалась у одного из концов кузнечной сваркой (рис. 4, 4; 8, 2). Этот прием прослежен на клинке с кольцевым навершием из Сумской области (Шрамко Б. И. и др., 1974. С. 187, 188) и, как наиболее рациональный, был, вероятно, одним из основных. А. М. Хазанов назвал еще одну технологию – сварка концов двух полос, наложенных на пятю клинка (Хазанов А.М., 1971. С. 6).

Ручка. Ручки большинства мечей и кинжалов узкие, подпрямоугольные в сечении. Такие ручки,

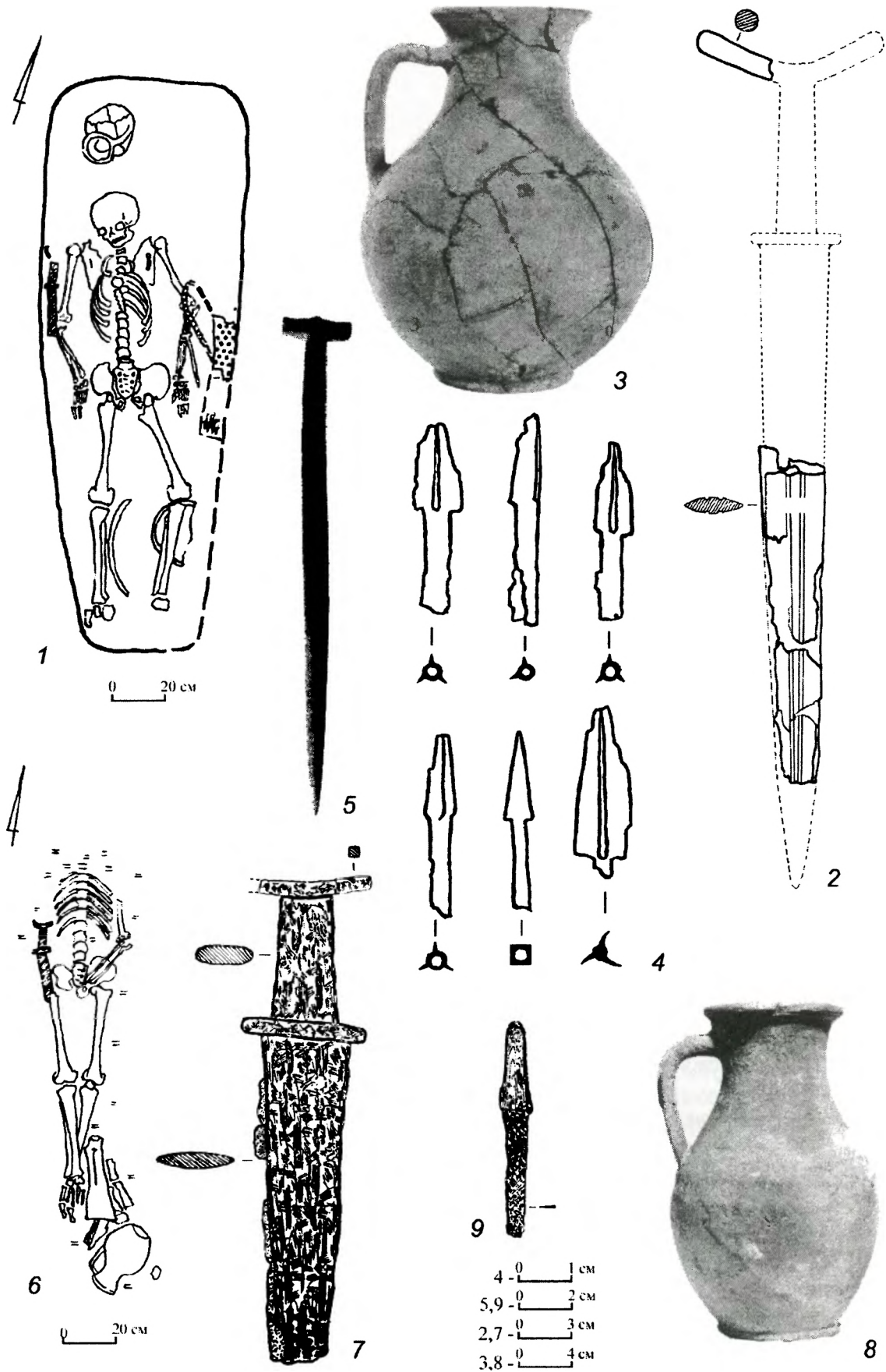

Рис. 6. Комплексы с мечами прохоровского типа.

1-5 – Виноградное (1 – план погребения; 2 – железный меч; 3 – красноглиняный кувшин; 4 – железные наконечники стрел; 5 – костяная булавка); 6-9 – Преображенка (6 – план погребения; 7 – железный кинжал; 8 – красноглиняный кувшин; 9 – железный нож)

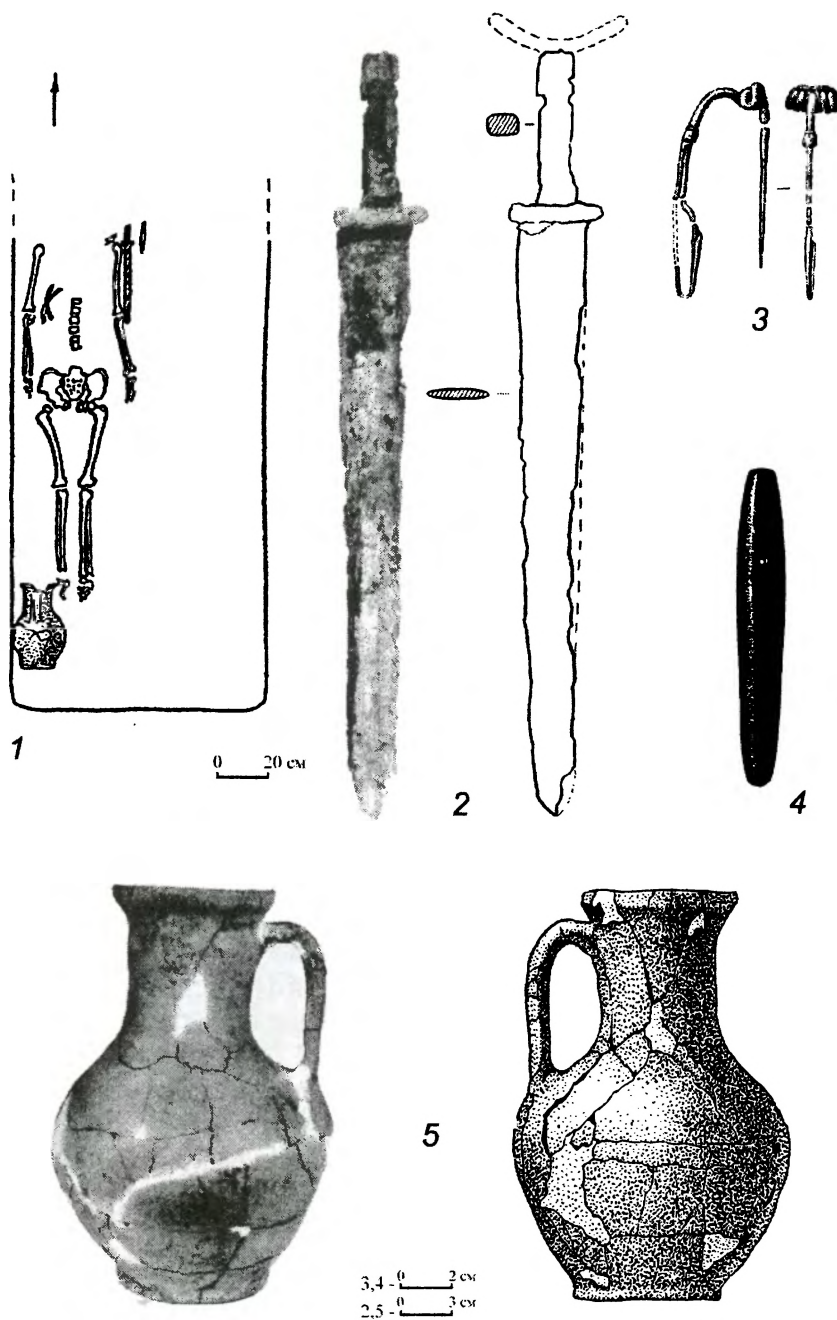

Рис. 7. Привольное.

1 – план погребения; 2 – железный меч; 3 – бронзовая фибула; 4 – сланцевый оселок; 5 – гончарный кувшин

в основном, у поздних (II–I вв. до н. э.) клинков прохоровской культуры (Зуев В. Ю., 1998. С. 147. Рис. 2; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 19). Ручка меча из Большой Белозерки редкой разновидности – широкая, плоская, рассчитанная на округлые деревянные накладки (рис. 4, 2). На большинстве ручек прослежены остатки таких накладок, а на экземплярах из Тернов и Червонопартизанска видны следы кожаной либо текстильной обмотки (рис. 2, 3; 4, 4). Эта технология также известна на востоке (Мошкова М. Г., 1963. Табл. 18, 21, 23). Длина ручек почти одинакова – от 8 см (Преображенка³) до 8,6 см (Гришино), ширина варьирует от 1,6 до 4 см.

Следует остановиться на ручке меча из кургана у поселка Острый. Она в сечении резко профилирована за счет продольного желобка посередине и острых возвышающихся граней по бокам. Длина ее 8,2 см (рис. 3, 1). Такие ручки характерны для скифских мечей и кинжалов VI–V веков до н.э. (Черненко Е. В., 1984. С. 47. Рис. 24, 1, 9, 10) и синхронного савроматского оружия (Смирнов К. Ф., 1961. С. 11; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 11, 4, 6, 13, 17). Среди немногочисленных поздних экземпляров, близких мечу из Острого, можно назвать кинжал из Прохоровского кургана 2 (Мошкова М. Г., 1963. Табл. 18, 19).

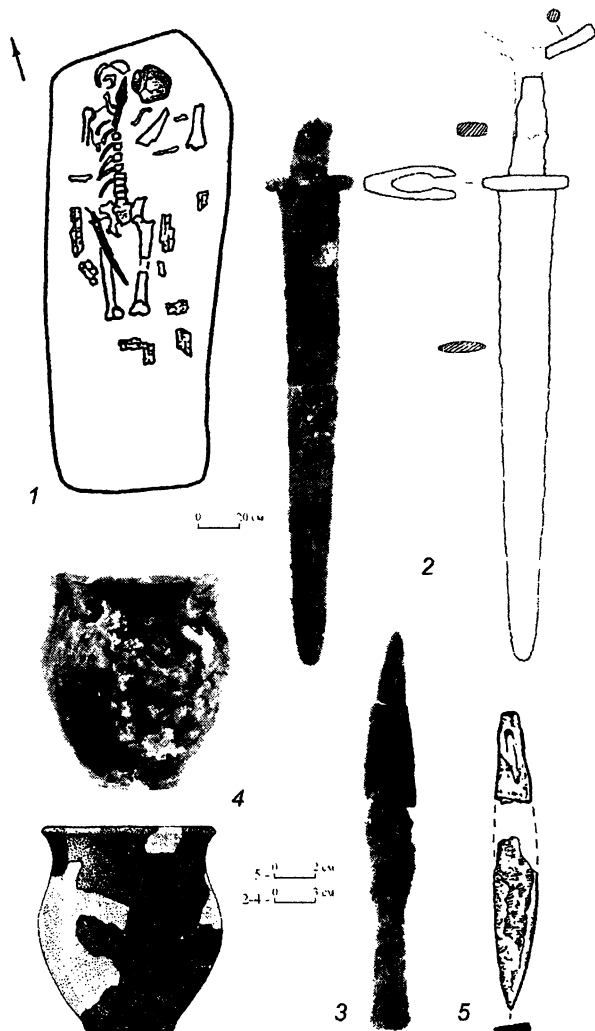

Рис. 8. Сергеевка.

1 – план погребения; 2 – железный меч;
3 – железный наконечник копья; 4 – чернолощеный
горшок; 5 – железный нож

Помимо «двухтавровой» в сечении ручки, у него прямое навершие и широкое брусковидное прямое перекрестие, очень напоминающие соответствующие детали меча из Острого. Я не уверен, что этот курган следует датировать рубежом II–I вв. до н. э., как считает В. Ю. Зуев (Зуев В. Ю., 1998а. С. 16) – такой поздней дате противоречит зеркало из комплекса. Точнее, чем в пределах IV–II вв. до н. э., его датировать некорректно⁶.

Доживают ли «двухтавровые» в сечении ручки до этого времени? Единственная находка в Прохоровке не говорит в пользу такой версии. Не исключено, что и этот кинжал, и меч из Острого – более древнее «савроматское» оружие, отремонтированное в раннесарматское время. К сожалению, экспериментально проверить эту гипотезу я не могу – соответствующие анализы, увы, за пределами моих возможностей, а органолептически это установить не удалось.

Навершие. Восемь из десяти исследованных наверший – классические прохоровские: довольно широкие (размах ветвей от 12 до 8,5 см), серповидно изогнутые. Несколько наверший в сечении круглые, остальные – прямоугольные. И те, и другие – не редкость на прохоровских клинках с более восточных территорий. Навершие меча из Острого более редкого, однако же встречающегося (Мошкова М. Г., 1963. С. 34) в прохоровской культуре типа – почти прямое.

Хронология. Исследуемое оружие датируется сопровождающим материалом либо, при его отсутствии, морфологическими признаками.

Интереснейший комплекс был обнаружен в кургане у поселка Острый (рис. 3). Его насыпь высотой 0,3 м и диаметром около 28 м была едва видна на местности. В ней по всей площади с глубины 0,25 м встречались фрагментированные обломки костей животных. В северо-восточной поле на глубине 0,53–0,55 м (вероятно, уровень древней дневной поверхности) обнаружено скопление амфорного боя и обломков костей животных площадью 2×2 м. В южной поле, в небольшой округлой ямке размерами 0,62×0,56 м, найдены бронзовые пластины нагрудника и бронзовое зеркало, использованное как его центральная бляха. В западной поле обнаружены меч, обломки каменного оселка и кремневый нож, а в северной – маленький фрагмент золотой пластины. Погребения в кургане отсутствовали (Моруженко А. А. и др., 1983. С. 23, 24).

Этот курган является культовым (жертвенно-поминальным) памятником, однако исследование его назначения и семантики не входит в задачу работы. Нас интересует датировка комплекса, в который входил меч.

Из амфорного боя восстанавливаются части нескольких сосудов. Один из них – розовоглиняная амфора с двуствольными ручками, покрытая светлым ангобом. На корпусе – граффити в виде трех исходящих из одной точки прямых линий. Диаметр венчика 11,7 см (рис. 3, 2, 4). Второй – амфора из оранжевой глины, с высоким прямым горлом и овальными в сечении ручками. Диаметр венчика 12,8 см, сохранившаяся высота горла 19,3 см, сечение ручки 4,2×2 9 см (рис. 3, 3).

Безусловно, восстановленных фрагментов мало для точного типологического определения сосудов из комплекса, но фрагмент горла с двуствольными, плавно изогнутыми ручками принадлежит, скорее всего, родосской амфоре ранней серии варианта вилланова, датирующейся концом третьей – последней четвертью III в. до н. э. (Моныхов С. Ю., 2003. С. 118).

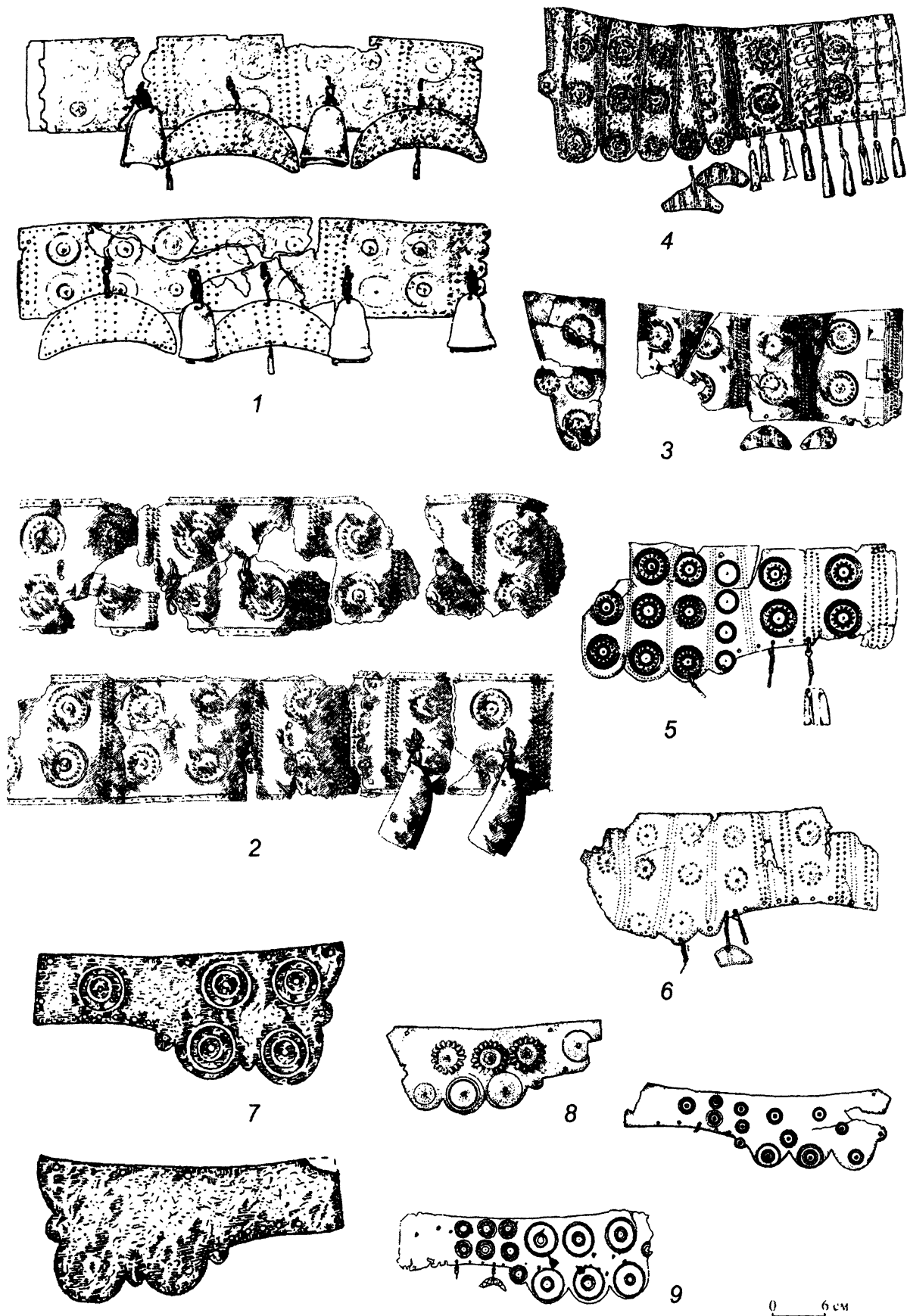

Рис. 9. Бронзовые пластины нагрудников эллинистического типа.

1 – Острый; 2, 3 – Васюрина Гора (по: Ростовцев М.И., 1914; Беглова Е.А., 2002); 4 – Тенгинский могильник (по: Беглова Е.А., 2002); 5, 6, 8 – курган у станицы Новолабинской (по: Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006); 7 – Никополь (по: Беглова Е.А., 2002); 9 – склеп на Татарском городище (по: Кудрявцев А.А. и др., 2000)

Замечательной находкой является бронзовая оковка конского нагрудника. Она состоит из двух больших (длиной 52,5 см, шириной 10,7–11,6 см) прямоугольных пластин, соединявшихся на кожаной основе. По краю пластин пробиты отверстия для крепления их на подкладку. С лицевой стороны пластины украшены рядами выпуклых точек, выбитых пуансоном, и оттиснутыми концентрическими кругами между ними. К каждой из пластин на проволочных петлях, закрепленных посередине, подвешены по две лунницы с таким же рядом точек и пять «полу-колокольчиков». В центре нагрудника подвешивалось бронзовое зеркало с концентрическими кругами на обороте (рис. 3, 5–7).

Нагрудник из Острого – весьма интересная находка, особенно для территории Украины. Сейчас, после выхода работ Е. А. Бегловой (Беглова Е. А., 2002), Б. А. Раева и Г. Е. Беспалого (Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006), стало ясно, что в эллинистическое время варвары Северо-Западного Кавказа и Северного Причерноморья использовали конский убор особого типа, впервые найденный еще при раскопках кургана № 1 Васюриной Горы (Ростовцев М. И., 1914. Табл. XX, 1, 2). В одной из конских гробниц этого кургана были обнаружены узкие прямоугольные пластины, подобные пластинам из Острого, с таким же орнаментом и подвешенными «полу-колокольчиками» (рис. 9, 2) и фрагментированная фигурная пластина с пуансонным орнаментом и подвешенными к нижнему краю лунницами (рис. 9, 3), украшавшая нагрудник другой конструкции. Практически аналогичны ей (рис. 9, 4–6) пластины из ритуального комплекса № 1 Тенгинского некрополя (Беглова Е. А., 2002. С. 158, 159. Рис. 2, 3) и культового комплекса в кургане на грунтовом могильнике Новолабинского IV городища (рис. 9, 5, 6) (Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. С. 40, 41. Табл. 38, 1, 5).

На территории Украины пластины, украшавшие нагрудник подобного типа, были найдены в кургане близ Никополя в 1902 году (Павлущкий Г., 1903. С. 37–40; Ханенко Б. Н., Ханенко В. И., 1907. С. 10, 11. Табл. III). На них нет пуансонного орнамента, но есть концентрические круги и отверстия по краю (рис. 9, 7). Этим вещам посвящена давняя работа В. Ю. Мурзина и Е. В. Черненко (Мурзин В. Ю., Черненко Е. В., 1980. С. 155–167). Авторы никак не интерпретировали две «трапециевидные» пластины, как они их назвали (Мурзин В. Ю., Черненко Е. В., 1980. С. 156), не узнав в них аналог снаряжению из Васюриной горы. Подобные фигурные пластины (рис. 9, 8, 9) найдены также в Новолабинском кургане и в склепе могильника

№ 2 Татарского городища (Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. С. 15, 19, 20. Табл. 13, 1; 19, 1, 4; Кудрявцев А. А. и др., 2000. С. 40–47. Рис. 2).

В состав такого убора, помимо нагрудников, украшенных прямоугольными или фигурными пластинами, входили своеобразные большие бронзовые налобники с топовидной лопастью (Никополь, Новолабинская, Тенгинский могильник, Татарское городище) и наузы с подвесками в виде лунниц и «полу-колокольчиков» (Тенгинский могильник, Новолабинская). В последнем памятнике найдены также подвески из нащечников псевдоаттических шлемов.

Е. А. Беглова датирует жертвенный комплекс Тенгинского некрополя первой четвертью II в. до н. э. (Беглова Е. А., 2002. С. 159), а конское погребение кургана № 1 Васюриной Горы относит к III–II вв. до н. э. (Беглова Е. А., 2002. С. 160). Надо сказать, что традиционная датировка разграбленного склепа этого кургана основана только на находке расписной пиксиды первой половины III в. до н. э. Одновременность конских захоронений и склепа однозначно не установлена, а в склепе найдены вещи римского времени (Ростовцев М. И., 1914. С. 40).

Показательны остальные находки в конской гробнице: псалии, описанные М. И. Ростовцевым под № 4 как «четыре железных золоченых удила с зубчатыми шариками на концах», два позолоченных налобника с крючком в виде головок грифонов, железная, плакированная серебром, перстневидная бляха узды, украшенная чернью и позолотой (Ростовцев М. И., 1914. Табл. XVIII, 4, 5, 9). Подобные детали узды встречаются в некоторых «кладах» II–I веков до н. э.: бронзовые С-видные псалии с окончаниями в виде рубчатых (но не зубчатых) шариков – в Веселой Долине (Редина Е. Ф., Симоненко А. В., 2002. С. 91. Рис. 3, 1, 2, 6), бронзовые и серебрянные перстневидные бляхи – в Снигиревке и Великопоском (Симоненко А. В., 1982. С. 240; Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф., 1984. С. 150). Налобники с головками грифонов не имеют прямых аналогов, но, несомненно, относятся к классу позднескифских налобников «с крючком» III–I вв. до н. э. (Симоненко А. В., 1982. С. 237–245). Создается впечатление, что псалии и остальной уздечный набор из Васюриной Горы – более изысканный, «парадный» вариант перечисленных аналогов. Уникальны и бронзовые позолоченные фалары со стеклянными вставками (Ростовцев М. И., 1914. Табл. XVIII, 1, 2). Последние – по справедливому замечанию М. И. Ростовцева, характерные для римского времени (Ростовцев М. И., 1914. С. 42) – указывают на сравнительно позднюю дату

захоронения. Орнамент в виде «бегущей волны», которым украшены бортики фаларов, часто встречается на шлемах типов Монтефортино и Манхайм II–I вв. до н. э. (Schaaf U., 1988. S. 318–322). Совокупность всех перечисленных признаков и аналогов указывает, скорее, на II век до н. э., как наиболее вероятную дату конских захоронений кургана № 1 на Васюриной Горе.

Склеп на Татарском городище функционировал с IV по II века до н. э. (Кудрявцев А. А. и др., 2000. С. 46; Беглова Е. А., 2002. С. 161). Культовый комплекс некрополя Новолабинского городища не датирован авторами публикации, но в личной беседе Б. А. Раев склонялся к датировке его II в. до н. э.

Похоже, что такой своеобразный конский убор появился не ранее второй половины III и бытовал во II, а может быть, и в I веках до н. э. Топография находок предполагает, что он был популярен у варваров Северо-Западного Кавказа. М. И. Ростовцев очень тонко обратил внимание на «галыштатское» происхождение орнамента пластин пуансонными точками и концентрическими кругами (Ростовцев М. И., 1914. С. 42), что весьма интересно на фоне некоего всплеска западных (кельтских и фракийских) элементов в культурах варваров Северного Причерноморья этого времени. Если уточнить время начала этого всплеска и объяснить его природу, то, возможно, прояснится время и контекст появления такого убора.

Итак, учитывая датировку амфор и нагрудника, не будет ошибкой отнести комплекс из Острога к концу III–II вв. до н. э. Соответственно, этого же времени и меч. Остается признать, что его архаическая «двутапровая» ручка либо не так уж архаична, либо, действительно, древняя и была приделана к более позднему клинку.

Меч из Большой Белозерки (рис. 4, 2) автор публикации отнес к III в. до н. э. (Савовский И. П., 1977. С. 283). К. Ф. Смирнов был осторожнее, справедливо заметив, что такое оружие бытует в IV–II веках до н. э. (Смирнов К. Ф., 1984. С. 71). Дату этого меча сузить трудно – ведь в погребении, кроме него, ничего не было. Но, с одной стороны, в IV–III веках до н. э. у такого оружия еще нет плавно изогнутого навершия и тонкого, почти плоского перекрестия, как на мече из Большой Белозерки – они типичны для II–I вв. до н. э. Эта дата и представляется наиболее приемлемой для белозерского меча (Полин С. В., Симоненко А. В., 1990. С. 84).

Дуговидное перекрестие найденного случайно меча из Гришина (рис. 4, 3), по традиционным меркам, должно считаться ранним признаком и предполагать дату не позднее рубежа IV–III вв. до н. э. Так когда-то решил и я, пытаюсь «алгеброй гармо-

нию поверить» и получить среднее арифметическое даты ранних и поздних признаков (Симоненко А. В., 1984. С. 132). Сейчас такие детали этого меча, как узкая ручка и плавно изогнутое серповидное навершие с широко разведенными ветвями, склоняют меня к достаточно поздней (II–I вв. до н. э.) датировке. Большинство мечей и кинжалов с такими рукоятями относится к этому времени. На примере меча из Острого мы убедились, что признаки, традиционно считающиеся архаическими, не всегда таковыми являются.

Остальные клинки датируются сопровождающим материалом. Красноглиняные кувшины (рис. 6, 3, 8; 7, 5) и керамика зарубинецкого типа (рис. 8, 4) позволяют отнести к концу II–I вв. до н. э. комплексы из Виноградного, Преображенки и Сергеевки (подробнее см.: Симоненко О. В., 1991. С. 24).

Кинжал из Жемчужного был найден вместе с лепной курильницей, на стенках которой зигзагом нанесены сквозные отверстия (рис. 5, 2, 3). Такие курильницы, по мнению М. Г. Мошковой, появляются на позднем этапе прохоровской культуры, который она датирует III–II вв. до н. э. (Мошкова М. Г., 1963. С. 30), то есть, во II–I вв. до н. э. по современной хронологии⁷.

Необычна катакомба из Жемчужного (рис. 5, 1). Ее камера своими вытянутыми контурами и покатым дном напоминает погребальные сооружения сираков II–I вв. до н. э. (Марченко И. И., 1996. С. 95. Рис. 118), однако у них нет круглых входных ям. Правда, во многих случаях контуры входных ям прикубанских катакомб не прослеживались и не исключено, что среди них были круглые. Во всяком случае, катакомба из Жемчужного стоит особняком среди раннесарматских погребальных сооружений Северного Причерноморья.

Трудно более или менее узко датировать кинжал из Хоролы (рис. 5, 4). Авторы публикации, ссылаясь на информацию заведующего музеем А. П. Штомпеля, считают, что он был найден вместе с лепным сосудиком, аналоги которому они нашли в сарматских памятниках от Дона до Южного Урала (Степанович С. П., Супруненко О. Б., 1994. С. 44. Мал. 25). Этот маленький (высота 13,2 см) горшочек скифоидного стандарта (рис. 5, 5) был, скорее всего, изготовлен специально для погребения. Сказать что-либо определенное о его дате я не рискую. Форма его напоминает пропорции лепных позднескифских курильниц с каннелюрами из Крыма и Тираспольских курганов, датирующихся второй половиной III–II вв. до н. э. По морфологическим признакам хорольский кинжал поздний, II–I вв. до н. э.

Комплекс из Привольного включает светлоглиняный кувшин, оселок и бронзовую средне-латенскую фибулу типа В-Костшевский (рис. 7, 3). Казимеж Годловский считал, что в пшеворской и оксывской культурах такие застёжки характерны для ранней фазы позднего предримского времени (конец Лт С1 и Лт С2), что в абсолютных датах соответствует II веку до н. э. (Godiowski K., 1977. S. 52). По мнению Тересы Домбровской, большие фибулы этого типа (то есть, идентичные нашей) диагностируют фазу А₁ пшеворской культуры, охватывающую первую половину II века до н. э. (Dombrowska T., 1988. S. 302). Она отмечает, что для фазы А₂ (вторая половина II – первая половина I вв. до н. э.) более характерны мелкие (короче 8 см) фибулы (Dombrowska T., 1988. S. 305). В культуре Поянешти-Лукашовка такие фибулы датируются II – первой половиной I вв. до н. э. (Пачкова С. П., 1986. С. 42). Аналогичные застёжки из зарубинецких памятников относят сейчас к середине – последней трети II в. до н. э. (Каспарова К. В., 1978. С. 84) либо второй половине II в. до н. э. – первой половине I в. н. э. (Обломский А. М., 1983. С. 118). В хорошо датированных склепах Беляуского могильника такие фибулы относятся к концу II – первой половине I в. до н. э., хотя изредка встречаются в комплексах второй его половины (Михлин Б. Ю., 1980. С. 199).

Таким образом, большинство мечей и кинжалов прохоровского типа из Северного Причерноморья датируются II–I вв. до н. э. – временем освоения сарматами этой территории. Исследованное оружие имеет многочисленные аналоги в синхронных памятниках Азиатской Сарматии и ничем не отличается от них.

Возможно, несколько более ранний меч из Острога, вернее, его рукоять. Памятник, в котором он найден, не вписывается в круг раннесарматских древностей Северного Причерноморья, а, скорее, близок ритуальным комплексам Прикубанья.

В развернувшейся в последние годы дискуссии о времени сложения прохоровской культуры и ее происхождении важным аргументом стало оружие с серповидным навершием и прямым перекрестием. Сторонники генетического единства савроматской, «раннепрохоровской» и «позднепрохоровской» культур (под последними подразумеваются памятники IV–III и II–I вв. до н. э., принадлежащие, на мой взгляд, разным культурам) настойчиво ищут прохоровские мечи и кинжалы в ранних памятниках. Таким образом, установление времени и места появления оружия с прямым перекрестием и серповидным навершием косвенно (а иногда и прямо) связывается с формирова-

нием раннесарматской культуры. В связи с этим нелишне вернуться к вопросу о том, какие детали исследуемого оружия считать типобразующими и датирующими.

Общую схему генезиса раннесарматских мечей предложил М. И. Ростовцев: от клинков скифского времени с сердцевидным перекрестием и антенновидным навершием через «переходную» форму – с брусковидным, дугообразно изогнутым или «сломанным» под тупым углом перекрестием и прямым либо коротким угловидным навершием – к клинкам с тонким прямым перекрестием и плавно изогнутым серповидным навершием (Ростовцев М. И., 1918. С. 59–60). Эта схема, поддержанная и развитая в работах Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой, и сейчас представляется единственно верной сторонникам «вызревания» прохоровской культуры в савроматской⁸, хотя, как справедливо заметил В. Ю. Зуев, «ни один из перечисленных исследователей не привел каких-либо убедительных доказательств в ее пользу» (Зуев В. Ю., 1998. С. 144).

Соглашаясь с ним, рискну подлить масла в огонь дискуссии. Прежде всего, изменение формы навершия и перекрестия, на мой взгляд, не обязательно отражает эволюцию этих деталей во времени. Для такой эволюции нет причин – и навершие, и перекрестие любой формы равно функциональны и не нуждаются в улучшении. Обратитесь к рукоятям холодного оружия средневековья и нового времени, и вы увидите огромное многообразие синхронных форм при сохранении общего принципа. Нельзя исключать, что разница в оформлении раннесарматских рукоятей отражает различные производственные, этнические или культурные традиции, а то и сочетание всех трех⁹. Подтвердить или опровергнуть это может хронология памятников с таким оружием. Однако здесь как раз и разгораются основные споры, так как датирующие возможности материала из приуральских и заволжских памятников (а именно там, по мысли сторонников эволюционной теории, и проходил генезис прохоровской культуры) весьма ограничены.

Прямое перекрестие считается неким признаком, разделяющим «сарматскую» и «скифскую» оружейные традиции не только в хронологическом, но и этнокультурном плане. По одной из версий (Смирнов К. Ф., 1961. С. 27; Мошкова М. Г., 1963. С. 34; Васильев В. Н., 2001. С. 172), прохоровские клинки с серповидным навершием и прямым перекрестием возникли из оружия «переходного типа» в IV веке до н. э. В. М. Клепиков справедливо заметил, что это мнение базируется на датировке

всего **двух** «прохоровских» экземпляров (Алебастрова гора, курган 3; Рычковка, курган 2) и подчеркнул, что в это время такое оружие единично даже в области его формирования – Южном Приуралье (Клепиков В. М., 2002. С. 29).

Посмотрим, однако, что же это за комплексы с наиболее ранними прохоровскими мечами? В кургане 3 группы Алебастрова гора, по словам Б. Н. Гракова, было найдено два меча – «с антеннами» и почковидным перекрестием (Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Табл. 11, 33; Мошкова М. Г., 1963. Табл. 18, 1)¹⁰ и «серповидным навершием и прямым перекрестием». Последний был найден в обломках (Мошкова М. Г., 1963. С. 33) не зафиксирован и нигде не воспроизведен. Таким образом, прямых доказательств находки этих двух мечей **в одном комплексе** нет и позиция сторонников ранней даты появления прохоровских клинков с прямым перекрестием и серповидным навершием (Мошкова М. Г., 1963. С. 34; Клепиков В. М., 2002. С. 29) базируется только на фразе Б. Н. Гракова. Не нужно обвинять меня в кощунственном недоверии великому ученому – *homini est errare* и, изучая в пыли раскопа рассыпающиеся фрагменты, он мог просто ошибиться. Не исключено также, что на более древнюю могилу «село» позднепрохоровское впускное погребение (памятник исследовался раскопом, а не по контурам могильных ям). В. Ю. Зуев справедливо обратил внимание на то, что только гипотетический прохоровский кинжал диссонирует с остальным инвентарем кургана 3, который можно датировать концом VI в. до н. э. (Зуев В. Ю., 1998. С. 145) и это настораживает. Так или иначе, использовать этот недостоверный комплекс для решения вопросов генезиса исследуемого оружия нельзя.

Что касается комплекса из Рычковки (Васильев В. Н., 2001. С. 172), то и здесь есть о чем поговорить. Автор датировал погребение второй половиной (? – А. С.) IV в. до н. э. по лепному горшку (Васильев В. Н., 2001. С. 172). Пусть меня простят, но эта категория вещей не может служить надежным хроноиндикатором – пока нет твердых доказательств того, что лепные керамические формы, типичные для IV века до н. э., прекратили свое существование в III веке до н. э. (я уж не говорю о нереальности сузить дату таких вещей до половины столетия).

Более того, В. Н. Васильев обосновал дату рычковского сосуда (а, значит, и меча) аналогами из так же шатко датированных могил с мечами «переходного типа». А вот дату последних он выводит из находки такого меча в Ново-Мусино вместе с гераклеийской амфорой последней четверти IV в. до н. э. по И. Б. Брашинскому. На основании

единственной (!) находки амфоры в регионе, куда они попадали эпизодически, из третьих рук и неизвестно, сколь долго бытовали (что значительно снижает их датирующие возможности), следует вывод: *«Таким образом, определяется твердая (! – А. С.) дата не только мечей ПТ, но и всего (!! – А. С.) встречающегося с ними инвентаря (41 погребение и 44 экземпляра мечей ПТ), маркирующего весь (!!! – А. С.) раннепрохоровский комплекс»* (Васильев В. Н., 2001. С. 169).

Датировке амфоры из Ново-Мусино и самого погребения посвящена недавно вышедшая статья С. Ю. Монахова, одного из наиболее авторитетных экспертов по греческим амфорам. Он датирует погребение **первыми десятилетиями III в. до н. э.**, не исключая, как и я, некоторое «запаздывание» этой амфоры у кочевников (Монахов С. Ю., 2006. С. 92). У меня нет оснований не доверять опыту и знаниям С. Ю. Монахова, и тогда «твердая», по мнению В. Н. Васильева, дата мечей переходного типа и «всего раннепрохоровского комплекса» определяется не последней четвертью IV в. до н. э., а первыми десятилетиями III в. до н. э. И, хотя «твердость» даже этой даты для меня относительна, к ней нужно отнестись с уважением, ибо она базируется на подробно разработанной хронологии античных амфор, а не сомнительных датировках лепных кочевнических горшков.

Таким образом, верхняя дата мечей «переходного типа» сдвигается до первой четверти III века до н. э. Соответственно, если они предшествовали оружию с серповидным навершием и прямым перекрестием, то появление последнего следует датировать временем не ранее второй четверти III в. до н. э. Существенно, что его совместные с оружием «переходного типа» находки неизвестны (Зуев В. Ю., 1998. С. 144). Только что мы убедились в том, что точка зрения о появлении прохоровских мечей в IV веке до н. э. не более, чем научный фольклор. *Quod erat demonstrandum.*

Еще несколько комплексов IV века до н. э. с оружием, якобы имеющим прямое перекрестие и серповидное навершие, опубликовал В. К. Федоров (Федоров В. К., 2001. С. 180–197). Открывает список все то же погребение из Рычковки. Следующий за ним комплекс из Линевского кургана включает сильно разрушенный клинок (Федоров В. К., 2001. С. 190. Рис. 2, 6), перекрестие которого, глядя на рисунок, я не рискнул бы однозначно признать прямым. Меч из погребения у Яковлевки был, по словам В. К. Федорова на конференции в Анапе в 2004 году, зарисован В. Н. Васильевым в поле не совсем верно (Федоров В. К., 2001. С. 191. Рис. 3, 8), а дальнейшее исследование показало, что его

перекрестие прямое. В. К. Федоров пояснил, что в определении типа меча следует ориентироваться на так называемую кабинетную зарисовку (Федоров В. К., 2001. С. 191. Рис. 3, 7). Однако, она мало что добавляет к аргументам автора, ибо так же слабо информативна.

Далее в списке В. К. Федорова следует *«устанавливающее абсолютную (?! – А. С.) дату»* прохоровских (хотя там был найден меч «переходного типа») мечей погребение у Ново-Мусино, ошибочность датировки которого IV в. до н. э. показана выше. Если в рассуждения В. К. Федорова подставить дату С. Ю. Монахова, то *«ново-мусинский, ново-кумакский, рычковский и яковлевский комплексы»*, которые *«если не одновременны, то чрезвычайно близки в хронологическом отношении»* (Федоров В. К., 2001. С. 183), «уйдут» в первую четверть III в. до н. э. Не является мечом прохоровского типа экземпляр из Покровки (Федоров В. К., 2001. С. 183. Рис. 4). У него короткое угловидное навершие и широкое перекрестие с сужающимися концами – признаки оружия «переходного типа». Такие же (не прохоровские) навершия у кинжалов из Привольного (Федоров В. К., 2001. С. 183. Рис. 5). Все это оружие становится «прохоровским» лишь по воле автора статьи, но по своим признакам таковым не является.

В подборке В. К. Федорова, пожалуй, лишь мечи из Бердянки, Тамбовки и Кеныша (Федоров В. К., 2001. С. 183. Рис. 6–8) имеют признаки прохоровских – узкую рукоять, прямое узкое перекрестие и широкое, плавно изогнутое навершие. Что касается их даты, то мне представляется, что они не обязательно старше III или даже II вв. до н. э. Находка железных стрел в колчанах погребенных в этих могилах, а бронзовых – в их телах (Федоров В. К., 2001. С. 184, 185) еще раз убеждает меня в том, что бронзовые наконечники стрел бытовали в Приуралье неопределенно долго и их не стоит рассматривать только как индикатор III века до н. э. Поэтому я не понимаю до сих пор, почему гипотетическое сосуществование мечей переходного и прохоровского типов (кстати, исключающее появление вторых как развитие первых) и бронзовых и железных наконечников стрел должно приходиться именно на «немногие годы» этого столетия (Федоров В. К., 2001. С. 185)? Кто и как может это доказать?

Более того, присутствие в колчане из Тамбовки железного черешкового наконечника указывает на время не ранее II в. до н. э.¹¹, а наличие в этом же наборе бронзовых наконечников наглядно демонстрирует очень долгое бытование их вместе с железными. Поэтому я не могу разделить уверен-

ности В. К. Федорова в неизбежном выборе, якобы предстоящем В. Ю. Зуеву: *«...ему придется либо признать дату IV в. до н.э. для классического прохоровского меча из Тамбовки, либо дату II–I вв. до н. э. для железных¹² втульчатых наконечников стрел»* (Федоров В. К., 2001. С. 184). В. Ю. Зуеву не нужно наступать на горло собственной песне – дата II–I вв. до н. э. для комплекса из Тамбовки очевидна.

Наблюдения над формой рукояти «переходных» и прохоровских мечей отмечают серьезные различия тех и других. У первых ручка всегда широкая, брусковидная, у вторых – либо узкая, округло-квадратная в сечении, либо (реже) плоская. Навершие поздних (II–I вв. до н. э.) клинков довольно длинное, плавно изогнутое, иногда с утолщенными концами, в отличие от коротких угловидных ранних наверший, как правило, одной толщины. Сложнее с перекрестием – определить его истинную форму мешает коррозия и часто на нечищенных клинках мы необоснованно не различаем широкие брусковидные и узкие прямые перекрестия. Между тем, по предварительным наблюдениям, именно последние характерны для позднепрохоровских мечей и не встречаются ранее.

Возвращаясь к признакам прохоровского и не прохоровского клинкового оружия, стоит задуматься: происходило ли в действительности *«постепенное “превращение” перекрестия из дуговидного и тупоугольного в совершенно прямое и столь же очевидное... “превращение” прямого навершия в серповидное»* (Федоров В. К., 2001. С. 186)? Вероятно, это – не столь для меня очевидное – «превращение» самому В. К. Федорову также кажется несколько метафизическим, оттого и кавычки. В самом деле, как и зачем «превращались» друг в друга эти неодушевленные и самодостаточные вещи? Надо думать, что «превращали» их все же люди, а тогда возникает вопрос – кто и почему? Откуда в этом стройном инбридинге появилась «белая ворона» из Гришина? Генетическая память устроила каверзу позднепрохоровскому кузнецу? Нет, просто дуговидное перекрестие – не обязательно ранний признак, и подтверждением тому может служить, например, меч первой половины I века н. э. с кольцевым навершием из языцкого могильника Островец на Днестре.

Что же касается возможной эволюции савроматских мечей с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием через «переходный» тип в прохоровское оружие с серповидным навершием и прямым перекрестием, то я не вижу этому ни археологического, ни рационального объяс-

нения. Прямое перекрестие появилось еще на карасукских клинках, бытовало в Китае на протяжении всего раннего железного века и так и не превратилось там ни во что другое. Мне понятно желание сторонников эволюции мечей увидеть ее – для них это подтверждение эволюции савроматской («древнепрохоровской», по А. Д. Таирову) и «раннепрохоровской» культур в «позднепрохоровскую». Однако на примере мечей она не столь очевидна. Да и вообще новации в оформлении оружия появляются, прежде всего, путем заимствования, это не печи и не рубила. Мечи «скифских» типов IV–III вв. до н. э. были вполне утилитарным, оригинальным и эффективным оружием, которому некуда и незачем было эволюционировать – не даром они были распространены по всей Евразии не только в культурах «скифского типа». И также не случайно появление новой схемы – прямое перекрестие и узкая ручка – совпадает с появлением «позднепрохоровской» культуры.

Этого не исключал и М. И. Ростовцев: *«Вполне возможно было бы думать, что в эпоху эллинизма (ученый имел в виду последние века до н. э. – А. С.) с Востока пришла новая форма железного меча с длинным лезвием, серповидным набалдашником и прямой крестовиной»*. Мне ближе позиция В. Ю. Зуева, полагающего, что оружие прохоровского типа могло сформироваться независимо от «савроматского» у кочевников восточного Прикаспия (Зуев В. Ю., 1998. С. 149, 150). А уж история его формирования – отдельный вопрос.

Примечания:

¹ В последние годы в связи с активным поиском археологических корней ранних сарматов это название иногда распространяют на клинки с прямым или угловидным навершием и широким брусковидным перекрестием. С помощью такой терминологической операции определение «прохоровская культура» получает значительно более расширенное толкование. Справедливо ли это, мы увидим ниже.

² Номера списка соответствуют номерам на карте.

³ Здесь и далее ручкой именуется часть рукояти между навершием и перекрестием.

⁴ Это не обязательно, но такая тенденция наблюдается.

⁵ Этот экземпляр рассыпался на мельчайшие

фрагменты, был пропитан клеем и взят из могилы. Поэтому его размеры и изображение мало соответствуют действительным.

⁶ Думаю, что дискуссионное погребение в I Прохоровском кургане, верно датированное В. Ю. Зуевым рубежом II–I вв. до н. э., было впускным (стратиграфия его окончательно не ясна до сих пор) и не связано с закладкой могильника в IV или III вв. до н. э. (Прим. автора).

В тексте статьи под данной сноской упоминается курган 2 (а не курган 1) Прохоровского могильника со ссылкой на работу М. Г. Мошковой 1963 года. Раскопки могильника 2003 году опубликованы и все погребения в курганах, включая №№ 1 и 2, надежно стратифицированы (Прим. ред.).

⁷ Нет ссылок на источники «новой хронологии». Без них не понятно, о чем идет речь (Прим. ред.).

⁸ Не понятно, о какой именно савроматской культуре идет речь – о культуре савроматов по Геродоту или о «савроматах» Южного Приуралья по К. Ф. Смирнову. В любом случае, нижеследующее справедливое (?) заявление В. Ю. Зуева требует более аргументированной поддержки, которая, однако, вряд ли уместна в рамках этой работы. Тогда стоит ли вообще поверхностно затрагивать в ней эту тему? (Прим. ред.)

⁹ Например, у серии кинжалов из Тулхарского могильника последней трети II в. до н. э. – начала I в. н. э. (Мандельштам А. М., 1966. С. 158. Табл. XXXIX; XL) короткие угловидные навершия, характерные для приуральского оружия IV–III вв. до н. э.

¹⁰ Не стоило бы, за давностью лет, обращать внимание на то, что в первой работе этот памятник считается савроматским, а во второй – раннесарматским, однако это весьма показательно.

¹¹ Справедливости ради заметим, что в погребении 3 кургана Б Прохоровского могильника набору железных наконечников стрел сопутствует серебряная чаша, дата которой в пределах второй половины – последней четверти IV в. до н. э. устанавливается средиземноморскими аналогиями достаточно надежно. Данные опубликованы (Прим. ред.).

¹² Эта дата для железных наконечников настолько обычна, что я сомневаюсь – не опечатка ли в статье В. К. Федорова, не имелись ли в виду бронзовые?

Мечи и кинжалы гуннской эпохи

Гуннская эпоха в урало-казахстанских степях начинается со II века н. э. Появление памятников гунно-сарматского периода в бассейне реки Урал совпадает со временем исхода остатков северных гуннов с территории Восточного Туркестана (91 г. н. э.) (Боталов С. Г., Гудалов С. Ю., 2000). С этого же периода наблюдается активная инфильтрация раннегуннского населения вначале в Заволжье, а затем в Волго-Донье. В результате смешения гунно-сарматского и аланского полукочевого населения, здесь возникает позднесарматская культура, основные системообразующие черты которой (северная ориентировка, деформация черепа, тип конской узды, мечи и кинжалы с каменными и металлическими дисковидными наконечниками, зеркала-медальоны и пр.) несут на себе гуннское влияние (Sulimtsirski T., 1970. P. 142–144). Среди общего числа позднесарматских погребений наиболее ярко выделяются воинские и богатые женские комплексы гунно-сарматского облика, так называемые «всадники» (Боталов С. Г., 2003. С. 120–121. Рис. 8, 9). Собственно гуннское время в урало-казахстанских и восточно-европейских степях представлено сравнительно небольшим количеством разнохарактерных погребальных комплексов, которые давно и прочно вошли в литературу как памятники гуннской эпохи (Засецкая И. П., 1994). В их число входят погребения с северной ориентировкой, деформацией черепа и соответствующим набором вещевого инвентаря гунно-сарматского происхождения, а также комплексы, несущие на себе черты аварского и раннеболгарского облика новой раннетюркской эпохи: погребение с конем, восточная ориентировка, трупосожжения, предметы конской упряжки и вооружения Саяно-Алтайского происхождения (Ленинск; Беляус; Верхнепогромное; Шипово, курганы 3, 4; Зеленокумское; Кара-Агач; Энгельс; Тугоз-воново; Ераска; Сопка 2, погребение 688 и др.).

Это самый общий облик историко-культурного развития степей Срединной Евразии в гуннскую

эпоху, периодизация которой нам представляется следующим образом:

1. Раннегуннский этап (позднесарматская, гунно-сарматская культуры) – II–IV вв. н. э.
2. Гуннский этап – конец IV–V вв. н. э.
3. Постгуннский (раннетюркский) этап – VI–VIII вв. н. э.

В настоящей статье попытаемся на примере вооружения ближнего боя проследить культурно-историческую преемственность отдельных категорий и типов вооружения, имевшую место в среде населения Срединной Евразии поздней древности и раннего средневековья.

Предлагаемый материал представляет собой выборку вооружения ближнего боя из памятников II–VII вв., происходящих из большого региона восточно-европейских и западно-азиатских степей. Хотя стоит особо оговорить, что многие из комплексов, задействованных в настоящем исследовании, в культурном смысле могут не являться собственно гуннскими. Однако, как нам представляется, поскольку гуннская культурная составляющая данной исторической эпохи была наиболее значимой для населения Евразийских степей, следовательно, изменение и развитие основных форм вооружения являлись прямым следствием военной деятельности гуннов и других народов, вольно или невольно участвующих в бурных событиях этого периода.

Итак, мечи и кинжалы с дисковидным наконечником с перекрестием или без такового и клиновидным лезвием являются особым маркирующим типом гуннского инвентаря. Раннегуннская коллекция этих видов клинкового оружия представлена следующими категориями и типами:

Мечи (28 экз.) – длинные, прямые, двулезвийные, клиновидного типа с халцедоновыми или звездчковидными наконечниками, без перекрестия или с небольшим брусковидным перекрестием (Кобяково, курган 5; Сладковский, курган 2, погребение 1; курган 19, погребение 1; курган 20, по-

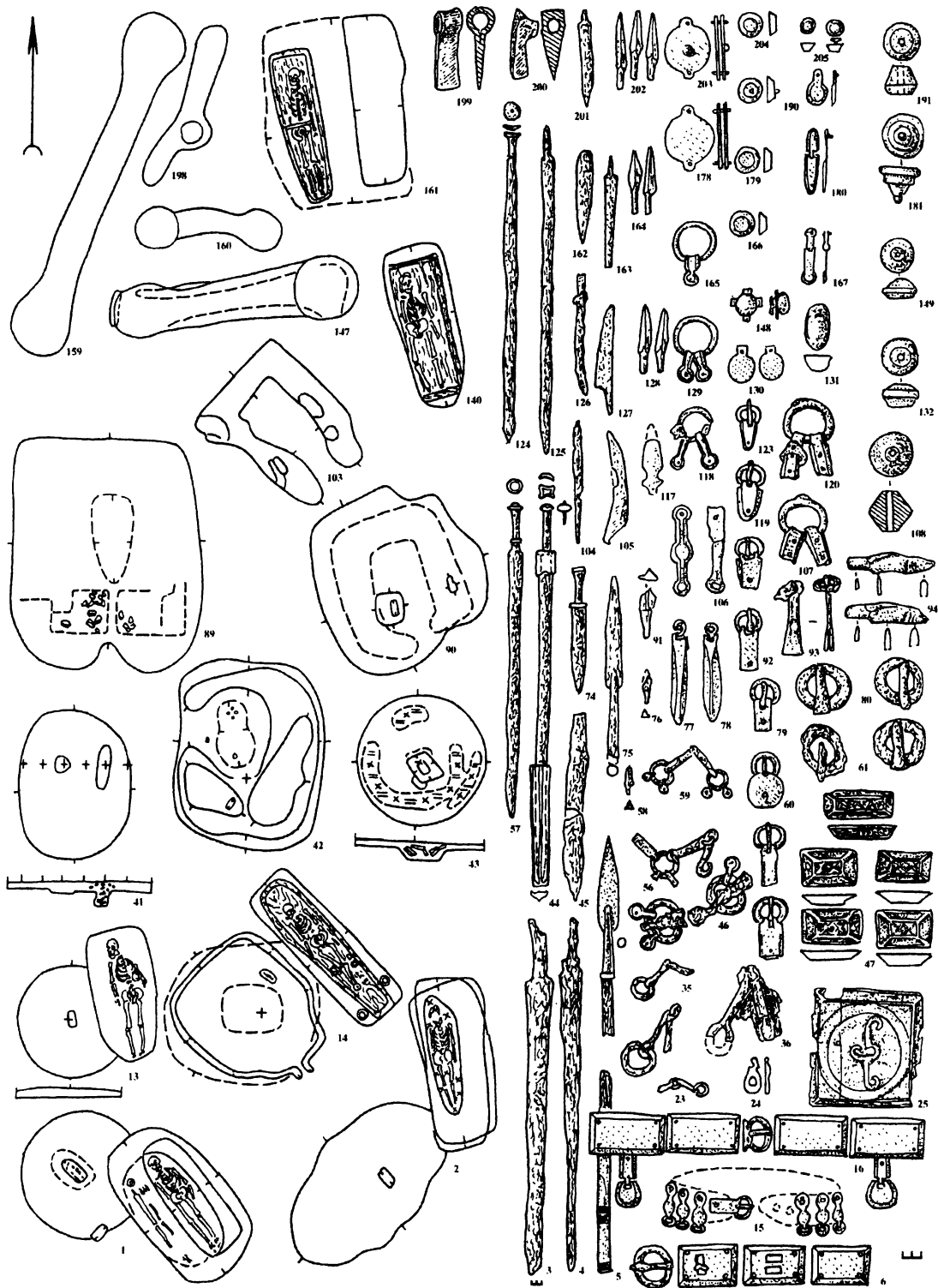
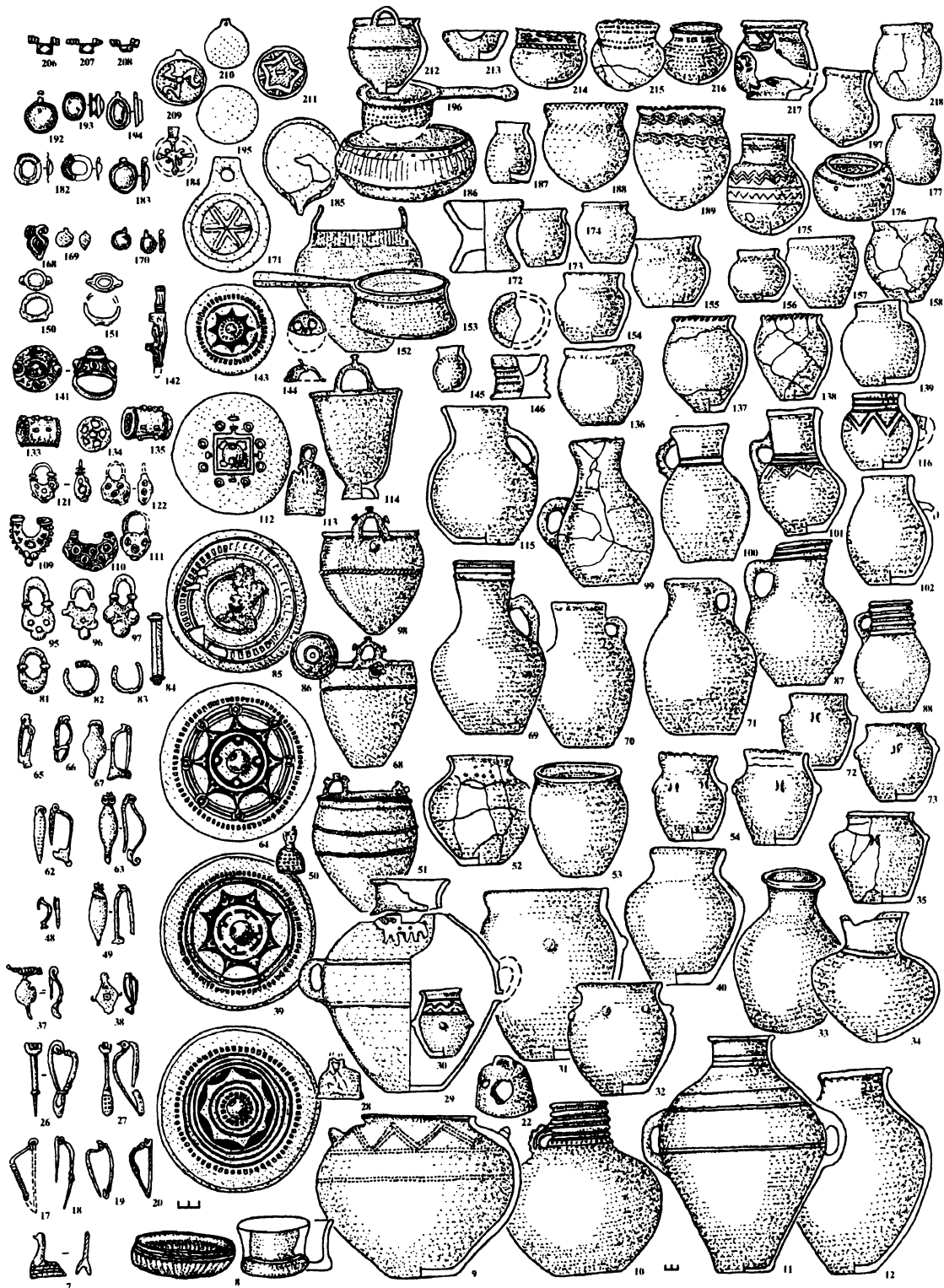

Рис. 1. Погребальный обряд и инвентарь памятников гунно-сарматского времени

1, 4, 23, 181, 128, 164, 202 – Покровка, курган 2 (по Г.Б. Здановичу); 2 – Больше-Караганский, курган 7;
 3, 19 – IV Комсомольский, курган 5 (по А. Х. Пшеничнюку); 5, 8, 51, 75, 105, 110, 127, 163, 199, 200 – Лебедевский, курган 1;
 192, 132, 135, 141, 110, 168, 186, 196, 192 – Лебедевский, курган 2 (по Г. И. Багрикову, Т. Н. Сениговой); 6, 35, 46, 167, 180,
 205, 44, 157 – Целинный, курган 6; 7, 12, 30, 70, 108, 115 – Восточно-Курайлинский, курган 3; 9, 11, 29, 25, 47, 61, 80, 93,
 94, 131, 213 – Покровка 2, курган 9, погребение 1 (по Л. Т. Яблонскому); 10, 59 – Малково, курган 3 (по В. С. Стоколосу);
 13, 88, 184 – Больше-Караганский, курган 19; 14, 99, 212, 17, 156, 151, 209, 169 – Больше-Караганский, курган 8;
 15, 16, 106, 118, 166, 179, 190, 204, 109, 172, 182, 188, 189, 215 – Байрамгулово, курган 2, погребение 2; 18 –
 Дербеневский, курган 17 (по А.Х. Пшеничнюку); 20, 40, 69, 116, 101, 149, 191, 132, 162, 211 – Больше-Караганский, курган
 18;
 21, 22, 50, 67, 27, 38, 33, 111, 176 – Темясовский, курган 3 (по А.Х. Пшеничнюку); 24 – Жаман-Каргала I, курган 8;
 26 – Дербеневский, курган 20 (по А.Х. Пшеничнюку); 28, 113, 89 – Сарытау, сооружение 12; 31 – Целинный, курган 32;
 32 – Целинный, курган 20; 34, 87 – Восточно-Курайлинский I, курган 33; 155, 97, 194, 207, 208 – Друженский, курган 3;

157, 158 – Темясовский, курган 7; 39, 36, 107, 120, 77, 78, 86, 123, 142, 81, 216 – Малково, курган 1; 37, 62 – Целинный I, курган 87; 41, 134 – Друженский, курган 5; 42, 130, 148, 102, 112, 173, 156, 178, 203 – Друженский, сооружение; 43, 60, 206 – Новоникольское, курган 4; 57, 114 – Лебедевка VI, курган 37 (по М.Г. Мошковой); 58, 103, 76 – Целинный, сооружение 13; 63, 82–84, 150, 171, 197 – Целинный I, курган 86; 64 – Лебедевка V, курган 23 (по М.Г. Мошковой); 65 – Шатрово, курган 2; 66 – Кара-Тал I, курган 6; 68, 122, 90, 146 – Магнитный, курган 3; 70, 71, 143 – IV Комсомольский, курган 3 (по А.Х. Пшеничнюку); 54, 72, 73, 104 – Агла II, курган 3; 74 – Целинный I, курган 57; 79 – IV Комсомольский, курган 4 (по А.Х. Пшеничнюку); 85, 172, 187 – Целинный I, курган 81; 55, 91 – Агла II, курган 4; 92, 129, 165 – II Сибайские, курган 2 (по А.Х. Пшеничнюку); 95, 96 – Дербеневский (по А.Х. Пшеничнюку); 98, 112 – Лебедевка VI, курган 39 (по М.Г. Мошковой); 100 – Больше-Караганский, курган 20; 147 – Лебедевка VI, курган 1 (по М.Г. Мошковой); 152 – Лебедевка V, курган 498 – дерево; 15–22, 26–28, 37–39, 48–51, 60, 62–64, 68, 77–79, 81–86, 92, 95–98, 106, 107, 112, 114, 118, 123, 129–131, 142–144, 165–167, 171, 185, 186, 178–180, 184–186, 190, 195, 196, 204, 205, 209–212 – бронза; 24, 128, 164, 202 – кость; 25, 47, 94 – золото, бронза, дерево; 109, 111, 121, 122, 132, 135, 141, 168–171, 182, 183, 192, 194, 206–208 – золото, камень; 110, 193, 203 – бронза, камень

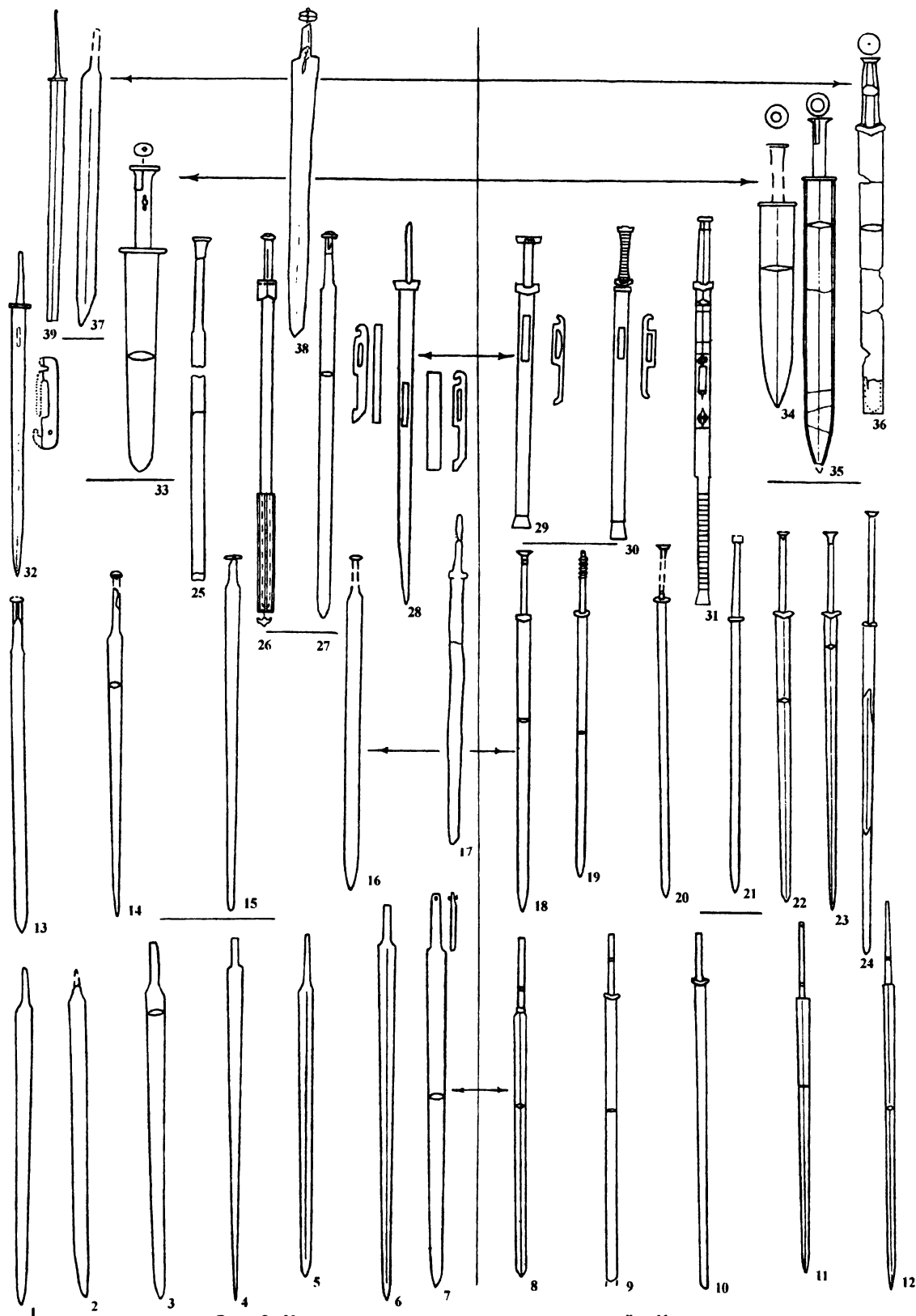

Рис. 2. Мечи из урало-казахстанских степей и Китая.

- 1 – Лебедевка VI, курган 22; 2 – Лебедевка V, курган 23; 33 – «Четыре брата»; 4 – Целинный I, сооружение 13;
 5 – Лебедевка IV, курган 1; 6 – Целинный I, курган 64; 7 – Кобяково, курган 5; 8, 9 – Цзысин; 10 – Иньцю э шань;
 11 – Сяньцзяовэй; 12 – Гаочжуан; 13 – Лебедевка VI, курган 24; 14 – Сладковский, курган 20, погребение 1;
 15 – Покровка, курган 2; 16 – Целинный I, курган 3; 17 – Весняное, погребение 1; 18 – Хэшаньмяо;
 19 – Лаохэшэнь; 20, 21, 29, 30 – Иньцюэшэнь (по Сунь Цзину); 22, 36 – Юньюнь; 23 – Яньсяду; 24 – Цзяньпин;
 25 – Лебедевка VI, курган 37; 26 – Целинный I, курган 6; 27 – Лебедевка VI, курган 37;
 28 – Сладковский, курган 19, погребение 1;
 31 – Сяньцзяовэй; 32 – Жамантогай; 33 – Целинный, курган 9; 34, 35 – Чжансин; 37 – Ата II, курган 3;
 38 – Кара Тюбе, курган 4; 39 – случайная находка близ села Малково

гребение 1; Комсомольский IV, курганы 2, 5, курган 8, погребение 2; Красногор; Покровский, курган 2; Целинный I, курганы 3, 6, 47, 57, 64; Ата I, курган 9; Ата II, курган 3; Лебедевка V, курган 23, погребение 1; Лебедевка VI, курганы 1, 3, 24, 37; Лебедевский, курган 1; Кара Тюбе, курган 4; Центральный VI, курган 16, погребение 8; Шевченко, курган 4; Новоалександровка I, курган 20, погребение 1; Высочино VII, курган 17, погребение 1; Новоалександровка, курган 20, погребение 2, курган 25; Шевченко, курган 7) (рис. 1, 3, 4, 44, 57, 104, 124, 125; 2, 1–7, 13–16, 25–27).

Кинжалы (15 экз.) с прямым перекрестием и круглым навершием (Целинный I, курган 57), без навершия, с накладными ручками (Лебедевка VI, курган 5, погребения 2; курганы 8, 13, 23, 24, 49; Восточно-Курайлинский, курган 3; Целинный I, курган 6; Лебедевский, курган 1; Центральный VI, курган 16, погребение 8; Шевченко, курган 4; Кобяково, курган 5; Сладковский, курган 19, погребение 1).

В коллекции имеются также три каменные скобы для ножен (Лебедевка VI, курган 37; Сладковский, курган 19, погребение 1; Жамантогай) (рис. 2, 27, 28, 32).

Коллекция мечей и кинжалов гуннского этапа представлена экземплярами из памятников и случайными находками в преобладающем количестве с территории степей Восточной и Центральной Европы.

Мечи (20 экз.) широколезвийные с прямым брусковидным перекрестием, облицованным щитком из бронзы или золота, имеющим декоративную отделку (скань в виде косички, вставки из стекла или камней), без навершия или с дисковидным навершием, часто украшенным розетками из металла и вставками из стекла или камней, клинок имеет в одних случаях хорошо выраженную клиновидную форму, в других лезвие подпрямоугольной формы имеет сводчатое острие (Ново-григорьевка, погребение IX; Дмитровка; Покровск; Брюхановский выселок; Мокрая Балка, погребение 193; Дюрсо, погребения 291, 479, 500, склеп В; Лермонтовская Скала 2, погребение 10; Кутул, погребение 4; Зарайск 118; Сопино, погребение 11; Якушовичи; Кисловодск; Абрау Дюрсо; Шапкино; Камфшессер; Баташек; Кочер и др.) (рис. 3, 32, 33, 35–39, 49–58).

Мечи (17 экз.) широколезвийные без перекрестия и, как правило, без навершия с клиновидным или подпрямоугольным лезвием со сводчатой формой острия (Ново-григорьевка, погребение IX; Новая Маячка; Ново-Ивановка; Курнаевка; Федо-

ровка; Кызыл Адыр; Шипово, курган 2; Муслюмово; Завакино; Актюбе; Кызыл Кайнартобе; Панонхалма; Дюрсо, погребение 479; Тураево, курган VII, погребение 1а и др.) (рис. 3, 21–27, 30, 31, 34). Четыре меча (Керч Глинистое; Кутул, погребение 4; Тузалок Разомпустарок; Старо-Муштинский, курган 17) имеют дисковидное навершие из камня или металла (рис. 3, 41, 42, 43, 60).

К гуннскому времени относятся пять мечей особого типа, которые приводятся в сводной монографии Иштвана Боны (Bona Ishtvan, 1999. С. 39. Abb. 12). Это неширокие обоюдоострые мечи со слабо выраженным перекрестием, широкой рукоятью, имеющей катушковидное декорированное навершие (рис. 3, 40, 44, 45). Один из таких мечей был найден в кургане V Тураевского могильника (Gening V., 1995. Abb. 14, 1, 1а). Наряду с этим в Тураевском могильнике были найдены особые виды вооружения (топоры «Франциски», косы горбуши), что позволило И. Ю. Пастушенко (Пастушенко И. Ю., 1998. С. 187–189) прийти к выводу, что данный вооруженческий комплекс создавался под сильным готским культурным влиянием. Вероятнее всего данный тип мечей также сформировался в кругу готского населения Восточной Европы, что отразилось и на его явном своеобразии и явном отличии от основных форм гуннского клинкового оружия.

Кинжалы (4 экз.) гуннского этапа отличаются меньшим разнообразием форм, чем более ранние прототипы: двулезвийные без перекрестия с клиновидным лезвием (Ново-григорьевка, погребение IX; Ровное, курган 42; Нижняя Добринка; Дюрсо, погребение 291). Хотя кинжалы с прямым перекрестием вероятно продолжают существовать на этом этапе. В коллекции джетысарской культуры обнаружено четыре экземпляра этого типа (Левина Л. М., 1996. С. 281. Рис. 86, 1, 5, 9, 11), однолезвийные, без перекрестия и со слабо выраженным упором (Покровск, курган 17; Кубей; Тураево, курган VII, погребения 1 и 1а; Актюбе).

В отдельных случаях клинки двулезвийных кинжалов имеют своеобразный перехват в виде перекрестия (Кишпек; Ксонграб; Дюрсо, погребения 291, 420, 500) (Kazanski M., Mastykowa A., 1999. Fig. 12, 31; 21, 2).

Двулезвийные мечи и кинжалы с дисковидным или фигурным каменным навершием, без перекрестия или с небольшим брусковидным перекрестием в степях Центральной Евразии впервые появляются в памятниках гунно-сарматского времени (рис. 1, 3, 4, 44, 45, 57, 74, 124, 125). По мнению А. С. Скрипкина, длинные двулезвийные мечи

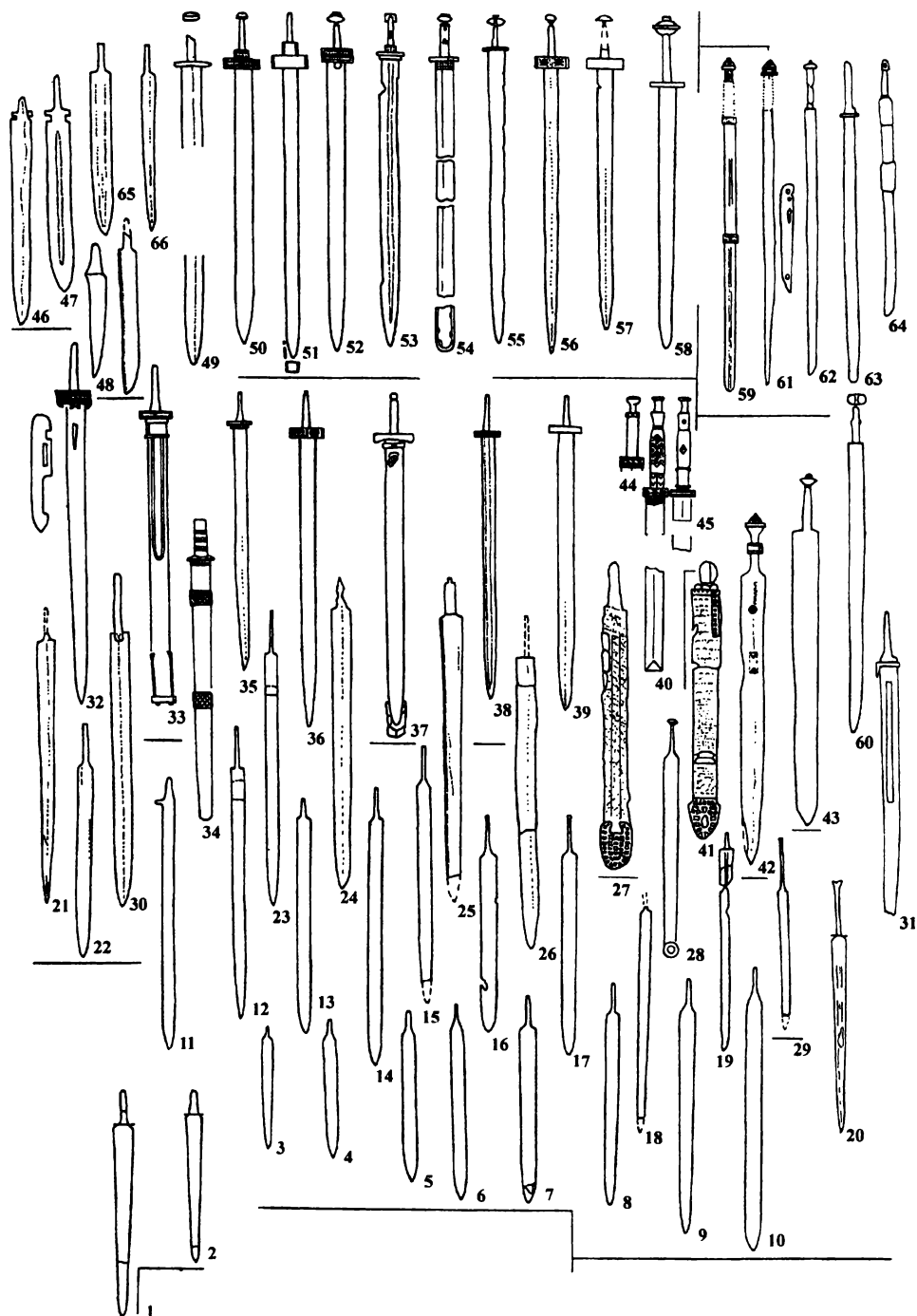

Рис. 3. Мечи и кинжалы гуннского и постгуннского времени.

- 1–11, 13–20, 28, 29 – Мечи из позднесарматских погребений Венгрии (по A. Vaday, L. Dombrocki, 2001, A. Vaday, 1985):
 1, 2 – Кишмари-Феникс; 3 – Кишкиндорозма, погребение 1; 4, 5 – Пюшпёклете; 6 – Тапе-Млаядок, погребение 5;
 7 – Эндрёд-Козорхети, погребение 20; 8 – Алаттан, погребение 13; 9 – Тапе-Малаядок, погребение 5; 10 – Гестеред;
 11 – Ксонград-Хатагут; 12, 23, 34 – Панонхалма (Венгрия) (по P. Тотка, 1986); 13 – Грвенка, погребение 11;
 14 – Тапе-Малаядок А; 15 – Тапе-Малаядок А; 16 – Ватин, погребение 10; 17 – Тисатёлдвар, погребение 77; 18 – Сада;
 19 – Тисавалк, погребение 6; 20 – Фундорт, погребение 59; 21 – Курнаевка; 22, 48 – Тураево, курган VII, погребение 1а
 (Прикамье); 24 – Сопино, погребение 11 (Кавказ); 25 – Зевакино (Казахстан); 26 – Кызыл Адыр (Урал); 27, 41 – Кугул,
 погребение 4 (Кавказ); 30 – Федоровка (Поволжье); 31 – Дюрсо, погребение 479 (Кавказ);
 32 – Покровск (Поволжье); 33 – Кисловодск (Кавказ); 35, 66 – Камфшессер; 36 – Абрау Дюрсо (Кавказ);
 37 – Дюрсо, погребение 500 (Кавказ); 38 – Шапкино (Кавказ); 39 – Мокрая Балка, погребение 123 (Кавказ);
 40 – Тураево, курган 5 (Прикамье); 42 – Керч Глинистое (Крым), 43 – Тузалок Разомпустарол, погребение 5 (Венгрия),
 44, 45 – (по D. Vona, 1999. Abb. 12, 3, 5); 46 – Кышпек (Кавказ); 47 – Ксонграб; 49 – Тураево, курган I, погребение 1 (Прикамье);
 50 – Дмитровка (Поволжье); 51 – Дюрсо, катакомбы № 13; 52 – Новогригорьевка, погребение IX (Поднепрровье);
 53 – Баташек; 54 – Кочер; 55 – Якушовичи (Польша); 56 – Лермонтовская Скала, погребение 10 (Кавказ);
 57 – Кугул, погребение 4; 58 – Дюрсо, погребение 291; 59 – Тугозвонново (Алтай); 60 – Старо-Муштинский, курган 17
 (Башкортостан); 61 – Сопка 2, погребение 688 (Западная Сибирь); 62, 64 – Татарские могилки (Алтай);
 63 – Ераска (Алтай); 65 – Актобе (Киргизстан)

без перекрестия с рукоятью-стержнем и аналогичный тип кинжалов являются одним из культурно значимых реперов позднесарматских комплексов (Скрипкин А. С., 1984. С. 84–85). И. П. Засецкая также допускает сходство отдельных мечей (тип 3) с позднесарматскими, однако, при этом особо оговаривает, что непосредственно к гуннской эпохе относятся мечи с широким лезвием и ромбовидным перекрестием, встреченные в кочевнических комплексах Новогригорьевка IX и Дмитриевка (Вольная Вода). По ее мнению, эти мечи продолжили традицию схожих по форме центральноазиатских мечей и были распространены в Средней Азии в первые века н. э. (Засецкая И. П., 1994. С. 28–31). К этому следует добавить, что своеобразную переходную форму демонстрирует кинжал из кургана 57 гунно-сарматского могильника Целинный. Скорее он напоминает короткий двулезвийный меч с широким лезвием, ромбовидным перекрестием и бронзовым двусоставным навершием в виде колесика с четырьмя прорезями, которые накрывает овальная накладка со шпеньком (рис. 2, 33). Данный тип мечей представляет особый интерес, так как основное количество гунно-сарматских образцов имеет неширокое лезвие, сужающееся книзу, штыревидную ручку, перекрестие отсутствует, навершие в ряде случаев круглое. Однако в последующее время именно этот тип вооружения получает логическое развитие.

Вероятнее всего, описанные типы раннегуннских мечей и кинжалов имеют китайское происхождение. На сравнительной таблице (рис. 2) приведен широкий круг аналогий гунно-сарматским мечам, происходящих из китайских памятников не только ханьского, но и более раннего периода (Сунь Цзи, 1985. Рис. 8, 11–13; 5; Ся Синнань, 1989. Рис. 5, 3–5; Линь Инъюэшань., 1975. Рис. 10, 10, 11; Хунань Цзысин., 1995. Рис. на С. 492, 2, 3; Ахунь Тяньчансянь., 1993. С. 13. Рис. 5, 14, 15; Чжоу Наньцюань., 1982. Рис. 1; Цзилин Юйшунсянь., 1985. Рис. 10, 20; Чжун Шаоин., 1992. Рис. 9, 2; 10, 1–3). В пользу китайского происхождения свидетельствуют находки специфических петель для ножен (Лебедевка VI, курган 37; Сладковский, курган 19, погребение 1), которые абсолютно аналогичны своим китайским прототипам.

Дальнейшее развитие этого типа вооружения продолжается в гуннское и постгуннское время (IV–VII вв.). В этих образцах часто встречаются навершия в виде каменных дисков или инкрустированных умбонов (Новогригорьевка IX, Брюхановский выселок), хотя лезвие становится значительно шире (Новогригорьевка, Дмитриевка) (Засец-

кая И. П., 1994. Табл. 3, 8; 45, 5). Следует заметить, что широколезвийные мечи входят в употребление уже на раннегуннском этапе. Один такой меч обнаружен в кургане 4 могильника Кара-Тюбе (Западный Казахстан) в погребении с типичным гунно-сарматским инвентарем II–IV вв. н. э. Второй меч с прямым перекрестием и сравнительно широким лезвием найден случайно вблизи гунно-сарматского могильника у села Малково (Южное Зауралье).

Эти наблюдения весьма важны, так как гуннская эпоха в степях Восточной Европы демонстрирует образцы широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием или без него и с дисковидным (камень, металл) навершием. Наиболее восточные район распространения этого типа мечей в гуннское и постгуннское время (V–VI вв.) – волго-уральские степи (Федоровка, Актюбе, Шипово, курган 2, Курнаевка, Кызыл Адыр, Муслово, Брюхановский выселок, Кызылкайнар Тобе и др.) (Засецкая И. П., 1994. Табл. 36, 1; 42, 9; 44, 7; 45, 1, 2) (рис. 3, 21, 26, 30, 50). Интересно, что в этот же период здесь продолжают существовать сравнительно узколезвийные мечи клинкового типа раннегуннского облика с каменными скобами для крепления ножен (погребение «Восход» близ Покровки) (Засецкая И. П., 1994. Табл. 32). Большое количество широколезвийных мечей с прямым брусковидным перекрестием дают памятники турбаслинской (Приуралье) и джетыясарской (низовья Сырдарьи) культур (Сунгатов Д. А., 1998. С. 74. Рис. 12, 9, 10; Левина Л. М., 1996. Рис. 85), которые своим происхождением связаны с гуннским и постгуннским (V–VII вв.) населением урало-казахстанских степей (Боталов С. Г., 2003. С. 113). На западе, в пределах степной Европы, данный вид мечей, по мнению специалистов гунноведов, достаточно прочно ассоциируется с памятниками гуннского круга. Хотя следует особо отметить, что здесь существенно изменяются пропорции этого вида оружия: лезвие становится более массивным, удлиняется рукоять. Изменяется также форма и отделка перекрестия и ножен. Вероятнее всего, эти инновации отражают влияния со стороны германской, фракийской и римской технологической и декоративной культуры (Bona Ishtvan, 1999).

По всей видимости, распространение широколезвийных гуннских мечей с прямым перекрестием и дисковидным навершием (либо без таковых) на Востоке проходит по широте уральских и центрально-казахстанских степей. На это указывает тот факт, что в гуннское и постгуннское

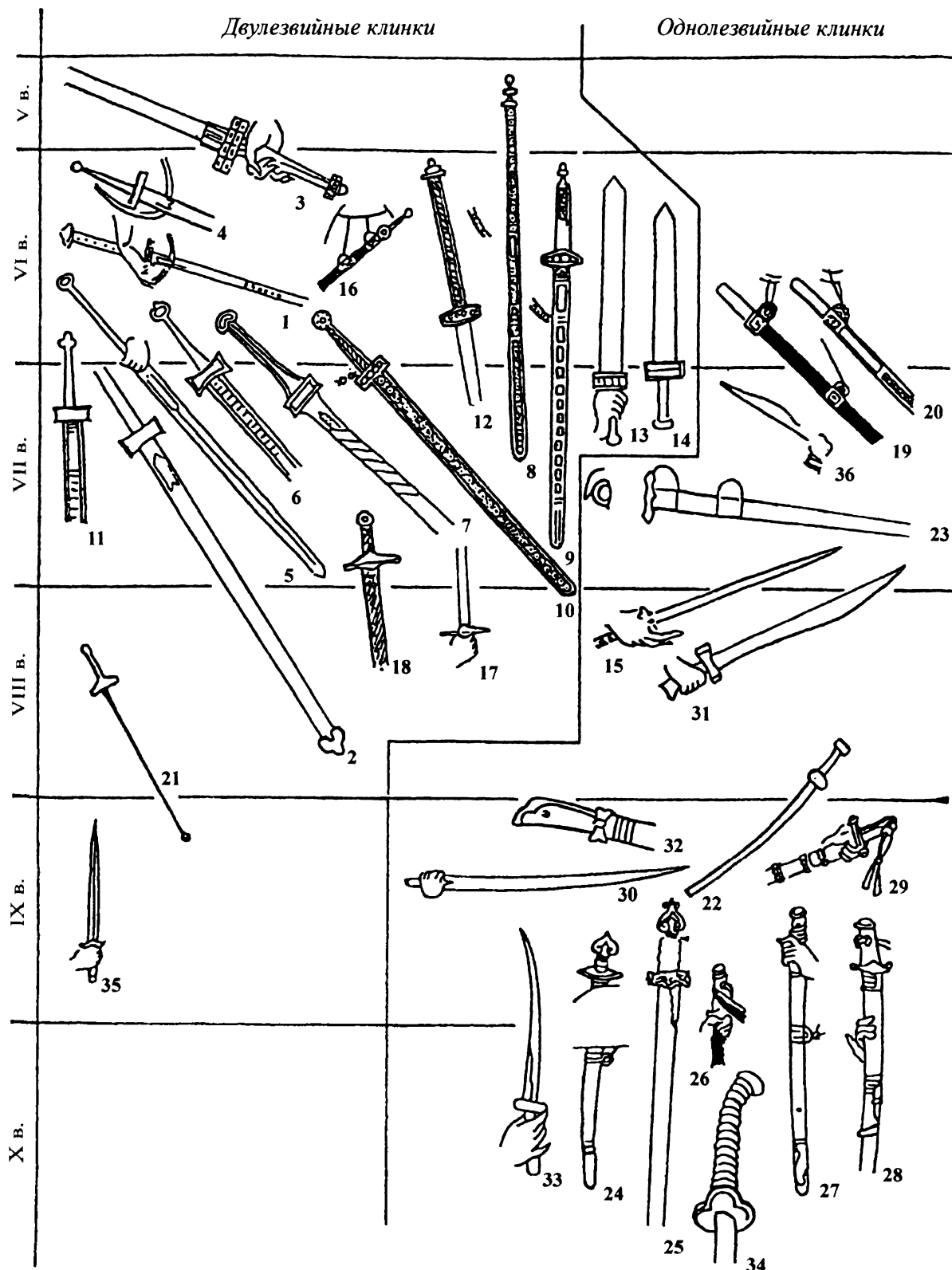

Рис. 4. Мечи, протосабли, сабли Восточного Туркестана (по М.В. Горелику, 1993).

1, 19, 20 – Кызыл, Минг-уй, «Пещера художников»; 2 – Кызыл, «Пещера Майн»; 3 – Кызыл, «Пещера сокровищ»; 4 – Кызыл, «Высоколежащая пещера»; 5, 6 – Кызыл, «Пещера с камином»; 7 – Кызыл, пещера № 19; 8, 9 – Кум-тура, Минг-уй, пещера № 15; 10 – Кумтура, пещера № 19; 11 – Кызыл, комплекс № 2; 12 – Кызыл, «Пещера меченосцев»; 18 – Кызыл, «Пещера павлинов»; 14 – Кызыл; 15, 35 – Безеклык, святилище № 5; 16 – Кызыл, пещера № 22; 17 – Шорчук, пещера № 5; 18 – Кириш, пещера № 12; 21 – Шорчук, «Пещера осады города»; 22 – Иоткан, изображение на печати; 23 – Арыксай, каменная баба; 24 – Ярхото, живопись на шелке; 25–28, 32 – Безеклык, храм № 9; 29 – Безеклык, святилище № 140; 30 – Кочо, руина А; 31 – Кочо, живопись на шелке; 33 – Безеклык (Муртук), живопись на шелке; 34 – Тур-фан, рисунок на бумаге; 36 – Кумтура, пещера № 33

время в восточной части Евразийской степи продолжают бытовать узколезвийные мечи-кинжики, которые в данный период трансформируются в однолезвийные палаши. Это хорошо видно на примере памятников V–VI вв. Алтая (Тугозвонovo; Сопка 2, погребение 688; Ераска; Татарские могилки) (Уманский А. П., 1974. С. 144. Рис. 5, 1, 2; 1978. С. 138. Рис. 9; Molodin V. I., 1995. Abb. 4, 2; Егоров Я. В., 1993. Рис. 2, 1), Тувы (Кокельский могильник) (Das Grdberfeld., 1984. Abb. 24, A1; B 1, 2; 25, A 7, 8; 37, A 1; 44, 91; 46, D2, 53, A1; 53, A1-3) (рис. 3, 59, 61–64), а также на изображениях данного периода, обнаруженных на территории Восточного Туркестана (Восточный Туркестан., 1995. С. 391. Табл. 49, 1–20) (рис. 4). Бесспорно, на сохранение и дальнейшее развитие узкоклинкового оружия в этих регионах повлияла китайская вооруженческая традиция, установившаяся здесь с Циньского времени. Узкие двулезвийные китайские мечи с периода Хань и до конца Танской династии (начало X в.) постепенно преобразуются в начале в однолезвийные палаши, а затем в слабоизогнутые сабли.

Возвращаясь к предмету нашего исследования, попробуем выяснить причины изменения форм данного типа гуннского вооружения. Вероятнее всего их нельзя однозначно объяснить каким-либо одним обстоятельством: будь то появление новой тактики боя, или изменение качества защитного доспеха, либо утеря доступа к условиям технологии одного вида и сближение с другими технологическими приемами. Скорее всего, одновременно сказались и первые, и вторые, и третьи обстоятельства.

Так в раннегуннских (гунно-сарматских) погребениях урало-казахстанских и поволжских степей II–IV веков крайне мало наконечников стрел по сравнению с погребениями раннехуннского периода II–I вв. до н. э. Отличен и типологический их состав. Если в первом случае мы можем констатировать значительную унификацию колчана, который, как правило, составляют трехлопастные железные наконечники подтреугольной формы, то в хуннских погребениях (могильники Ильмовая Падь, Дерестуйский, Иволгинский, Черемуховая Падь и др.), наряду с этим типом распространены ромбовидные трехлопастные, плоские листовидные и ассиметричные ромбические двулопастные, а также трехлопастные наконечники с уступами (Коновалов П. Б., 1976. Таб. I, II; Давыдова А. В., 1996. Табл. 11, 90; 17, 6; 22, 5, 6; 23, 33, 34; 26, 7; 46, 6, 7; 59, 35–38; Данченко Г. П., Нестеров С. В., 1989. Рис. 2, 2–17). Единая тенденция про-

слеживается, пожалуй, в частом сочетании железных и костяных наконечников стрел. Хотя и здесь налицо явная унифицированность раннегуннского костяного состава колчана: в него входят, как правило, наконечники одного вида (ассиметрично-ромбические с четырехгранным сечением), в отличие от раннехуннских, где наблюдается явное разнообразие типов и форм. Создается впечатление, что гунно-сарматские колчаны, скорее всего, функционально связаны с охотой, а не с военным делом. Между тем, в раннегуннских погребениях налицо явное преобладание вооружения ближнего боя, к которому, кроме мечей и кинжалов, относятся копья и боевые топоры-франциски (рис. 1, 5, 199, 200). Эти факты, вероятнее всего, указывают на изменение тактики боя на раннегуннском этапе, связанным, по всей видимости, с повсеместным внедрением защитного доспеха (кольчужного, ламинарного) в первой половине I тыс. н. э. у кочевников Евразийских степей и в армиях оседлых цивилизаций. Столкновение гуннов в конце IV–V веков с римской армией, защищенной, кроме ламинарного доспеха, касками, латами и кирасами, привело к тому, что у мечей и кинжалов гуннского облика усиливается их клинковая часть, для эффективного усиления рубящего удара. Впрочем, на Востоке, несмотря на широкое распространение тяжелого защитного доспеха среди кочевого населения поздней древности и средневековья Алтая и Сибири (Соловьев А. И., 2003. С. 123. Рис. 50; С. 135. Рис. 20; Уманский А. П., 1974. С. 143. Рис. 4; Горбунов В. В., 1993а. Рис. 5, 4; 1996. Рис. 4) (рис. 3, 61–64), а также в армиях Китая, Кореи и Японии, узкоклинковые мечи продолжают оставаться высоко эффективным оружием вплоть до позднейшего периода.

Очевидно, появление массивных широколезвийных мечей в среде кочевников гуннской орды на Евразийском пограничье отчасти может объясняться тем, что, в связи со значительной удаленностью от основных производственных центров, ограничилась возможность приобретать узкоклинковые мечи и кинжалы из центров – производителей, которые, вероятнее всего, находились в пределах Китая или провинций, подчиненных позднему Хань, Сунской или Танской империи (государства Западного края). В кочевой среде, либо по заказу кочевников в оседлых центрах Восточной Европы изготавливаются образцы – подражания мечам с дисковидным каменным навершием, брусковидным перекрестием либо без такового. Подобное, например, происходит с ханьскими зеркалами, подражания которым в большом количе-

стве обнаружены в памятниках аланского и гунно-сарматского населения Волго-Донья (Гутуев В. К., Трейстер М. Ю., 1995. С. 149. Рис. 4). В случае с зеркалами утеря либо незнание секретов «белых бронз» приводили к тому, что реплики-подражания получались более массивными и грубыми. В случае же с клинковым оружием, по всех видимости, был утерян или недоступен как для кочевнических, так и для восточноевропейских мастеров секрет выплавки иковки многослойных пакетных сталей (*lamination*). Это неизбежно приводило к увеличению металлической массы рубящего оружия для повышения его прочности, что подтверждается наблюдениями специалистов по истории металлообработки (Daniel Eylon, Rachel Ben-Dov, 2006. P. 13, 14). Однако окончательный ответ на данный вопрос может дать лишь сравнительный металлографический анализ гуннских мечей и кинжалов, бытовавших на разных этапах их истории.

Подтверждением того, что степные районы Центральной и Восточной Европы издавна являлись ареалами именно широколезвийного оружия служит тот факт, что в кочевнических комплексах позднесарматского периода (III–IV вв.), расположенных в наиболее западных районах Евразийских степей (в Большом Альфельде), широкое распространение получают именно широколезвийные массивные мечи, в подавляющем количестве, без навершия и перекрестия (Vaday A. H., 1985. Abb. 5; Vaday A. H., Domboroczgi L., 2001. P. 19. Abb. 76; Garam E., Vaday A. H., 1990. P. 183. Abb. 11) (рис. 3,

1–11, 13–20, 28, 29). Очевидно на заключительном этапе, который, вероятнее всего, падает на конец IV века здесь появляются погребальные комплексы, имеющие прямые параллели среди позднесарматских памятников Буджакской степи Северо-Западного Причерноморья (Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984; Фокеев М. М., 1987). От общей массы сарматских погребений Венгрии их отличает северная ориентировка погребенного и особый комплекс вещевого инвентаря (четырнадцатигранные бусы, массивные пряжки с прямоугольной рамкой и щитком, ременные накладки-зажимы). Здесь же найден узкоклиновидный двуручный меч с дисковидным навершием (могильник Тёрексен Тмиклош, погребение 50).

Узколезвийные мечи обнаружены также в могильниках Тисавалк (погребение 6) и других, которые тоже датируются IV в. (Vaday A. H., 1985. P. 354. Abb. 7, 6; Garam E., Vagay A. H., 1990. P. 183. Abb. 11, 12; Vaday A. H., Domboroczgi L., 2001. P. 55. Abb. 29, 1) (рис. 3, 19, 20, 29).

Однако повторяю, что находок узколезвийных мечей в крайне западных областях степного пояса очень мало. Здесь явно преобладают технологические традиции изготовления широколезвийных клинков. Вероятнее всего, гуннская орда, оказавшись в Подунавье, перенимает данную особенность в изготовлении оружия ближнего боя, придав ей свою оригинальную форму (дисковидное навершие и брусковидное перекрестие), которая сегодня негласно среди специалистов связывается с мечами «гуннского типа».

Ранние палаши Волго-Уралья

За последние десятилетия археологическими экспедициями, проводившими работы в Волго-Уралье, накоплен обширный и интересный материал, в число которого входят и предметы вооружения. О значении вооружения, как исторического источника, его месте в системе средств вооруженной борьбы написано немало работ, что избавляет нас от рассуждений на эту тему.

Для специалистов, занимающихся вопросами военной истории, военного дела и вооружения, небезынтересными являются проблемы происхождения отдельных видов оружия. Более полувека назад Н. Я. Мерперт предложил эволюционную схему развития клинкового оружия по линии меч – палаш – сабля (Мерперт Н. Я., 1955). В целом, эта схема совершенно логично и реально, на мой взгляд, отражает эволюцию клинкового оружия. В то же время, как и любое научное построение, эта схема поступательного развития данной категории холодного оружия нуждается в некоторой корректировке и уточнениях.

В основу видового разнообразия клинкового оружия на уровне первоначального классификационного отбора положена характеристика непосредственно рабочей части оружия – клинка. Меч имеет прямой двулезвийный клинок, палаш – прямой однолезвийный, а у сабли однолезвийный клинок имеет изгиб в сторону режущей части.

Поскольку данная работа затрагивает проблемы возникновения и эволюции палашей, суммируем вкратце все известные определения и характеристики этого вида оружия. Итак, палаш – это холодное рубяще-колющее оружие с прямым и достаточно длинным однолезвийным клинком. Острие клинка иногда расковывалось на два лезвия в целях улучшения функции колющего удара. Наклон рукояти в сторону режущей части клинка улучшает, но не меняет механизма нанесения повреждений.

Известно, что появление в комплексах вооружения палаша в многочисленных энциклопедических изданиях относят ко времени позднего

средневековья. Массовый читатель, таким образом, ориентирован на появление палаша в XVI веке (Советский энциклопедический словарь, 1990. С. 970; Советская Военная энциклопедия, 1978. С. 194). Исследователи по средневековой истории Евразии знают о появлении палашей на рубеже VI–VII веков (Киселев С. В. 1951. С. 577; Худяков Ю. С., 1980а. С. 33–39; 1986. С. 153, 154; Мажитов Н. А., 1968. С. 38; Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. С. 112, 113). И лишь немногие знают, что палаш был в употреблении и в раннем железном веке.

Общепринятое мнение о позднем появлении палашей вынуждало исследователей подбирать в номинации этого вида оружия термины, порой противоречивые и взаимоисключающие. Так появились в отечественной научной литературе термины «однолезвийный меч», «прямая сабля» и другие, породив определенную терминологическую путаницу в оружисведении. А тезис о появлении палашей в раннем средневековье долгое время не подвергался сомнению.

А. В. Арциховский, к примеру, писал о применении нового однолезвийного меча с V века наряду с сарматским (Арциховский А. В., 1958). Н. Я. Мерперт отмечал появление однолезвийных клинков в памятниках степного круга в IV–V веках н. э. (Мерперт Н. Я., 1955. С. 160, 167), ссылаясь на исследования Т. М. Минаевой Покровских курганов «с сожжением» в Нижнем Поволжье. Сама Т. М. Минаева связывает эти памятники по инвентарю с позднесарматскими по аналогии с инвентарем поздних Керченских камер (Минаева Т. М., 1927. С. 109). Вслед за Н. Я. Мерпертом о первых палашах пишет и А. М. Хазанов, также ссылаясь на обнаруженные находки в курганах «с сожжением» в Поволжье и Украине (Хазанов А. М., 1971).

И. П. Засецкая не находит убедительных доводов в пользу позднесарматского происхождения Покровских курганов «с сожжением» и определяет их как гуннские (Засецкая И. П., 1968; 1971; 1987). С. Г. Боталов, в свою очередь, допускает воз-

возможность соотношения курганов «с сожжением» с памятниками постгуннского или раннетюркского круга (Боталов С. Г., Гудалов С. Ю., 2000. С. 216), ориентируясь на хронологические разработки А. К. Амброза, который омолаживает Покровские и близкие им комплексы до VI–VII веков (Амброз А. К., 1989. С. 66, 67).

Более ранние палаши известны в Верхнем Приобье, в погребениях одинцовского этапа могильника Ближние Елбаны (по М. П. Грязнову – II–IV вв. н. э.). Однако, на основании все тех же находок в курганах «с сожжением» М. П. Грязнов совершенно необоснованно, на наш взгляд, пишет о проникновении палашей в Западную Сибирь из Нижнего Поволжья (Грязнов М. П., 1956. С. 111). Исследования пензенских могильников верхнесурской мордвы (IV–V вв. н. э.) дали дополнительные материалы по истории однолезвийного клинкового оружия, которое, по мнению автора раскопок (опять же со ссылкой на Т. М. Минаеву), имеет южное происхождение (Полесских М. Р., 1968. С. 200). Р. М. Полесских соглашается с датировкой появления однолезвийных клинков в IV–V веках, относя, таким образом, оружие из пензенских могильников к числу самых ранних (Полесских Р. М., 1968).

Произошедшая смена форм двулезвийных полос на однолезвийные, по утверждению О. В. Обельченко, в данном случае это и наша позиция, не является доказательством появления последних только в V–VI веках н. э. (Обельченко О. В., 1978). На ошибочность подобной трактовки проблемы появления первых палашей обратил внимание П. Д. Степанов при публикации материалов Андреевского кургана (Степанов П. Д., 1980).

Многочисленные находки палашей в комплексах вооружения населения Волго-Камья и Западного Приуралья в первых веках нашей эры дают возможность вновь обратиться к вопросу о месте и времени появления этого вида оружия.

На сегодняшний день на территории Волго-Уральского региона нами учтен 21 палаш (рис. 1). Они были найдены в поздних комплексах (I–III вв. н. э.) могильников пьяноборской (Чеганда II, погребение 7; Нырғында II, погребения 71, 78, 79; Афонинский, погребения 133, 143, 167; Тарасовский, погребение 1291) и кара-абызской (Охлебининский, погребения 210, 230, 502) археологических культур¹. В шести погребениях Андреевского кургана (погребения 21, 22, 25/1, 32, 43, 50) I–III вв. н. э. обнаружены палаши, которые по своей форме и оформлению рукоятей близки палашам из указанных выше могильников пьянобор-

ского круга (Степанов П. Д., 1980. С. 27, 28, 35, 36). Два палаша (Писералы, курган 2, погребение 4 – фрагментирован; Климкино, курган 1, погребение 18) происходят из погребальных комплексов памятников писеральского круга I–III вв. н. э. (Халиков А. Х., 1962; Архипов Г. А., Шадрин А. И., 1995. Рис. 10, 5; Зубов С. Э., Михеев А. В., 2006. Рис. 8, 5). В данной работе также учтен однолезвийный клинок из Кошибеевского могильника (костяк 13) (Спицын А. А., 1901. Табл. XII, 3). Фрагментарно сохранившийся клинок с однолезвийной заточкой происходит из позднесарматского погребения 1 кургана 9 могильника Альмухаметово, которое автор раскопок датирует II–IV вв. н. э. (Пшеничнюк А. Х., 1983. С. 125. Рис. XXXII, 3).

Известен также однолезвийный клинок (М. Х. Садыкова и А. С. Скрипкин называют его однолезвийным мечом) из старо-киишкинского кургана 13 (погребение 4) раннесарматской культуры (Садыкова М. Х. 1962. С. 99. Табл. VI, 8). Необходимо отметить вогнутость этого клинка со стороны его режущей части, в силу чего он принципиально отличается от палашей и в некоторой степени близок греческой махайре. При этом, ссылаясь на известную работу по анализу боспорских мечей (Сокольский Н. И., 1954. С. 130–136), А. С. Скрипкин отмечает у махайры иное оформление рукояти и наличие более широкого клинка (Скрипкин А. С., 1990. С. 133).

При систематизации материалов из пьяноборских погребальных комплексов Б. Б. Агеев учел 19 однолезвийных клинков (Агеев Б. Б., 1992. С. 46). Он одним из первых номинировал палашами клинковое оружие с однолезвийной заточкой из памятников раннего железного века. В то же время, Б. Б. Агеев отнес к палашам и часть полевых ножей (применительно отечественной традиции XIX века в определении видов холодного оружия), которые широко представлены в пьяноборском и кара-абызском арсенале. В. А. Иванов определил боевое функциональное назначение последних как колюще-режущее и отнес их к типу «боевых ножей» (Иванов В. А., 1984. С. 18, 19). В данном случае я не вижу принципиальных отличий, поскольку полевой нож равнозначно применялся как бою, так и на охоте. Думается, что используемый рядом исследователей термин «однолезвийный кинжал» (Пшеничнюк А. Х. 1976. С. 51, 61; Агеев Б. Б. 1992. С. 47; Старостин П. Н. 1978. С. 139) имеет право на существование. Отличительной чертой полевых (боевых, охотничьих) ножей следует признать отсутствие перекрестия и намершие и меньшие по сравнению с палашами размеры.

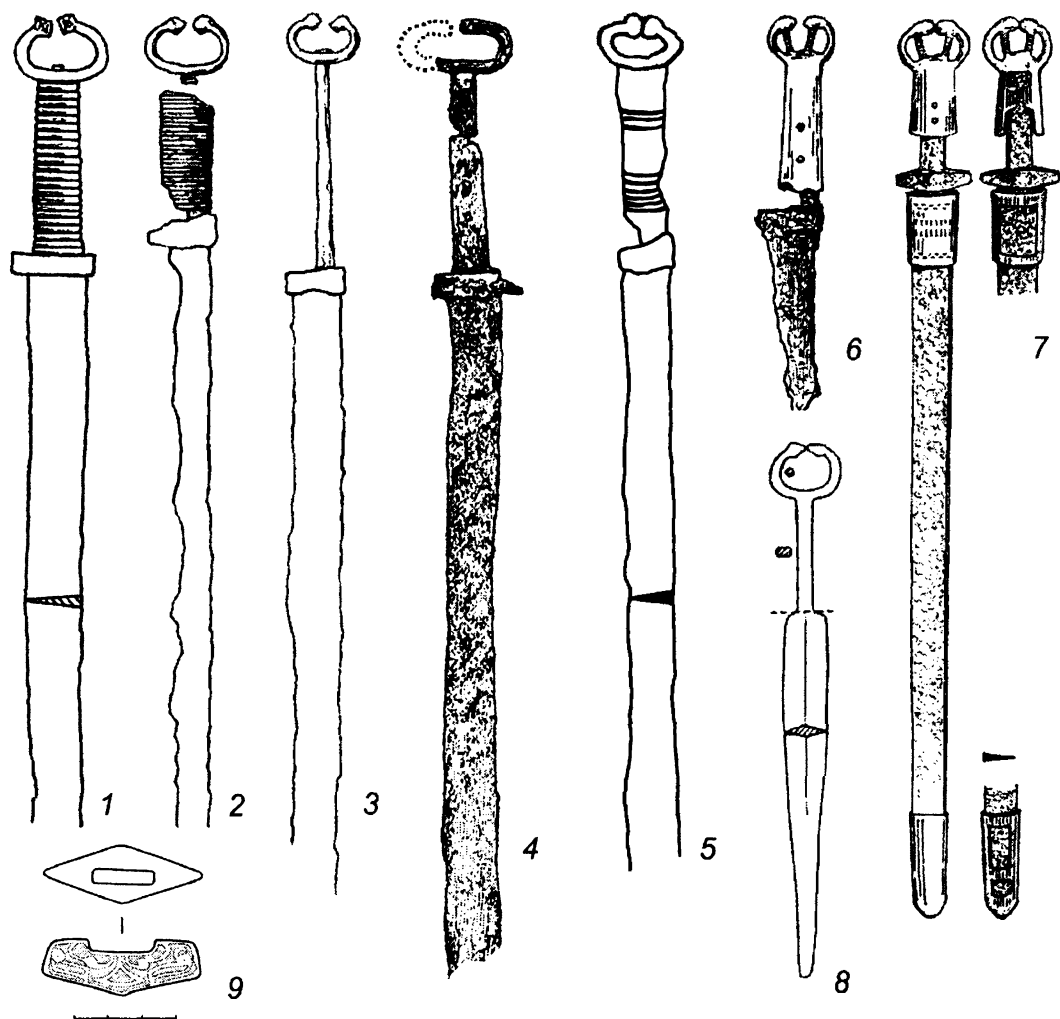
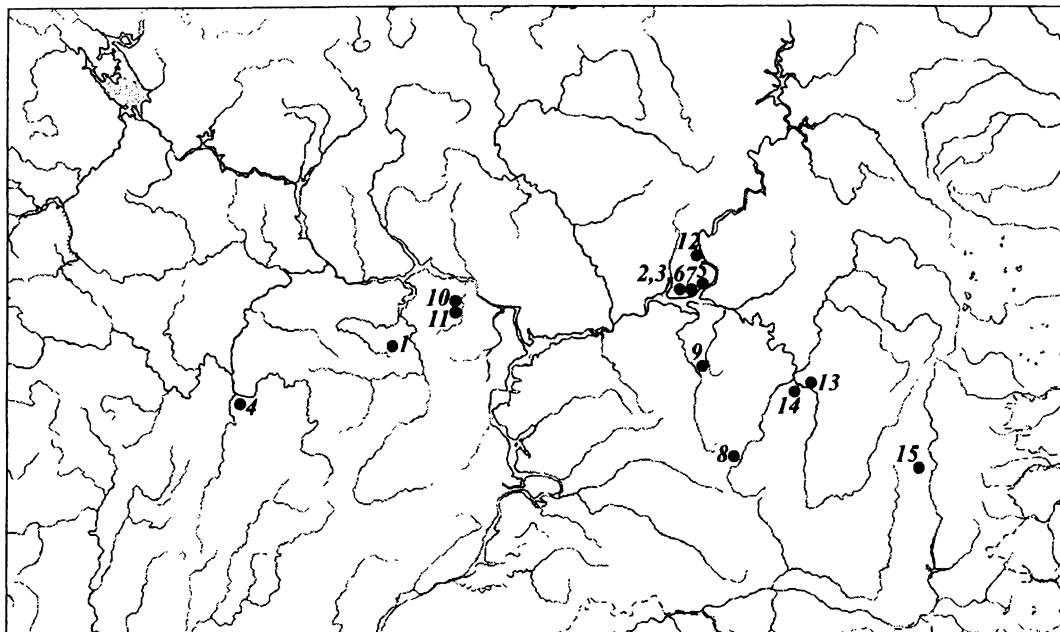

Рис. 1. Схема распространения палашей Волго-Уралья в памятниках раннего железного века.
 1 – Андреевский курган; 2, 3, 6 – могильник Нырғында II; 4 – Кошибеевский могильник; 5 – Афонинский могильник; 7 – могильник Чеганда II; 8 – Стерлитамакский могильник; 9 – Камышлы-Тамакский могильник; 10 – Писеральский курганный могильник; 11 – Климкинский курганный могильник; 12 – Тарасовский могильник; 13 – Охлебининский могильник; 14 – курганный могильник Старые Кишки; 15 – Альмухаметовский курганный могильник

Правда, некоторые палаши также не имеют навершия и перекрестия. В этом случае можно оперировать исключительно метрическими данными оружия при котором встает вопрос, клинок какой длины следует считать полевым ножом (кинжалом), а какой – палашом? Данный вопрос в оружейведческой литературе неоднократно поднимался по поводу разделения мечей и кинжалов. Следует отметить, что существующая терминология предметов вооружения в археологии сложилась спонтанно, без должного анализа материала. Для наименования клинкового оружия в археологической литературе используются следующие названия: длинный меч, короткий меч, акинак, кинжал. Названия короткий меч и акинак адекватны, поскольку акинаками греки называли короткие мечи персов, мидийцев и скифов. Границы различия длинных и коротких мечей определялись интуитивно. Абсолютно не ясно различие между короткими мечами и кинжалами. Для савроматской культуры К. Ф. Смирнов и раннесарматской М. Г. Мошкова эти названия употребляли как равнозначные (Смирнов К. Ф., 1961. С. 9, 26; Мошкова М. Г., 1963. С. 34). Применительно к скифскому оружию А. И. Мелюкова определяет длину кинжалов от 17 до 40 см, отмечая, что большинство мечей имеют размеры от 50 до 70 см, известны экземпляры и с размерами от 70 до 80 см (Мелюкова А. И., 1964. С. 46). А. М. Хазанов для сарматских мечей и кинжалов без металлического навершия определил следующие размеры: длинные мечи – свыше 70 см, короткие – от 50 до 70, кинжалы – менее 50 см (Хазанов А. М., 1971. С. 15). При этом авторы не поясняли, по каким именно критериям была проведена такого рода градация клинкового оружия.

Следует признать как наиболее плодотворный в настоящее время принцип метрического разделения сарматских мечей и кинжалов, предложенный А. С. Скрипкиным. На основании использования простых графиков для выделения естественных границ размерных групп исследователь получил двухвершинное распределение размерного признака. Применительно к мечам без металлического навершия определенно выделились размерные группы от 22 до 40 см (кинжалы) и от 80 до 115 см (длинные мечи). Небольшое количество клинков заняло промежуточное значение от 40 до 80 см, размеры которых определяют метрические показатели среднего меча (Скрипкин А. С., 1990. С. 60).

Размеры полевых ножей колеблются в пределах 25–40 см. В большинстве случаев они нахо-

дились у правого бедра погребенного. Имеющиеся у некоторых образцов наконечники ножен с системой отверстий для крепления предполагают фиксацию данного вида оружия на бедре у пояса и над коленом, то есть по способу ношения кинжалов. Отметим, что в ряде случаев было зафиксировано совместное нахождение боевого ножа (или обоюдоострого кинжала) с палашом или мечом, расположенными, преимущественно, с левой стороны от погребенных. Подобное расположение клинкового оружия отмечено А. С. Скрипкиным на сарматских материалах III века до н. э. – начала II века н. э. волго-уральских степей. Мес-

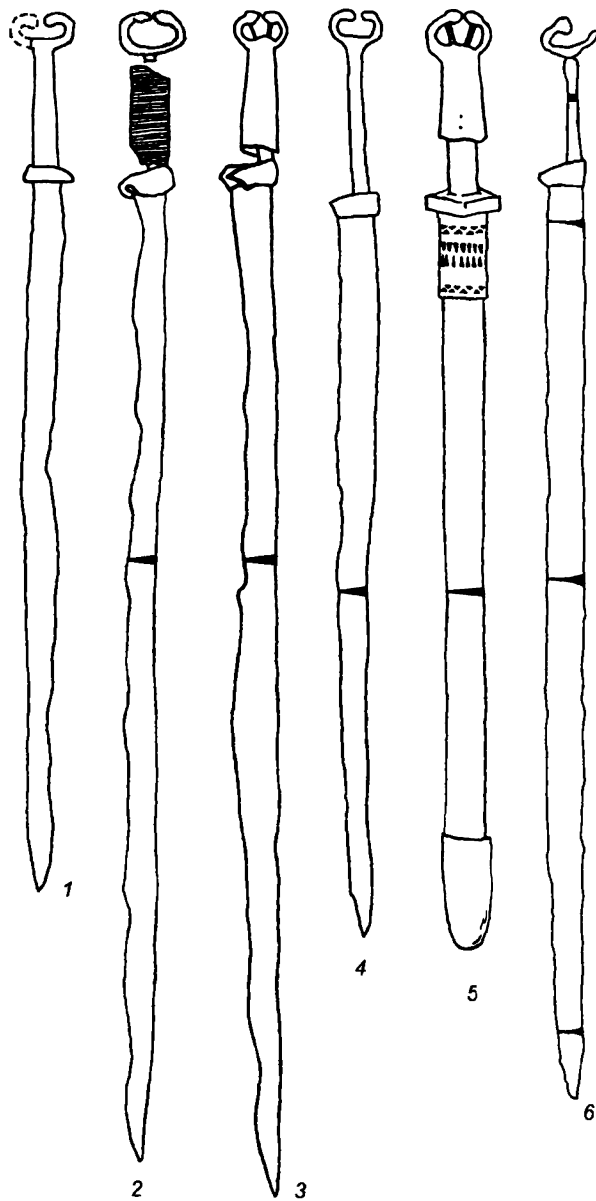

Рис. 2. Ранние палаши Волго-Уралья.

1 – Кошбеевский могильник, погребение 13;
2–4 – могильник Ныргында II (2 – погребение 79;
3 – погребение 71; 4 – погребение 78); 5 – могильник
Чеганда II, погребение 7; 6 – Тарасовский могильник,
погребение 1317. (Масштаб не соблюден)

тонахождение коротких мечей справа у бедра зафиксировано в 306 случаях, а длинных – лишь в 22. Слева у бедра коротких мечей зафиксировано 14 против 31 длинного меча (Скрипкин А. С., 1990. Табл. 7. С. 62).

Несколько слов следует сказать о морфологических характеристиках палашей Волго-Уралья. Всю совокупность собранного материала можно условно разделить на три группы по оформлению рукояти, поскольку сами клинки палашей не отличаются типологическим разнообразием.

В первую группу входят палаши с навершием и перекрестием (рис. 2; 3). В подавляющем большинстве перекрестия представляют собой согну-

тую пополам пластину около 2 см шириной. В одном случае у палаша из погребения 7 могильника Чеганда II прямое перекрестие, ромбовидное в плане (рис. 1, 7; 2, 5). Перекрестие у палаша из погребения 79 могильника Нырғында II (рис. 2, 2) имеет со стороны лезвия небольшую загнутую гарду с шишечкой на конце.

Интересно отметить близкое оформление наверший этой группы оружия, которые представляют собой незамкнутое кольцо с характерными утолщениями на концах. Форма таких наверший представлялась исследователям в виде «противостоящих друг другу змеек» (Генинг В. Ф., 1970. С. 62; Агеев Б. Б., 1992. С. 46) или «рожек с шишечками

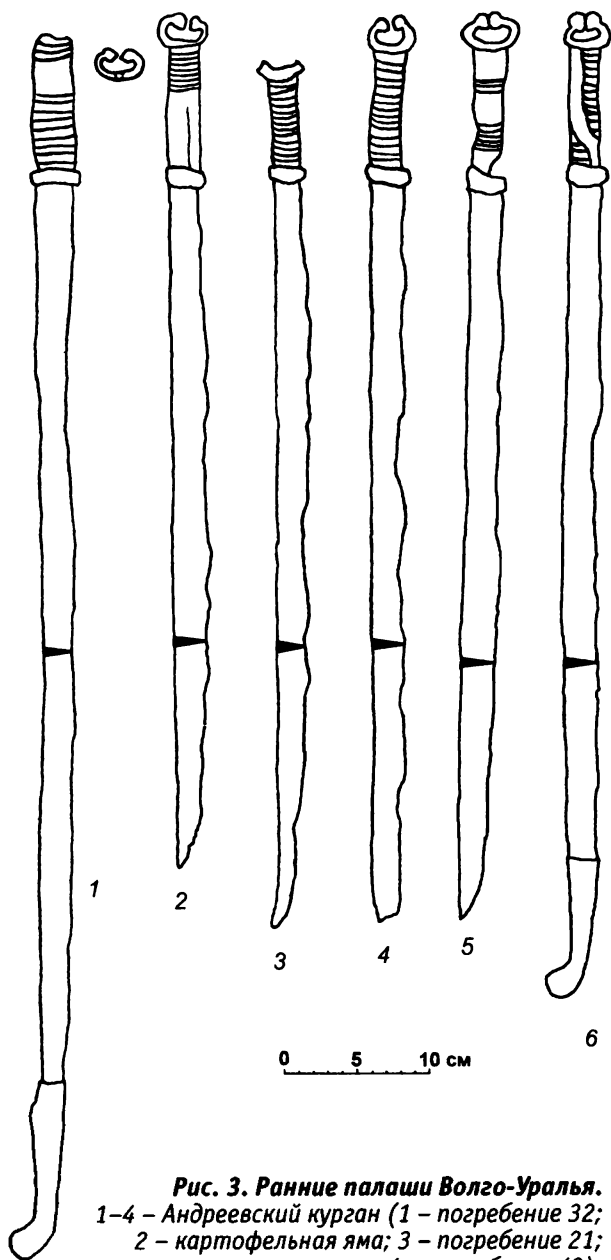

Рис. 3. Ранние палаши Волго-Уралья.
1–4 – Андреевский курган (1 – погребение 32;
2 – картофельная яма; 3 – погребение 21;
4 – погребение 43);
5, 6 – Афонинский могильник (5 – погребение 133;
6 – погребение 143)

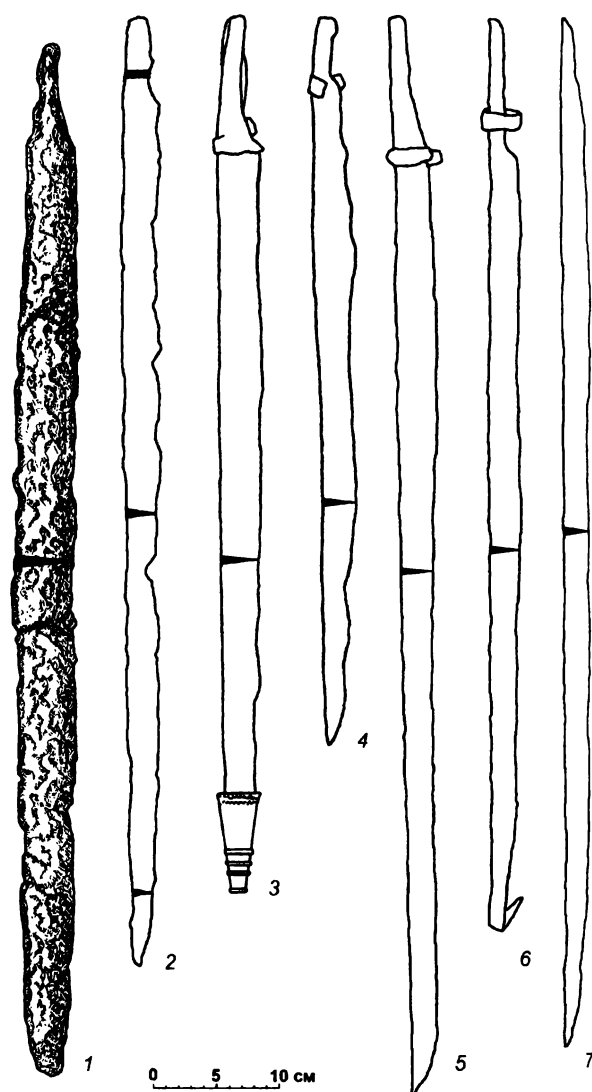

Рис. 4. Ранние палаши Волго-Уралья.
1 – Климкинский могильник, курган 1, погребение 13;
2 – Тарасовский могильник, погребение 1291;
3, 4 – Андреевский курган (3 – погребение 25/1;
4 – погребение 50); 5–7 – Охлебининский могильник
(5 – погребение 230; 6 – погребение 502;
7 – погребение 210)

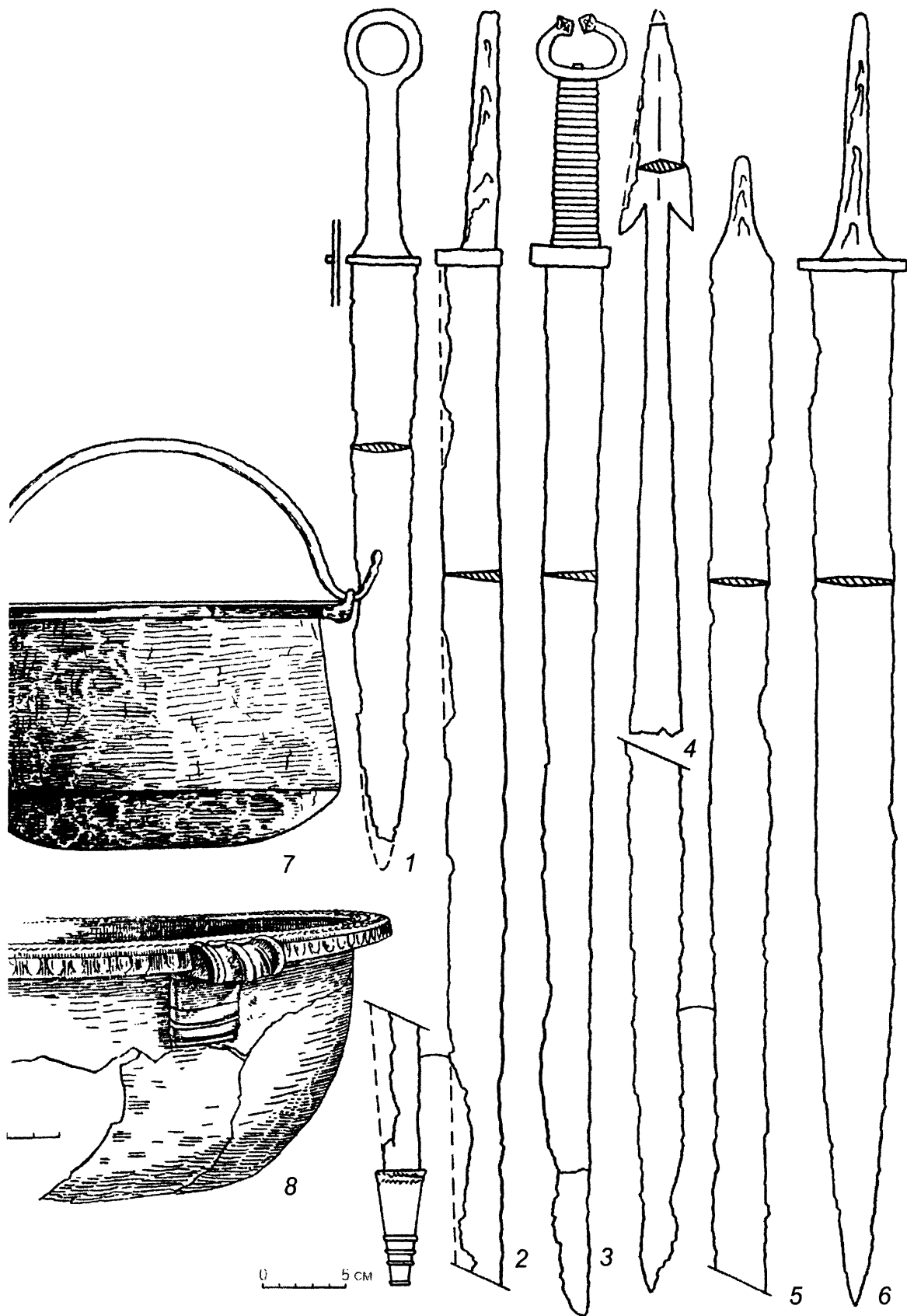

Рис. 5. Материалы погребений Андреевского кургана (прорисовки В.В. Гришакова).
 1 – погребение 55; 2 – погребение 25/1; 3 – погребение 43; 4 – погребение 25/1; 5 – погребение 29;
 6 – погребение 25/2; 8 – погребение 21; 7 – из разрушенного картофельной ямой погребения

на концах» (Степанов П. Д., 1980. С. 35).

Вторая группа – палаши без навершия с перекрестием из металлической пластины (рис. 4, 3–6). Третья группа – палаши без навершия и перекрестия (рис. 4, 1, 2, 7). Оружие этих двух групп морфологически близко друг другу.

К настоящему времени достаточно четко определяется ареал клинков с навершиями в виде «рожек» (рис. 1), включающий лесостепную полосу Окско-Сурского междуречья и Камско-Бельскую пойму. В западном микрорайоне основная серия находок происходит из Андреевского кургана (рис. 5). Единственный образец известен также в комплексе погребения 13 Кошибеевского могильника, в настоящее время, к сожалению, утерянный (Спицын А. А., 1901. Табл. XII, 3). Не исключено, что навершие в виде «рожек» представлено и в материалах I–III веков н. э. городища Пичке-Сорче в Чувашии (Смирнов А. П., Трубникова Н. В., 1965. Табл. 15, 17). Еще один клинок происходит из разрушенных погребений Сергачского могильника «Кожина Слобода» (Снежневский В. И., 1894). Для всех западных клинков характерно упрощенное оформление окончаний «рожек» многогранными головками и обмотка рукоятей бронзовой лентой.

Более представительна и разнообразна камская серия наверший, где наряду с аналогичными андреевским образцам (неопубликованные клинки из погребений 78, 79 могильника Ныргында II – раскопки 1968 года В. Ф. Генинга и В. В. Одинцова; погребений 133, 143 Афониинского могильника – раскопки 1980 года Г. Н. Ключевой; погребения 1317 Тарасовского могильника – раскопки Р. Д. Голдиной), известны литые усложненные навершия, выполненные в характерных традициях пьяноборской цветной металлопластики. Одно из них (Чеганда II, погребение 7) опубликовано В. Ф. Генингом, который был склонен рассматривать «подобный мотив оформления навершия» как продолжение развития зооморфных, прежде всего ананьинских традиций и датировал его стадией Г – II в. н. э. (Генинг В. Ф. 1970. С. 62, 63, 93. Табл. XI, 1). Очень близко чегандинскому навершию палаша из погребения 71 могильника Ныргында II (раскопки 1968 года В. Ф. Генинга и В. В. Одинцова) (рис. 2, 3).

В принципе близка предположению В. Ф. Генинга точка зрения В. С. Горбунова и Р. Б. Исмаилова по поводу навершия стерлитамакского кинжала (рис. 1, 8), загнутые утолщенные концы волют которого ассоциируются у авторов «с изображениями головок зверей или птиц» (Горбунов В. С., Исмаилов Р. Б., 1976. С. 245). Они считают

наиболее вероятным ранний возраст клинка (начало среднесарматского времени), вписывая его навершие в общую линию развития меча сусловского типа, связанную «со сближением волют зооморфного навершия, с последующей утерей изображения птиц или животных на концах волют и, наконец, с окончательным слиянием их друг с другом вплоть до превращения в сплошное кольцо» (Горбунов В. С., Исмаилов Р. Б., 1976. С. 245).

О том, что навершия в виде «рожек» занимают особое место, не связанное с эволюцией сарматского оружия с кольцевым навершием, сейчас совершенно ясно. Они не имеют прямых аналогий за пределами поволжско-приуральской лесостепной полосы и являются продукцией местных оружейников. Интересными на этом фоне представляются находки на Северном Кавказе мечей и кинжалов I века до н. э. – I века н. э. из Кобани и Чми, которые имеют серповидные навершия с коническими утолщениями на концах (Абрамова М. П., 1969. С. 6, 7, 10, 11. Рис. 1, 4–6, 16–18), а также двух кинжалов, концы наверший которых оформлены грибовидными шляпками, найденных на Эшерском городище в Восточном Причерноморье (Воронов Ю. Н., 1972. Рис. 3, 11, 13). Время накопления основных отложений Эшерского городища относится к концу IV–I векам до н. э. (Воронов Ю. Н., 1972. С. 117). Кстати, М. П. Абрамова отмечала, что эта группа мечей довольно своеобразна и не может быть связана с прохоровскими мечами сарматской культуры (Абрамова М. П., 1969. С. 8). В дальнейшем она обратила внимание на наличие охотничье-боевых однолезвийных кинжалов как на отличительную черту местного (Северный и Центральный Кавказ) комплекса вооружения (Абрамова М. П., 1993. С. 72). В то же время образцы клинкового оружия с односторонней заточкой в Кавказском регионе, которые можно отнести к числу палашей, нам не известны.

Обращает на себя внимание использование в оформлении рукояти клинкового однолезвийного оружия из Афониинского могильника (погребение 167) бронзового ромбовидного в плане перекрестия с навершием в виде двух спиралей-волют (Агеев Б. Б., 1992. С. 46, 118). Следует отметить, что рукояти мечей рубежа эр нередко оформлялись бронзовыми перекрестиями. Известны три меча с бронзовыми ромбическими перекрестиями из погребальных комплексов (Камышлы-Тамакский, погребение 68; Кушелевский III, погребение 306; Ново-Сасыкульский, кв. 19/с) пьяноборской культуры, для которых Б. Б. Агеев в качестве аналогии приводит мечи с бронзовым перекрестием из кур-

гана 51 Сусловского (Рыков П. С., 1925. С. 73) и кургана 2 Курпе-Байского (Синицин И. В., 1950. С. 108) сарматских могильников I в. до н. э. – I в. н. э. (Агеев Б. Б., 1992. С. 46).

Для сарматских мечей А. С. Скрипкин выделяет в отдельную совокупность (тип 7) оружие без металлического навершия с ромбовидным (зачастую бронзовым) перекрестием (Скрипкин А. С., 1990. С. 130). Для Азиатской Сарматии он приводит четыре меча с бронзовым перекрестием, которые датирует I в. н. э. При этом А. С. Скрипкин обращает внимание на среднеазиатские аналогии (могильники Северной Бактрии), где мечи рассматриваемого типа были распространены достаточно широко (Скрипкин А. С., 1990. С. 131). В более поздней работе А. С. Скрипкин оперирует уже семью сарматскими комплексами, включающими мечи указанного типа, датированными не ранее второй половины II в. до н. э. (Скрипкин А. С., 2000. С. 138). Данные мечи, по его мнению, начинают распространяться после событий, связанных «с разгромом хунну кочевнических группировок на северо-западных границах Китая и отступлением их в Среднюю Азию» (Скрипкин А. С., 2000. С. 141). А. С. Скрипкин усматривает определенные китайские традиции в оформлении этого вида оружия и связывает появление этих мечей с вторжением юечжей в Среднюю Азию (Скрипкин А. С., 2000. С. 141). В связи с этим большой интерес вызывает бронзовое перекрестие меча из Камышлы-Тамакского могильника, которое имеет характерный прямоугольный вырез со стороны рукояти и украшено различным орнаментом с обеих сторон (рис. 1, 9). Обращает на себя внимание и клинок этого меча, обладающий большой степенью упругости, в то время как остальные сарматские, пьяноборские и кара-абызские клинки обладают значительно жесткими на изгиб характеристиками.

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать появление в I–III веках н. э. у финно-угорских племен нового вида оружия – палаша. Для нас кажется очевидным, что палаш является оружием конного воина и облегченная полоса – сиречь половина меча – предполагает разнообразие фехтовальных приемов и позволяет обмениваться большим количеством ударов за тот же промежуток времени, чем мечом. А это очень ценное качество в скоротечных кавалерийских сражениях и поединках. Исходя из этой посылки можно с большей долей вероятности предполагать появление палашей у обитателей степей и лесостепей. При этом следует отметить практиче-

ски полное отсутствие однолезвийных клинков у сармат.

Трудно поверить, что такой вид оружия как палаш возник неожиданно и быстро, не имея своей предистории. Однолезвийные клинки были известны в скифском и савроматском комплексе вооружения IV–III веков до н. э. Н. И. Сокольский считает, что такое оружие появилось в результате влияния греческой махайры на обычные скифские формы (Сокольский Н. И. 1954. С. 132–134). В. Гинтерс кроме махайры видит влияние и латенского длинного кривого ножа (Ginters W., 1928. S. 36, 37). А. И. Мелюкова также говорит о заимствованном оружии типа «махайра», как «от самих греков», так и «от фракийцев, употреблявших этот меч, но при этом, «заимствовав идею однолезвийного меча, скифские мастера осуществляют ее по своему, сохраняя привычную форму навершия и приспособляя знакомую форму перекрестия» (Мелюкова А. И. 1964. С. 59). А. Х. Халиков предполагает также и северное (западно-ананьинское) воздействие на появление однолезвийных кинжалов в степных районах (Халиков А. Х. 1977. С. 173). Однолезвийное клинковое оружие с заточенной вогнутой стороной было найдено под Киевом. Датируется это оружие IV–III вв. до н. э. (Обельченко О. В. 1978). К такому же типу относится уже упоминавшееся оружие из раннесарматского курганного могильника Старые Кишки III–II вв. до н. э. (Садыкова М. Х. 1962. С. 245, 246, 252, 257).

Таким образом, можно утверждать, что оружие с односторонней заточкой имеет более глубокую историю. А финно-угорские племена Волго-Камья и Западного Приуралья познакомились с такой категорией оружия не из последних, особенно если принять во внимание, что в комплексах вооружения юго-западных ананьинских племен VIII–VI вв. до н. э. уже существовали однолезвийные кинжалы (Халиков А. Х. 1977. С. 173, 174).

Однако на данный момент трудно представить, что это клинковое оружие явилось предшественником палашей тех форм, о которых мы говорили выше. Вернее представить, что ананьинские однолезвийные кинжалы видоизменились до форм, известных на вооружении кара-абызских и пьяноборских племен, которые можно называть как полевыми (боевыми) ножами, так и однолезвийными кинжалами. Тем более что они встречаются в комплексе с палашами, например в погребении 230 Охлебининского могильника.

Можно согласиться с В. А. Ивановым в том, что палаши из пьяноборских могильников трудно соотнести с местными образцами. Памятники пи-

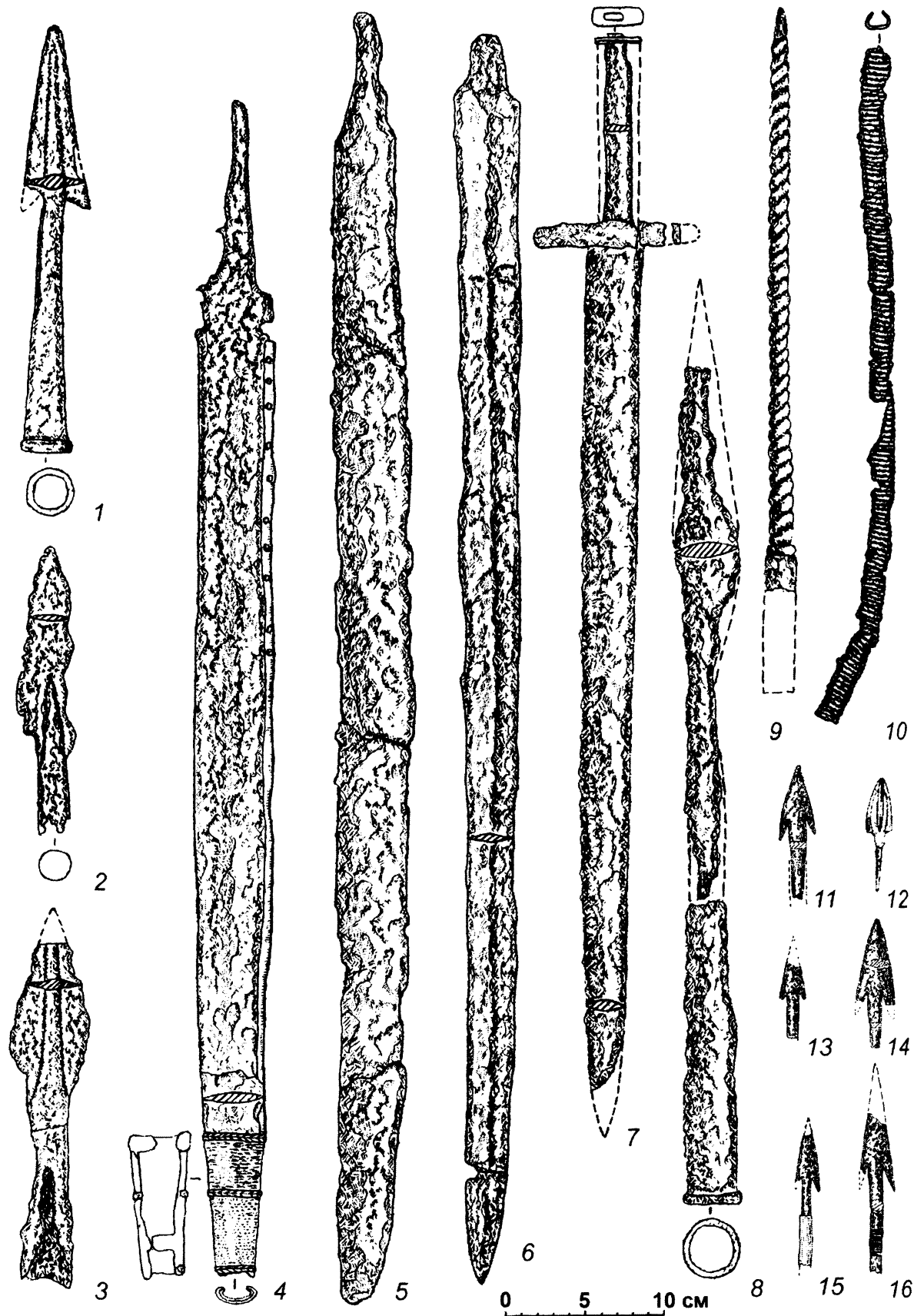

Рис. 6. Предметы вооружения из погребений Писеральского и Климкинских курганных могильников.
 1, 6–9, 13–15 – Писеральский курганный могильник (1, 6, 8, 14 – курган 2 [1 – погребение 9; 6, 8 – погребение 10; 14 – погребение 6]; 7, 9, 13, 15, 16 – курган 1, погребение 1); 2–6, 10–12 – Климкинский курганный могильник (2, 10 – курган 2 [2 – насыпь; 10 – погребение 5]; 3–5, 11, 12 – курган 1 [3, 11, 12 – погребение 5; 4 – погребение 13; 5 – погребение 18])

серальско-андреевского типа, в погребальных комплексах которых присутствуют восемь палашей (рис. 6), без сомнения имеют пришлый характер. И если проблема датирования этих памятников не вызывает особых разногласий, то дискуссия об этнической интерпретации продолжается до настоящего времени. В работах, специально посвященных анализу этнокультурных компонентов Андреевского, Староардатовского, Писеральских и Климкинских курганов, была высказана рабочая гипотеза о восточном (зауральском) импульсе в первые века нашей эры применительно к памятникам писеральско-андреевского типа. При этом А. Х. Халиков предполагал «значительную восточную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и ранних тюрок, входивших в состав гуннского союза» (Халиков А. Х., 1987а. С. 90-91; Халиков А. Х., 1987б. С. 16-17). Другие исследователи предлагают искать истоки погребального обряда указанных выше курганов в зауральской лесостепи, в среде угорских народов саргатской культуры (Зубов С. Э., 1999. С. 48; 2004. С. 270; Зубов С. Э., Михеев А. В., 2006; Гришаков В. В., 2000. С. 53).

В связи с этим особый интерес представляет уже отмеченное ранее присутствие палашей в Верхнем Приобье в комплексах II–IV веков н. э. (Грязнов М. П., 1956. С. 111). О хуннских палашах сообщает Ю. С. Худяков (Худяков Ю. С. 1990. С. 25). Обращает на себя внимание факт присутствия значительного количества палашей в комплексах вооружения кулайской (Худяков Ю. С., 1989. С. 39), кокзельской (Худяков Ю. С., 1986а. С. 79) и кенкольской (Кожомбердиев Н. К., Худяков Ю. С., 1987. С. 89, 90) культур.

В завершение следует отметить цикличность появления этого вида оружия. Почему палаши появились в Волго-Камье в I–III веках н. э. и исчез-

нув из воинских арсеналов в IV–V веках, вновь появились в конце VI века, чтобы опять исчезнуть в XII–XIII веках и возникнуть в очередной раз уже в XVI веке?

Первопричина такого явления, на наш взгляд, коренится в объективном противоречии между производством идей (новые формы оружия) и их потреблением (востребованности в определенный исторический момент данного вида оружия применительно к существующим тактическим действиям и в целом, – к военному искусству). Новый вид оружия может стать «жизнеспособным» только тогда, когда созреет общественная необходимость в стоящих за ним преобразованиях (изменения в комплексах вооружения, смена тактики, оперативного искусства и военного искусства в целом).

Милитаризация всех сфер жизнедеятельности кочевого и полукочевого населения в раннем железном веке проявляется прежде всего в широком распространении оружия ближнего боя, которое становится одной из наиболее обычных категорий погребального инвентаря (Таиров А. Д., 2000. С. 20). В этом контексте оседлое население финно-угорских племен не было исключением. Наблюдается значительная военизация пьяноборских и кара-абызских племен, особенно в памятниках, расположенных на южной окраине лесостепи. Как следствие этому, шел интенсивный процесс поиска и (или) заимствования новых, оптимальных форм и видов вооружения, что привело к появлению нового клинкового оружия – палаша.

Примечания:

¹ Выражаю искреннюю признательность Р. Д. Голдиной, Г. И. Журавлевой, А. Х. Пшеничнюку за возможность использовать в данной работе материалы из раскопок указанных исследователей.

Оружие ранних саков Приаралья

В процессе широкомасштабных археологических раскопок, которые проводила на территории Южного и Восточного Приаралья Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР, были исследованы, в том числе, могильники и поселения раннесакской эпохи (VIII–V в. до н. э.), которые дали многочисленные находки предметов вооружения. Сведения о них разбросаны по различным публикациям разных авторов, что затрудняет возможность увидеть полную картину типологических особенностей категорий раннесакского вооружения. В настоящей работе мы попытались охарактеризовать эти особенности, собрав воедино известные на сегодняшний день материалы.

Наконечники стрел составляют одну из наиболее массовых категорий находок в археологических комплексах Казахстана и Средней Азии раннесакского времени. Не случайно поэтому, что именно эта категория предметов часто используется при сравнительно-типологическом анализе археологических памятников раннесакской эпохи, их типологической и хронологической атрибуции.

Так, в погребениях могильника Уйгарак (Нижняя Сырдарья) найдено 137 наконечников стрел, четыре из них костяные, остальные отлиты из бронзы (Вишневская О. А., 1973); в курганах Южного Тагискена (Нижняя Сырдарья) – 139 наконечников, из них три костяных, а остальные бронзовые (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997); в сакарчагинских захоронениях (Присарыкамышская дельта Амударьи) – 121 наконечник, из них семь костяных, остальные бронзовые (Яблонский Л. Т., 1996); из раскопанной части поселения Куюсай-2 (Присарыкамышская дельта Амударьи) происходит 31 наконечник, все бронзовые. Из куюсайских находок лишь три имеют стратиграфическую привязку к слоям памятника, но принадлежность к ним же остальных экземпляров никаких сомнений не вызывает (Вайнберг Б. И., 1979. С. 19). Другие комплексы наконечников стрел из Присарыкамышья представлены находками с городища

Кюзели-гыр (Толстов С. П., 1962; Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А., 1997). Из 152 экземпляров 68 были получены из раскопок (большинство – 58, из слоев нижнего строительного горизонта), а остальные подняты с поверхности.

Первую, относительно малочисленную группу находок на городище Кюзели-гыр С. П. Толстов датировал рубежом VII–VI вв. до н. э. И. Н. Медведская (1972. С. 86, 89) считала этот набор «типично скифским» (?! – Л. Я.). О. А. Вишневская и Ю. А. Рапопорт (1997. С. 163), перу которых принадлежит классификация всех кюзелигырских находок, датировали комплекс «в пределах VI с возможностью захода в V в. до н. э.»

Немногочисленные находки из поселения на мысу присарыкамышской возвышенности Тарымкая были отнесены к концу V в. до н. э. (Вайнберг Б. И., 1979. С. 26, 27. Табл. XVa) и в нашей работе не рассматриваются, так как упомянутое поселение не принадлежит к памятникам раннесакского культурного облика.

Таким образом, авторами раскопок комплексов раннесакских наконечников в целом датирован в пределах конца VIII – первой половины V в. до н. э. При этом наконечники, которые были датированы временем до середины V в. до н. э., происходят только из части тагискенских курганов и с Кюзели-гыра, а все остальные относятся к более раннему времени и датируются концом VIII – не позднее VI в. до н. э.

Все эти наконечники различаются как по материалу, из которого они сделаны (костяные и бронзовые), так и по способу насада, форме головок, особенностям деталей головок, втулок и черешков. Именно эти детали имеют первостепенное значение для типологического и хронологического атрибутирования наконечников стрел.

При составлении типологической классификации наконечников стрел предскифского и скифосавроматского времени восточной части степей большинство исследователей пользовались принципом, предложенным в свое время К. Ф. Смирновым (1961. С. 37). Согласно этому принципу,

КАТЕГОРИЯ I, ГРУППА I - бронзовые втульчатые

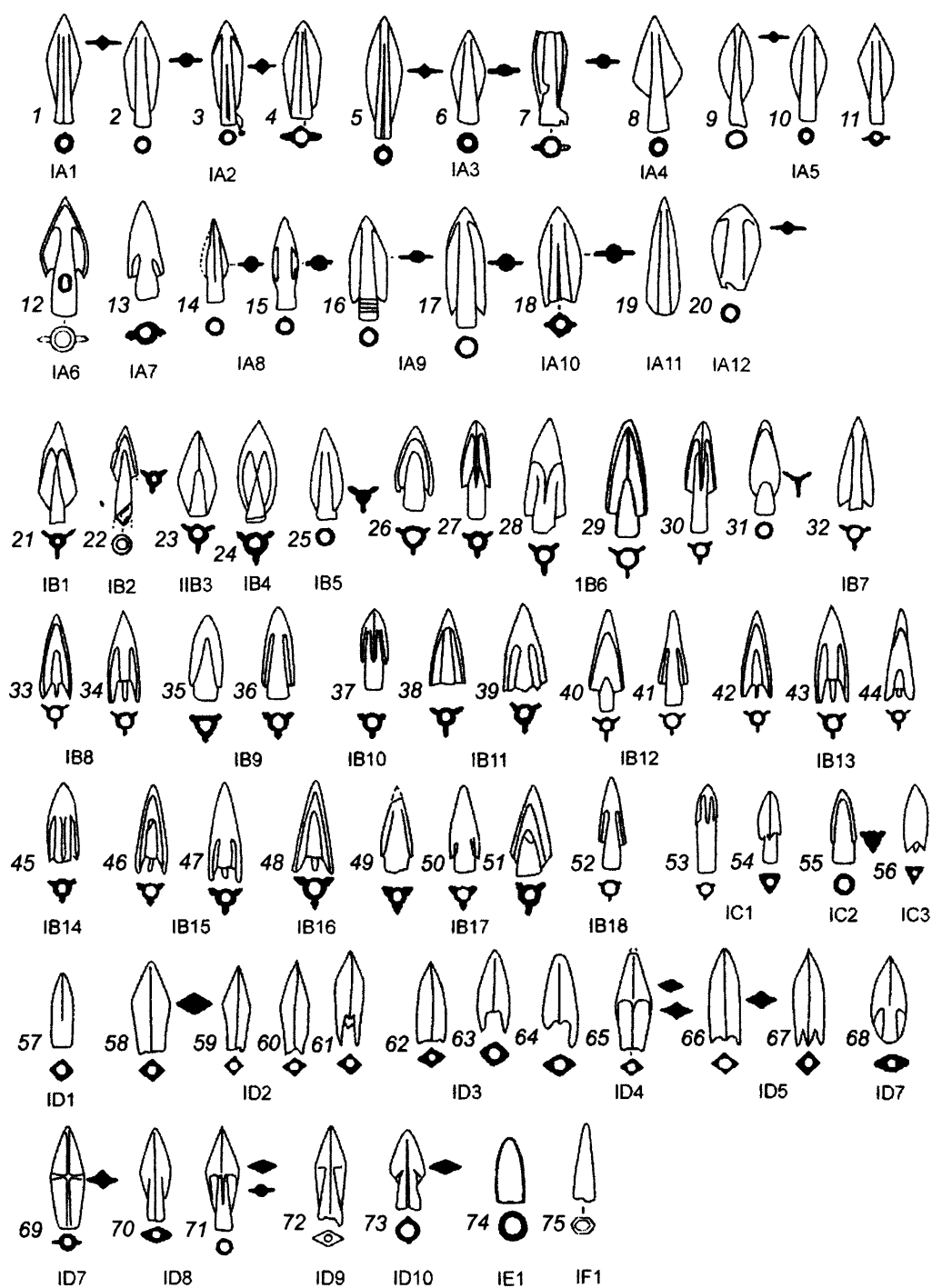
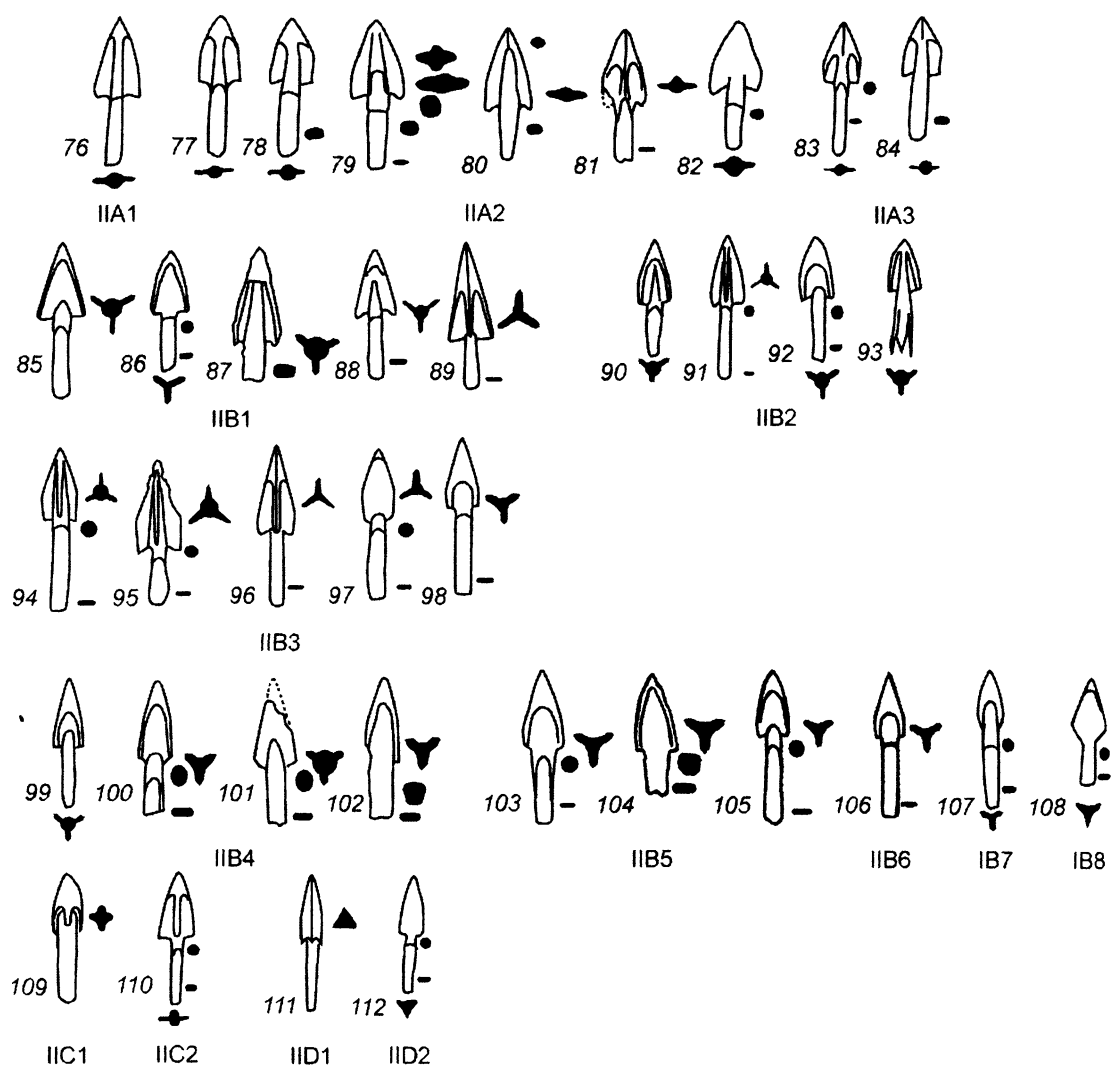

Рис. 1. Классификация наконечников стрел раннесакского типа

КАТЕГОРИЯ I, ГРУППА II - бронзовые черешковые

КАТЕГОРИЯ II, ГРУППА I - костяные

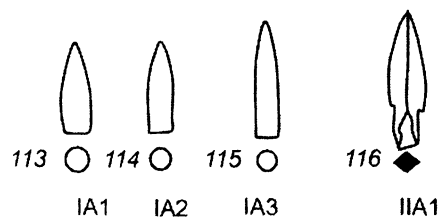

Рис. 2. Классификация наконечников стрел раннесакского типа (окончание)

группы наконечников выделяются по способу насада, отделы – по форме поперечного сечения головки, типы – по форме головки и насада. В случае необходимости тип подразделяется на подтипы и варианты типов или подтипов. Лишь Н. Л. Членова (1967. С. 40) полагала, что при систематизации наконечников стрел первостепенное значение имеет все же не форма насада, а форма головки, что и обусловило иной подход к разработанной ею классификации тагарских наконечников стрел. Замечу в связи с этим, что уже давно было признано основное отличие наборов «сакских» наконечников от собственно «скифских», заключающееся, прежде всего, в сосуществовании черешковых и втульчатых групп, причем истоки такого сочетания исследователи находят еще в памятниках эпохи бронзы (Маргулан А. Х. и др., 1966. С. 375). Поскольку приаральские могильники расположены в зоне предполагаемого контакта «скифских» и «сакских» племен, именно форма насада стрел и мне представляется признаком в наибольшей степени значимым. Кроме того, схема К. Ф. Смирнова более удобна для сопоставления с материалами из других регионов (ср.: Вишневская О. А., 1973 и Аванесова Н. А., 1975).

Все же, классификация К. Ф. Смирнова естественным образом не учитывает некоторые формы наконечников, распространенные на центральноазиатской территории степей. К тому же, уже после ее создания в Средней Азии и в Казахстане были найдены новые многочисленные комплексы наконечников.

Имеющиеся материалы демонстрируют исключительную разнотипность наконечников стрел раннесакского типа (Ш). Отчасти эта разнотипность, безусловно, связана с хронологической дифференциацией не только различных памятников, но и различных комплексов внутри каждого из этих памятников. Хорошим примером в этом отношении является могильник Южный Тагискен, в котором наконечники стрел (вкуче с находками других категорий) подразделяют курганы на две хронологические группы. Первая имеет аналогии в ранних захоронениях Уйгарака и Сакар-Чаги и датируется временем не позже середины VI в. до н. э., а вторая, относительно более поздняя – только в материалах с Кюзели-гыра (VI–начало V в. до н. э.).

Серия наконечников стрел из Сакар-Чаги и с поселения Куясай-2 выглядит хронологически более однородной. В частности, здесь отсутствуют трехлопастные втульчатые наконечники, типологически сопоставимые с наконечниками, так называемого «савроматского» типа из Волго-

Уральского региона. С одной стороны это обстоятельство делает более чем вероятным вывод об относительной древности этих присарыкамышских памятников (при наличии прямых типологических аналогий в наиболее ранних захоронениях нижнесырдарьинских могильников). С другой стороны, разнотипность экземпляров внутри самих сакарчагинского и куясайского комплексов заставляет делать вывод об отсутствии унифицированного серийного производства наконечников стрел и об использовании ранними скотоводами Присарыкамышья заимствованных форм (например, двухлопастные наконечники с крючкообразными шипами на втулке) или о непосредственном использовании наконечников, полученных от соседей.

Железные мечи найдены только в курганах 53 и 59 могильника Южный Тагискен (рис. 3). Меч из кургана 53 общей длиной около 125 см лежал в ногах погребенного. Он имел брусковидное (скорее) или овальное навершие и бабочковидное перекрестие, украшенное накладкой из золотой фольги с тисненым изображением головы архара. Деревянные ножны меча были также украшены: продольной накладкой из золотой фольги под-

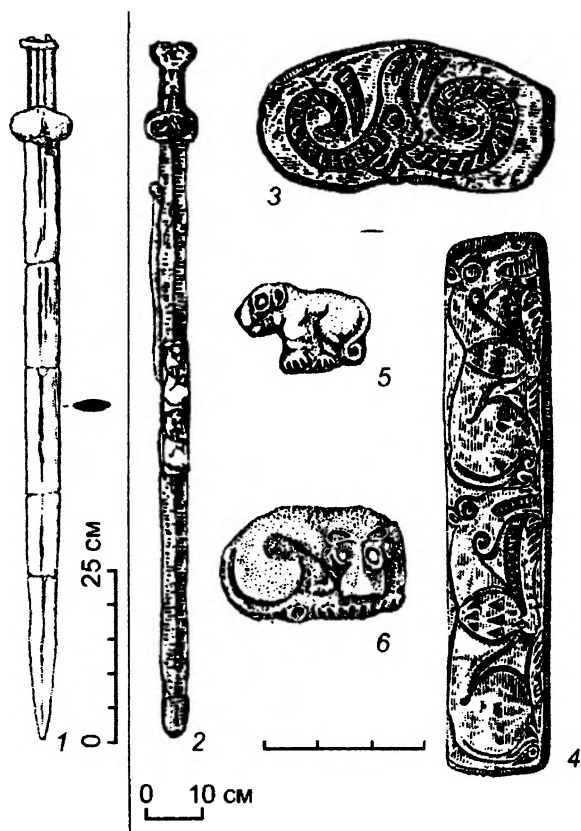

Рис. 3. Мечи из могильника Южный Тагискен.
1 – курган 59; 2 – курган 53; 3 – накладка на перекрестии; 4–6 – детали ножен меча из кургана 53.
1, 2 – железо; остальное – золото

прямоугольной формы с профильным стилизованным изображением двух лежащих хищников (волков-?), кончик хвоста которых имеет петлеобразное завершение — стилистический элемент, характерный для звериного стиля савроматской эпохи. На конце ножен сохранился золотой наконечник. Неподалеку от меча найден полый выпуклый предмет из золотой фольги с тисненым спиралевидным орнаментом, видимо, обкладка деревянной ворворки от портупей.

Напомним, что под насыпью кургана 53 находилась могильная яма с дромосом.

Также дромосное захоронение, но в наземном варианте, было обнаружено в кургане 59, где в разграбленном погребении найден другой железный меч общей длиной около 110 см. Он имел почковидное перекрестие. Рукоять с двумя боковыми валиками. Форма навершия не устанавливается достаточно определенно из-за плохой сохранности, но можно предположить, что оно было когтевидным. Ножны меча, которые, скорее всего были деревянными, до нас не дошли, но не исключено, что фрагмент золотой пластинки из фольги с изображением сцены терзания, найденный там же, является элементом обкладки этих ножен.

Прямые аналогии нашим мечам имеются не среди скифских экземпляров, которые обычно не превышают в длину 70 см и редко достигают 100 см. Насколько этот тип мечей и акинаков был характерен для сакского воина свидетельствуют изображения на персепольских рельефах, а также на известном изображении воина из Амударьинскогоклада.

В свое время К. Ф. Смирнов (1961. С. 31) высказал предположение, что появление длинных «савроматских» мечей было связано с восточными влияниями — сибирскими и, может быть, среднеазиатскими. Позднее М. А. Итина выступила с иной гипотезой, предполагая возможность заимствования саками низовьев Сырдарьи этого типа мечей у кочевников Южного Приуралья (Итина М. А., 1992. С. 42). По ее мнению, это предположение подкрепляется находкой в кургане 53 колчана со стрелами, сходными с савроматскими.

Типологически близкие мечи, найденные в восточной зоне евразийских степей, были проанализированы в связи с находкой в Алтайском крае (Могильников В. А., Медникова Э. М., 1985. Рис. 1. С. 79). Из Новообинки происходит железный меч длиной 106 см. Его брусковидное навершие и рукоять были инкрустированы золотом. Перекрестие почковидное. Рукоять, как и у меча из кургана 59 Южного Тагискена профилирована валиками. Всем комплексом инвен-

таря авторы датировали памятник и меч концом VI — началом V в. до н. э. Похожие мечи из Приуралья К. Ф. Смирнов (1961. С. 10, 11) датировал VI в. до н. э. Инвентарь курганов 53 и 59 Южного Тагискена, в том числе, наборы бронзовых наконечников стрел (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Рис. 43) вполне согласуется с предложенными датировками — VI — начало V в. до н. э. Надо думать, таким образом, что данные типы мечей распространились в азиатской части степи практически одновременно, что могло быть связано с изменениями в тактике боя.

Кинжалы. Находки кинжалов известны по материалам могильников Уйгарак и Южный Тагискен в Восточном Приаралье (рис. 4).

Из Уйгарака происходят три железных кинжала различной сохранности и один бронзовый. Бронзовый кинжал из кургана 50 имеет асимметричное грибовидное навершие с невысоким валиком при переходе к рукояти (рис. 4, 3). Перекрестие в виде полукруглых асимметричных выступов продолжено на клинке невысоким рельефом. Общая длина кинжала 27 см. Он найден вместе с трехдырчатыми псалями и удилами с подпрямоугольно-стремевидными окончаниями, которые, по мнению О. А. Вишневской, датируются VII—VI вв. до н. э. (Вишневская О. А., 1973. С. 97).

Кинжал из кургана 21 Уйгарака, железный. Он имеет общую длину 31,5 см. По словам О. А. Вишневской (1973. С. 97), рукоять массивная, овальная в сечении, навершие грибовидное, полое, перекрестие дуговидное (рис. 4, 1), расположено асимметрично по отношению к клинку и с одной

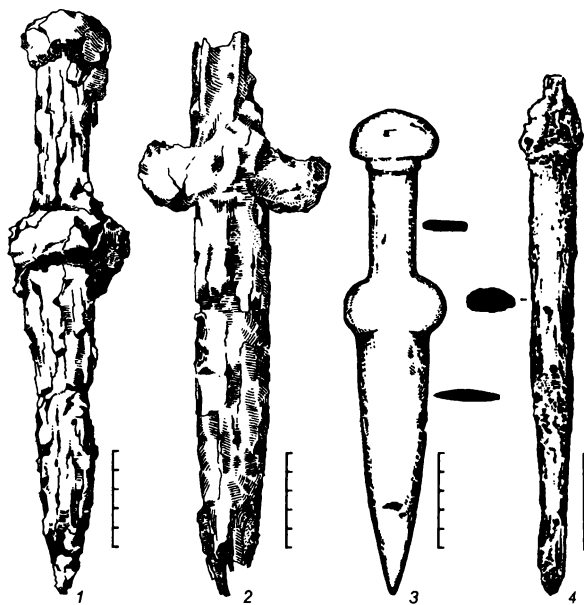

Рис. 4. Раннесакские кинжалы.

1–3 — могильник Уйгарак (по: Вишневская О. А., 1973);
4 — могильник Южный Тагискен (по: Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997). 1, 2, 4 — железо; 3 — бронза

стороны почти не выступает. Острие клинка с этой стороны было заточено.

Железный кинжал из кургана 26 Уйгарака имел бабочковидное перекрестие (рис. 4, 2). По совместной находке с цельнолитыми удилами и псали-

ями О. А. Вишневская (1973. С. 97) датировала кинжал VI в. до н. э.

Железный кинжал из кургана 14 Уйгарака настолько плохой сохранности, что рисунок его в публикации О. А. Вишневской не приводится, но

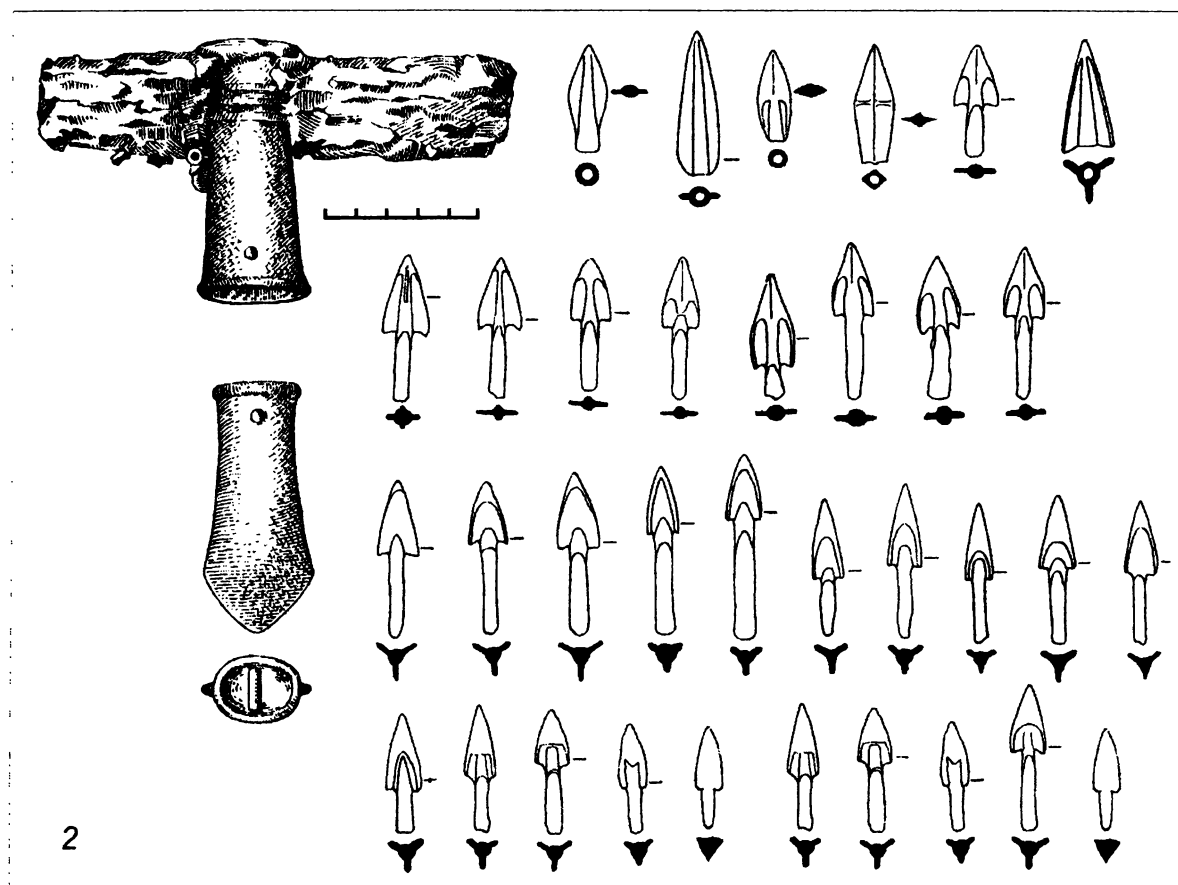
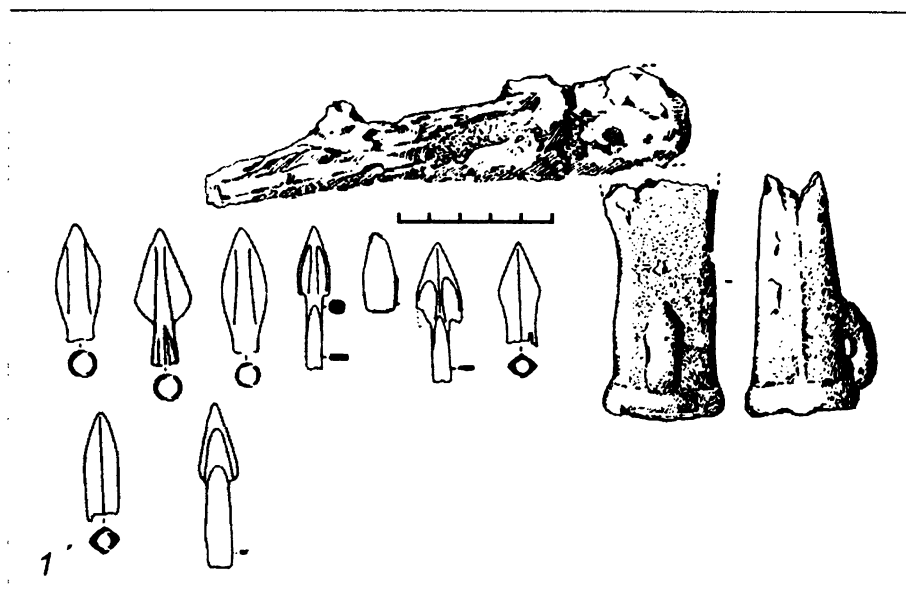

Рис. 5. Боевые топоры и сопутствующие им бронзовые наконечники стрел из раннесакских комплексов Приаралья.

1 – курган 23 могильника Сакар-чага 6 (по: Яблонский Л.Т., 1996);

2 – курган 84 могильника Уйгарака (по: Вишневская О.А., 1973)

там сказано, что перекрестие было выполнено в виде полукруглых выступов, морфологически сближающим его с бронзовым кинжалом. На рукояти отмечены прямоугольные накладки с продольной прорезью изготовленные из золотой фольги. По совместной находке с роговыми трехдырчатыми псалями и удилами с прямоугольно-трапециевидными окончаниями дата кинжала определяется в пределах VII–VI вв. до н. э.

В могильнике Южный Тагискен найден только один железный кинжал (курган 59), рукоять которого не сохранилась (рис. 4, 4). Клинок клиновидный, овальный в сечении, перекрестие, скорее всего, почковидное (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Рис. 55, 8). Совместными находками он был датирован серединой VI–V в. до н. э. (Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. С. 70).

Боевые топоры. Биметаллический клевец найден в кургане 84 Уйгарака (рис. 5, 2). Он находился справа в изголовье погребенного. Поблизости был найден его бронзовый вток. Втулка клевера бронзовая, украшенная скульптурной головкой хищной птицы, ударные части железные. На конец рукояти был надет бронзовый вток. О. А. Вишневская (1973. С. 98) ближайšie аналогии ему видела среди ананьинских древностей. Сопутствующими наконечниками стрел она датировала его первой половиной VI в. до н. э.

Несколько более ранний, по-видимому, экземпляр (VII в. до н. э.) известен из раскопок могильника Сакар-Чага 6 в Присарыкамышье (Яблонский Л. Т., 1996. Рис. 19, 16). Клевец (рис. 5, 1) имеет бронзовую втулку с петлей для привязывания к топоричу и железный ударник с клиновидно заостренным концом.

К предметам вооружения, в значительной степени условно, можно отнести и булаву, найденную в кургане 25 в изголовье погребенного (Вишневская О. А., 1973. Табл. VII, 16–18). От нее сохранилось навершие, помещавшееся под ним на рукояти кольцо с петлей и наконечник рукояти (рис. 6, 2–4). Длина рукояти, судя по положению сохранившихся частей, равна 40 см. Навершие булавы шаровидное, несколько уплощенное у полюсов. Диаметр его горизонтального сечения 5,5 см, вертикального – 4,6 см. Отверстие для насады цилиндрическое, чуть расширяющееся с одной из сторон (диаметр 1,9 и 1,7 см). Основу навершия составляет шаровидный каменный сердечник из песчаника размером около 4 см в поперечнике, наружная оболочка бронзовая толщиной 0,8 см.

Наконечник рукояти бронзовый в виде усеченной восьмигранной пирамиды со скругленным основанием, в котором сделано круглое от-

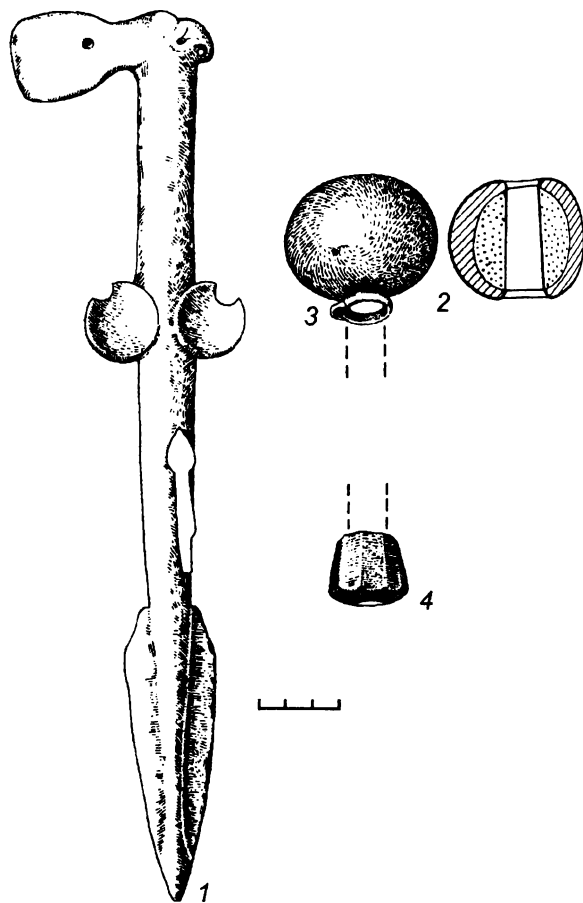

Рис. 6. Инвентарь кургана 25 могильника Уйгарака (по: Вишневская О. А., 1973).

1 – бронзовая «секира»; 2–4 – детали булавы.
2 – камень, бронза; остальное – бронза

верстие меньшего диаметра, чем насадочное. Бронзовое кольцо, помещавшееся на рукояти под навершием, снабжено петелькой для подвешивания булавы к поясу.

По мнению О. А. Вишневской, свое назначение как оружие ближнего боя булава утратила еще в эпоху бронзы и в сакское время она превратилась в символ власти. Булава окончательно вытесняется другими видами оружия, и находки их в погребениях очень редки. Как правило, булавы были каменные или бронзовые, сочетание обоих материалов в одном предмете пока неизвестно. Объяснение этому можно искать или в технологии отливки, или в сохранении каких-то традиций.

Не вполне ясно и назначение вещи, что отмечала и О. А. Вишневская. Вряд ли оно было утилитарным, тем более, что в инвентаре того же погребения присутствует еще предмет (положенный также в изголовье), свидетельствующий об особом положении погребенного и который можно рассматривать или как неизвестный нам вид оружия, сочетающий в себе функции секиры и кинжала (Вишневская О. А., 1973. Табл. VII, 1), или же как

личный знак представителя власти, вероятно военачальника. Изделие (рис. 6, 1) отлито из бронзы и конструктивно представляет собой суживающийся книзу стержень, ромбовидный в сечении, закапчивающийся плоским копьевидным расширением. Верхний его конец увенчан изображением головы хищной птицы, служащей как бы обушком, отходящим от стержня небольшой секиры. Верхняя треть изделия отделена от нижней двумя заходящими на стержень двояковогнутыми дисками с полукруглыми выемками в верхней части.

Копьеобразное окончание предмета – листовидное, со срезанным под прямым углом к стержню основанием и доходящими до острия подтреугольными в сечении нервюрами, являющимися как бы продолжением стержня. Изображение головы птицы объемное, глаза даны в виде круглых выступов с углублением в середине, неглубокими бороздками намечена восковица, клюв загнут к стержню, образуя кольцо. Лезвие секиры, расположенное к стержню под острым углом, подпрямоугольное, с круглым сквозным отверстием, суживающееся к стержню. На нижней части предмета (от перекрестия и ниже) сохранились следы деревянных ножен с копьевидной костяной накладкой. Других примеров такого оружия мы не знаем, оно уникально.

О. А. Вишневская предполагала, что данный предмет следует рассматривать как атрибут власти, возможно в некоторых случаях использовавшийся и в качестве оружия. Как известно, у скифских племен секира была одним из атрибутов царской власти, а меч-кинжал подчеркивал военное могущество. Знаками определенной части скифских военачальников были топорики-секиры, украшенные иногда изображениями орла

Датируется погребение стрелевидными удилами VI в. до н. э. Этой дате не противоречат ни форма окончания клинка, ни стилистические особенности в изображении головы хищной птицы.

Раннесакские комплексы Приаралья, в состав которых входят предметы вооружения, главным образом, наконечники стрел, содержат, как правило, и конское снаряжение. Это дает возможность полагать, что в Приаралье, так же как и в других районах востока евразийских степей, основным контингентом войска были конные стрелки из луков. Среди других предметов вооружения имеются кинжалы, однако незначительное их число говорит, видимо, о том, что этот вид наступатель-

ного оружия привнесен в Приаралье, и формы его на этой территории в рассматриваемое время еще не установились. Немногочисленные находки длинных мечей датируются относительно поздним временем, не ранее второй половины VI–V в. до н. э., когда такие мечи распространяются одновременно в широком ареале, включающем, в частности, Алтай и Приуралье. Вооружение населения Приаралья, обладало чертами, характерными, в целом, для восточных районов Евразии – Казахстана, Сибири, Алтая. В наиболее ранних комплексах отмечается сосуществование в колчанах черешковых и втульчатых наконечников стрел.

В то же время состав ранних колчанов Южного и Восточного Приаралья отличается некоторым своеобразием. В них присутствуют наконечники стрел, мало распространенные в других районах евразийской степи (ромбовидные, ромбического сечения втульчатые и двухлопастные черешковые, четырехлопастные черешковые). Кроме того, начиная со второй половины VI века до н. э., из курганных комплексов постепенно исчезают черешковые наконечники и господствующими типами становятся трехлопастные и трехгранные втульчатые, в общем, но не абсолютно, напоминающие экземпляры савроматской эпохи из комплексов Южного Приуралья. Вытеснение черешковых наконечников втульчатыми в более раннее, чем на остальной территории Казахстана, время произошло в Приаралье благодаря резкой переориентации на новые металлургические центры. Смена типологических форм наконечников стрел сопровождается появлением у саков Приаралья и новых для них форм клинкового оружия, в первую очередь, сравнительно длинных железных мечей, украшенных иногда инкрустацией золотом и ножен, украшенных золотыми накладками, выполненными в традициях звериного стиля. В Южном Приуралье, судя по находкам из Филипповки, эта традиция сохраняется, вероятно, вплоть до IV века до н. э. Формы предметов вооружения, имеющие прототипы в относительно более поздних раннесакских памятниках (вторая половина VI–первая половина V в. до н. э.) еще сохраняются у носителей чирикратской культуры Восточного Приаралья (Вайнберг Б. И., Левина Л. М., 1993. Рис 65, 5, 6; 84), но для могильников классического прохоровского типа Приуралья и синхронных им памятников Средней Азии и Казахстана становятся уже совсем нехарактерными.

Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н.э.

В настоящее время на равнине Алтая (Алтайский край) и в Горном Алтае (Республика Алтай) для скифского времени выделяется четыре археологические культуры: пазырыкская – в Горном Алтае (около середины VI–III вв. до н. э.; исследовано около 600 погребений), быстринская – в северных остепненных предгорьях (VI–III вв. до н. э.; исследовано около 100–130 погребений), староалейская – преимущественно на 150-ти километровом участке залесенного правого берега Оби (VI–первая половина V в. до н. э.; исследовано около 300 погребений). В западной части Алтайского края и в Новосибирской области в степной и лесостепной зонах, от Иртыша до Новосибирска, располагаются курганы каменной культуры (середина VI–III, возможно, III–I вв. до н. э.; исследовано около 1500 погребений). Следует подчеркнуть, что по заложенной М. П. Грязновым традиции (Грязнов М. П., 1956), все памятники VI–III вв. до н. э. на равнине Алтайского края иногда продолжают относить к «большереченской культуре», но различия в погребальном обряде, инвентаре, хозяйстве и происхождении между быстринской, староалейской и каменной культурами оказались слишком велики, чтобы рассматривать их в рамках одной культуры или общности.

Вооружение, обнаруженное в памятниках Алтая рассматривалось неоднократно, но по ряду причин цельной картины так и не сложилось. Основная проблема заключается в неразработанности абсолютной и относительной хронологии памятников. Так, сравнительно недавно большинство погребений на Алтае, а, соответственно, и вооружение, датировалось в рамках V–IV – II вв. до н. э. и даже первыми веками нашей эры, то есть, часть из них относилась к гунно-сарматскому времени. При этом памятники из Горного Алтая, обычно, считались более ранними, нежели одновременные им с равнины. Решению означенных вопросов препятствовала и слабая источниковая база, что в значительной мере обусловлено медленными темпами введения в научный оборот

материалов, полученных еще в 60–80-е годы XX века.

В последние годы ситуация существенно изменилась. Впервые были полностью опубликованы материалы могильников каменной культуры Локоть-4а (Шульга П. И., 2003) и Рогозиха-1 (Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005). В основном обработаны и готовятся к печати материалы из могильников каменной культуры Камень-2 и Новотроицкое-1, 2, 3 (примерно 400 погребений), где получена самая крупная серия предметов вооружения (Уманский А. П., Шульга П. И., 2005). Коллективом барнаульских археологов готовятся в печать материалы староалейской культуры из Малого Гоньбинского кордона (МГК) и Фирсовского некрополя. Значительное количество материала введено в оборот, систематизировано и проанализировано в обобщающих монографиях по пазырыкским памятникам Средней Катунь (Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., 2004), а также рек Чуя и Урсул (Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007).

На этой базе вполне возможно решение двух взаимосвязанных вопросов – определение хронологии и основные направления в эволюции предметов вооружения на Алтае. К сожалению, несмотря на достижения дендрохронологии и радиоуглеродного датирования (Евразия в скифскую..., 2005), для памятников скифского времени Саяно-Алтая достоверных достаточно узких абсолютных дат нет, а используемые мало согласуются с хронологией синхронных памятников Южного Урала и Китая. В результате, расхождения в датировках одних и тех же памятников Алтая и Тувы как российскими, так и зарубежными исследователями, достигают 200 и даже 300 лет. В качестве примера можно привести известные большие курганы из урочища Пазырык. Одни исследователи относят их примерно к 450–400 гг. до н. э. (Руденко, 1960; Марсадолов Л. С., 1996, 2003; и др.), а другие – к 300–250 гг. до н. э. (Bunker E. C., 1992; Евразия в скифскую..., 2005; и др.). Автор всегда при-

держивался более ранних датировок (Шульга П. И., 2003; Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005), однако в ходе уточнения относительной хронологии памятников Саяно-Алтая и сопредельных территорий, выводы получились несколько иные, частично совпадающие с хронологией материалов Южного Зауралья и новыми датировками по радиоуглероду (Таиров А. Д., 2004; Евразия в скифскую..., 2005). Важным пунктом в предложенной для Алтая хронологии является время выхода из употребления сбруйных наборов с уздечными распределителями (около середины V в. до н. э.) на Южном Урале и в Передней Азии (Андерсон, Дж. К., 2006; Calmeyer P., 1985; Иванчик А. И., 2001. С. 81–97). Нельзя игнорировать и относительно поздние даты для комплексов на территории Китая, часть которых явно синхронна известным на Алтае и в Туве. В целом, большинство памятников пазырыкской, быстринской и каменной культур относятся к середине VI – середине-второй половине V в. до н. э. (ранний этап) и второй половине V–III вв. до н. э. (поздний этап). За условную верхнюю границу (рубеж III–II вв. до н. э.), по-видимому, выходит лишь смешанный каменный могильник Быстровка-3. Только там найдены изде-

лия хуннского времени (роговые накладки на лук и железные язычковые пряжки), но обстоятельства их обнаружения по публикации не вполне ясны (Дураков И. А., Мжельская Т. В., 1995).

В данном сообщении автор предлагает краткую характеристику вооружения на Алтае VI–III вв. до н. э. с более подробным изложением новых материалов каменной культуры, имеющей сходство в инвентаре и погребальном обряде с культурами Южного Урала на западе, и многочисленные аналогии в памятниках Тувы и Монголии на востоке.

Каменная культура. По имеющимся данным вооружение воина каменной культуры второй половины VI–III вв. до н. э. состояло из железного кинжала, дополнявшегося или заменявшегося железным чеканом, лука без роговых накладок и колчана с бронзовыми, железными и роговыми (костяными) наконечниками стрел. Единичными находками представлены копья и булавы (Могильников В. А., 1997). Наличие мечей остается под вопросом. Вероятно, они использовались, на что косвенно указывают случайные находки мечей на равнине Алтая (Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Бородаев В. Б., 1995), но в комплексах они отсутствуют. Отнесение же к каменной культуре

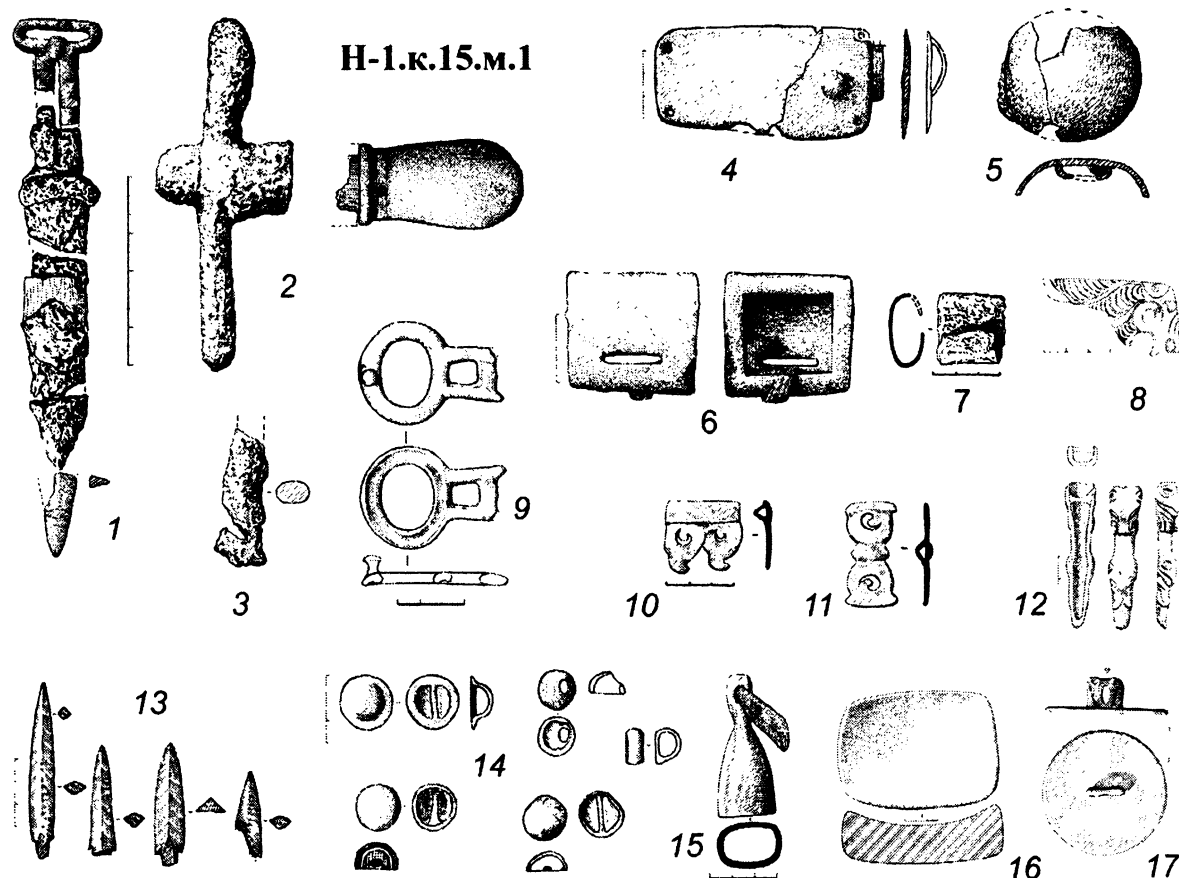

Рис. 1. Вещевой комплекс второй половины VI–первой половины V вв. до н.э.
из могильника Новотроицкий-1, курган 15, могила 1 (по: [Уманский А.П., Шульга П.И., 2005]). 1–7 – железо;
8–12, 14, 15, 17 – бронза; 13 – кость (рог); 16 – камень

комплекса с железным мечом из Новообинки (Иванов Г. Е., Медникова Э. М., 1982. С. 91; Иванов Г. Е., 1999. С. 59) ничем не мотивировано, а единственный «меч» из кургана 15 Новотроицкого-1 (Могильников В. А., 1997. Рис. 37, 1) оказался результатом неудачной реконструкции. Из защитного снаряжения достоверно установлено наличие боевых поясов с крупными железными пластинами размерами до 13,5×8 см и 16×6,5 см (рис. 1, 4). Достоверных остатков поручей, поножей и щитов не известно, хотя последние, несомненно, были¹.

Предметы вооружения на каменных могильниках представлены крайне неравномерно. На многих памятниках редки даже наиболее часто встречающиеся в каменных могильниках роговые (костяные) наконечники стрел. Действительно, в 105 погребениях почти полностью исследованного могильника Рогозиха-1 обнаружены: один целый чекан и обломок от второго, плохо идентифицируемые обломки одного или двух кинжалов и два роговых наконечника стрел (Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005. Рис. 56). Похожая картина и в большинстве других каменных могильниках. Объяснить ее только результатом ограблений нельзя. Вместе с тем, в могильнике Локоть-4а предметы вооружения найдены в 13 захоронениях из 38 могил, то есть в каждом третьем (Шульга П. И., 2003. С. 53). При этом, в отличие от Быстровского некрополя, где находят преимущественно роговые (костяные) наконечники стрел (Троицкая Т. Н., Бородовский А. П., 1994; и др.) в могильнике Локоть-4а представлены кинжалы (в семи захоронениях), обломки чекана (в одном захоронении), колчаные крюки (в восьми захоронениях), бронзовые и железные наконечники (Шульга П. И., 2003. Рис. 48). Особый интерес представляют материалы из преимущественно непогребенных грабителями могильников Новотроицкое-1, 2 (Н-1, 2), откуда происходит самая крупная на Алтае коллекция настоящего полноразмерного боевого оружия: четыре железных чекана, 12 железных кинжалов различной степени сохранности, наконечник железного копья, около 90 роговых, костяных, железных и бронзовых наконечников стрел, железные защитные поясные пластины.

Кинжалы. Почти все кинжалы из достоверно каменных комплексов найдены в Новотроицком некрополе (12 экз.) и могильнике Локоть-4а (7 экз.). Все они железные (рис. 2. 1–17). Еще пять железных кинжалов происходят из могильников Новый Шарап-1, Раздумье-6, ЕКМ-1, Масляха-1 (рис. 2, 18–

21) (Троицкая Т. Н., Бородовский А. П., 1994; Могильников В. А., 1997; Уманский А. П., 1998; Киришин Ю. Ф., Фролов Я. В., 1998). Помимо этого, известны немногочисленные остатки железных кинжалов и в других могильниках, но они или не реконструируются, или не опубликованы. Бронзовые и votивные кинжалы отсутствуют, хотя встречаются votивные ножны из роговых пластин (Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005). Всего автором учтен 21 кинжал разной степени сохранности.

По форме навершия (сохранились у 14 экз.) кинжалы подразделяются на шесть отделов: с овально-кольчатым навершием (7 экз.) (рис. 2, 1–6, 19); рожковидным навершием (1 экз.) (рис. 2, 9); навершием серповидного типа, сочетающего черты рожковидного и «грифового» (1 экз.) (рис. 2, 8); «грифовым» (?) навершием (1 экз.) (рис. 2, 18); с брусковидным навершием (2 экз.) (рис. 2, 7, 20); с дисковидным навершием (2 экз.) (рис. 2, 12, 17). Перекрестия также сильно варьируют, но явно преобладают бабочковидные (пять кинжалов) и дуговидные (шесть кинжалов). Остальные занимают промежуточное положение: перекрестие у кинжала из кургана 23 Н-2 ближе к бабочковидному (рис. 2, 1); у перекрестия кинжала из кургана 10 Н 2 одно крыло дуговидное, а другое ближе к бабочковидному (рис. 2, 2). Достоверных прямых перекрестий не зафиксировано, в том числе и в Елунинском-1 курганном могильнике (ЕКМ-1) (рис. 2, 20, 21), хотя нельзя полностью исключить их присутствие на сильно разрушенных кинжалах. Явной взаимосвязи между формами наверший и перекрестий нет, но следует отметить, что у кинжалов с овально-кольчатыми навершиями преобладают дуговидные перекрестия и отсутствуют хорошо выраженные бабочковидные. У трех кинжалов овально-кольчатые навершия сочетаются с прорезной рукоятью. Прорезные рукояти имеются еще у двух кинжалов, в том числе с овальным брусковидным навершием (рис. 2, 7). У двух кинжалов под навершиями прослежены рельефные обоймочки (рис. 2, 1, 8).

Клиники кинжалов подромбические или овальные в сечении. Выступающие продольные ребра жесткости отмечены только на двух кинжалах из могильника Локоть-4а (рис. 2, 13, 14). Перекрестия образованы двумя тонкими наложенными на клинок и сваренными пластинами. Длина кинжалов составляет 27–29 см, ширина клинка у перекрестия – около 3,5–4 см. Рукояти кинжалов оборачивались шерстяной тканью. Почти везде фиксируются остатки деревянных ножен, в

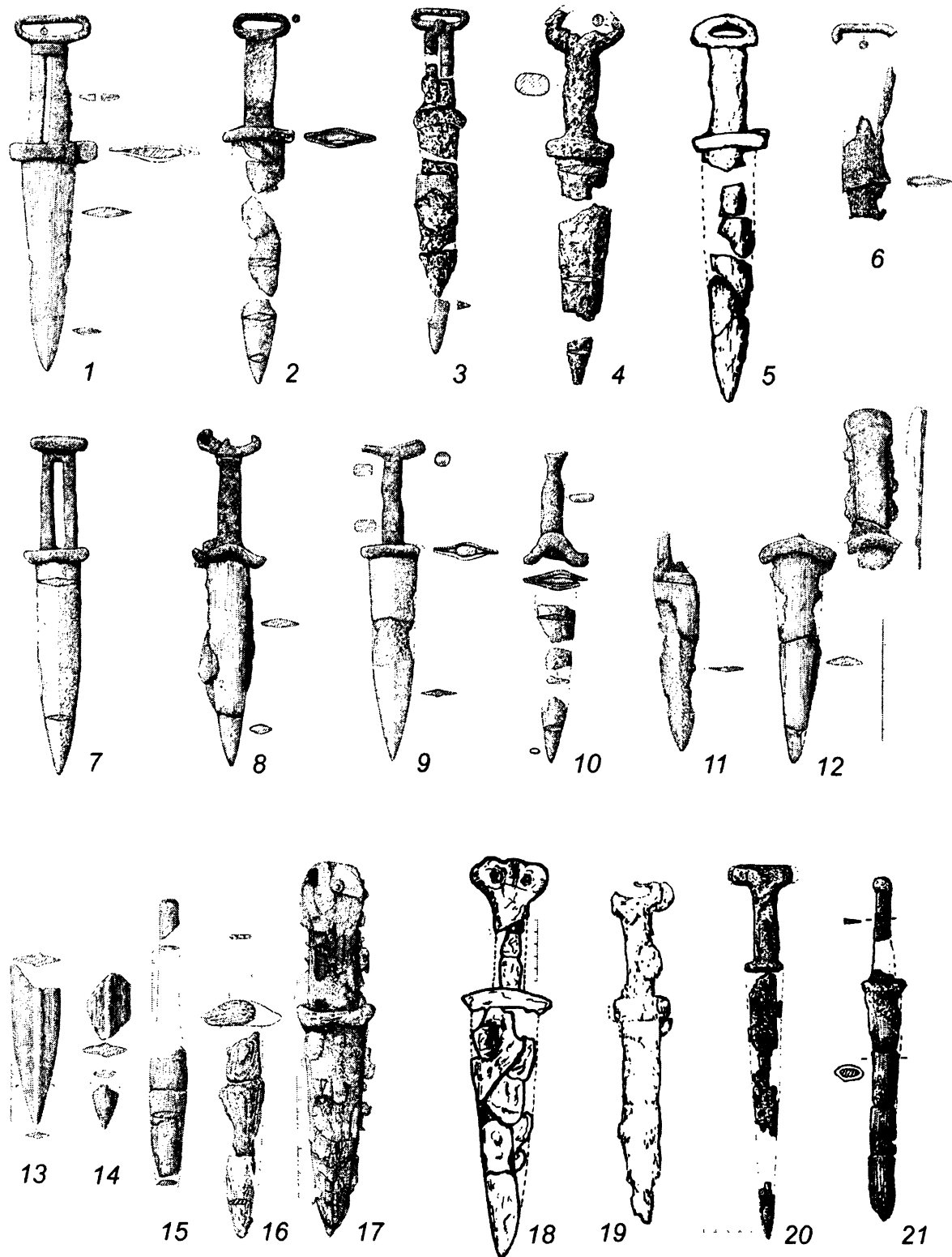

Рис. 2. Железные кинжалы каменской культуры.

1-12 – Новотроицкий-1, 2 (4, 5 – по: [Могильников В. А., 1997]; остальное – по: [Уманский А. П., Шульга П. И., 2005]); 13-17 – Локоть-4а (по: [Шульга П. И., 2003]); 18 – Новый Шарп-1 (по: [Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994]); 19 – Раздумье-6 (по: [Уманский А. П., 1998]); 20, 21 – ЕКМ-1 (по: [Кирюшин Ю. Ф., Фролов Я. В., 1998])

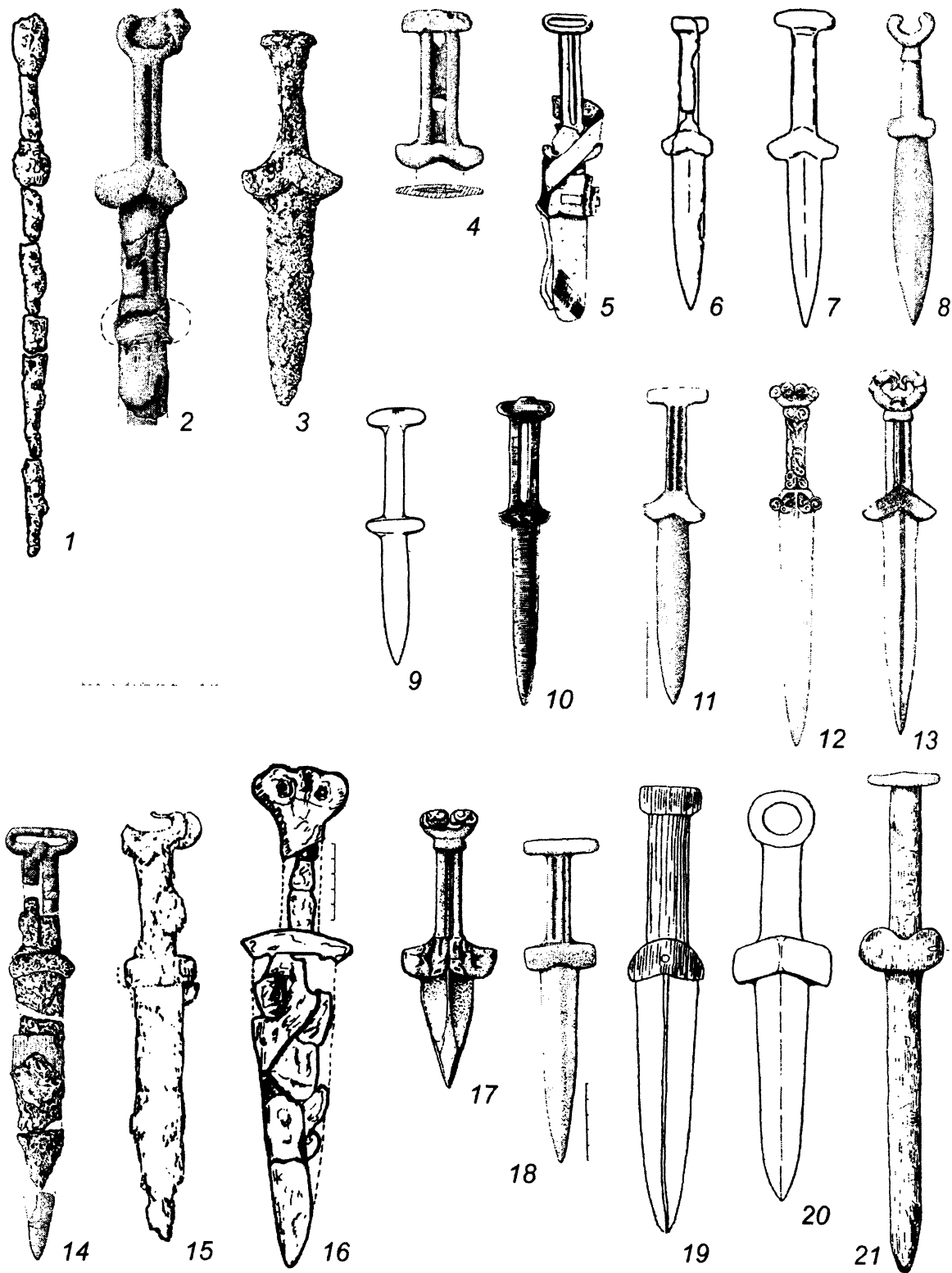

Рис. 3. Кинжалы с Алтая из комплексов VI–первой половины V в. до н.э.
 1–13 – пазырыкская культура; 14–16 – каменная культура; 17–21 – староалейская культура.
 1–4, 14–17, 19–21 – настоящие кинжалы; 5–13, 18 – вотивные кинжалы (по: [Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007])

нескольких случаях покрывавшихся кожей.

Наиболее ранними являются кинжалы из могильников Новотроицкий-1 (курган 15), Новый Шарап-1 и Раздумье-6 (рис. 1, 1; 2, 3, 18, 19), происходящие из представительных раннекаменных комплексов близких во времени «савроматским» второй половины VI в. до н. э. Два из них имеют овально-кольчатые навершия, один «грифное» (?). Последние имеются у наиболее ранних кинжалов первой половины VI в. до н. э. Что же касается овально-кольчатых наверший, то в Горном Алтае кинжал с таким навершием происходит из раннепазырыкского захоронения (рис. 3, 5), а в Южном Приуралье – в комплексе не позже конца VI в. до н. э. (Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976). Перекрестия, судя по публикациям, у описываемых новотроицких кинжалов дуговидные, а у кинжала из могильника Раздумье-6 – слабо выраженное бабочковидное. Возможно, к ранним относится и кинжал с брусковидным навершием из ЕКМ-1 (рис. 2, 20). Кинжалы с узкими бабочковидными перекрестиями (рис. 2, 8, 10, 17) происходят из более поздних комплексов, датирующихся предположительно в рамках V–IV вв. до н. э. (Шульга П. И., 2003; Уманский А. П., Шульга П. И., 2005). Как видим, эволюция перекрестий у кинжалов каменной культуры не совпадает с классической схемой плавного последовательного перехода – почковидные–бабочковидные–дуговидные (и сложенные под углом)–прямые. Что же касается на-

верший, то их форма однозначно указывает на особую линию развития.

Чеканы. Учено девять достаточно хорошо сохранившихся чеканов из погребений каменной культуры. За единичным исключением, все они железные (рис. 4). Найденные во фрагментах чеканы в других погребениях также железные. Из сохранившихся чеканов четыре обнаружены в могильниках Новотроицкий-1, 2 (рис. 4, 1–4), один в могильнике Камень-2, один в могильнике Рогозиха-1 и три в могильниках Новый Шарап-1, 2 (рис. 4, 5–9). Еще один железный втульчатый чекан со втоком происходит из могильника Быстровка-3, датированного I в. н. э. (Дураков И. А., Мжельская Т. В., 1995. С. 54). Учитывая спорность этой датировки в отношении всех погребений Быстровки-3, а также кулайское и саргатское влияние, мы не рассматриваем данный экземпляр.

Все чеканы с длинной втулкой, выступающей в сторону рукояти. Пять из них имели на одном конце рукояти железные втоки, а у трех железным колпачком прикрывался и выступающий из втулки конец рукояти. Длина сохранившихся чеканов из Новотроицкого – 18,3 см (1 экз.) и около 21 см (3 экз.). По-видимому, в этих пределах колеблется и длина остальных чеканов. Бойки у железных чеканов круглые в сечении, приострены в известных случаях на четыре грани. Обушки в сечении округлые (6 экз.) или уплощенные (3 экз.). У двух чеканов между втулкой и бойком имеются петельки.

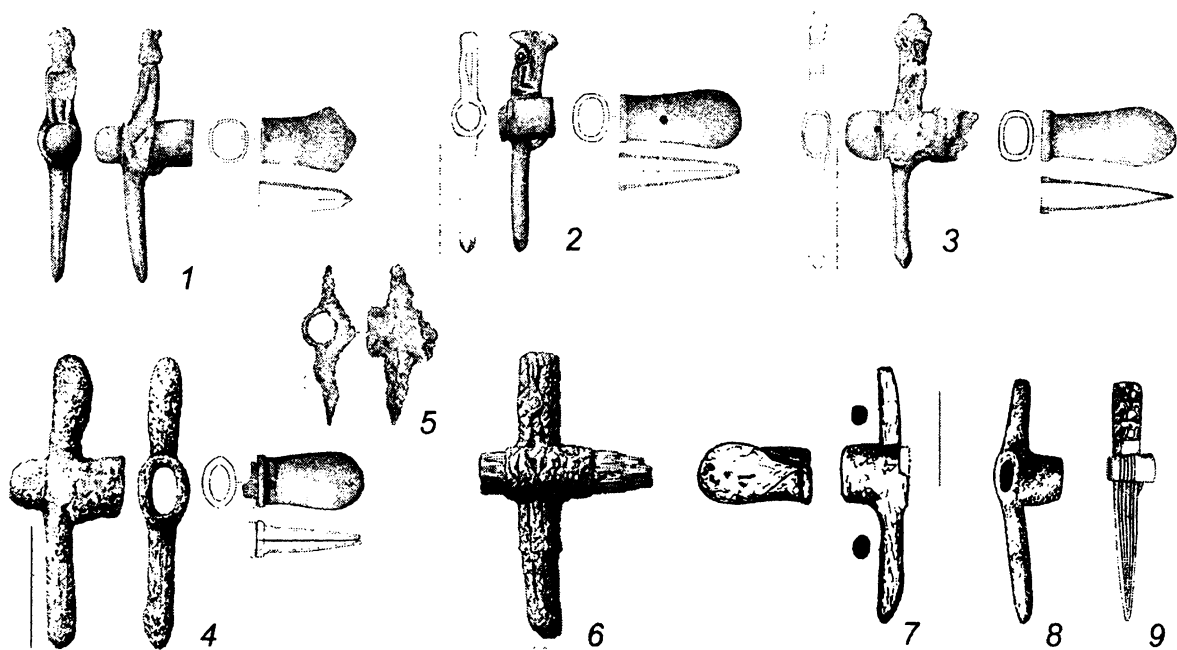

Рис. 4. Чеканы каменной культуры.

1–4 – Новотроицкий-1, 2 (по: [Уманский А.П., Шульга П.И., 2005]); 5 – Рогозиха-1 (по: [Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005]); 6 – Камень-2 (по: [Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982]); 7–9 – Новый Шарап-1, 2 (по: [Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994]). 1–8 – железо; 9 – бронза

Особый интерес представляют чеканы из могильников Новотроицкий-1, 2. Два чекана имели зооморфные обушки. Навершие одного обушка (рис. 4, 3), по всей видимости, представляло собой обращенную вверх голову кошачьего хищника. К ней примыкала обращенная в противоположную сторону голова похожего на верблюда существа, пасть которого образована сквозной прорезью, оконтуренной валиком. Со стороны втулки навстречу «верблюду», очевидно, располагалась головка хищной птицы с характерной сквозной прорезью клюва, оконтуренной валиком. Возможно, к ней же относится и расположенный ближе к втулке «глаз». Всего на обушке две сквозных прорези для

подвешивания – характерная черта ранних тагарских чеканов. Второй чекан (рис. 4, 2) имел своеобразный уплощенный обушок, образованный, по всей видимости, двумя сваренными по краям пластинами (или одной загнутой?). Внутренние стороны пластин не соприкасаются между собой, а потому в обушке имеется полость. Центральное место с обеих сторон обушка занимает головка хищной птицы с крупным выпуклым глазом и круто загибающимся у втулки клювом. Навершие обушка, по-видимому, оформлено одной или двумя противопоставленными головками существ, к которым относится расположенное в центре овальное ухо (?). Между бойком и втулкой имеется петелька.

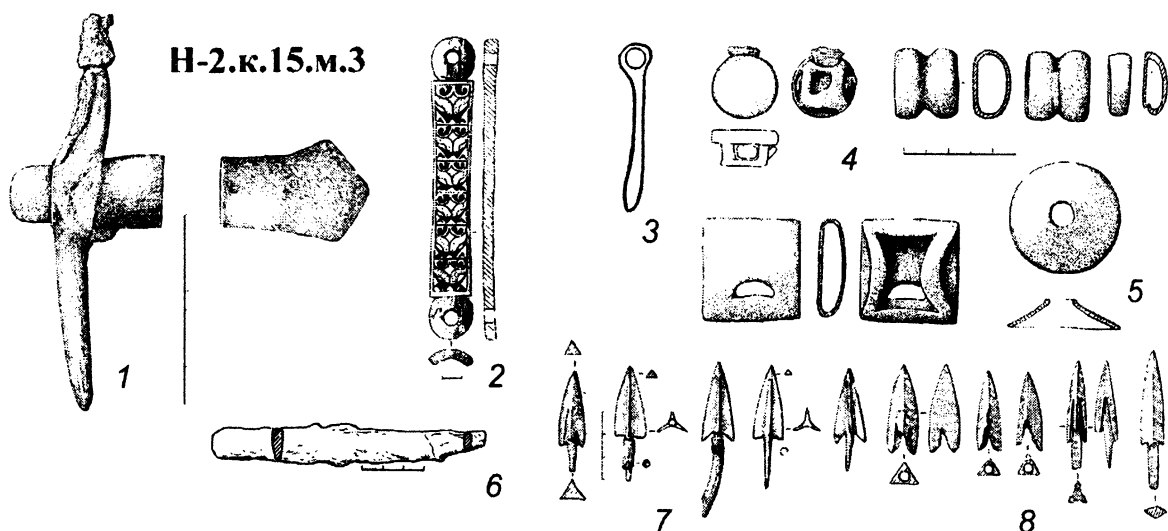

Рис. 5. Вещевой комплекс второй половины VI – первой половины V в. до н.э. из могильника Новотроицкий-2, курган 15, могила 3 (по: [Уманский А.П., Шульга П.И., 2005]). 1, 6 – железо; 2, 8 – кость (рог); 3, 4, 5, 7 – бронза

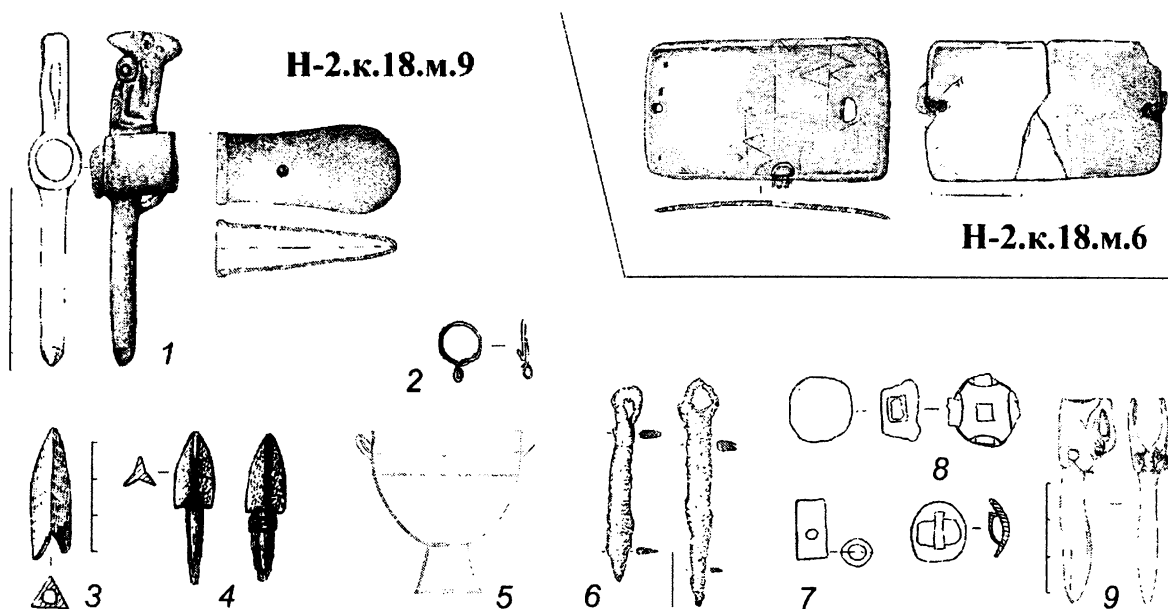

Рис. 6. Вещевой комплекс первой половины V в. до н.э. из могильника Новотроицкий-2, курган 18, железные поясные защитные пластины из могильника Новотроицкий-2, курган 18, могила 6 (по: [Уманский А.П., Шульга П.И., 2005]). 1, 4, 6 – железо; 2 – золото; 3, 7 – кость (рог); 5, 8, 9 – бронза

Самой примечательной находкой является чекан из кургана 15 (могила 3) могильника Н-2 (рис. 4, 1; 5, 1). Первоначально он представлял собой сильно корродированное изделие с несколько изогнутым, округлым в сечении обушком. В ходе расчистки установлено, что обушок являлся скульптурным изображением «всадника». Стопы ног «всадника» в месте соединения втулки и бойка образовывали характерный выступ, где у ранних экземпляров часто располагается головка хищной птицы, палочка или петелька. Хорошо сохранились шея и туловище с руками как бы держащими поводья. Голова «всадника» завершается «рогами», но в этом месте металл сохранился плохо, лопнул и разошелся в стороны, как это наблюдается у многих заколок с железными шаровидными навершиями. По указанной причине нельзя определить, была ли это голова человека в головном уборе или какого-то рогатого антропоморфного существа. Судя по рисункам, аналогичную изогнутую форму имел и обушок, вероятно, утерянного железного втульчатого чекана длиной около 21 см из кургана 15 (Н-1), от которого сохранился вток (рис. 4, 4). Не исключено, что и там обушок был в виде антропоморфной фигурки.

Три чекана из Новотроицкого могильника по поясной фурнитуре (рис. 5; 6) (Уманский А. П., Шульга П. И., 2005) относятся к раннему этапу (вторая половина VI–первая половина V в. до н. э.). К началу этого периода относятся чеканы из могильников Новый Шарап-1 и Камень-2 с представительными поясными и сбруйными наборами. Комплексы с остальными чеканами не столь выразительны, но по имеющимся данным близки раннекаменским и едва ли выходят за рамки V в. до н. э.

Наконечники стрел. В отличие от формирующейся уже в начале VI века до н. э. староалейской культуры, в каменной культуре почти нет наконечников раннескифских типов (рис. 7). Только в немногих наиболее ранних погребениях (около середины VI в. до н. э.) встречены башневидные черешковые и асимметрично-ромбический втульчатый наконечники (Михайловское-6, Гоньба-2, ЕКМ-1).

В «классических» же, многомогильных курганах каменной культуры, ярко выраженные башневидные (в том числе приталенные), пулевидные и одношпильные наконечники отсутствуют (Троицкая Т. Н., Бородовский А. П., 1994; материалы Новотроицкого некрополя; и др.). При этом роговые (костяные) наконечники в северной части ареала каменной культуры существенно отличаются от

найденных в южной, где бытовали наконечники известных в Горном Алтае и Туве типов (Шульга П. И., 2003). В южной части встречаются, преимущественно втульчатые наконечники, со сводчатой головкой и жальцами, близкие горноалтайским второй половины V–III вв. до н. э., но с арочными вырезами в основании (Шульга П. И., 2003).

В северной части ареала каменной культуры явно преобладают черешковые наконечники, трехгранные или подромбические в сечении, без жалец в нижней части граней (рис. 8). Сравнительно часто встречаются и зажимные наконечники (рис. 7; 8, 8, 34; 9, 23, 24). По имеющимся материалам южная граница распространения этих специфических наконечников проходила примерно по Чумышу, где они в сравнительно большом количестве найдены в Новотроицком некрополе (рис. 8). Все эти «северные» черешковые и зажимные наконечники принципиально отличаются от «южнокаменных», староалейских, быстринских и пазырыкских, поскольку имеют свою линию развития с эпохи поздней бронзы, мало связанную с бронзовыми наконечниками VII–VI вв. до н. э. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их с найденными на поселении Мыльниково большебереченской культуры переходного времени VIII–VII вв. до н. э. (рис. 7, 40) (Папин Д. В., Шамшин А. Б., 2005. Рис. 12–15). Большинство представленных на поселении Мыльниково типов костяных черешковых и зажимных наконечников почти без изменений просуществовали в северной части ареала каменной культуры до последних веков I тыс. до н. э. При этом, здесь практически не получили распространения башневидная и остроугольная формы, что существенно затрудняет их синхронизацию с комплексами Горного Алтая и Тувы. Особо отметим подобие костяных зажимных наконечников по форме и размерам из Новотроицкого могильника (рис. 8, 8, 34; 9, 24) и поселения Мыльниково (рис. 7, 40). По всей видимости, аналогичен был и способ их изготовления – при помощи высверливания продольного ряда отверстий (ср.: Папин Д. В., Шамшин А. Б., 2005. Рис. 12, 17, 20–22). Очевидно, что зажимные наконечники такого типа нельзя рассматривать как показатель влияния хунну в последние века I тыс. до н. э. То же можно сказать и о черешковых наконечниках с расщепленным насадом (рис. 7, 39), распространившихся на Саяно-Алтае уже в финале раннескифской культуры (Шульга П. И., 2002).

Бронзовые наконечники. В каменных погребениях встречаются редко. Наконечники ранне-

	Горный Алтай	быстринская	староалейская	каменная
Пазырык-5 300 г. до н. э.				
Пазырык-2 Ак-Алаха-1 400 г. до н. э.				
Туэкта-1 Башадар-2				
500 г. до н. э.				
туэктинский курган №6, Кайнду				
Балык-Соок-1				
600 г. до н. э.				
раннескифское время				
	Горный Алтай	предгорья Алтая и равнина		

Рис. 7. Предварительная схема эволюции наконечников стрел на Алтае в соответствии с относительной хронологией погребальных комплексов VII–III вв. до н. э.
 1–3, 7, 8, 12, 13, 17, 21, 31–36, 41–44, 47, 48, 55–58, 61, 62, 66, 69, 71 – бронза;
 4–6, 9–11, 14–16, 18–20, 22–30, 37–40, 45, 46, 49–51, 53, 54, 59, 60, 63–65, 67, 72–74 – рог (кость);
 52, 68, 70, 73 – железо

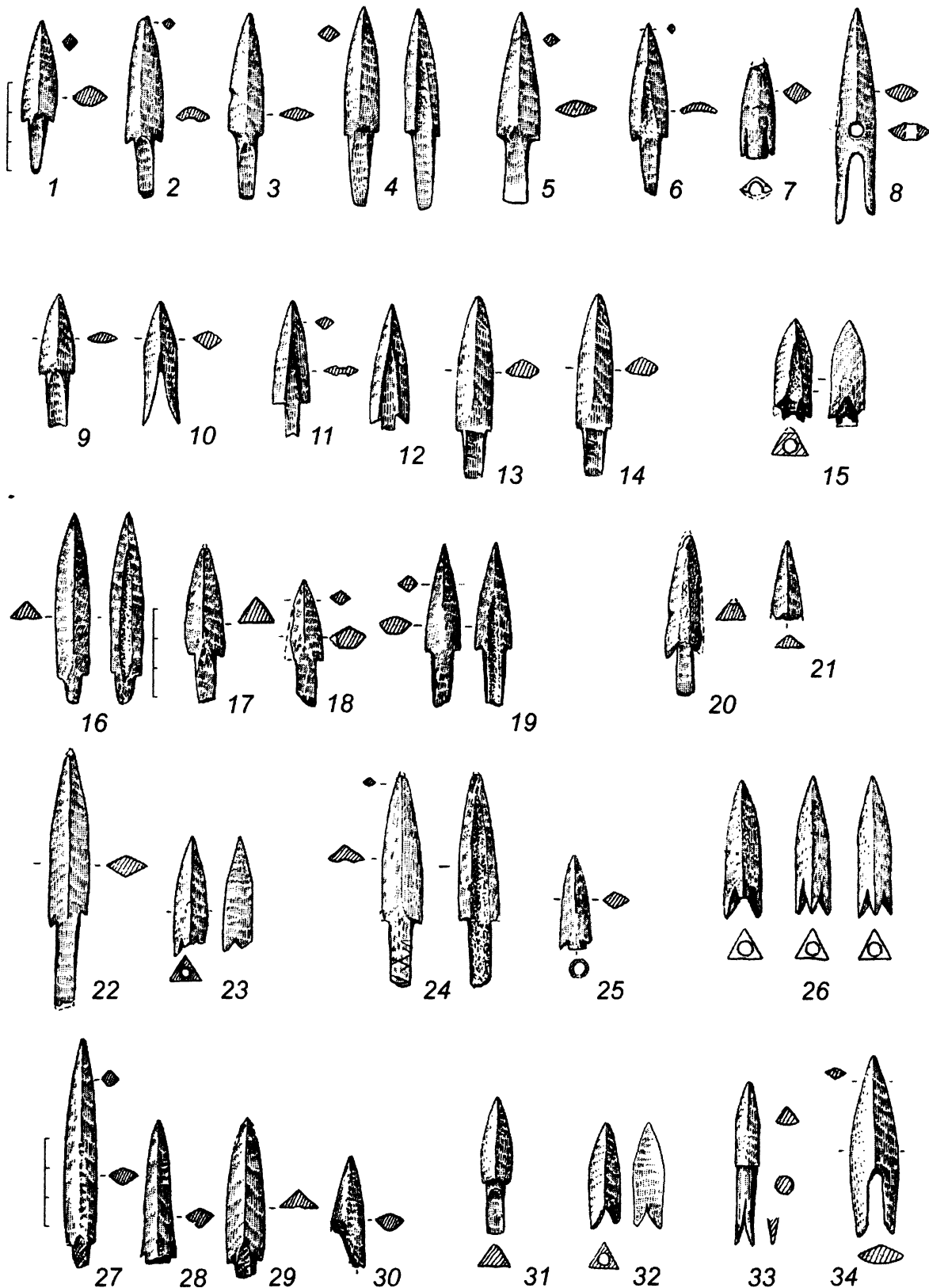

Рис. 8. Роговые и костяные наконечники из Новотроицкого некрополя.

1-8 - Н-2, курган 26, могила 5; 9, 10 - Н-2, курган 20, могила 1; 11-14 - Н-2, курган 23, могила 3; 15 - Н-1, курган 39, могила 1; 16-19 - Н-1, курган 9, могила 9; 20, 21 - Н-1, курган 25, могила 1; 22, 23 - Н-1, траншея 3, могила 6; 24, 25 - Н-1, курган 9, могила 10; 26 - Н-2, курган 17, могила 8; 27-30 - Н-1, курган 15, могила 1; 31 - Н-2, курган 20, могила 3; 32 - Н-2, курган 18, могила 9; 33 - Н-2, курган 10, могила 2; 34 - Н-2, курган 25, могила 3

скифских типов обнаружены в двух погребениях: один довольно крупный черешковый трехлопастной наконечник с трехгранным острием найден в могильнике Камень-2 (раскопки А. П. Уманского) и два втульчатых двухлопастных – в могильнике Локоть-4а, но последние были помещены в погребение не как оружие, а в качестве культовых предметов (Шульга П. И., 2003). Более поздние на-

конечники почти все происходят из трех погребений в Новотроицком некрополе (рис. 9). Наибольшим количеством (8 шт.) представлены черешковые трехлопастные длиной 4,5–5 см (рис. 9, 1–8). По одному экземпляру найдены бронзовые черешковые трехгранный и трехгранно-трехлопастной наконечники (рис. 9, 9, 36). Последний, несомненно, боевой. Он почти наполовину вон-

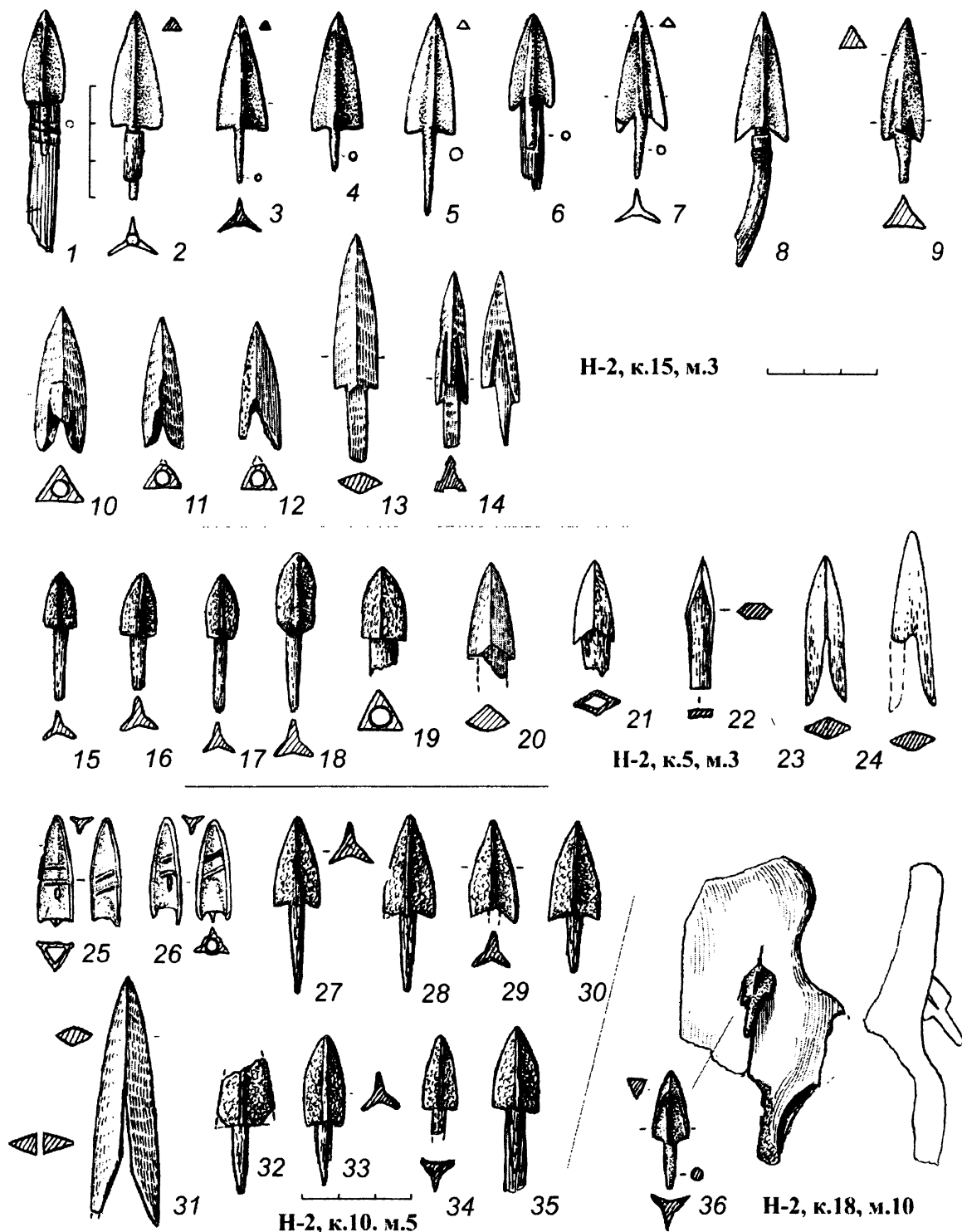

Рис. 9. Колчанные наборы из могильника Новотроицкий-2.
1–9, 25, 26, 36 – бронза; 10–14, 20–24, 31 – рог (кость); 15–19, 27–30, 32–35 – железо

зился в верхнюю переднюю подвздошную кость правой части тазовых костей погребенного мужчины. Расщепленная кость не имеет следов заживления, что однозначно указывает на последовавшую вскоре смерть.

Наконечники этого типа, как и трехгранные, появляются уже в раннескифских наборах, но получают наибольшее распространение в раннепазырыкское время. В двух экземплярах найдены бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники с парными валиками на гранях (рис. 9, 25, 26). Они входили в крупный колчаный набор (Н-2, курган 10, могила 5) из одиннадцати наконечников, среди которых один был роговым зажимным, а восемь – железными черешковыми трехлопастными (рис. 9, 27–35). Бронзовые втульчатые наконечники указанного типа К. Ф. Смирнов датировал в рамках V–IV вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 31, 36, и др.).

Железные наконечники. Представляют особый интерес, поскольку в комплексах скифского времени Южной Сибири встречаются редко и хронология их не разработана. На Алтае почти все они происходят из погребений каменной культуры, где их даже больше, чем бронзовых. Обнаружены в Новотроицком некрополе и в могильнике Локоть-4а (Шульга П. И., 2003). Исключение представляет лишь железный втульчатый наконечник из Енисейского-4 могильника (рис. 7, 52) (Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л., 1996). В Новотроицком-2 могильнике они найдены по меньшей мере в трех наборах: в том числе вместе с вышеуказанными бронзовыми втульчатыми (Н-2, курган 10, могила 5), роговыми (костяными) черешковыми, зажимными и втульчатыми (рис. 6; 9). Почти все железные наконечники в могильниках Новотроицкий и Локоть-4а относятся к черешковому трехлопастному (рис. 6; 9, 15–18, 27–30, 32–35). Один экземпляр втульчатый трехгранный (рис. 9, 19). Некоторые наконечники (Н-2, курган 10, могила 5) по размерам и форме почти копируют бронзовые. В могильнике Локоть-4а они датированы в рамках V–IV вв. до н. э., а в Новотроицком-2 могильнике они находились в раннекаменном комплексе с распределителями, чеканом с петелькой и бронзовой подвеской, датируемом не позже середины V в. до н. э. (рис. 6). К ранним относится и втульчатый трехгранный с плоским основанием (рис. 9, 19). В Южном Приуралье и Нижнем Поволжье по К. Ф. Смирнову подобные бронзовые и железные экземпляры входили в колчаные наборы VI–V вв. до н. э. (Смирнов К. Ф., 1961. Рис. 16Б, 20, 216, 22, 58).

Староалейская культура. Вооружение представлено немногочисленными кинжалами и большим количеством роговых (костяных) наконечников стрел. Бронзовых наконечников мало, железные не зафиксированы. По имеющимся данным чеканы отсутствуют, за исключением одного топорovidного экземпляра с широким лезвием из могильника Фирсово-14 (Фролов Я. В., 1999, 2001). Возможно, в качестве оружия использовались и кельты с лобным ушком (Фролов Я. В., 1999. С. 212; Иванов Г. Е., 2005; и др.), на что указывает нахождение кельтов неподалеку от колчанов со стрелами в погребениях мужчин на Тузовских буграх и Староалейке-2 (Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., 1996; Шмидт А. В., Служак И. В., 1999).

Удовлетворительно сохранившихся кинжалов известно пять: четыре из Староалейки-2 и один из МПК-1 (рис. 3, 17–21) (Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., 1996; Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л., 1990; Кунгуров А. Л., 1999). Особое место занимает длинный железный кинжал из Малого Гоньбинского кордона-1 с бронзовым навершием и обратным почковидным перекрестием (рис. 3, 21) из погребения финала раннескифского времени (около конца VII–начала VI в. до н. э.). В Староалейке-2 обнаружено два плохо сохранившихся боевых железных кинжала длиной около 30–33 см (рис. 3, 19, 20). Один из них имел кольчатое навершие, другой «подпрямоугольное утолщенное» навершие (Кунгуров А. Л., 2005. С. 175) и деревянное перекрестие на заклепке. Судя по описанию, формы перекрестий достоверно проследить не удалось. Из бронзовых кинжалов один с «грифовым» навершием и бабочковидным перекрестием со сломанным, а затем прокованным и заточенным лезвием (рис. 3, 17), очевидно, также был боевым. Второй же – явно votivный длиной 21 см с брусковидным навершием и слабо выраженным бабочковидным перекрестием (рис. 3, 18). Все четыре кинжала из Староалейки-2 хорошо датируются в рамках VI в. до н. э. бабочковидными бляшками, прямоугольными бляшками с шестью полусферами, полукруглыми пронизками, застежкой с боковым отверстием из зуба животного, бронзовыми черешковыми трехлопастными и трехгранно-трехлопастными наконечниками стрел. Несколько уточняют датировку роговые черешковые трехгранные башневидные и остроугольные наконечники. Появившись на финальном этапе раннескифской культуры эти наконечники в Туве и на Алтае существенно изменяются уже к концу VI века до н. э. (Шульга П. И., 2002; Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007). Соответственно, наиболее

вероятная дата погребений и кинжалов из Староалейки-2 – середина–вторая половина VI в. до н. э. Помимо уже отмеченных наконечников стрел, в староалейских памятниках в единичных экземплярах известны бронзовые втульчатый двухлопастной, массивный трехлопастной с длинным черешком и трехгранно-трехлопастной с разделенной на трое втулкой-зажимом (рис. 8, 56–58). Все они получили распространение на завершающем этапе раннескифской культуры и некоторое время бытовали в VI веке до н.э.

Быстринская культура. О вооружении быстринской культуры известно сравнительно немного, что в значительной мере обусловлено ограбленностью большинства могил. Всего учтено четыре чекана, из которых два железных проушных, один втульчатый и, возможно, один бронзовый проушной (?) вотивный. Все три известных кинжала – железные. Более поздние из могильников Бийск-1, 2 имеют прорезные рукояти, форма перекрестий нуждается в уточнении. Представительные комплексы обнаружены только в двух курганах финала раннескифского времени (курганы 8 и 14 Быстринского могильника), принадлежность которых к быстринской культуре нуждается в дополнительном обосновании. В кургане 8 найден полный набор вооружения из железных – кинжала с крыловидным (?) перекрестием, проушного чекана со втоком, бронзовых и роговых наконечников стрел (Завитухина М. П., 1966). В кургане 14 найден лишь один бронзовый втульчатый наконечник, но он представляет несомненный интерес, поскольку также хорошо датируется поясной фурнитурой и золотой серьгой с конусом. Ко второй половине VI–V в. до н. э. относятся остатки еще одного набора вооружения в сильно потревоженном захоронении из могильника Бийск-1: фрагменты крупного железного втульчатого чекана с бронзовым втоком и железный кинжал с разрушенной рукоятью (Завитухина М. П., 1961). Из могильника Бийск-2 происходят определимые обломки железных кинжала и втока. Быть может, к быстринской культуре относится железный проушной чекан из разрушенного погребения в могильнике Боровой-5 (Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Казаков А. А., 1992). Помимо этого, на могильниках Майма-6, 7 найдены бронзовый вотивный чекан, три бронзовых, а также четыре черешковых (?) и два втульчатых роговых наконечника (Киреев С. М., 1992. С. 55. Рис. на с. 111). Среди опубликованных материалов этих могильников имеется два бронзовых черешковых трехлопастных наконечника с трехгранным острием (рис. 7,

47, 48). Из роговых – один втульчатый, а другой черешковый башневидный с характерной приталенностью в нижней части (рис. 7, 49, 50). Там же упоминаются два железных черешковых наконечника. Вероятно, это ошибка, поскольку осмотренные автором предметы оказались частями сильно корродированного железного стержня. К раннему этапу относятся и наконечники из Березовки (рис. 7, 51) и, вероятно, железный пулевидный наконечник из могильника Енисейский-4 (рис. 7, 52). В комплексах V–IV вв. до н. э. встречаются черешковые и втульчатые роговые наконечники стрел, среди которых уже нет ранних башневидных и пулевидных (рис. 7, 54).

Пазырыкская культура. Общее количество предметов вооружения в пазырыкской культуре значительно превышает имеющееся на равнине Алтайского края. Прежде всего, это касается кинжалов, чеканов, а также хорошо сохранившихся в мерзлоте изделий из органики. По этой причине остановимся лишь на принципиально значимых вопросах, тем более, что вооружение пазырыкской культуры рассматривалось неоднократно в многочисленных статьях, а также в работах обобщающего характера (Кубарев В. Д., 1981; 1987; 1991; 1992; Суразаков А. С., 1989; Худяков Ю. С., 1980; Кочев В. А., 1999; Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., 2004; и др.). Согласно общепринятому мнению, основанному на данных из погребальных комплексов, вооружение пазырыкского воина не отличалось разнообразием. В ближнем бою использовались изготовленные из бронзы и железа кинжалы и чеканы, а для поражения противника на расстоянии – лук и стрелы с роговыми, реже бронзовыми наконечниками. Мечи, копья, топоры, кельты и булавы не найдены. От стрел и ударов противника воин прикрывался щитом, изготовленным из деревянных палочек и кожи или полностью деревянным. Защитные шлемы, панцирные доспехи, усиленная кожаными накладками специальная одежда и пояса с броневыми пластинами в погребениях отсутствуют, за исключением одной железной поясной пластины из могильника Чендек ба и прямоугольных деревянных поясных пластин из мерзлотных погребений верховий Чуи и Укока.

Наличие большого количества предметов вооружения в погребениях практически всех этапов пазырыкской культуры порождает ощущение высокой степени его изученности. Ощущение ошибочное, поскольку эти данные, прежде всего, характеризуют погребальный обряд пазырыкской культуры, и в значительно меньшей степени – имевшийся в реальной жизни набор вооружения.

Дело в том, что заметная уже на начальном этапе пазырыкской культуры вотивизация инвентаря, в V веке до н. э. распространяется практически на весь инвентарь и снаряжение, за исключением части украшений, одежды и деревянных блюд (Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007). В отличие от расположенных к западу территорий, в погребальных комплексах VI–III вв. до н. э. пазырыкской и тагарской культур подавляющее большинство обнаруженного оружия относится к условным моделям (рис. 3, 5–13). Настоящее оружие редко помещали в погребения даже на раннем этапе, а на позднем уже почти все чеканы и кинжалы представлены уменьшенными (часто аморфными) моделями из бронзы и даже дерева. Чем позже датируется захоронение и чем ниже статус погребенного в нем человека, тем однообразней становится набор вооружения. В действительности же, боевые кинжалы и почти все чеканы уже на раннем этапе изготавливались из железа. Наряду с местными формами здесь было обнаружено и оружие западных образцов. Так, имеются основания предполагать широкое распространение у пазырыкцев боевых поясов с нашивными металлическими защитными пластинами, железных чеканов со втулками и колпачками, а также кинжалов, известных в каменной культуре (Кубарев В. Д., Шульга П. И., 2007).

Общие тенденции в развитии вооружения на Алтае. Анализ полученных к настоящему времени материалов однозначно показывает, что, вопреки традиционному мнению, уже в начале VI века до н. э. на Алтае все основные виды оружия (кинжалы, мечи, чеканы) и даже защитные поясные пластины изготавливались из железа, обработка которого достигла особого совершенства. Более того, исследования кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов К. В., 2004) и могильника Гилево-10 в предгорьях Алтая (раскопки автора) демонстрируют повсеместное распространение железного вооружения (включая наконечники стрел) в среде кочевой знати уже на завершающем этапе раннескифской культуры (приблизительно, конец VII – начало VI в. до н. э.). В силу особенностей погребального обряда, настоящее боевое оружие помещали в захоронения, преимущественно, на раннем этапе (VI–первая половина V в. до н. э.), в том числе, и в Горном Алтае, где большая часть оружия представляла собой изготовленные для погребения бронзовые и деревянные модели.

Боевые экземпляры кинжалов на раннем этапе имеют самые разнообразные навершия: бусковые, овально-кольчатые, кольчатые, «грифовые»,

антенные (рис. 3). По имеющимся материалам, все они, за исключением «грифовых», продолжают существовать и в последующее время. Особое место занимают кинжалы каменной культуры (Н-1, 2) с овально-кольчатыми навершиями, практически не известными в соседних культурах, но, как справедливо отмечал В. А. Могильников (1997. С. 47), имеющих прямые аналогии в памятниках VI – начала V в. до н. э. ахеменидского Ирана. В это время с территории Персии, включавшей Бактрию и северо-западные районы Индии, на Алтай поступало большое количество импортных изделий, в том числе многочисленные золоченые (?) «восточные» зеркала (Шульга П. И., 2003; Васильков Я. В., 2004; Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005). У нас нет оснований считать кинжалы с овально-кольчатым навершием импортными, но ахеменидское влияние, несомненно, имело место. В связи с этим следует напомнить об отмеченных ранее автором аналогиях с Бактрией и Персией в оформлении устья ножен и «бутероли» на роговых ножнах из Рогозихи-1 (Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005. С. 60–62). Очевидно, что контакты проживавших на равнине каменцев с населением Средней Азии и Персии были даже более интенсивными, нежели у пазырыкцев, но в каменных погребениях не сохраняется органика и, практически, не исследовались элитные курганы. Отличаются кинжалы из Н-1, 2 и дуговидными перекрестиями, тогда как в могильнике Локоть-4а, староалейской культуре и на начальном этапе пазырыкской культуры преобладали бабочковидные перекрестия, сохранившиеся в Горном Алтае на бронзовых копиях до угасания последней. Между тем, в IV–III веках до н. э. на Алтае у настоящих кинжалов появляются прямые перекрестия. Существенно различаются втульчатые чеканы каменной и проушные пазырыкской культур. Почти все известные быстрианские чеканы из предгорий также проушные, что вполне естественно вытекает из культурной близости пазырыкской и быстрианской культур.

Не останавливаясь более на особенностях кинжалов и чеканов с Алтая, рассмотрим лишь крайне слабо изученные наконечники стрел, поскольку появление новых материалов и уточнение относительной хронологии памятников позволяют внести определенные коррективы в предлагавшиеся ранее схемы развития основных типов наконечников с конца VII по III века до н. э. (Иванов Г. Е., 1987; Суразаков А. С., 1989; Могильников В. А., 1997; Марсадобов Л. С., 2002).

Роговые (костяные) наконечники. Подав-

ляющее количество наконечников соседствовавших староалейской, быстринской и пазырыкской культур изготовлены из рога, хотя по традиции они часто называются костяными. Значительная часть их до конца раннего этапа (Башадар-2) сохраняют сложившуюся в раннескифское время башневидную, остроугольную и пулевидную форму головки (рис. 7). Наиболее ярко это прослеживается у староалейских наконечников (рис. 7, 59, 60). Наконечники со сводчатой головкой также имеют немногочисленные прототипы в раннескифское время, но в значительном количестве появляются в середине VI века до н. э. (рис. 7, 14), а с V века до н. э. доминируют повсеместно. На раннем этапе почти все наконечники, за исключением редких пулевидных, остаются черешковыми, тогда как на позднем – распространяются втульчатые. Длина головки у крупных наконечников на раннем этапе часто такая же, как в раннескифское время, а уменьшение общей длины происходит за счет укорачивания черенка. Как и в раннескифское время, наряду с крупными, существуют наконечники средних и малых размеров. Совершенно иные формы имела часть «северокаменских» наконечников – сложившиеся в эпоху поздней бронзы (рис. 7, 40) типы черешковых и зажимных просуществовали здесь почти без изменений, по меньшей мере, до III века до н. э. (рис. 7, 63–65, 67 и др.). В памятниках Тувы в раннепазырыкское время существовали те же формы роговых наконечников, что в Горном Алтае и в староалейской культуре. Синхронность (или близость во времени) их бытования очевидна. Достаточно сопоставить материалы из могильника Урбюн-III со староалейскими, где находятся точно такие же роговые черешковые башневидные и остроугольные наконечники (Савинов Д. Г., 1980), или с материалами могильника Догээ-Баары-2, что в свое время обоснованно сделал В. К. Чугунов (2000).

Бронзовые наконечники. В начале раннего этапа сохраняются типы наконечников, сложившиеся в финале раннескифского времени, из которых универсальными являются массивные черешковые трехлопастные с треугольным острием (рис. 7, 7, 8, 41, 57, 61). Несколько позже распространяются (также появившиеся в раннескифское время) тяжелые черешковые и втульчатые трехгранно-трехлопастные наконечники (рис. 7, 12, 44, 62, возможно, 47, 48), которые с V века до н.э. почти полностью заменяются облегченными

черешковыми трехлопастными с треугольным кончиком острия или без него (рис. 7, 21, 66). Находка в могильнике Гилево-10 остроугольного трехгранного втульчатого наконечника с треугольными вырезами в основании (рис. 7, 34) показала, что и этот тип также зарождается в раннескифское время. Аналогичные изменения бронзовых наконечников происходили и в Туве, где их в несколько раз больше (Грач А. Д., 1980; Чугунов, К. В., 2000; Семёнов Вл. А., 2003; и др.). Важно подчеркнуть, что облегченные черешковые трехлопастные наконечники в Туве неоднократно встречены в погребениях раннего этапа (V в. до н. э.), в том числе в наборах с роговыми черешковыми башневидными приталенными и бронзовыми втульчатыми трехгранными приталенными типа наконечников, найденных в малых туэктинских курганах (рис. 7, 13) (Семёнов Вл. А., 2003. Табл. 58, 60).

Относительно рассмотренных выше железных наконечников следует отметить, что на Алтае в захоронениях VII–VI веках до н. э. они пока не встречены, но, по всей видимости, уже использовались, поскольку уровень обработки железа позволял производить в Казахстане, в Туве (Аржан-2) и на Алтае (Гилево-10) даже более сложные изделия уже в раннескифское время. По имеющимся немногочисленным наблюдениям, железные наконечники (по крайней мере, известные автору) с раннескифского времени не имели каких-то особых форм, а изготавливались по устоявшимся типам. Так, наконечник из могильника Енисейск-4 был пулевидный (рис. 7, 52), новотроицкие и локтевские наконечники воспроизводили черешковые трехлопастные и втульчатые трехгранные формы (рис. 7, 68, 70, 73). При этом не исключено, что в отдельные периоды «мода» задавалась не бронзовыми или роговыми наконечниками, а престижными железными.

Примечания:

¹ Обоснованность этого вывода остается неясной (Прим. ред.).

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», Проект «Процессы культурной адаптации на территории Южной Сибири в эпоху бронзы – раннем железном веке»

Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н. э. – V в. н. э.

Изучением вооружения и военного дела населения Горного Алтая последних веков I тыс. до н. э. – первой половины I тыс. н. э. занимался целый ряд исследователей (Худяков Ю. С., 1986; 1997; 2002; 2005; Елин В. Н., 1988; Худяков Ю. С., Мороз М. В., 1990; Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т., 1991; Горбунов В. В., 1993; 2003; 2006; Соенов В. И., 1995; 1997; 2005; Мамадаков Ю. Т., 1996; Тертин Ю. В., 2004).

В этих работах представлены различные подходы к классификации и реконструкции видов оружия и доспеха, намечены линии их развития, высказаны суждения об организации и применении войск. Однако нет цельной картины эволюции военного дела горно-алтайских кочевников обозначенной эпохи. С одной стороны этому препятствовал медленный ввод в научный оборот изученных источников, с другой – восприятие Горного Алтая как территории, на которой существовало несколько различных объединений (археологических культур): берельская, булан-кобинская, кок-пашская, айрыдашская. Между тем сравнительный анализ погребальных памятников, относимых к указанным культурам, показывает их единую основу, что свидетельствует о существовании здесь одного этнополитического объединения, наиболее удачное название которому – булан-кобинская культура (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2006. С. 31). В ее развитии выделяются три последовательных этапа: усть-эдиганский (II в. до н. э. – I в. н. э.), бело-бомский (II – первая половина IV вв. н. э.), верх-уймонский (вторая половина IV – первая половина V вв. н. э.). Для каждого из них характерен определенный предметный комплекс, в том числе включающий вооружение, что позволяет проследить динамику изменения наборов боевых средств. В свою очередь, эти средства, сопоставленные с изобразительными и письменными данными, отражают основные направления эволюции военного искусства: организации, тактики и стратегии.

Комплекс вооружения булан-кобинской культуры включает средства защиты и нападения

(рис. 1–3). Они представлены вещественными находками и наскальными рисунками, среди которых встречаются: панцири, шлемы, попоны, луки, стрелы, копыя, мечи, боевые ножи и кинжалы. Изображения булан-кобинских воинов по составу показанного у них вооружения позволяют выделить несколько родов войск: легкую и тяжелую пехоту, среднюю и тяжелую конницу. Погребальные памятники булан-кобинской культуры по наличию в них различных видов вооружения делятся на две основные группы. В первой встречаются только луки со стрелами, боевые ножи или кинжалы. Во второй, помимо этого оружия, присутствуют панцири, копыя и мечи. Первая группа погребений может быть сопоставлена с легкой конницей и пехотой. Вторую группу погребений логично сопоставить со средними и тяжелыми формированиями. Корреляция изобразительных и вещественных данных позволяет обозначить наборы вооружений каждого рода войск.

Паноплия легкой пехоты и конницы состояла из «мягких» панцирей и «твердых» шлемов, луков со стрелами. Вооружение тяжелой пехоты включало «твердые» панцири и шлемы, луки со стрелами и копыя. Средняя конница была вооружена панцирями и шлемами, копьями, мечами, луками со стрелами. Тяжелая конница имела такое же вооружение, дополнявшееся защитными попонами для коней. Большинство горно-алтайских воинов в качестве вспомогательного оружия ближнего боя использовало боевые ножи и кинжалы.

В хуннское время (усть-эдиганский этап, II в. до н. э. – I в. н. э.) боевые средства горно-алтайских кочевников включали сложносоставные луки со стрелами и кинжалы. В отдельных случаях встречены железные панцирные пластины, меч и модель чекана (рис. 1). Видовое разнообразие комплекса было значительным, но типологическое весьма скромным. Его состав характерен для легковооруженной конницы и пехоты. Однако находки панцирных пластин, свидетельствуют о выделении уже в это время определенной прослойки средневооруженных всадников. Значительная часть комп-

лекса вооружения усть-эдиганского этапа сформировалась под воздействием хуннской традиции. Это сложносоставные луки, трехлопастные шестиугольные и бронебойные наконечники стрел, кинжалы без перекрестия и наверхшия, панцирные пласти-

ны. Определенную долю составляет влияние традиций сарматского и, в большей степени, среднеазиатского (раннекушанского) круга. К ним относятся кинжалы с перекрестием и наверхшием, и, возможно, меч. Наследием предшествующей скифской

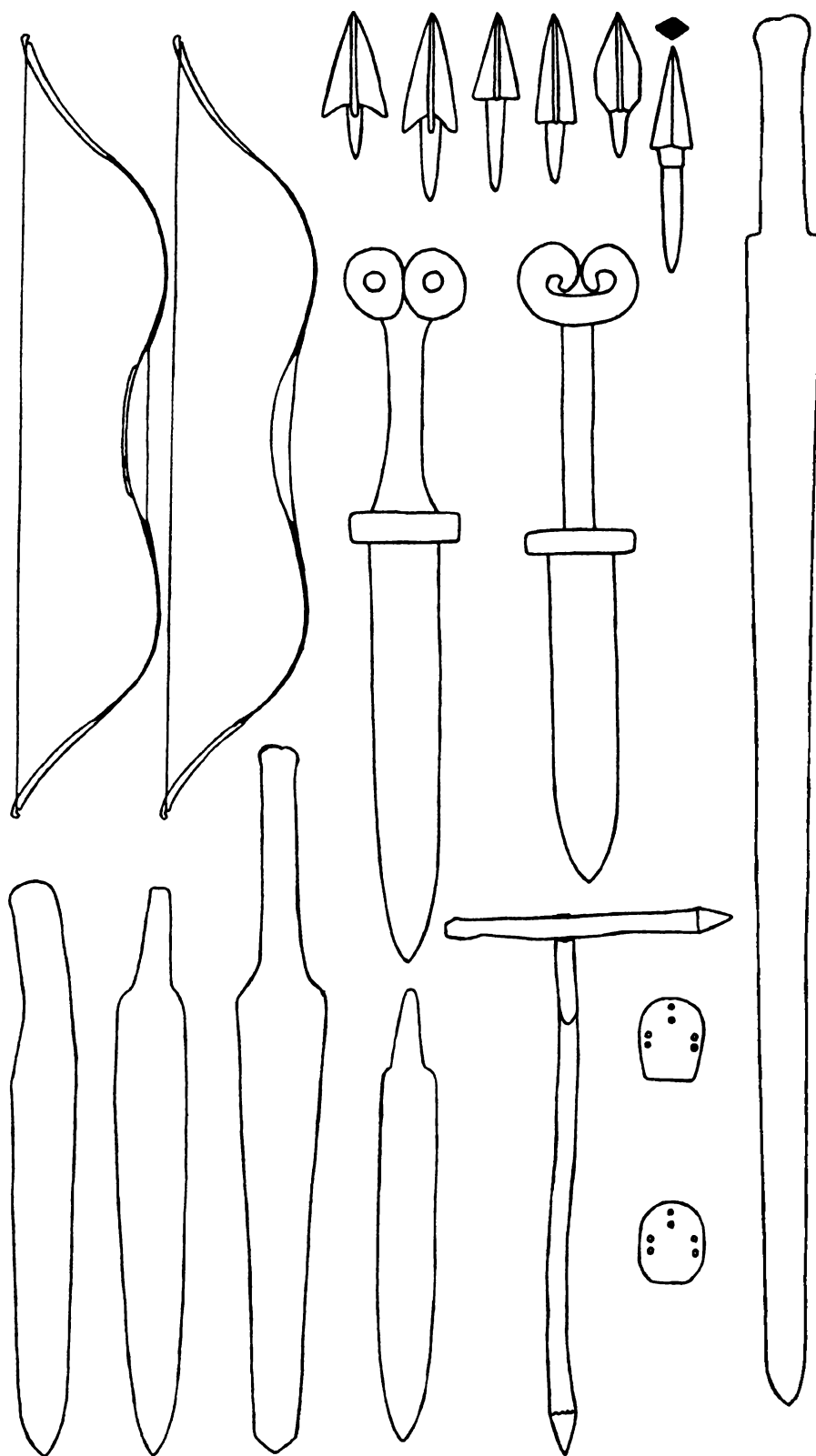

Рис. 1. Комплекс вооружения булан-кобинской культуры в хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.)

эпохи являются трехлопастные треугольные наконечники стрел и модель чекана.

В сяньбийское время (бело-бомский этап, II – первая половина IV вв. н. э.) основу булан-кобинского комплекса боевых средств по-прежнему составлял стрелковый набор, типовое разнообразие которого значительно возросло за счет наконечников стрел. Продолжали применяться кинжалы, но наряду с ними появились и получили широкое распространение боевые ножи, в отдельных погребениях встречены костяные панцирные пластины, меч и копье (рис. 2). Судя по изобразительным и вещественным данным, войско состояло из легкой пехоты и конницы, но в составе последней имелись воины, способные вести уже не только ближний бой, но и наносить таранный удар. Большая часть комплекса вооружения бело-бомского этапа по-прежнему развивает хуннскую традицию. Интересно отметить, что трехлопастные наконечники стрел ярусных и ромбических форм, характерные для хунну, распространяются в Горном Алтае уже после падения их державы. В то же время целый ряд предметов хуннского облика начинает оформляться в местном (булан-кобинском и южносибирском) стиле. Это срединные накладки луков, наконечники стрел с равным или большим верхним ярусом. Боевые булан-кобинские ножи копируют форму ножей хунну. Появление такого оружия как двухлопастные и однолопастные наконечники стрел и наконечник копья отражает влияние новой сяньбийской традиции, а наличие кинжалов с перекрестием и дисковым навершием указывает на кушанские связи.

В жужанское время (верх-уймонский этап, вторая половина IV – первая половина V вв. н. э.) развитие боевых средств у горно-алтайских кочевников достигает наиболее оптимального уровня. Наряду с дальнейшим увеличением разнообразия стрел и боевых ножей, появляются новые типы копий и мечей, значительное распространение получают передовые формы доспеха (рис. 3). Это привело к выделению средней конницы в самостоятельный род войск, появлению тяжелой пехоты и первых тяжеловооруженных всадников. В комплексе вооружения верх-уймонского этапа особенно сильны черты сяньбийской традиции, которые больше всего проявились в оформлении копий, мечей и доспехов. В распространении броневой стрел наблюдаются среднеазиатские связи. Ряд деталей и предметов доспеха и оружия имеют местное происхождение (Горбунов В. В., 2003; 2006). Сяньбийское влияние, видимо, шло через жужаней, зависевших от военного снабжения сяньбийских го-

сударств Северного Китая (Бобров Л. А., Худяков Ю. С., 2005. С. 165; Горбунов В. В., 2005. С. 222).

Военная организация населения булан-кобинской культуры Горного Алтая реконструируется, прежде всего, на основе вещественных и изобразительных материалов. Боевое деление булан-кобинского войска устанавливается по результатам анализа комплекса вооружения. Источники демонстрируют наличие четырех основных родов войск: легкой и тяжелой пехоты, легкой и средней конницы. В составе войска имелись отдельные тяжеловооруженные всадники, не формировавшие самостоятельных тактических подразделений (Горбунов В. В., 2003. С. 95). Велика вероятность того, что легкая пехота и конница представляли один род войска, сочетавший различные способы ведения боя (в конном и пешем строю) в зависимости от обстоятельств и условий местности (Горбунов В. В., 1998. С. 127; Худяков Ю. С., 2001. С. 16–18). Нельзя исключать подобное совмещение тактических приемов и для тяжелой пехоты и средней (тяжелой) конницы, тем более что в военных изобразительных сюжетах они встречаются раздельно. Учитывая скотоводческий характер хозяйства булан-кобинской культуры, полностью конный состав войска был вполне возможен. Однако сложный пересеченный ландшафт Горного Алтая, видимо, делал применение здесь пеших боевых порядков вполне оправданным. Легких и тяжелых лучников можно обозначить и как «ездящую пехоту», которая отличалась мобильностью перемещения, а сражалась она в пеших боевых порядках (Горбунов В. В., 2003. С. 98).

По количеству и взаимовстречаемости видов вооружения в могилах, а также по соотношению их с общим набором инвентаря, среди булан-кобинских памятников можно выделить группы погребений соответствующих различным военноподчиненным уровням.

Для усть-эдиганского и бело-бомского этапов отмечается абсолютное преобладание могил, содержащих от одного до трех видов стрелкового (лук и стрелы) и коротко-клинкового (боевые ножи или кинжалы) оружия в различном сочетании. Все погребения отличает «бедный» или «средний» общий состав инвентаря. Данную группу логично сопоставить со слоем свободных общинников, из которого формировалось родоплеменное ополчение. В боевом отношении из них комплектовались отряды легкой пехоты и конницы. И лишь четыре могилы содержат от трех до четырех видов вооружения, в составе которого, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, есть панцири, копья, мечи или чеканы. В них

встречается «средний» или чуть более «богатый» общий состав инвентаря. Эту группу можно определить как погребения выборных военных вождей, возглавлявших отряды ополчения. Они были лучше вооружены и в боевом отношении являлись первыми средними всадниками.

Более сложная картина наблюдается на верх-уймонском этапе, где выделяется три группы погребений. К первой группе относится 26 могил, содержащих от одного до трех видов стрелкового и коротко-клинкового оружия, с «бедным» или «средним» общим составом инвентаря. Эта группа по-прежнему

соответствует родоплеменному ополчению, выступавшему в роли легкой пехоты и конницы.

Ко второй группе относится 11 могил, также содержащих от одного до трех видов вооружения, но в его составе обязательно присутствуют, помимо стрелкового и коротко-клинкового оружия, панцири, копыя, мечи. Эта группа тоже имеет «бедный» или «средний» общий состав инвентаря, но наличие воинского доспеха, таранного и длинно-клинкового оружия явно указывает на ее профессиональную обособленность. Скорее всего, она маркирует слой воинов-дружинников, которые в

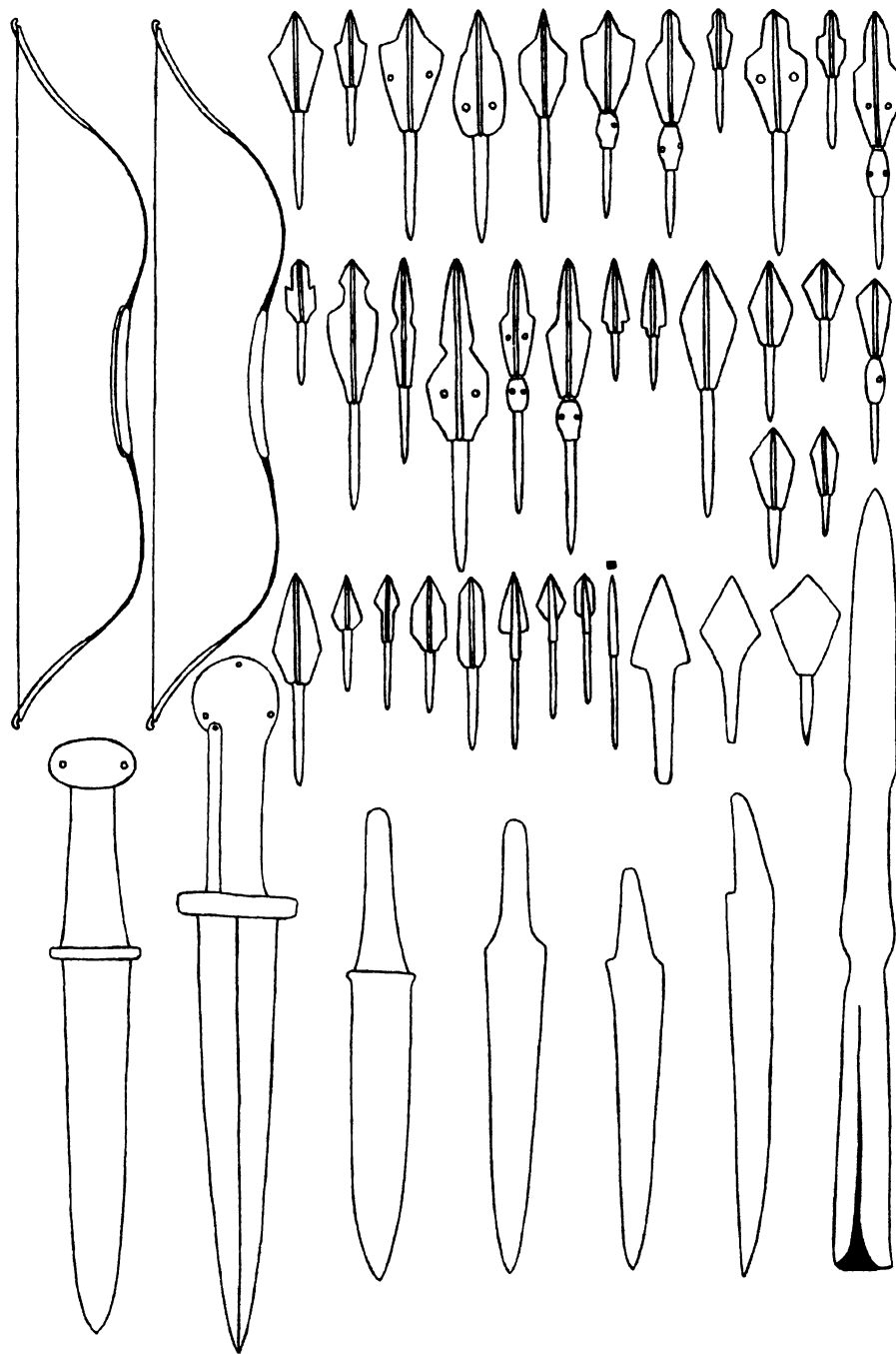
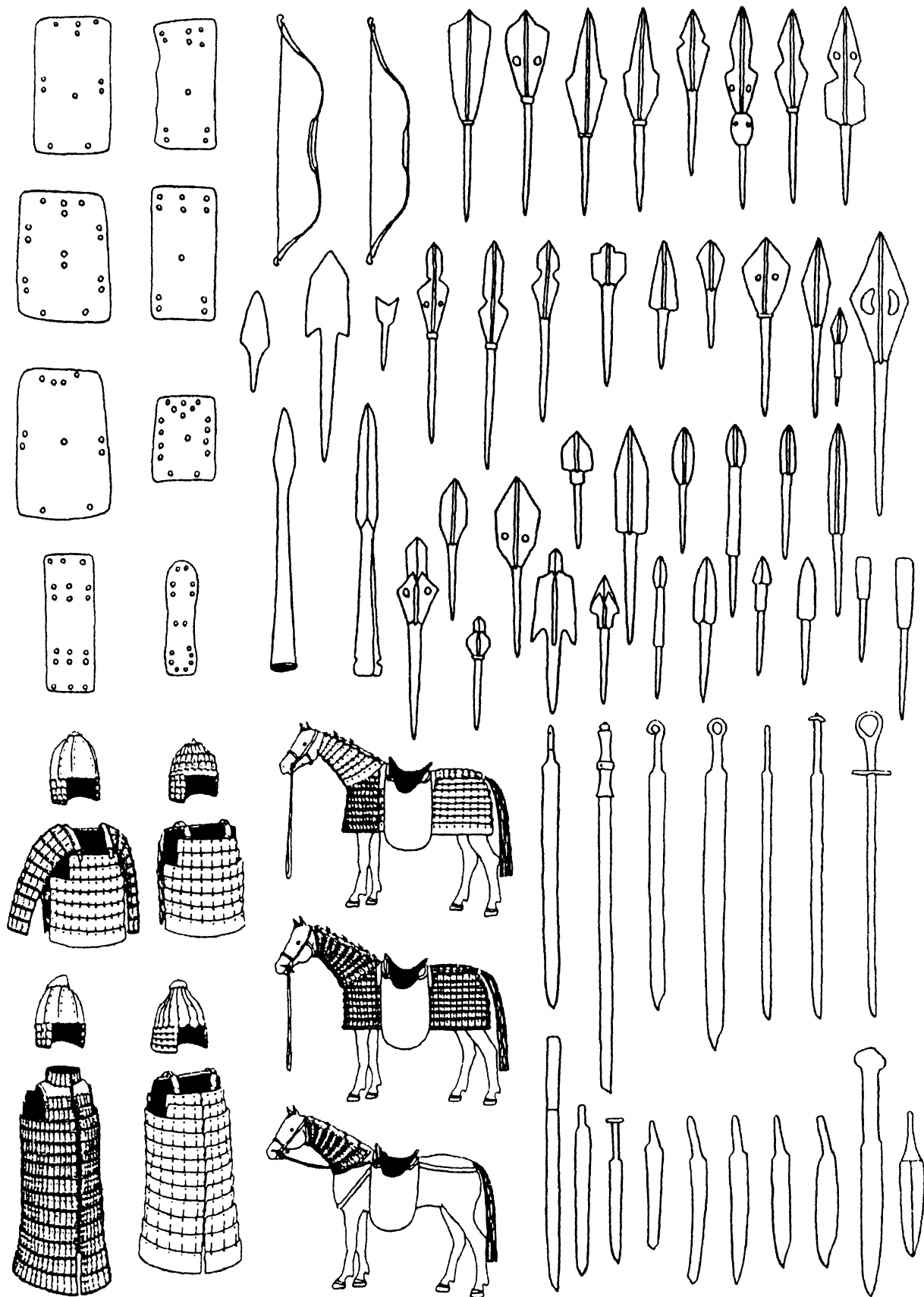

Рис. 2. Комплекс вооружения булан-кобинской культуры в сяньбийское время (II – первая половина IV вв. н.э.)

**Рис. 3. Комплекс вооружения булан-кобинской культуры в жузжанское время
(вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.)**

боевом отношении составляли отряды тяжелой пехоты и средней конницы.

Третья группа представлена шестью погребениями. Ее отличает наличие четырех видов вооружения, среди сочетаний которых встречаются панцири, луки, стрелы, копья, мечи, боевые ножи или кинжалы. Данная группа содержит «богатый» общий состав инвентаря. Ее можно уверенно отнести к слою военной аристократии, предводителей дружины и ополчения. В боевом отношении эти воины являлись средними и тяжелыми всадниками.

Таким образом, военно-иерархическая структура булан-кобинского общества на ранних этапах своего развития была достаточно простой. Ее основу составляло родоплеменное ополчение, в которое входило все боеспособное и полноправное мужское население. Отряды отдельных родов и племен возглавлялись выборными вождями, которые, видимо, еще не имели постоянной военной власти. На заключительном этапе иерархия булан-кобинского войска значительно усложнилась и включала уже три основных уровня: ополчение, дружину и командный состав. Из однородного ополчения выделяется слой профессиональных воинов-дружинников, а из выборных вождей формируется слой военной аристократии, наследующей право военной власти. Учитывая сведения письменных источников о военной организации державы Хунну, объединений сяньби и Жужанского каганата, под контролем которых на протяжении II до н. э. – V веков н. э. находилась территория Горного Алтая, можно предположить, что население булан-кобинской культуры поставляло свои военные контингенты в армии этих ведущих центральноазиатских этносов и было знакомо с их десятичной системой. Очевидно, булан-кобинские отряды сводились в сотни и тысячи, которые сначала возглавляли выборные военные вожди, а затем представители военной аристократии.

Среди могильников булан-кобинской культуры по сочетанию различных элементов погребального обряда выделяются несколько локально-территориальных групп: в Северном, Центральном, Восточном, Юго-Восточном, Южном и Северо-Западном Алтае (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. С. 136–137; Матренин С. С., Тишкин А. А., 2005. С. 153). Возможно, они отражают деление на племена и роды, которые комплектовали отдельные контингенты войска. Отсутствие ярко выраженного ядра или центра в булан-кобинской общности, говорит, скорее всего, о военно-политическом союзе племен, основанном на принципе конфедерации. Объединенное руководство таким войском, когда в нем была необходимость,

мог осуществлять один военный вождь, хотя не исключено и коллегиальное управление военачальниками наиболее крупных отрядов.

Общая численность булан-кобинского войска может быть рассчитана исходя из косвенных данных. Экстенсивный характер кочевого скотоводства, бывшего основой хозяйства населения Горного Алтая, достаточно строго регулировал количество жителей этой природно-ландшафтной зоны. Согласно сведениям письменных источников середины XIX века местное население Горного Алтая составляло около 15 000 человек (Радлов В. В., 1989. С. 95). Достаточно густое расположение булан-кобинских могильников в Горном Алтае и их значительный состав, позволяют предполагать демографический подъем к середине I тыс. н.э., но и в этом случае общая численность населения вряд ли превышала 30 000 человек. Из них боеспособными, по пропорции 5:1 (Крадин Н. Н., 2001. С. 71), следует признать около 6 000 мужчин, в среднем по одной тысяче на племя (локально-территориальную группу).

Тактика булан-кобинского войска базировалась на комбинированном применении его различных родов. Численное соотношение легко- и средне- (тяжело-) вооруженных воинов, можно установить по данным археологических памятников. На усть-эдиганском и бело-бомском этапах превосходство легких воинов было подавляющим. Отдельные средневооруженные бойцы могли лишь несколько усиливать общую легковооруженную массу. Для верх-уймонского этапа можно привести следующие показатели: на 17 объектов, соотносимых со средними и тяжелыми формированиями (39,5%), приходится 26 объектов соответствующих легким контингентам (60,5%). Это говорит о преобладании легких бойцов, а доля средних (тяжелых) воинов составляла свыше 1/3 всего войска. Несколько иную картину дают иконографические источники, где на 10 средне- и тяжеловооруженных фигур, приходится только три легковооруженных.

Главную роль на поле боя у горно-алтайских кочевников в хунно-сяньбийское время играла легкая конница. Она использовала дальний бой, основанный на применении стрелкового оружия (луки и стрелы) и действовала рассыпным строем (Худяков Ю. С., 1986. С. 135). В ее задачи входила завязка сражения, расстройство боевых порядков противника путем обстрела с безопасной дистанции, охват его флангов и тыла, преследование. Помимо этого легкая конница идеально подходила для ведения разведки и оперативного воздействия. Лучшее вооружение военачальников обеспечива-

ло им личную безопасность и эффективное руководство во время боя, а также позволяло подавать примеры стойкости в критических ситуациях. На успех в ближнем бою такое войско могло рассчитывать только с легковооруженным или совершенно измотанным и деморализованным противником.

Распространение в жужанское время передовых средств защиты, таранного и длинно-клинкового оружия способствовало созданию у горно-алтайских кочевников самостоятельных бронированных подразделений, вызвало специализацию войска по родам и усложнило способы их боевого использования. Основным тактическим принципом становится взаимодействие легкой и средней конницы. Средневооруженная конница использовала таранный удар и ближний бой с применением копий и мечей. Она действовала сомкнутым строем по принципу «фаланги» (Горбунов В. В., 2003. С. 95). Ее задача заключалась в нанесении решающего удара по противнику с целью опрокинуть его боевые порядки и сломить сопротивление. Скорее всего, в обычном полевом сражении отряды средней конницы образовывали центр войска, а легкая конница – авангард и фланги. Сражение начинала легкая конница, которая должна была причинить существенные потери живой силе противника и измотать его, а завершала бой средняя конница – массовой атакой, ликвидирующей организованное сопротивление. В целом такая тактика носила наступательный характер.

Судя по изобразительным источникам, булан-кобинские воины часто применяли и пешие боевые порядки. Первоначально они состояли из легких лучников действовавших рассыпным строем, а позднее к ним добавились подразделения из тяжелых лучников и копейщиков, сражавшихся в плотном, шереножном, строю. Булан-кобинская пешая фаланга, скорее всего, составляла центр боевого порядка, где первая линия (одна, две шеренги) включала хорошо защищенных воинов вооруженных копьями, а задние ряды комплектовались тяжелыми лучниками. Ее фланги могли обеспечивать отряды легких лучников. Главной задачей такого построения являлся массированный обстрел приближавшегося противника, а сама тактика носила выраженный оборонительный характер. Она применялась в зависимости от обстоятельств и условий местности.

Стратегия ведения боевых действий булан-кобинским войском может быть определена исходя из оценки политической ситуации и этно-

культурных процессов, протекавших в центральноазиатском регионе. Между 201 годом до н. э. и 93 годом н. э. территория Горного Алтая входила в состав державы хунну. Булан-кобинское население, как и другие покоренные народы, должно было поставлять хунну вспомогательные отряды, которые могли участвовать в окончательном разгроме юэчжей, в войнах с империей Хань, в среднеазиатских походах и в междоусобной борьбе северных хунну с южными. На это время приходится продвижение «булан-кобинцев» в северные предгорья Алтая (междуречье Катунь и Бии) и участие в сложении майминской культуры (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. С. 160). В период с 93 по 359 годы господство в Центральной Азии принадлежало сяньби. Их власть над другими кочевниками то усиливалась, то ослаблялась из-за междоусобиц, ситуация в регионе не отличалась стабильностью. Основой стратегии булан-кобинского объединения этого времени должно было стать сохранение собственных земель. Между 359 и 460 годами Горный Алтай находился в сфере влияния Жужанского каганата. Булан-кобинские отряды, очевидно, привлекались, в составе жужанского войска, для набегов и походов на северные границы империи Тоба-Вэй и оазисы Восточного Туркестана, а также для отражения ответных рейдов тобаских армий. Наиболее активно они могли использоваться на северо-западных рубежах во время войн жужаней со среднеазиатскими хунну – княжеством Юэбань (Бичурин Н. Я., 1950. С. 187; Таскин В. С., 1984. С. 269). С этими событиями связана экспансия булан-кобинских племен на земли лесостепного Алтая, завершившаяся их участием в сложении здесь новой общности – единцовской культуры (Горбунов В. В., 2004. С. 95). Разнообразие родов войск, использование конной и пешей тактики, позволяло булан-кобинскому войску выполнять стратегические задачи как наступательного, так и оборонительного характера.

В течении II века до н. э. – V века н. э. военное дело кочевников Горного Алтая прошло путь от господства легковооруженного ополчения до становления полупрофессионального войска, в составе которого все большую роль стали играть бронированные контингенты. Эти достижения заложили основы для дальнейшего развития вооружения и военного искусства в эпоху средневековья и формирования на Алтае тюркской военной традиции.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №06–01–60105 а/Т)

Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II)

Прежде чем представить комплекс вооружения, обнаруженный на памятнике Яломан-II в Горном Алтае, стоит остановиться на применении такого обозначения, как «эпоха великого переселения народов», довольно часто используемого в научной литературе. К настоящему времени данное понятие имеет широкую трактовку и предполагает разные хронологические рамки. Это обстоятельство требует хотя бы краткой конкретизации содержания рассматриваемого исторического периода и его датировки.

Во второй половине XVIII века немецкий исследователь Йоганн Кристоф Гаттерер описал четыре великих эпохи в мировой истории, среди которых была отмечена «...эпоха переселения народов, связанная с миграцией германцев и славян в V веке и потом с завоеваниями мусульман и монголов» (Грин В., 2001. С. 48, 49). Дальнейшее понимание начала указанного периода зависело от территории изучения и интересов специалистов. Чаще всего для «великого переселения народов» указывались массовые миграции, произошедшие на территории Евразии в III–V веках н.э. Иногда данный период рассматривался как «переходный этап» от Древности к Средневековью (Савельева - И. М., Полетаев А. В., 1997. С. 209, 210). Имеются разные точки зрения на сущность «эпохи великого переселения народов». Ряд исследователей сознательно не использует такое образное обозначение из-за размытости его содержания, неопределенности границ или общей условности.

Для Восточной Европы «великое переселение народов», а также начало раннего средневековья определяется IV веком н. э., что связывается с появлением и завоеваниями гуннов. В результате с IV века по первые десятилетия VI века «...степь непрерывно бурлила, выбрасывая на Запад... орду за ордой» (Плетнева С. А., 1981. С. 8). По мнению А. К. Амброза (1981. С. 10), «вторжение гуннов в Европу в 70-х годах IV в. вызвало грандиозное передвижение народов, справедливо названное великим...». Данное положение разделяет

И. П. Засецкая (1994. С. 160) и другие исследователи.

Для Приуралья в монографии Ф. А. Сунгатова, Г. Н. Гарустовича, Р. М. Юсупова (2004) начало рассматриваемой эпохи обозначено III–IV вв. н. э. Для восточной части Евразии существует свое понимание «великого переселения народов». По мнению Л. Н. Гумилева (2002. С. 13), данный этап начался значительно раньше, чем в Европе, «во время, носящее в китайской истории название “эпоха пяти варварских племен” (304–399 гг.)...». Н. Н. Крадин (2001, С. 5, 6) считает, что «...именно азиатские кочевники дали первоначальный толчок Великому переселению народов» в конце I века н. э., следствием которого стала «...гуннская инвазия в Европу».

В. В. Бобров, А. С. Васютин, С. А. Васютин (2003. С. 3) полагают, что понятие «эпоха Великого переселения народов» впервые использовано «...А. А. Гавриловой (1965. С. 3) и С. С. Сорокиным (1977. С. 57, 65) применительно к памятникам Саяно-Алтая II в. до н. э.–VII в. н. э.». С их точки зрения, данное утверждение «...кажется вполне оправданным». А на самом деле в приведенном контексте оно оказывается надуманным. Названные исследователи (А. А. Гаврилова и С. С. Сорокин) в своих работах на указанных страницах ничего подобного не излагали. А. А. Гаврилова вообще не касалась обозначенной нами проблемы, а лишь указала, что могильник Кудыргэ в свое время «...был включен в число памятников эпохи великого переселения народов, времени появления близких по культуре племен в Подунавье» (Гаврилова А. А., 1965. С. 3). С. С. Сорокин (1977. С. 57, 65) определял раскопанные им на Балыктыюльском могильном поле объекты так: «...они занимают промежуточное положение между пазырыкской и тюркской эпохами», их «...следует отнести не к началу первого тысячелетия нашей эры, а ко второй его четверти, то есть к эпохе вторжения кочевников в Среднюю Азию». Несмотря на попытку во всех отношениях расширить границы и содержание «эпохи Великого переселения народов», В. В. Боб-

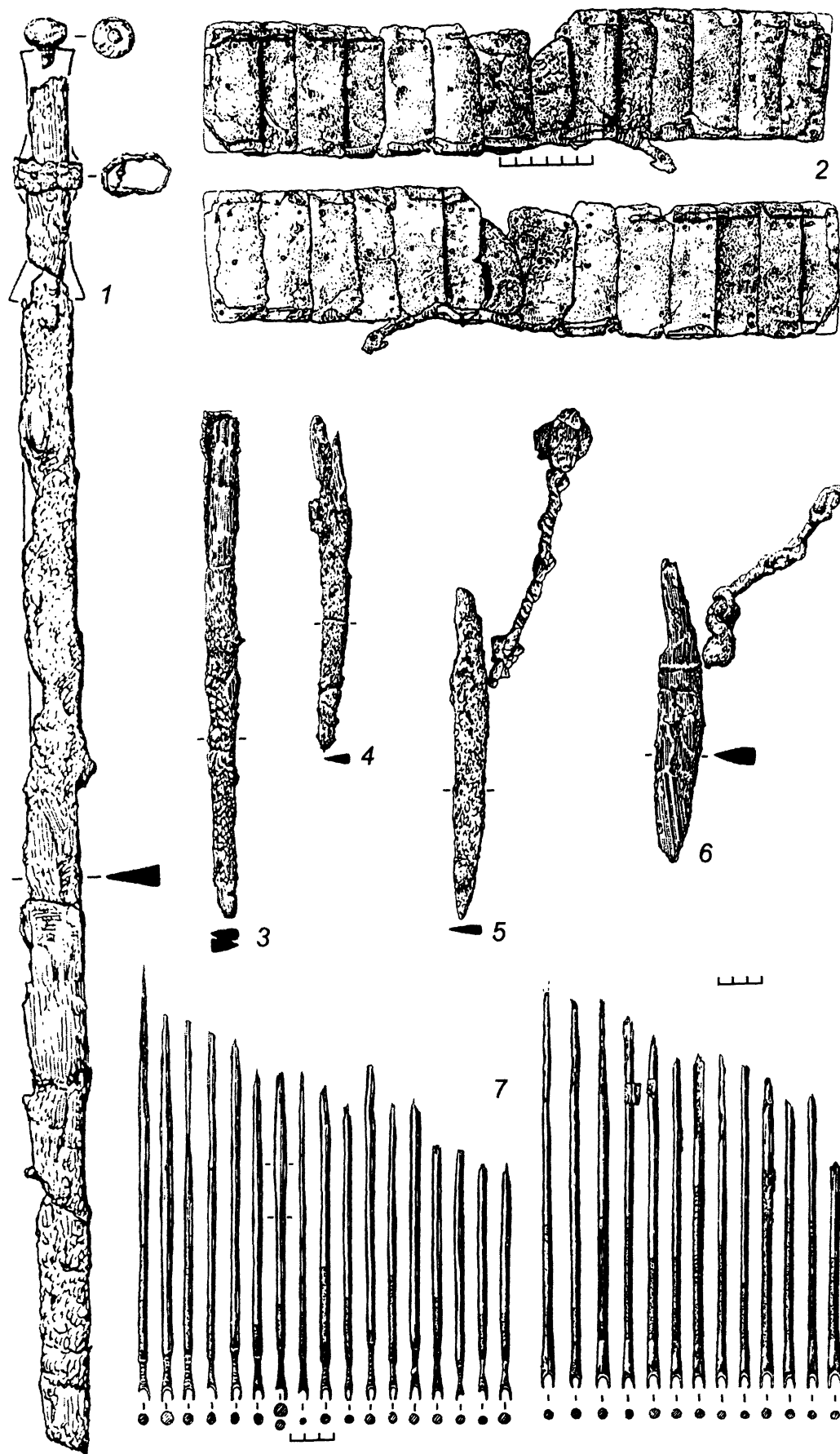

Рис. 1. Могильник Яломан-II. Предметы вооружения.
 1 – меч; 2 – полоса панцирных пластин; 3–6 – боевые ножи; 7 – окончания древков стрел.
 1 – курган № 30; 2, 3, 7 – курган № 31; 4 – курган № 33, могила-2; 5, 6 – курган № 32

ров, А. С. Васютин и С. А. Васютин (2003) в названии своей довольно противоречивой монографии для Восточного Алтая обозначили такие хронологические рамки – III–VII века.

Письменные источники указывают на усиление миграционных процессов в Центральной Азии после распада крупных объединений хунну (215 г.) и сяньби (235 г.), а также империи Хань в Китае (220 г.), что к V веку изменило этническую и политическую ситуацию в огромном регионе. На Алтае эти события привели к значительным переменам в материальной и духовной культуре (Горбунов, 2003. С. 4). Такие свидетельства зафиксированы при раскопках археологических памятников.

Впервые материалы по истории кочевого населения Горного Алтая «эпохи великого переселения народов» были получены во второй половине XIX века на могильниках Катанда-I и Берель (Радлов В. В., 1989. С. 443–445, 451; Захаров А. А., 1926. С. 76–80; Гаврилова А. А., 1965. С. 54–55; Сорокин С. С., 1969. С. 231, 234). Долгое время они служили основными источниками для изучения военного дела горно-алтайских племен времени господства в центральноазиатском регионе Жужанского каганата (Худяков Ю. С., 1986. С. 125). За последние 20 лет открыты другие могильники и отдельные курганы рассматриваемого периода.

В нашем распоряжении имеется коллекция предметов вооружения, обнаруженных при исследовании археологического памятника Яломан-II в Онгудайском районе Республики Алтай (Тишкин А. А., 2005). Публикация ее будет способствовать дальнейшему расширению источниковой базы по военной археологии. Раскопанная в центральной части могильника группа курганов датируется второй половиной IV – первой половиной V в. н. э. (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2003. С. 493). По зафиксированным показателям погребального обряда и облику инвентаря она близка таким объектам, как Берель, Катанда-I, Верх-Еланда-II, Верх-Уймон, Чендек (центральная группа); Дялян, Усть-Бийке-III (курган № 4) и Кок-Паш (Сорокин С. С., 1969; Гаврилова А. А., 1965; Неверов С. В., Степанова Н. Ф., 1990; Соенов В. И., Эбель А. В., 1992; Соенов В. И., 2005; Тетерин Ю. В., 2004; Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005; Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А., 2003; и др.). Все указанные памятники составляют единый комплекс, характеризующий булан-кобинскую археологическую культуру Алтая на позднем (верх-уймонском) этапе ее развития (Тишкин А. А., Горбунов В. В., 2005. С. 161; Тишкин А. А., 2006. С. 28–31).

Рассматриваемые предметы вооружения найдены в курганах № 30, 31, 32 и 33 (могила-2). Весь этот комплект относится к двум категориям: доспеху и оружию. Доспех представлен пластинами от воинского панциря, оружие – средствами дистанционного (луки и стрелы) и ближнего (меч и боевые ножи) боя.

Панцирь. Железные защитные пластины от панциря зафиксированы в кургане № 31 в виде горизонтальной полосы (рис. 1, 2). Они относятся к доспеху ламеллярной структуры, имеют средние пропорции, прямоугольную форму (у трех пластин одна сторона оформлена волнистым вырезом) и 11 сквозных отверстий для крепления (четыре пары боковых, пара срединных верхних и одно срединное центральное). Размеры пластин: длина 8,6–9 см, ширина 3,6–4,6 см, толщина 1,5 мм. Вся обнаруженная полоса в сборке достигает длины 43 см. Ее нижний и верхний края были снабжены сплошным кожаным кантом, а внешние боковые стороны крайних пластин окантовывались отдельно. Судя по длине и наличию в составе пластин с декоративной отделкой, полоса, скорее всего, относилась к нагрудной части панциря покроя «кираса» или «катафракта». Идентичные прямоугольные пластины происходят из кенкольского памятника IV–V вв. н. э. – Акчий-Карасу в Семиречье (Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С., 1987. Рис. 11, 2). Такая деталь, как волнисто-вырезная сторона, встречается среди находок и изображений элементов брони во многих памятниках Евразии на протяжении IV–XIV веков (Горбунов В. В., 2003. С. 48, 49). По системе расположения отверстий яломанские пластины относятся к сяньбийской традиции. Их особенностью является отсутствие специальных отверстий для канта, который закреплялся благодаря смещению пар боковых отверстий ближе к углам пластины.

Луки. Остатки сложносоставных луков обнаружены во всех четырех погребениях (рис. 2). Они представлены фрагментами деревянных кибитей и наборами из семи роговых накладок (две пары концевых боковых, пара срединных боковых и одна срединная тыльная). Хуже всего сохранились накладки в могиле кургана № 30. В остальных их состояние было несколько лучше (рис. 2, 3–5). Кибиты луков из курганов № 30, 32 и 33 сильно истлели, но при исследовании объекта № 31 удалось зафиксировать почти полное изделие (рис. 2, 1, 2). Луки лежали с левой стороны от погребенного со снятой тетивой и имели С-видную форму. Их общая длина в таком положении варьировала от 143 до 150 см. Конструкция кибиты из кургана № 31

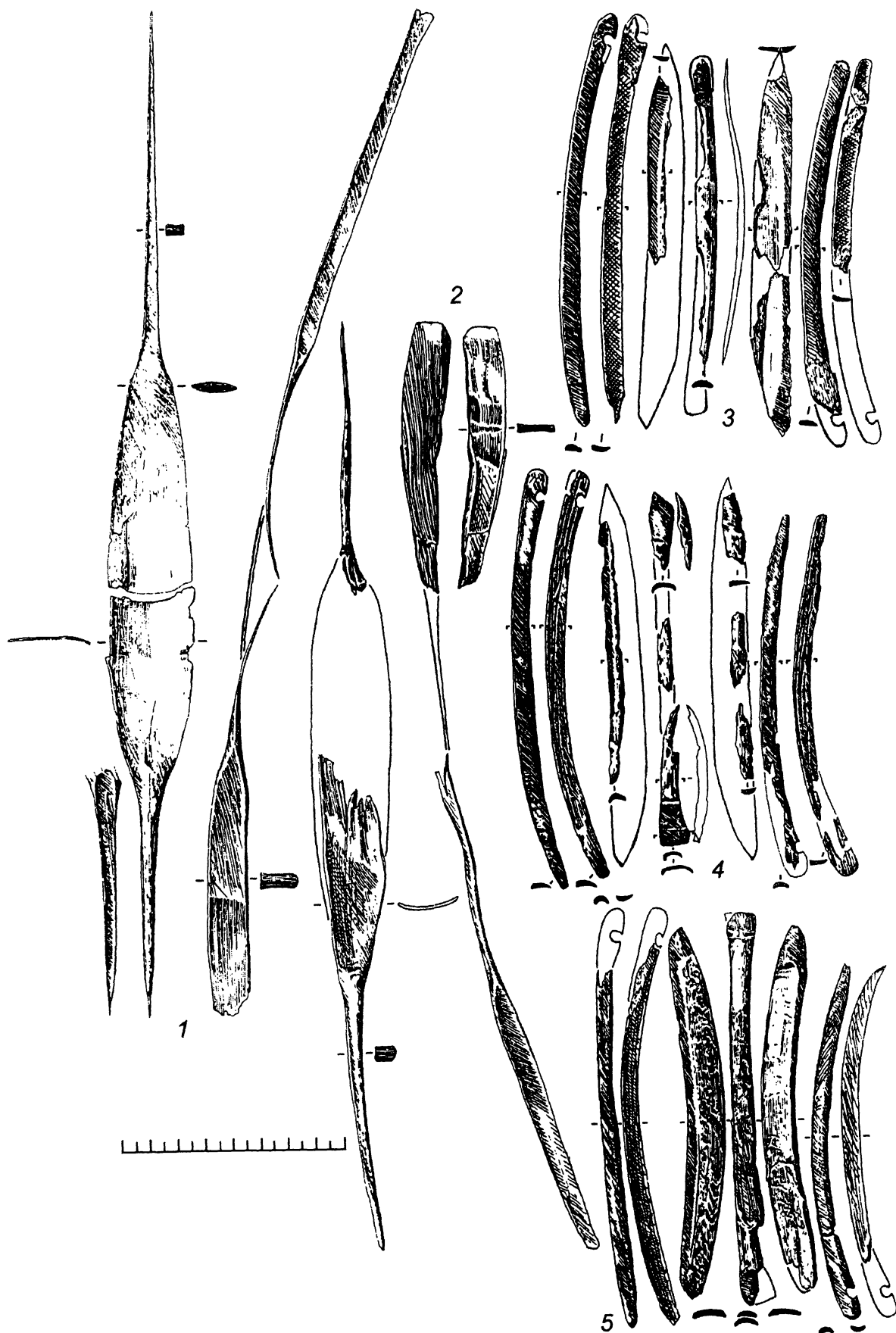

Рис. 2. Деревянные части кибити и комплекты роговых накладок от сложносоставных луков из могильника Яломан-II. 1-3 – курган № 31; 4 – курган № 33, могила-2; 5 – курган № 32

включала две отдельно изготовленные части, каждая из которых охватывала рог, плечо и половину рукояти. Они склеивались внахлест путем стыковки боковых сторон рукояти со специальными диагональными срезами (Горбунов В. В., 2006. Рис. 11, 1). Все концевые накладки имеют одинаковую форму в виде узких плавно изогнутых пластин, с закругленными «головками» и арочными вырезами под тетиву. Внутренняя поверхность концевых накладок заштрихована полностью, внешняя – по большей части своей площади. Их ширина до 1,6–1,9 см. Длина верхних пар накладок – 29,5–30 см, нижних – 25,5–26 см. Срединные боковые накладки по форме делятся на дуговидные (курганы № 30 и 32) и трапециевидные (курганы № 31 и 33). Длина их составляет 26,5–28 см, наибольшая ширина 2,5–2,8 см, внутренняя поверхность заштрихована в крупную косую клетку, снаружи более мелкая штриховка имеется вдоль основания и на окончаниях. Срединные тыльные накладки сделаны из пластин весловидной формы с трапециевидными (курганы № 30 и 31) и лопатковидными (курганы № 32 и 33) окончаниями. Их параметры такие: длина 27–28,5 см, наибольшая ширина 1,6–2,2 см. Внутренняя поверхность накладок заштрихована целиком, внешняя только на окончаниях. Экземпляр из кургана № 31 имеет возле одного окончания гравировку в виде знака «Х», а накладка из кургана № 32 двусоставная. В целом, сложносоставные луки из поздней группы памятника Яломан-II относятся к изделиям «хуннского» типа, бытовавшим с III века до н. э. по V век н. э. Однако они отличаются от исходных образцов оформлением срединных накладок, которые первоначально характерны для луков булан-кобинской культуры и встречаются в ее памятниках на протяжении II–первой половины V веков н. э. (Горбунов В. В., 2006. С. 16–20).

Стрелы. Остатки боевых стрел найдены во всех четырех могилах (рис. 1; 3–5). В кургане № 30 обнаружен набор из 23 наконечников, в кургане № 31 – из 31, в кургане № 32 – из 10 и в кургане № 33 – из 12 экземпляров. Их размеры следующие: общая длина 7–17 см, длина пера 3–9,5 см, наибольшая ширина пера 1,2–4 см. Все наконечники стрел железные и имеют черешковый насад. По форме тела пера и его поперечному сечению среди них выделяются трехлопастные (72 экз.), трехгранно-трехлопастные (2 экз.) и трехгранные (2 экз.). Наиболее многочисленны и многообразны трехлопастные наконечники, которые по силуэту пера в продольной плоскости делятся на ярусные (36 экз.), треугольные (1 экз.), ассимет-

рично-ромбические (24 экз.), ромбические (5 экз.), шестиугольные (4 экз.), пятиугольные (1 экз.) и килевидные (1 экз.). Среди ярусных наконечников встречаются следующие сочетания форм верхнего и нижнего ярусов: треугольная и ассиметрично-ромбическая; вытянуто-ромбическая и ассиметрично-ромбическая; шестиугольная и ассиметрично-ромбическая; пятиугольная и ассиметрично-ромбическая; пятиугольная и пятиугольная. По соотношению длины верхней и нижней частей пера они разбиваются на изделия с меньшим верхним ярусом с равным и с большим. Трехгранно-трехлопастные наконечники стрел представлены ярусным (пятиугольно-ассиметрично-ромбическим) и треугольным экземплярами. Трехгранные наконечники имеют перо килевидного абриса. Некоторые наконечники снабжены прорезями в лопастях, а в месте перехода пера в черешок – кольцевыми упорами.

В трех могилах зафиксирован тлен от древков стрел, а в кургане № 31 сохранились фрагменты от 33 древков (рис. 1, 7; 3, 8, 9). В целом виде они имели длину 70 см и «сигарообразную» форму, то есть с небольшим утолщением в середине и ближе к наконечнику (рис. 3, 2). Нижняя часть древка («ушко») сделана в виде вильчатого выреза для фиксации тетивы. У отдельных экземпляров в этой части сохранились следы краски и, видимо, вдавления от шнуровки оперения. Места крепления в древке наконечника снабжены оплеткой из полосок коры. Все наборы стрел были помещены в колчанах, о чем свидетельствует их расположение в могилах пучками. В курганах № 30, 31 и 32 стрелы лежали наконечниками вверх, а в кургане № 32 два наконечника из 12 находились остриями вниз. Детали самого колчана частично сохранились лишь в кургане № 31, что позволяет представить его реконструкцию (рис. 3, 1). Футляр был изготовлен из плотной материи, от которой уцелели мелкие фрагменты черного цвета. Ткань пришивалась к деревянному округлому днищу (рис. 3, 7) и к верхней крышке в форме полумесяца (рис. 3, 3). В месте наложения сторон крепление осуществлялось через вертикальную деревянную планку (рис. 3, 6). В бок колчана, у горловины, вшивалась еще одна важная конструктивная деталь, сделанная из дерева, с двумя пазами под портупейные ремешки (рис. 3, 5). Окружность горловины украшал ряд аппликаций из тонкой коры (рис. 3, 4). Длина колчана достигала 90 см, а диаметр, судя по размерам днища, был всего 9 см.

Большинство стрел, найденных в поздней группе памятника Яломан-II, имеют аналогии в других

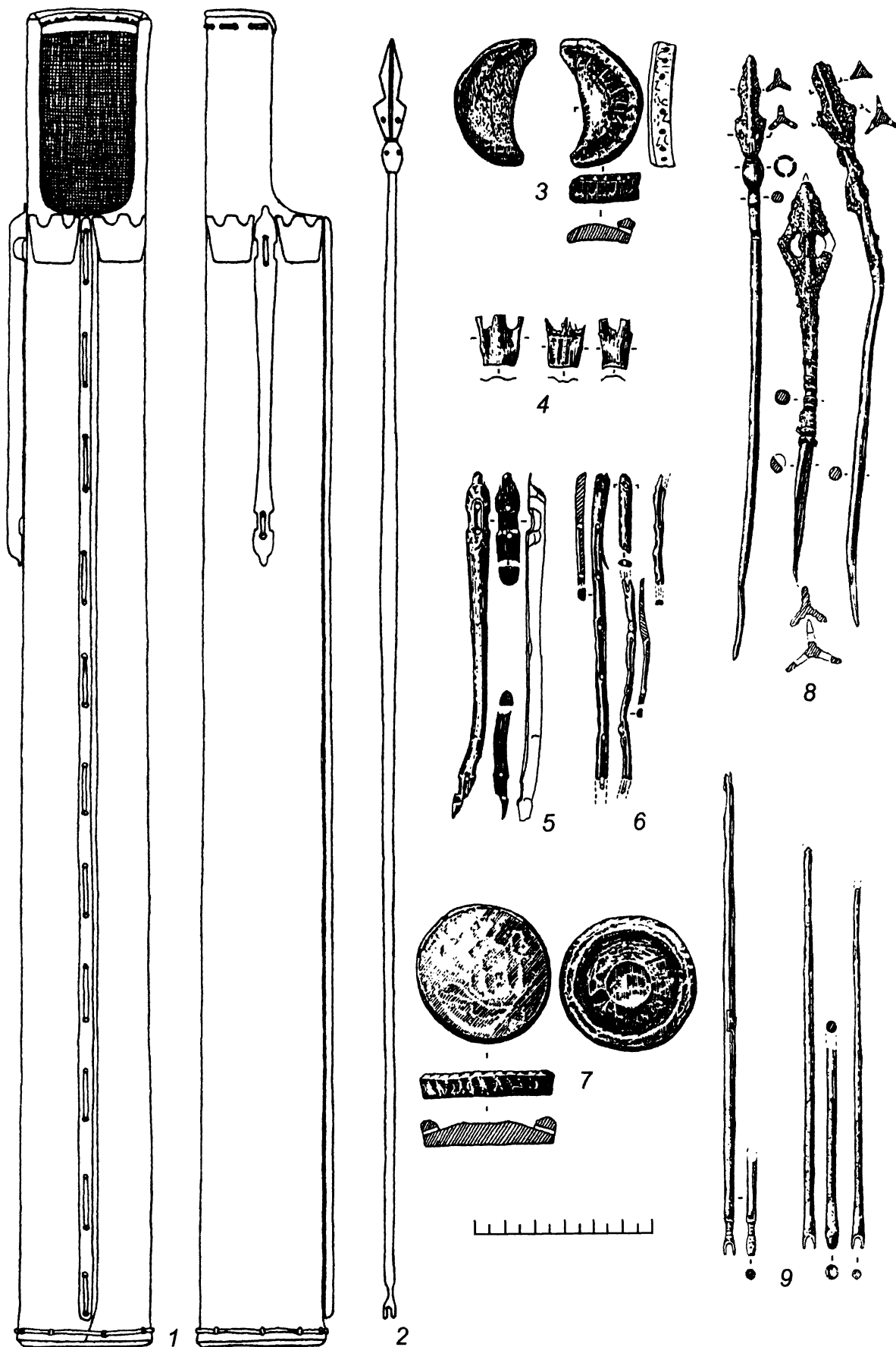

Рис. 3. Колчан и стрелы из кургана № 31 могильника Яломан-II.
 1, 2 – реконструкция колчана и стрелы; 3–7 – деревянные детали колчана;
 8 – железные наконечники стрел с древками; 9 – окончания древков

булан-кобинских памятниках. Трехлопастные наконечники стрел с меньшим верхним ярусом восходят к «хуннской» традиции, а с равным или большим формируются непосредственно в Южной Сибири. Все они появляются на Алтае со II века н. э. Трехлопастные треугольные и шестиугольные экземпляры известны с хуннского времени, а асси-

метрично-ромбические и ромбические экземпляры – с сяньбийского. Пятиугольные и килевидные экземпляры представляют собой новые формы, которые впервые фиксируются в комплексах Горного Алтая с середины IV века н. э. Последнее относится и к трехгранно-трехлопастным и трехгранным наконечникам. Из них ярусный образец

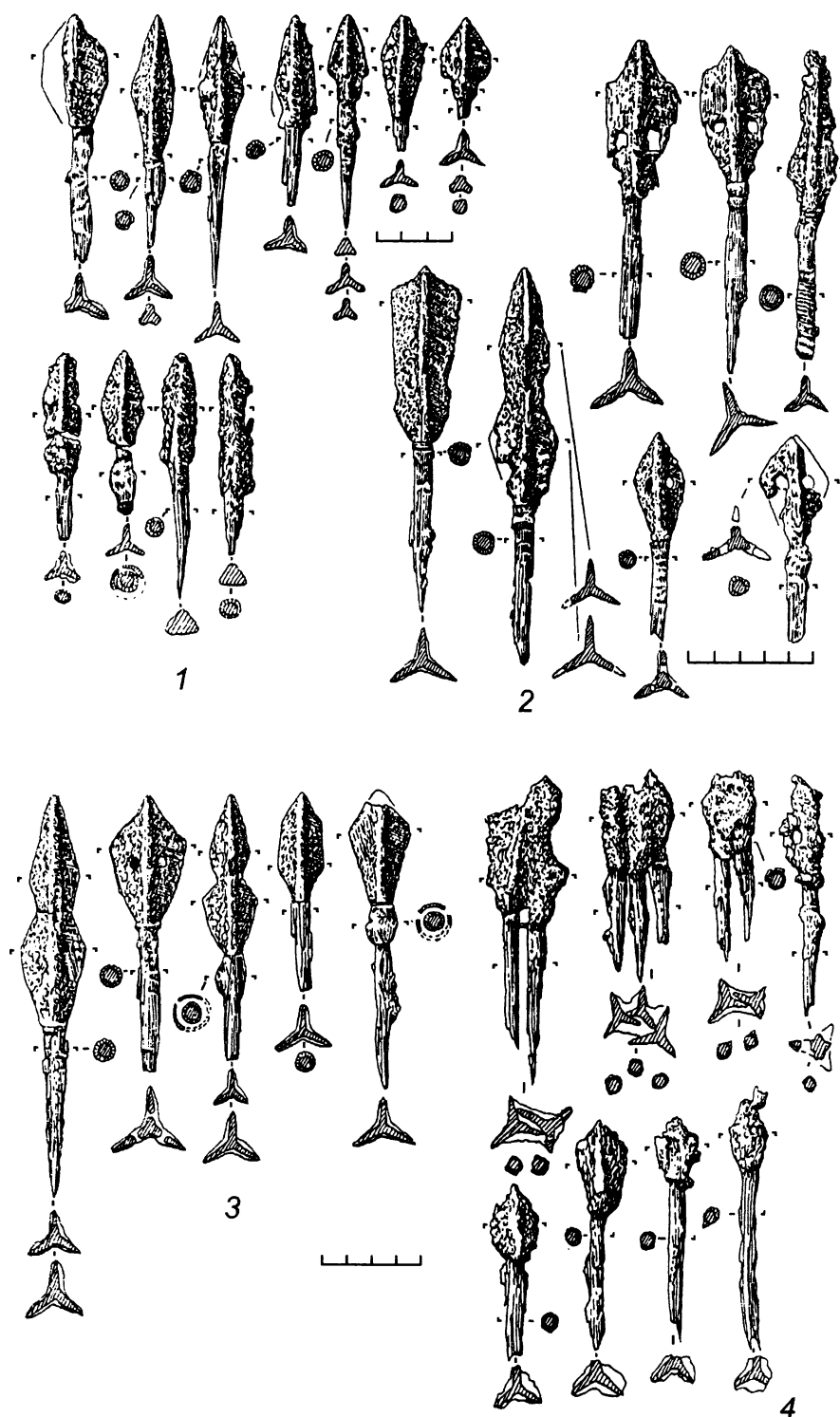

Рис. 4. Железные наконечники стрел из могильника Яломан-II.
1–3 – курган № 30; 4 – курган № 33, могила-2

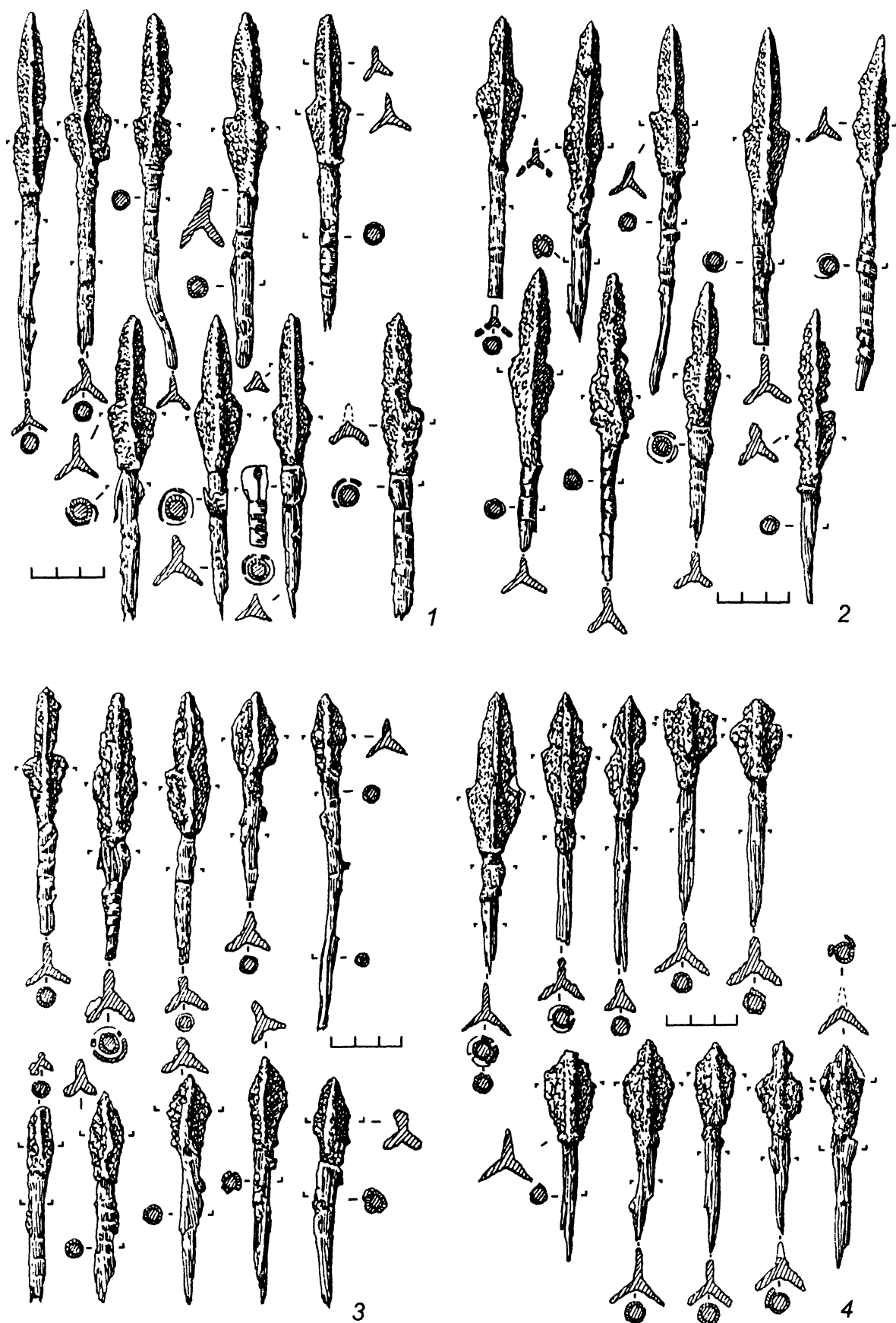

Рис. 5. Железные наконечники стрел из могильника Яломан-II.
1-3 - курган № 31; 4 - курган № 32

имеет местное происхождение, а треугольный и килевидные заимствованы из Средней Азии от населения кенкольской культуры (Горбунов В. В., 2006. С. 38–41).

Меч. Данный вид оружия обнаружен в погребении кургана № 30. Меч изготовлен из железа, имеет однолезвийный клинок со срезанным окончанием треугольного сечения и прямой черен (рис. 1, 1). Перекрестие отсутствовало. На клинке сохранился тлен от деревянных ножен. На черене зафиксирована деревянная обкладка рукояти, на торце которой при помощи железного стержня закреплялось навершие в виде объемного каменного диска. В средней части рукояти обкладка дополнительно скреплялась железной обоймой, снабженной одним штифтом. Сама обкладка имела заметные расширения у плечиков клинка, посередине (в месте расположения обоймы) и к торцу, где крепилось навершие. Общая длина меча 92 см; длина клинка 77 см, его наибольшая ширина 3,6 см, толщина 1,5 см; длина черена 15 см, ширина 2,8 см, толщина 1,2 см. На территории Горного Алтая однолезвийные мечи появляются с середины IV века н. э. По срезанному окончанию клинка и оформлению рукояти яломанский меч восходит к саянским образцам конца I–III вв. н. э. (Горбунов В. В., 2006. С. 63–64).

Боевые ножи. Железные ножи с длинными и достаточно массивными клинками найдены в курганах № 30 (1 экз.), 31 (2 экз.), 32 (2 экз.) и 33, могила-2 (1 экз.). У всех ножей клинки в поперечном сечении имели форму треугольника, который за счет выпуклости боковых сторон мог приближаться к килевидной или пятиугольной фигурам. На клинках и черенах сохранились остатки дерева от ножен и рукоятей. Размеры ножей: общая длина 20,5–33,5 см; длина клинка 14–24 см, его наибольшая ширина 2–3 см, толщина 0,7–1,2 см; длина черена 6,2–9,5 см, его средняя ширина 1,4–1,8 см, толщина 0,3–0,7 см. Экземпляры из кургана № 31 отличались прямым клинком с острым окончанием и прямым череном, который снабжался двусторонней обкладкой из полос коры (рис. 1, 3). Остальные ножи имели клинки с выпуклой спинкой и острым окончанием и наклонный в сторону лезвия черен (рис. 1, 4–6). Ножны

из кургана № 32 крепились к основному поясу при помощи железных цепочек из витых восьмерковидных звеньев и колец (рис. 1, 5, 6). Боевые ножи появляются в памятниках булан-кобинской культуры со II века н. э. Наиболее характерны для булан-кобинского вооружения изделия с наклонной рукоятью и выпуклой спинкой, ведущие свое происхождение от хуннских образцов (Горбунов В. В., 2006. С. 77).

Рассматривая комплекс вооружения из поздней группы памятника Яломан-II, следует отметить его значительное видовое и типологическое разнообразие. Он включает два типа панцирных пластин от одного панциря, один тип сложносоставных луков, 14 типов боевых наконечников стрел, один тип меча и два типа боевых ножей. Численно преобладают находки наконечников стрел (76 экз.), затем идут панцирные пластины (14 экз.), боевые ножи (6 экз.), луки (4 экз.) и меч (1 экз.). Сочетание боевых видов в одной могиле составляет от трех до четырех позиций: лук – стрелы – боевой нож (курганы № 32 и 33), панцирь – лук – стрелы – боевой нож (курган № 31), лук – стрелы – меч – боевой нож (курганы № 30).

Оружие дистанционного боя, среди которого всего четыре бронебойных наконечника стрел, ориентировано в большей степени на поражение легковооруженного противника. Наличие больших луков с тремя зонами жесткости предполагает ведение прицельной стрельбы на максимально возможной дистанции. Использование панциря и меча позволяло успешно вести ближний бой, а присутствие боевых ножей имело вспомогательное значение.

В заключение стоит указать, что существует хорошая перспектива пополнения имеющейся источниковой базы. На памятнике Яломан-II, расположенном в Центральном Алтае и состоящем из более 80 археологических объектов, курганы предтюрокского времени занимают значительную часть (Тишкин А. А., 2005). Довольно хорошая сохранность предметов и массовый материал позволят решать проблемы культурно-хронологического и этногенетического характера.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №06-01-60105 а/Г)

Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов

Известно, что травматические повреждения на черепе и посткраниальном скелете являются маркерами образа жизни, а высокий показатель черепных и других травм – свидетельством агрессивности и неблагополучия социальной среды в изучаемом обществе (Алексеева Т. И., 1997. С. 107; Бужилова А. П., 1995; 1998. С. 141; Дэрумс В. Я., 1970; Наран Б., Тумэн Д., 1997; Рохлин Д. Г., 1965; Янкаускас Р. П., 1993; Roberts, 1988; Rodriguez-Martin, 1997; и др.).

Огромный интерес представляет изучение характера травм, их форм, размеров, состояния краев переломов. Все вышеперечисленные признаки свидетельствуют о роде оружия, силе и направлении удара, причинах и обстоятельствах смерти (Мамонова Н. Н., 1997. С. 108; Гараничев В. В., Гловтов В. А., 2003. С. 238).

Травмы на костях различных сарматских групп стали предметом специального изучения только в последнее время (Перерва Е. В., 2003; 2004; 2005; 2005а; Батиева Е. Ф., 2004). До этого видимые травмы только фиксировались (Рохлин Д. Г., 1965). Повышенную частоту встречаемости травматических поражений на материалах позднесарматского населения из могильников Есауловского Аксая выявил Е. В. Перерва (2003). Анализ травм как отдельному аспекту патологического исследования сарматских костяков было уделено внимание и в его диссертационной работе (Перерва Е. В., 2005). В ней описывается и наличие травм боевого характера, наряду с другими типами травм, у разных локальных групп сарматов Нижнего Поволжья и Нижнего Дона.

Массовый материал сарматского времени из курганных могильников Подонья и Нижнедонских городищ исследовала Е. Ф. Батиева. Ею выявлен широкий спектр травматических поражений костей скелета, в том числе у сарматов. Результаты проведенного анализа показали, что сарматское население позднего этапа было больше подвержено травмам, чем остальные группы (Батиева Е. Ф., 2004.).

О повышенном травматизме у сарматов позднего этапа неоднократно писала М. А. Балабанова (2000; 2003; 2004). Травмы боевого характера на

сарматском черепе из могильника Сагванский I были описаны А. П. Бужиловой (Бужилова А. П., Каменецкий И. С., 2004).

Таким образом, в настоящее время нет ни одной специальной работы, посвященной всестороннему анализу боевых травм у сарматских групп разных регионов. Что касается работы Е. Ф. Батиевой, то там дается только статистика встречаемости и локализация травматических повреждений в разных группах оседлого и кочевого населения сарматского времени Нижнего Подонья. В ней нет классификации травм и сведений по травмам боевого характера, отсутствуют также данные об уровне травмированности черепа. Так как нас интересуют только травмы боевого характера, то акцент данной работы направлен именно на эту группу травм.

Для изучения степени травматизма у сарматов использовался материал из подкурганных погребений с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. Уровень травмированности в группах складывался из частоты встречаемости травматических повреждений на черепе и костях посткраниального скелета. Классификация костных дефектов, тип повреждений, род оружия и терминология, используемые в данной работе позаимствованы из судебно-медицинской травматологии (Смолянинов В. С., Татиев К. И., Черваков В. Ф., 1959; Авдеев М. И., 1966; Добряк В. И., 1960). Все типы ранений выделены в следующие группы.

1. **Сквозные дырчатые переломы**, которые характеризуются повреждениями кости различной формы и размеров. В основном это отверстия правильной конфигурации, передающие форму поперечного сечения оружия, которым был нанесен удар, или большие открытые переломы неправильной формы, которые сопровождаются отслоением внутренней компакты. Часто при таких нарушениях кости образуются трещины.

2. **Вдавленные переломы** характеризуются различного рода вдавлениями и вмятинами. В области таких переломов наружный компактный слой вдавлен в губчатый слой кости. При этом отмечаются отслоения внутреннего компактного слоя, а также

наблюдаются сломы наружного кортикального слоя.

3. **Рубленые дефекты** — с характерной плоскостью разруба или среза. Очень часто на костях остаются большие дефекты — отрублены отдельные части лицевого или мозгового отдела черепа, при этом четко просматривается плоскость разруба.

4. **Колющие повреждения** — это повреждения передающие форму и размеры поперечного сечения колющей части оружия. В этом случае часто на наружной пластинке компакты появляются небольшие трещины — «усики». При ранениях колющим оружием дефект внутреннего слоя компакты выражен значительно сильнее, чем наружного, так как отламываются и отслаиваются значительные участки внутреннего компактного слоя кости.

Характер костных дефектов позволяет классифицировать и род оружия (или предмета), которым было нанесено повреждение.

I. Твердые тупые предметы с ограниченной действующей поверхностью, форма сечения которых могла быть самой разной: округлой, овальной, квадратной, прямоугольной, ромбовидной, треугольной, шестигульной и неопределенной.

II. Колющее оружие. К этой категории оружия относятся кинжалы, шилья, копыя, наконечники стрел.

III. Колюще-режущее оружие — это различные разновидности ножей, наконечники стрел.

IV. Острорубящее оружие — большие кинжалы, массивные ножи, мечи, сабли, шашки.

V. Тупорубящее оружие, граненые предметы.

При исследовании травм обращалось внимание на состояние краев открытых переломов. Они могут быть острыми, что является свидетельством летального исхода, то есть человек погиб в процессе получения данной травмы; облитерированными — свидетельство того, что раненый человек после нанесения травмы еще жил какое-то время, короткое или продолжительное. О силе удара свидетельствуют края переломов, которые могут быть острыми или с раковинистым изломом, с небольшими трещинами, отломами и отслоениями внутренней и внешней компакты.

Кроме этого исследовались травмы лицевого

скелета и дефекты на костях посткраниального скелета. Учитывалась локализация травмы и ее последствия.

Мы наряду с другими исследователями осознаем сложность и трудность дифференциальной диагностики как любых травм, так и челюстных повреждений. В последнем случае существует большая вероятность ошибки, так как болезни пародонта и посмертные изменения могут вызывать схожие дефекты (Ortner D. J., Putschar W.G. J., 1981. P. 452–454).

В связи с приведенными выше методическими построениями проанализированы выборки из погребений ранних, средних и поздних сарматов, результаты которых приводятся ниже.

Следует уточнить еще один аспект. Статистические расчеты проводились лишь на материалах из фондов ВолГУ, изученные обоими авторами. Кроме этой коллекции при изучении краниологических выборок, хранящихся в фондах МАЭ и КИГИ РАН, М. А. Балабанова фиксировала травмы только на черепах. В связи с тем, что не было проведено полного палеопатологического обследования этого материала, нам показалось целесообразным не включать его в статистику, а лишь обращать внимание на интересные случаи.

По полной программе с учетом частоты встречаемости различных травм, проанализированы костные останки 176 индивидов из погребений **раннесарматской культуры** (табл. 1). Костный материал представлен 150 черепами и костями посткраниального скелета от 91 человека. Здесь и в двух других сериях такой набор костного материала объясняется тем, что зачастую в коллекциях представлены только черепа и лишь изредка кости посткраниального скелета.

Анализ данного материала показал, что уровень травматизма у ранних сарматов составил 13,6 %. Всего в серии было двадцать четыре травмированных человека, из них двадцать два случая было зарегистрировано на черепах и пять случаев на костях посткраниального скелета. На костях пяти человек имелись множественные ранения. У ранних сарматов не зарегистрировано ни одного случая ранений со смертельным исходом.

Таблица 1

Распределение травматизма в разновременных сарматских группах

культура	Суммарная группа			Мужчины			Женщины		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%
Ранние сарматы	176	24	13,6	82	16	20,0	65	7	11,1
Средние сарматы	112	17	15,2	62	14	23,0	45	3	6,6
Поздние сарматы	146	44	30,1	110	41	37,0	35	3	8,5

Здесь: N — количество обследованных индивидов; n — количество травмированных

Анализ гендерных зависимостей в распределении травм показал, что повреждения чаще встречаются у мужчин – 16 случаев (20 %), чем у женщин – 7 случаев (11,1 %), один дефект был зафиксирован на черепе ребенка. На черепах в мужской группе выявлено 16 дефектов (23 %), а у женщин – 4 (8 %). Кости посткраниального скелета у мужчин травмировались реже – два случая, чем у женщин – три случая.

Исследование характера травматических повреждений на черепной коробке у ранних сарматов позволило выявить следующее. На костях свода черепа десяти человек зафиксированы повреждения насильственного характера: шесть рубленых дефектов и четыре компрессионных перелома. Большая часть повреждений обнаружена на костях свода мужских черепов, кроме двух компрессион-

ных переломов на женских черепах (погребение 8, курган 83, могильник Царев и погребение 3, курган 7, могильник Маляевка-V) и одного рубленого дефекта у подростка 12–13 лет (погребение 1, кургана 10, могильник Перегрузное I) (рис. 1, А). У мужчин в подавляющем большинстве это рубленые ранения, одно сквозное проникающее повреждение и у четырех индивидов – непроникающее. Все травмы имеют следы заживления. Вероятнее всего, данные дефекты были получены осторубящим оружием, мечом или кинжалом. У мужчин этой группы зафиксировано также два случая компрессионных переломов – вмятины на черепе, имеющие овальную форму. Данные дефекты, скорее всего, были нанесены твердым тупым предметом, имеющим в сечении круглую или овальную форму.

На семи мужских черепах выявлены травмы

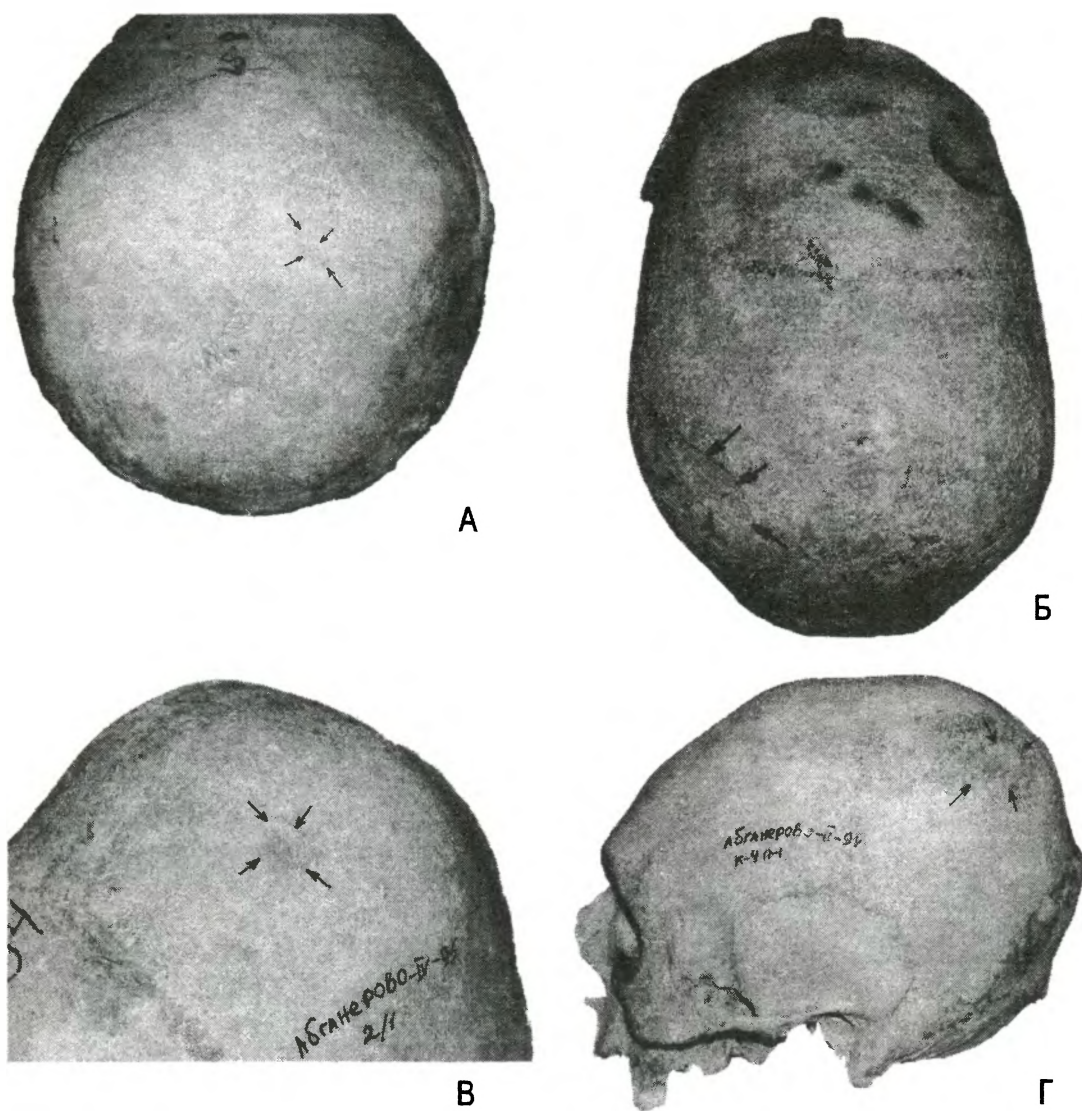

Рис. 1. Компрессионные переломы.

А – на черепе женщины из раннесарматского погребения 3 кургана 7 могильника Маляевка-V; Б–Г – на черепах мужчин из позднесарматских погребений (Б – курган 35, могильник Перегрузное-I; В – курган 2, могильник Абганерово-IV; Г – кургана 4, могильник Абганерово-II)

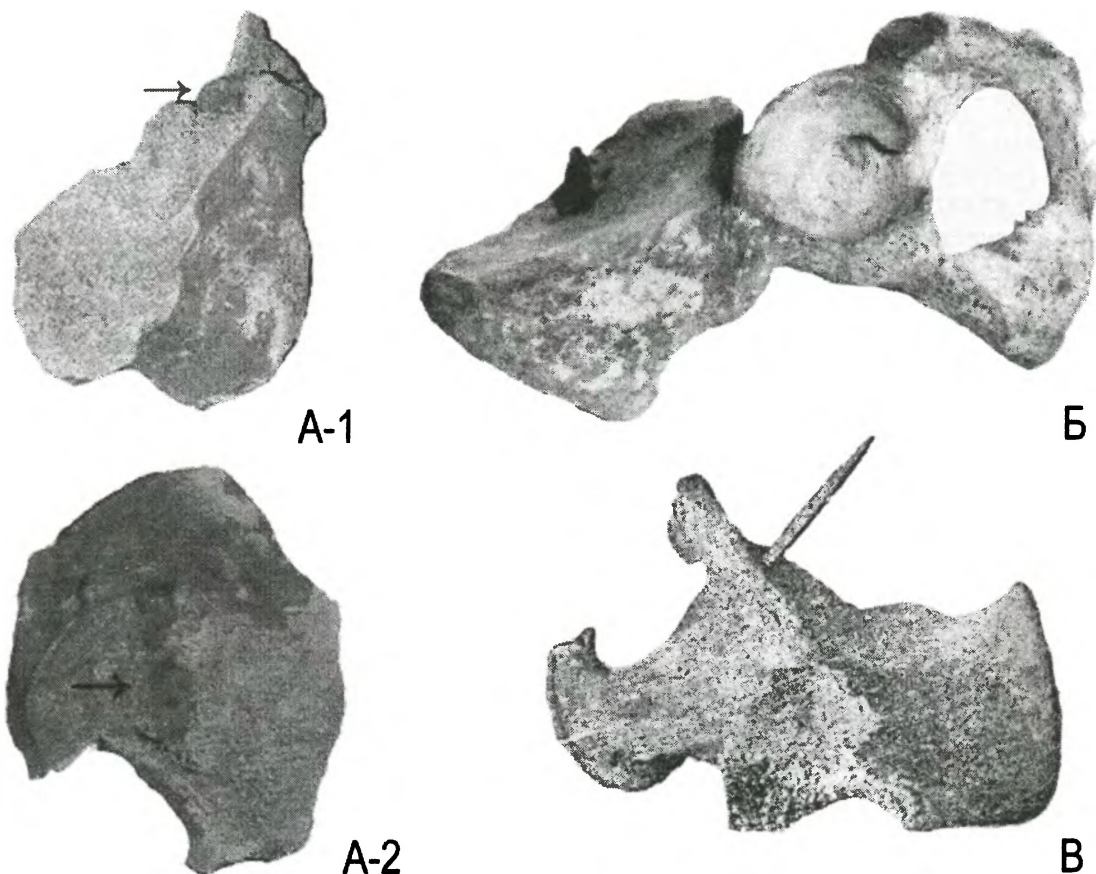

Рис. 2. Проникающие ранения стрелой.

А – ранение левой бедренной кости мужчины из среднесарматского погребения 1 кургана 2 могильника Гусевка-II. Стрелкой указан наконечник стрелы (вид сбоку и сверху); Б – тазовая кость мужчины с наконечником стрелы из среднесарматского погребения 1 кургана 4 могильника Нижнегнутов;

В – тазовая кость мужчины с наконечником дротика (железный штырь – по П. Рау) из позднесарматского погребения кургана D21 могильника Мариенталь (по: P. Rau, 1927)

носовых костей. Кроме этого, обнаружены еще три челюстные травмы. В одном случае отмечен сложный смещенный перелом нижней челюсти, а в двух других они проявились как миозиты жевательных мышц. Все лицевые повреждения, травмы носа и челюстей, очевидно, были получены в результате ударов каким-то твердым предметом или руками в кулачном бою.

Из травм посткраниального скелета преобладают травмы нижних конечностей. Три раза переломы наблюдались на малых берцовых костях и один раз на большой берцовой кости. Один раз у молодой женщины зафиксирован полный перелом ключицы.

Несколько проникающих ран стрелами были обнаружены и на материалах из коллекций МАЭ и КИГИ РАН. Довольно интересный случай представляет рана, обнаруженная у мужчины из погребения 13 кургана 1 могильника Петрунино-II. В третьем левом ребре ближе к бугорку выявлено инородное тело, которое идентифицировано как железный наконечник стрелы, окруженный костной

мозолью. Видимо, мужчина после получения травмы еще какое-то время продолжал жить. Это погребение включало полный набор раннесарматского вооружения. Благоприятный исход имело другое проникающее ранение стрелой. Дефект кости выявлен на правом лобном бугре у мужчины 35–45 лет из погребения 28 (костяк 2) кургана 1 могильника Кривая Лука-III. Идентифицировать оружие, которым нанесено ранение на лобной кости мужчины 40–50 лет из погребения 3 кургана 2 группы 59 могильника на трассе канала Волга–Чограй, довольно сложно. Два небольших дефекта округлой формы диаметром около 10 мм располагались на расстоянии 15 мм друг от друга. Травма, нанесенная, без сомнения, колющим оружием, имела следы облитерации. Характер поражения позволяет определить орудие как двузубец, либо поражение было нанесено двумя стрелами.

Очень яркая картина вырисовывается при анализе травм на черепе молодого мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V. Три поражения, две рубленые раны и один вдавленный

перелом, оказались со следами заживления, а вот стреляное ранение, обнаруженное вместе со стрелой в левой крыло-небной ямке, видимо, стало причиной его смерти.

Несколько выше уровень травматизма у населения **среднесарматской культуры**, который составляет 15,2 %, 17 травмированных людей на 112 обследованных. У двух человек на костях имелись комплексные ранения, остальные имели травмы свода черепа и посткраниального скелета. Все случаи со следами заживления, кроме одного смертельного и, как ни странно, у женщины. Дефект, скорее всего, был нанесен ударом тяжелого предмета с острым концом и обоюдоострыми сторонами, предположительно мечом или кинжалом. Следствием этого явился откол верхней части височной кости и образование отверстия длиной 40 мм и шириной 25 мм. Форма дефекта линзовидная. Следов заживления или репаративного процесса не обнаружено.

Различные травмы обнаружены в основном у мужчин – 14 случаев (23 %) и только в трех случаях (6,6 %) у женщин. На женском материале все они связаны с дефектами свода черепа. Повреждения костей носа и посткраниального скелета наблюдаются только у мужчин. Распределение травм по возрастным группам показало, что чаще дефекты на костях встречаются у людей в возрасте «maturus» – 12 случаев. Четыре травмы зафиксированы на костях людей старческого возраста и две – у молодых индивидов.

Определение характера и особенностей повреждений позволило выявить один проникающий дефект, полученный в результате ранения стрелой. У взрослого мужчины из погребения 1 кургана 2 могильника Гусевка II при исследовании фрагментов левой бедренной кости в ее медиальном конце обнаружено инородное тело в виде железного втульчатого наконечника стрелы. Следов заживле-

ния или воспалительного процесса не зафиксировано (рис. 2, А).

Другой случай ранения со смертельным исходом зарегистрирован на правой тазовой кости, ближе к ушковидной поверхности, у мужчины из погребения 1 кургана 4 могильника Нижнегнутов. Там находился трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 2, Б).

В подавляющем большинстве для носителей среднесарматской культуры характерны компрессионные переломы костей свода черепа (семь случаев). Все вдавленные дефекты имеют практически одинаковую форму – овальную или округлую. Располагаются они в заднем или переднем отделе черепа и имеют благоприятный исход со следами заживления. Из всех компрессионных переломов следует указать на комплекс дефектов, выявленных у женщины 35-40 лет из погребения 3 кургана 7 могильника Маляевка-V. У нее обнаружено два повреждения свода черепа. Одно ранение по типу компрессионного перелома свода черепа, размером 35×35 мм, имело четкую округлую форму. Причиной возникновения дефекта мог стать удар тупым предметом, имеющим значительную по площади поверхность поражения.

Случай сдавленного перелома костей свода и основания черепа обнаружен у мужчины старше 50 лет из погребения 2 кургана 74 могильника Новый (рис. 3, А). Судя по характеру и расположению повреждения, оно было получено в результате двухстороннего давления черепной коробки. Наличие на теменной кости трещин, идущих в двух противоположных направлениях, указывает на то, что основная сила давления шла с верху правой стороны. Кроме этого, у него же был зафиксирован полный перелом левой локтевой кости. Травма локализуется в нижней части диафиза кости в области расположения дистального латерального гребня.

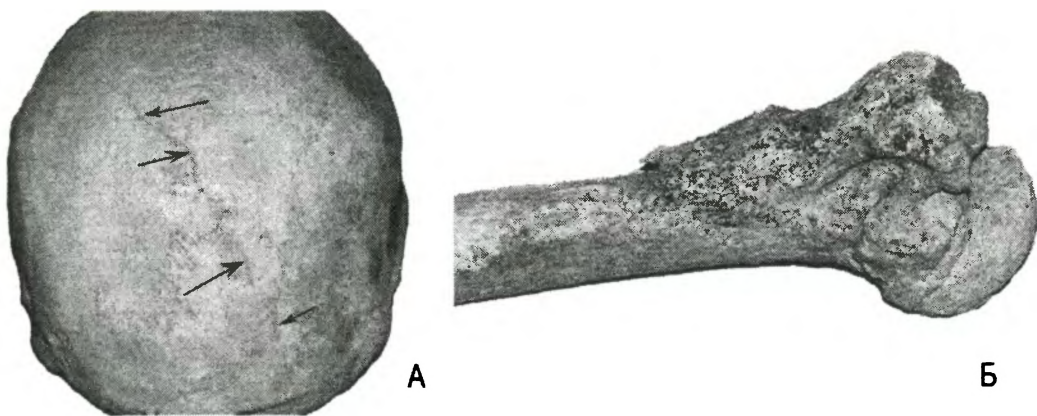

Рис. 3. Сдавленный перелом костей свода и основания черепа у мужчины из среднесарматского погребения 2 кургана 74 могильника Новый (А); рубленое ранение плечевой кости мужчины из позднесарматского погребения кургана 19, могильника Высочино-VII (Б)

Эта травма, как и предыдущая, имеет благоприятный исход. Очень может быть, что оба повреждения, перелом костей свода черепа и локтевой кости, получены одновременно в результате несчастного случая, например, падения с коня или с большой высоты, или механического воздействия на черепную коробку значительного по величине объекта. Данные травмы трудно интерпретировать как боевые, хотя не исключается и такая трактовка, тем более, что погребение воинское.

Обширная рубленая рана со следами заживления обнаружена на черепе мужчины в возрасте около 50 лет из могильника Терновский. Основная сила удара пришлась на правый теменной бугор, пересекая ее наискосок.

Травмы носа также обнаруженные на черепах средних сарматов приводили к смещению как перегородки носа (сошник), так и носовых костей вправо, а сами кости деформированы или мозаично сращены. Все эти признаки указывают на то, что удары наносились с правой стороны.

Из травм на костях посткраниального скелета интересный и редкий случай представляет сдавленный перелом первого поясничного позвонка мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 16 могильника Высочино VII.

У мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 25 могильника Тузлуки наблюдались значительные дегенеративные изменения правого тазобедренного сустава. Головка бедренной кости и вертлужной впадины значительно расширены. По их краям фиксируются мощные разрастания. Суставные поверхности головки и полулунная поверхность вертлужной впадины покрыты порозом. Шейка бедренной кости расширена, местами на ней фиксируются костные наросты разнообразной величины. Вполне возможно, что данные изменения тазобедренного сустава могли быть вызваны травмой, переломом или вывихом.

У носителей среднесарматской культуры зафиксированы также перелом правой большой берцовой кости, полный перелом пястной кости и левой локтевой. Во всех случаях травмы имели благоприятный исход.

У населения *позднесарматской культуры*, по сравнению с предшествующими группами, значительно возрастает уровень травматизма, который составил 30,1 % (44 случая на 146 обследованных индивидов) (табл. 1). У мужчин травматизм значительно выше: сорок один случай, что составляет 37 % от общей численности мужской части выборки и только кости троих женщин имели следы травм (8,5 %). Поскольку у женщин все три повреждения на лицевых костях – травма носа и поврежде-

дения альвеолярных отростков, то больше внимания уделим мужским травмам.

На костных останках двадцати человек зафиксированы травмы свода черепа, у восемнадцати – повреждения носовых костей, у шестерых – челюстные, а у десяти – дефекты травматического характера на костях посткраниального скелета. Все ранения подразделяются на ранения, явившиеся причиной летального исхода и ранения со следами облитерации (рис. 4; 5). В основном это рубленые раны, чаще всего они выявлены у мужчин молодого и зрелого возрастов. Есть компрессионный перелом со смертельным исходом, обнаруженный у мужчины 30–40 лет.

При определении характера травм носовых костей обнаруживается их однотипность – перелом носовых костей с искривлением носовой перегородки и смещением костей носа в правую или в левую сторону. Иногда травмированные части вогнуты в носовую полость (рис. 6).

В шести случаях обнаружены травмы альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти. Наиболее интересными являются два повреждения. Первое обнаружено у мужчины из погребения 2 кургана 1 могильника Абганерово-V. Предполагается, что травма, вероятнее всего, явилась результатом удара тяжелым широким в сечении предметом, что привело к деформации всех костей правой части лицевого отдела. Второе ранение обнаружено у мужчины из кургана 1 могильника Громославка II. Характер ранения определяется как колото-резаная проникающая рана носовых и верхнечелюстных костей. Возможно, рана была нанесена ножом (рис. 6).

Отдельную группу составляют вдавленные и компрессионные переломы костей свода черепа, которые обнаруживают сходство по типу и проявлению (рис. 1, Б–Г). Чаще всего они локализируются на теменных, затылочной или лобной костях и имеют овальную либо подовальную форму. Все это указывает на то, что травмы были получены в результате ударов сверху, спереди или сзади тяжелым предметом, вероятнее всего овальным в сечении. Только у одного индивида – мужчина из погребения 3 кургана 9 могильника Маляевка V – на левой теменной кости в области теменного бугра обнаружен костный дефект, по типу вмятины квадратной формы. Повреждение нанесено тяжелым предметом, форма сечения которого, вероятно, была прямоугольной или квадратной.

Довольно обширной является и группа рубленых ранений, в которой есть случаи с летальным исходом. Все рубленые повреждения имеют характерную область разруба с острыми концами и уз-

кой щелью входного отверстия. Длина дефектов сильно варьирует и зависит, видимо, от длины и ширины поражающей поверхности используемого оружия, а также силы удара (рис. 4; 5). Не вызывает сомнения, что такие повреждения были нанесены тяжелым рубящим оружием, мечом или кинжалом.

Из травм посткраниального скелета чаще встречаются переломы ключиц, полные переломы больших берцовых и малоберцовых костей, травмы бед-

ренной кости и дефекты на плечевых костях. Так, у мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 19 могильника Высочино VII зафиксировано рубленое ранение левого плечевого сустава. Головка левой плечевой кости раздвоена вертикально (рис. 3, Б). В результате перелома разлом кости доходит практически до дельтовидной бугристости. Края перелома хорошо заметны на передней и задней поверхностях кости. На шаровидной головке отчет-

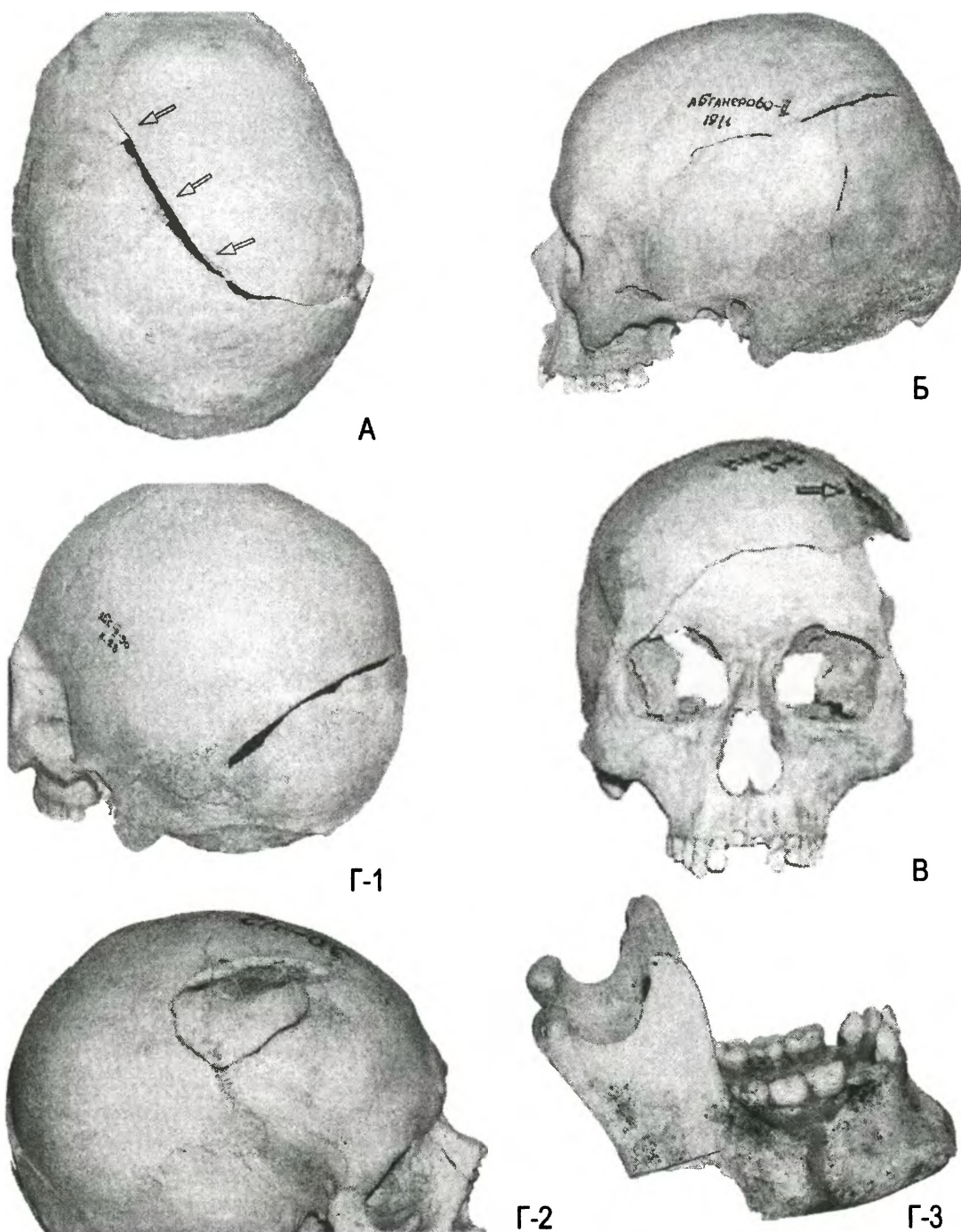

Рис. 4. Следы рубленых ранений со смертельным исходом на черепях молодых мужчин из погребений позднесарматского времени.

А – курган 1, могильник Веселый; Б – курган 19, могильник Абганерово-II; В – курган 3, могильник Маяк-II; Г – курган 28, могильник Абганерово-II

ливо видна плоскость разруба, сглаженные края которого фиксируются на задней ее части. Сила удара была настолько велика, что произошел не только перелом плечевой кости, но и вывих плечевого сустава, о чем свидетельствует образование ложного сустава на левой лопатке. Дегенеративные изменения на суставных площадках, а также сильная развитость мышечного рельефа длинных костей левой стороны указывают на благоприятный исход ранения.

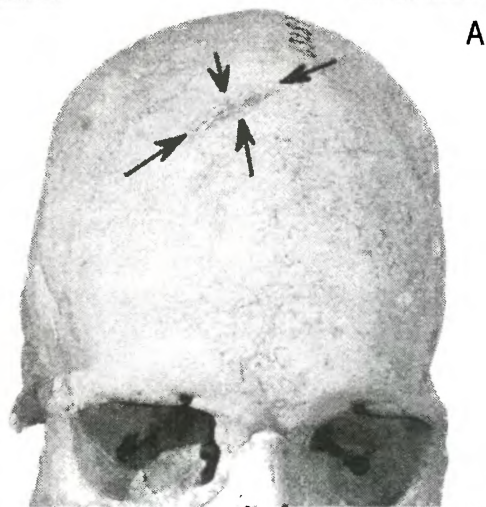

Рис. 5. Следы заживших рубленых ран на черепах мужчин из погребений позднесарматского времени.

А – курган 2, могильник Абганерово-IV;
Б – курган 26, могильник Три Брата-II;
В – курган 4, могильник Аксай-II

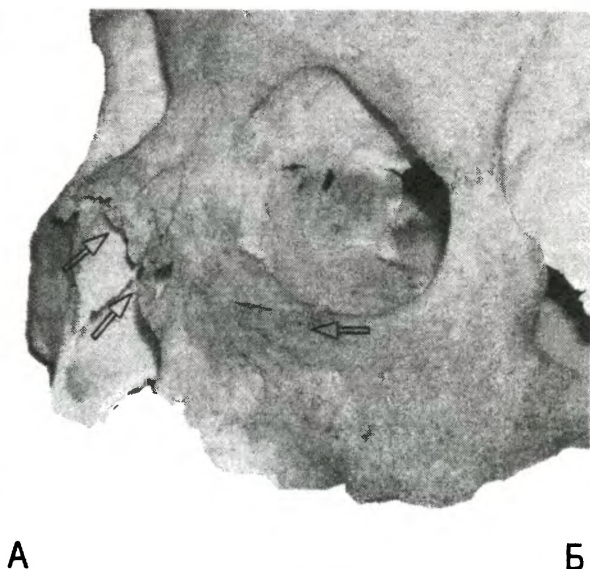
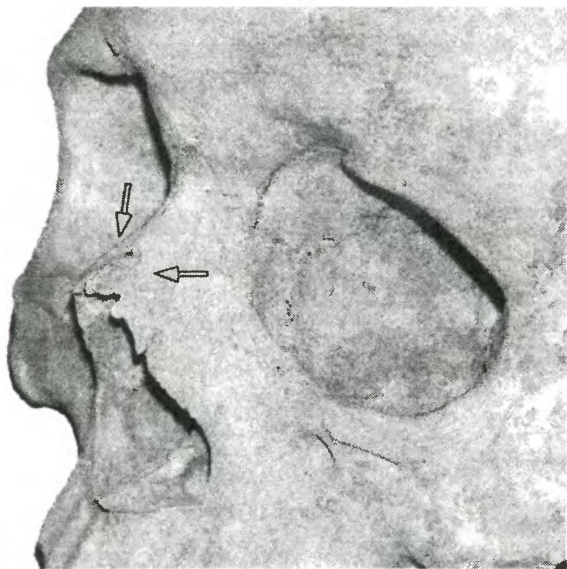
Еще одно проникающее ранение (?) со смертельным исходом, но не включенное в подсчеты, зафиксировано на тазовой кости мужчины из погребения кургана D21 могильника Мариенталь, опубликованного П. Рау (Rau P., 1927. Abb. 42. S. 51; Abb. 44. S. 52). На тазовой кости области гребня лобковой кости торчало железное острие – дротик (?).

Таким образом, результаты специального исследования сарматского материала на травматические повреждения, в целом подтверждают данные письменных источников о значительном месте войны в жизни сарматского общества. Распределение травм боевого характера по различным периодам сарматской истории позволяет сделать следующие выводы:

1. У населения ранне- и среднесарматского времени травматические повреждения наблюдаются относительно редко, хотя и намечается их рост к среднесарматскому времени. Позднесарматское общество резко отличается от своих предшественников в сторону увеличения травматических повреждений, в том числе и со смертельным исходом. Причем увеличение идет как по травмам свода черепа и лицевым повреждениям, так и по травмам костей посткраниального скелета. У поздних сарматов преобладают рубленые раны и компрессионные переломы. Идентифицировать оружие, которым были нанесены компрессионные переломы сложно, так как оно отсутствует в наборе позднесарматского вооружения. Малое количество колотых и стреляных ран, возможно, следует связать с тем, что среди сарматов этой группы лук со стрелами играл не первостепенную роль. Об этом свидетельствуют и более редкие находки этого типа вооружения в погребениях позднесарматского времени.

2. Наблюдается четкая направленность в распространении травм по половому признаку. Во всех трех сарматских культурах ранения боевого характера чаще всего встречаются у мужчин. Не исключено, что травматические повреждения, зафиксированные на женских костях, тоже имеют военный характер.

3. Повышение мужского травматизма во второй половине II–IV вв. н. э., очевидно, характеризует общество как более агрессивное, чем раннесарматское и среднесарматское. Это, вместе с половозрастными перекосами: резкое преобладание мужчин над женщинами и почти полное отсутствие детских костяков в захоронениях этого времени, позволяет определить поздних сарматов как очень подвижную группу с военной специализацией. В данном случае, видимо, реконструкция по архео-

А

Б

Рис. 6. Травмы носа на черепах из погребений позднесарматского времени.

А – погребение 2, курган 26, могильник Барановка-I; Б – погребение 1, кургана 1, могильник Громославка-II

логическому комплексу не совпадает с антропологическими данными, так как частота встречаемости различных типов вооружения у поздних сарматов ниже, чем у ранних и средних сарматов, а распространение травм на позднесарматских костях гораздо выше, чем у их предшественников.

4. Анализ травм, зафиксированных на материалах различных сарматских культур, показал их разнотипность. Травмы обнаруженные на сарматских костях классифицируются как вдавленные (компрессионные) переломы костей свода черепа; рубленые дефекты, наносимые тяжелым рубящим оружием; травмы лицевого скелета (нос, верхняя или нижняя челюсть); проникающие ранения стрелой и др. Вполне возможно, что лицевые повреждения могли быть последствием какого-либо обряда перехода, результатом частых боевых игр, рукопашного боя или социальной нестабильности в обществе (Ortner D.J., Putsch W. G. J., 1981. P. 452–454).

5. Одним из возможных вариантов объяснения большого количества таких травм лица как прижизненная утрата верхних и нижних резцов, может быть использование зубов во время джигитовки, когда, например в бою, необходимо контролировать поведение лошади, а руки заняты.

6. Большинство ранений имеет благоприятный исход, хотя есть и смертельные случаи. Значительное количество комплексных ранений и единичных повреждений со следами заживления, возможно, объясняется, в том числе и наличием у сарма-

тов защитного вооружения высокого качества. По крайней мере, сведения такого порядка имеются как в античных источниках, так и в археологической литературе. Судя по характеру повреждений и их проявлению, эффект применения защитной амуниции был достаточно высок. Подробный анализ ранений, особенно тех, которые, по данным судебно-медицинских экспертов, несовместимы с жизнью, указывают не только на использование защитного вооружения, но и на своевременное применение врачебных навыков. Вполне вероятно, что сарматские врачи достигли значительных высот в травматологической хирургии.

7. Атрибутом воинской доблести в древности являлись не только боевые ранения, но и скальпы врагов. Достоверные случаи снятия скальпа с головы человека отмечены у трех сарматских мужчин – костяк «а» из погребения 4 кургана 85, погребения 7 и 8 кургана 129 могильника у хутора Новый, и одной женщины 17–19 лет – костяк «б» погребения 4 кургана 85 того же могильника (Перерва Е. В., 2005а).

Таким образом, можно констатировать, что сарматы на протяжении всех трех периодов их истории получали травмы от одинаковых видов оружия. Это могли быть твердые тупые предметы – палицы, дубины или праща, колюще-режущие – ножи, копья, стрелы, острорубящее оружие типа мечей или кинжалов. Данное предположение вероятно верно, хотя бы по тому обстоятельству, что большую часть перечисленных выше видов вооружения часто находят в сарматских погребениях.

Ранние кочевники Южного Приуралья: одонтологическая характеристика

Сложность проблем, связанных с историей происхождения и формирования населения евразийских степей скифо-сарматского времени, с одной стороны, и пополнение источниковой базы в результате широкомасштабных археологических работ – с другой, стимулируют постоянный интерес антропологов к сарматам. Однако основной массив антропологических исследований посвящен анализу краниологического материала, а доля работ по морфологии зубной системы значительно меньше. Имеющийся в распоряжении палеоодонтологов материал, охватывающий период с VIII века до н. э. по IV век н. э., весьма фрагментарен. Удовлетворительно изученными являются лишь территория Украины и Приаралья (Багдасарова Н. А., 2000; Рыкушина Г. В., 1993а; 1993б; 1995; Сегеда С. П., 2001). Одонтологических материалов с территории Южного Приуралья, игравшего ключевую роль в формировании и дальнейшей эволюции прохоровской и позднесарматской культур до недавнего времени не было вообще.

Возможность составить представление об особенностях морфологии зубной системы ранних кочевников южноуральских степей появилась с введением в научный оборот достаточно представительной серии из могильника Покровка-10. Целью предпринятого анализа одонтологических особенностей приуральского населения было определение его места среди синхронных групп Восточной Европы и уточнение путей генезиса. Исходя из этого, главная задача состояла в описании морфологии зубной системы кочевников, погребенных в могильнике Покровка-10 и в проведении ретроспективного анализа рассматриваемых групп на широком фоне восточноевропейского населения.

Источником для данного сообщения послужила краниологическая коллекция, собранная в 1996–2001 годах в ходе работ Илекской комплексной экспедиции Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН на территории Соль-Илецкого района Оренбургской области под руководством Л. Т. Яблонского.

Могильник Покровка-10 функционировал длительное время, курганы содержат погребения начиная с савроматского и заканчивая позднесарматским периодом (Яблонский Л. Т., 1999). Одонтологический материал был скомпонован в две группы: первая – прохоровского времени (IV–II вв. до н. э.), вторая – позднесарматского (II–IV вв. н. э.).

В целом, особенности морфологии зубной системы позволяют рассматривать носителей прохоровской культуры как представителей западного одонтологического ствола. Для них характерно полное отсутствие лопатообразных верхних медиальных резцов при наличии лопатообразности латеральных, низкий уровень редукции метаконуса второго верхнего моляра и умеренные частоты бугорка Карабелли, невелика частота шестибугорковых первых нижних моляров. Относительно носителей прохоровской культуры можно говорить о значительной грацилизации в классе нижних моляров: значительна частота четырехбугорковых первых моляров, встречаются трехбугорковые вторые. Отражением общей грацилизации зубо-челюстного аппарата является редукция альвеолярного отростка, которая влечет за собой, помимо прочего, повышение частоты срастания корней (Зубов А. А., 1973. С. 151). В связи с этим, обращают внимание низкие частоты дифференцированных корней премоляров и моляров (трехкорневые моляры не были отмечены ни разу).

Характерной особенностью группы является и чрезвычайно высокая гиподонтия зубов мудрости, которая не находит параллелей среди синхронных популяций раннего железного века: отсутствие хотя бы одного третьего моляра зафиксировано у 61,9 % представителей прохоровской культуры. Более или менее близкие показатели отмечены лишь на территории восточного Приаралья у носителей джетысарской культуры, захороненных в склепах. Население этой культуры – единственная группа, в которой гиподонтия регистрируется в 55,6 % случаев, однако, серия эта малочисленна и искусственна, что снижает достоверность полученного пока-

зателя. О том, насколько высока гиподонтия у носителей прохоровской культуры, свидетельствуют сравнительные данные: частота врожденного отсутствия МЗ редко превышает 20 % в древних популяциях и 30 % – в современных.

На наличие южного вектора связей ранних сарматов указывают очень высокие частоты таких образований, как дистальный гребень и эпикристид. Последний встречается в популяциях обычно в 1–2 % случаев, а в анализируемой выборке – в 7,7 %. Высокие частоты эпикристида могут одновременно служить и указателем на некоторую архаичность одонтологического комплекса, которая подкрепляется очень высокими частотами встречаемости косого гребня на первом верхнем моляре.

Поздние сарматы Покровки-10 в целом также тяготеют к западному кругу популяций с выраженным уровнем редукции. Об этом свидетельствуют частоты четырехбугорковых М₁ и М₂, показатель уровня редукции метаконуса на М². Однако по сравнению с раннесарматской серией наблюдается повышение частот некоторых маркеров восточной ориентации. В первую очередь, это касается лопатообразности верхних резцов – одного из ведущих расодифференцирующих фенотипов в этнической одонтологии. Если в прохоровской серии выраженные краевые гребни с лингвальной стороны коронки не были отмечены ни разу, то у поздних сарматов – в 42,9 % случаев. Заметим однако, что к этому показателю необходимо относиться осторожно, так как получен он лишь на основе семи наблюдений, но в то же время, на имевшихся трех левых резцах также была отмечена выраженная лопатообразность. Подтверждением общей тенденции усиления проявления восточных черт во фронтальной области зубного ряда служит показатель соотношения лопатообразности первого и второго резцов: у поздних сарматов частота лопатообразности первого резца значительно превышает частоту второго, что наиболее характерно для представителей восточного одонтологического ствола. Возросла величина и такого фенотипа восточной ориентации, как дистальный гребень тригонида, значителен уровень дифференциации коронки нижних премоляров (как первого, так и второго) и срастания корня первого верхнего премоляра.

Произошло значительное, но не достигающее уровня достоверности, снижение частоты встречаемости бугорка Карабелли. Значения, отмеченные у поздних сарматов Покровки-10 (23,1 %), характерны как для групп смешанного происхождения, содержащих восточный компонент, так и для южных европеоидов – носителей южного грацильного одонтофенотипа.

Частоты межкорневого затека эмали на вторых молярах, достаточно высокие в прохоровской группе, увеличиваются в позднесарматской, достигая значений, вполне характерных для представителей восточного одонтологического ствола. Обращает на себя внимание, что усиление восточного комплекса произошло не направленно, а мозаично: наряду с повышением одних черт, наблюдается элиминация других. Так, исчезли шестибугорковые первые нижние моляры.

Для получения представления о степени близости прохоровской и позднесарматской групп, посредством F-критерия Фишера было вычислено среднее таксономическое расстояние (СТР) между ними (Зубов А. А., 1986. С. 143). СТР между ранними и поздними сарматами, рассчитанное по семи основным характеристикам, составляющим восточный и западный комплексы, оказалось равным 0,58. Такая величина указывает на значительные различия между сравниваемыми сериями.

Интересно, что хотя временной разрыв между прохоровской и позднесарматской группами составляет как минимум два с половиной столетия, мы наблюдаем нарушение эпохальной динамики изменчивости большинства признаков, образующих редукционный комплекс. Было доказано, что частоты редуцированных латеральных резцов и гипоконуса М², бугорка Карабелли, гиподонтии третьих моляров увеличиваются в направлении к современности. Материалы могильника Покровка-10 демонстрируют нам обратную динамику (за исключением редукции гипоконуса). Такие ситуации отмечались и ранее (Донина Н. И., 1969; Рыкушина Г. В., 1977). В частности, на близкой к рассматриваемой нами территории восточного Прикаспия материал из могильника Казыбаба также демонстрирует уменьшение частот бугорка Карабелли, гиподонтии МЗ, редуцированных латеральных резцов (Багдасарова Н. А., 2000). Возможно, отмеченное нарушение временной изменчивости может быть следствием метисации, включения в состав поздних сарматов Покровки-10 групп нового населения, которое и привело к «сбою» эпохальной динамики.

Для уточнения генезиса изучаемого населения проведем синхронный и диахронный анализ, поэтапно рассматривая в системе координат «восток-запад» локализацию ранних кочевников Южного Приуралья на фоне территориально и хронологически близкого населения (главным образом степной Евразии).

Рисунок 1 показывает взаиморасположение ранних и поздних сарматов Покровки-10 на фоне групп раннего железного века. По оси абсцисс отложены усредненные значения показателей вос-

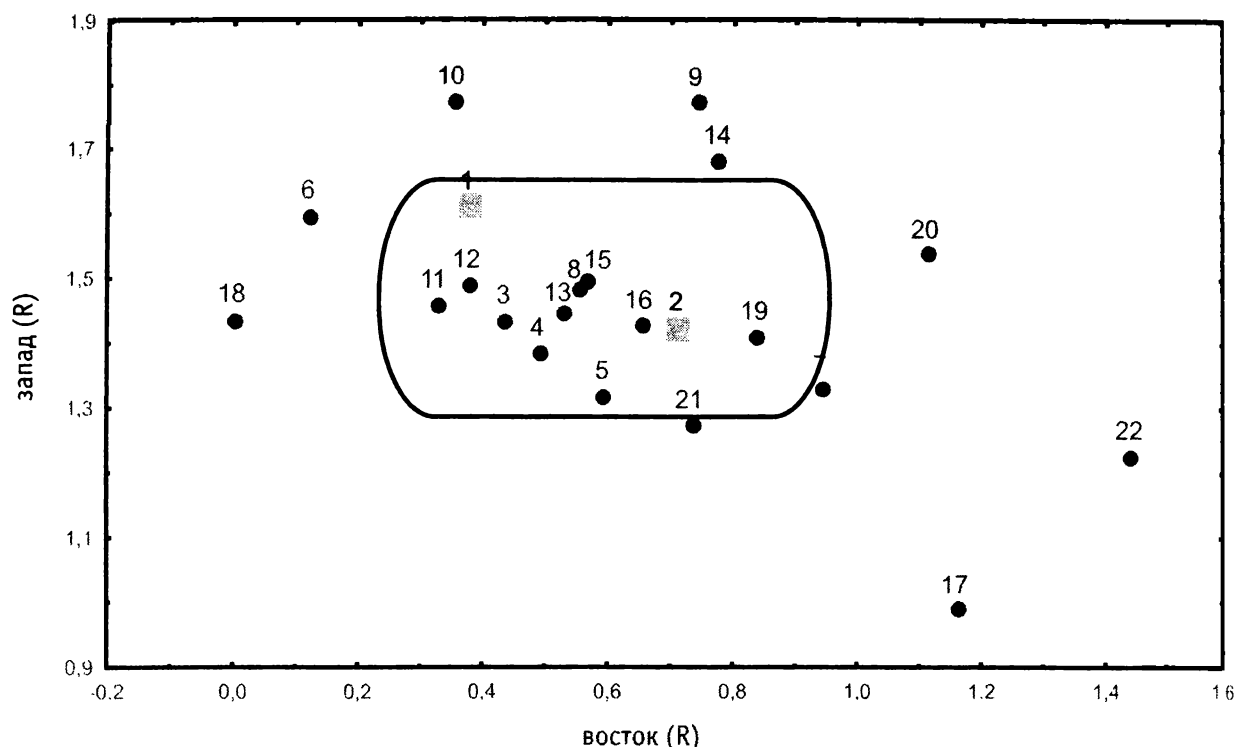

Рисунок 1. Положение прохоровской и позднесарматской серий могильника Покровка-10 на фоне групп эпохи раннего железа.

- 1 – Покровка-10 («прохоровцы»); 2 – Покровка-10 (поздние сарматы); 3 – Казыбаба (савроматы); 4 – Казыбаба (поздние сарматы); 5 – узбойская культура, южная группа (Восточный Прикаспий); 6 – узбойская культура, северная группа; 7 – Алтынасар 4 (Восточное Приаралье); 8 – Усть-Каменка (сарматы, Нижнее Поднепровье); 9 – сарматы Причерноморья; 10 – Медвинский (скифы); 11 – Светловодский (скифы); 12 – Верхнетарасский (скифы); 13 – Николаево-Казацкое (скифы); 14 – скифы северо-западного Причерноморья; 15 – Николаевское (скифы); 16 – «тагарцы»; 17 – «ананьинцы»; 18 – «черняховцы» Молдавии; 19 – Косасар 2 (Восточное Приаралье); 20 – Косасар 3 (Восточное Приаралье); 21 – «пьяноборцы» (Икский могильник); 22 – «пьяноборцы» (Тарасовский могильник).

Источники данных: группы 3, 4 – Багдасарова Н. А., 2000; 5, 6 – Аксянова Г. А., Гельдыева Г., 2002; 7, 16, 19–22 – Рыкушина Г. А., 1977; 1993а; 1993б; 1997; 8–15 – Сегеда С. П., 2001; 17, 18 – Гравере Р. У., 1987.

точного комплекса, выраженные в радианах: лопатообразность Γ' , дистальный гребень тригониды и шестибугорковые M_1 ; по оси ординат – западного: бугорок Карабелли, четырехбугорковые M_1 и M_2 . Из традиционного для отечественной одонтологии комплекса восточных маркеров исключен такой признак, как коленчатая складка метаконида, ввиду слишком малого числа моляров в нашей серии, на которых этот признак просматривался.

На рисунке видно, что ранняя и поздняя группы Покровки-10, относясь к одному массиву, включающему главным образом серии скифов и сарматов, расположились на противоположных его полюсах: носители прохоровской культуры вместе со скифами Нижнего Поднепровья (могильник Верхнетарасовский) и скифами лесостепной зоны (могильник Светловодский) занимают позицию, для которой характерны низкие значения восточного комплекса, а поздние сарматы Покровки-10 наряду с представителями тагарской культуры оказались в зоне

более выраженного восточного компонента. При этом вариация значений западного комплекса в группах, образовавших этот массив, незначительна.

Рисунок 1 демонстрирует близость прохоровской серии к скифским выборкам. Объяснений такому расположению может быть несколько: либо группы объединяет единство генофонда, то есть общий субстрат, либо близость является следствием непосредственных контактов. Не исключено и влияние так называемого статистического эффекта, обусловленного малым количеством сравниваемых серий и их крайней малочисленностью. Для корректной интерпретации этой ситуации необходимо дальнейшее накопление фактического материала.

Таким образом, визуализация одонтологических данных на рисунке 1 подтвердила впечатление, полученное на основе морфологического анализа: поздние сарматы Покровки-10 отличаются от ранних сарматов более значительной концентрацией черт восточного одонтологического ствола, что позво-

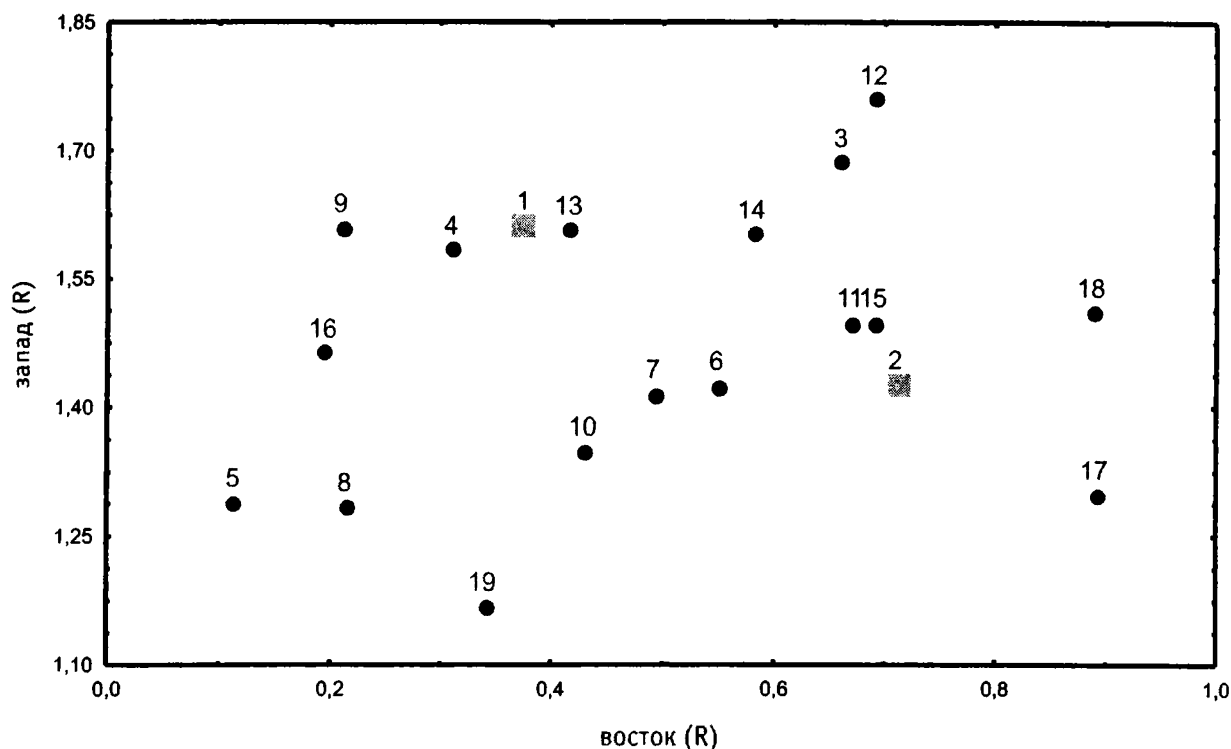

Рисунок 2. Положение прохоровской и позднесарматской серий могильника Покровка-10 на фоне групп эпохи бронзы.

1 – Покровка-10 («прохоровцы»); 2 – Покровка-10 (поздние сарматы); 3 – Алтын-депе (Южная Туркмения); 4 – «балановцы»; 5 – «фатьяновцы»; 6 – Кивуткалнс (Латвия); 7 – «ямники» Украины; 8 – Кривое Озеро (Южный Урал); 9 – «срубники» Украины; 10 – «катакомбники» Украины; 11 – Гонур, некрополь (Южная Туркмения); 12 – Гонур, р. 5; 13 – Саппалитепе (Южный Узбекистан); 14 – Джаркутан (Южный Узбекистан); 15 – «андроновцы» Северного Казахстана; 16 – «андроновцы» Минусинской котловины; 17 – «андроновцы» верхней Оби; 18 – «карасукцы», 19 – бронза Молдавии.

Источники данных: группы 3, 14 – Бабаков О. Б., Рыкушина Г. В. и др., 2001; 4–6 – Гравере Р. У., 1985; 1987; 7 – Гравере Р. У., 1999 (данные Сегеды С. П.); 8, 11, 12, 15–18 – Рыкушина Г. В., 1977 и неопубликованные данные*; 13 – Бабаков О. Б., Рыкушина Г. В. и др. (данные Ходжайова Т. К.); 9, 10, 19 – Халдеева Н. И. (неопубликованные данные*).

ляет предполагать участие в их генезисе групп восточного происхождения, морфологически близких носителям тагарской культуры Минусинской котловины.

Чтобы найти более ранние аналогии одонтологическому типу ранних кочевников Южного Приуралья, рассмотрим наши группы на фоне населения предшествующего исторического периода – эпохи бронзы. Рисунок 2 демонстрирует близость носителей прохоровской культуры к населению Среднего Поволжья, носителям балановской культуры, с одной стороны, и к населению, оставившему могильник Саппалитепа – с другой. Поздние сарматы наиболее близки к племенам андроновской культуры Северного Казахстана и населению, захороненному в некрополе Гонура (юг Туркмении).

Палеоодонтологический материал является не только самостоятельным источником расогенетической информации, но дает также возможность косвенно получить представление об общем состоянии здоровья древнего населения, уровне его ре-

зистентности действию окружающей среды (как природной, так и социальной), а также о некоторых особенностях образа жизни и хозяйственной деятельности.

Ранне- и позднесарматское население испытывало повышенные нагрузки на зубочелюстной аппарат, что влекло за собой преждевременную стираемость коронок, утрату зубов и атрофию альвеолярных отростков обеих челюстей. У 12 из 19 индивидов (63,2 %) прохоровского времени «одонтологический» возраст, определенный по уровню стертости коронок зубов, существенно опережает «краниологический», установленный по степени облитерации швов на черепе. В позднесарматской серии такая дисгармония фиксируется на 37,5 % черепов.

Величины такого порядка могли встречаться в древних популяциях вплоть до неолитического времени, когда к повышенной стертости эмали приводило употребление в пищу твердых, жестко-волокнистых растительных продуктов и практиче-

вана использованием зубов в качестве вспомогательного инструмента в трудовом процессе: выделывании растительных и животных волокон, обработке шкур. В пользу такого предположения свидетельствует высокая частота встречаемости специфической стертости одного или, чаще, нескольких зубов.

О значительном давлении на зубочелюстной аппарат говорит и гиперцементоз – повышенное отложение цемента в верхушечной трети корня. Гиперцементоз является компенсаторным явлением, служащим для лучшего укрепления зуба в альвеолярной луночке и отмечается на зубах, подверженных перегрузке (Вайс С. И., 1965. С. 59). У носителей прохоровской культуры он распространен с частотой 10,0 %, у поздних сарматов – 17,0 %. Во многих случаях даже включение этого компенсаторного механизма не могло препятствовать утрате одного или нескольких зубов, что нередко приводило к атрофии альвеолы. Так, у 31,6 % «прохоровцев» отмечена атрофия дистальных отделов верхней и нижней челюстей, со временем этот показатель снижается, но не существенно и у поздних сарматов атрофия (не только дистального, но и фронтального участка) фиксируется в 28,6 % случаев.

Особенно сильную нагрузку испытывали люди, у которых зубы были вовлечены в процесс «профессиональной» деятельности. Так, в этой группе краниологический возраст отстает от одонтологического чаще, равно как и к атрофии такая интенсивная «эксплуатация» зубов приводила значительно быстрее.

Со значительной частотой в исследованных группах фиксируется и прижизненная потеря зубов: у 45,2 % и 47,0 % обследованных индивидов. Можно назвать несколько причин, приводящих к столь значительной прижизненной потере: во-первых, кариес, когда вследствие «агрессивного» его течения и осложнений происходит полное разрушение коронки и воспаление периодонта, приводящее к выпадению зуба; во-вторых, пародонтоз – хроническое заболевание окружающих зубы тканей дегенеративно-дистрофического характера, ведущее к нарушению устойчивости зубов и возникающее часто вследствие повышенных нагрузок на зубочелюстной аппарат.

Кариес зубов – наиболее распространенная болезнь современного человечества, однако таковой он стал лишь в последние несколько столетий. Появление же кариеса в древних группах указывает на подверженность их пищевому стрессу, под которым подразумевается недостаточное, малокалорийное питание, периоды голодания, нехватка в диете одних элементов (кальций, фтор) и избыток других (сахароза, фруктоза, лактоза). Возникнове-

ние кариеса провоцируют так же недостаток ультрафиолета, тепла, комфортности, влекущий за собой снижение сопротивляемости организма (Бужилова А. П., 1998. С. 128). Среди групп кочевников, оставивших могильник Покровка-10, распространенность общего кариеса отмечается с умеренной частотой. Носители прохоровской культуры были подвержены этому заболеванию в большей мере, чем поздние сарматы (20,7 % и 12,8 % соответственно).

Пародонтоз у ранних кочевников Южного Приуралья распространен в несравнимо большей степени. Именно его следует считать главной причиной выпадения зубов при жизни. Косвенным свидетельством в пользу такого утверждения следует считать тот факт, что удельный вес утраченных при жизни резцов превосходит долю моляров. Между тем известно, что резцы, наряду с клыками, являются наиболее устойчивым к кариесу классом зубов, в то время как моляры, напротив, наименее резистентны. Пародонтоз разных стадий (от возникновения зубного камня до атрофии альвеолы) был отмечен на зубах всех без исключения индивидов как в прохоровской, так и в позднесарматской сериях.

Специфической особенностью ранних кочевников Покровки-10 прохоровского и позднесарматского времени является значительная частота встречаемости у них дефектов коронки зуба в виде бороздок искусственного происхождения. Изученное население характеризуется чрезвычайным разнообразием по количеству и локализации таких бороздок: единичные косые бороздки на боковой поверхности зубной коронки резцов, двусторонние боковые бороздки (чаще на коронке коренных зубов), опоясывающие с трех сторон, не распространяющиеся лишь на вестибулярную (щечную) поверхность, межзубные бороздки, затрагивающие боковые соприкасающиеся поверхности соседних зубов, главным образом моляров.

Подобные дефекты были описаны в антропологической литературе. Их образование связывается с «вредной привычкой использования чего-то вроде палочек-зубочисток, деревянных или костяных» (Бужилова А. П., 2000. С. 401). Такие повреждения отмечены на единичных зубах как ископаемых гоминид, древних форм неантропа, так и в некоторых популяциях, близких к современности. Например, подобные аномалии отмечены у американских индейцев (Ubelaker D. H., Phenice T. W., Bass W. M., 1969).

В материалах Покровки-10 зафиксирован и такой маркер эпизодического стресса, как эмалевая гипоплазия, которая является следствием порока

развития эмали, наступающим в результате нарушения метаболических процессов в формирующихся зубах. Но гипоплазия эмали – это не локальный процесс, касающийся лишь твердых тканей зуба, а результат тяжелого обменного нарушения в молодом организме, нехватки кальция и фосфора в период формирования и обызвествления эмали и дентина (Вайс С. И., 1965. С. 76; Грошиков М. И., 1985). Она может являться как индикатором перенесения специфических заболеваний – рахита, тении, острых инфекционных заболеваний, болезней желудочно-кишечного тракта, токсической диспепсии, алиментарной дистрофии, так и показателем хронического недоедания.

Рассматриваемые группы Покровки-10 резко отличаются (на достоверном уровне) по распространенности гипоплазии: в прохоровской серии это заболевание отмечено у 86,7 % индивидов, тогда как в позднесарматской группе – только у 11,3 %. Частота гипоплазии у ранних сарматов чрезвычайно велика даже для древних популяций и она, несомненно, свидетельствует о неблагополучности населения Южного Приуралья IV–II веков до н. э., тогда как встречаемость этой аномалии среди поздних сарматов соответствует среднему уровню распространенности ее в современных популяциях (Вайс С. И., 1965. С. 74).

Различия прослеживаются и в локализации гипоплазированных участков, указывающих на возраст, в котором происходило нарушение обмена в фолликуле развивающегося зуба. Максимальное проявление эмалевой гипоплазии приходится, как правило, на возрастные интервалы 1,5–2,5 и 3–4 года (Бужилова А. П., 1998. С. 144), и связано, по мнению исследователей, с отлучением детей от груди (в одних популяциях раньше, в других позже – в зависимости от традиций грудного вскармливания детей). В наших группах задержка ростовых процессов, проявившаяся в образовании дефектов эмали, нередко имела место в более поздний период – в 5–7 лет. Поздняя гипоплазия отмечена у 50 % индивидов из прохоровских погребений и 73,3 % – из позднесарматских. Такое значительное распространение именно поздней гипоплазии указывает, возможно, на продолжительное грудное вскармливание, которое, судя по этнографическим, социологическим и эпидемиологическим наблюдениям, практикуется в группах низкого социоэкономического статуса (Corruccini et al., 1985, цит. по: Бужилова А. П., 2000. С. 402). Прекращение кормления вызывает ослабление иммунитета, снижает сопротивляемость ин-

фекционными заболеваниями, провоцирует желудочно-кишечные болезни. Ситуация усугубляется, если для группы в целом характерно неблагополучное или нерегулярное питание, что мы и наблюдаем у ранних кочевников южноуральских степей.

Очень высокая гипоплазия у носителей прохоровской культуры может являться и следствием постоянных перебоев с питанием, и следствием общей дизадаптации группы к меняющимся условиям окружающей среды. Судя по данным палеоклиматологии, именно в IV–II веках до н. э. происходит некоторая аридизация ландшафтов приуральских степей (Демкин В. А., Рысков Я. Г., 1996. С. 51). В то же время, для этого периода характерна максимальная заселенность изучаемого района по сравнению с другими эпохами (от эпохи средней бронзы до средневековья) и очень высокая концентрация древнего населения (Железчиков Б. Ф., 1983; Скрипкин А. С., 1990), которая вела к истощению пищевых ресурсов.

Итак, анализ распространенности некоторых зубных патологий позволяет сформулировать следующие выводы.

1. У носителей прохоровской культуры в значительно большей мере распространены заболевания зубной системы, нежели у поздних сарматов;

2. Это может указывать, с одной стороны, на существенное влияние среды на популяцию и на большую подверженность механическому стрессу зубочелюстного аппарата ранних сарматов. С другой стороны, более низкие показатели распространенности кариеса, как правило, увеличивающиеся в направлении к современности, у поздних сарматов в комплексе с понижением гиподонтии, тенденции к редукции латеральных резцов (балл 1), метаконуса второго верхнего моляра, бугорка Карабелли и повышением частоты косога гребня, могут являться подтверждением большей архаичности одонтологического комплекса поздних сарматов в сравнении с ранними сарматами и/или усиления концентрации особенностей восточного одонтологического ствола.

Отмеченные факты могут свидетельствовать о приходе в район Илека в позднесарматское время новых групп кочевников, носителей иного одонтологического варианта, для которого характерен более выраженный восточный комплекс.

Примечания:

* Автор выражает глубокую признательность за предоставление возможности воспользоваться неопубликованными данными.

Палеоклиматические реконструкции для раннего железного века в Южном Приуралье на основе комплексного изучения палеопочв, погребенных под курганами

Исследование палеопочв под курганами раннего железного века в Оренбургской области проведено у сел Покровка Соль-Илецкого района, Филипповка Илекского района (раскопки Л. Т. Яблонского) и Шумаево Ташлинского района (раскопки Н. Л. Моргуновой).

У села Покровка изучены палеопочвы курганных могильников Покровка 1, 2, 7, 10, хроносрезы представлены савроматским (V в. до н. э.), раннесарматским (IV–II вв. до н. э.) и позднесарматским временем (вторая половина II–III в. н. э.). Изученные курганы, их местоположение, датировка и погребенные под ними почвы подробно описаны ранее (Гольева А. А., Хохлова О. С., 2001; Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2002). У села Шумаево исследованы курганные могильники Шумаево 1 и 2 (ШМ), в которых курганы раннего железного века представлены широким хронологическим спектром. Наиболее ранний курган этого хроноряды – савроматский курган 2 II-го ШМ, относящийся к VI веку до н. э. Затем были сооружены раннесарматские курган 7 I-го ШМ (середина IV в. до н. э.) и курган 9 II-го ШМ. Последний насыпался в два этапа: ранняя насыпь – конец IV–III в. до н. э., поздняя насыпь – III– первая половина II в. до н. э. Палеопочвы этих этапов различались и изучены отдельно. Позднесарматский курган 8 II-го Шумеевского могильника датирован серединой – второй половиной II в. н. э. При датировании решающая роль принадлежала археологическим методам, курганы продатированы Д. В. Мещеряковым.

Курганы, исследованные у села Филипповка, были сооружены во второй половине V–IV в. до н. э. К настоящему моменту изучены палеопочвы, погребенные под десятью курганами. Возле каждого кургана заложен разрез(ы) на современных фоновых почвах (14 разрезов). От курганных могильников у сел Покровка и Шумаево могильник Филипповка I отличается тем, что курганы разбросаны на большой площади (около 20 га), совре-

менный почвенный покров комплексный (черноземы обыкновенные и южные в комплексе с солонцами и черноземами солонцеватых разностей), поэтому потребовалась более детальная работа по выявлению временных изменений в почвах и проведению палеоклиматических реконструкций. К настоящему моменту работа на этом могильнике продолжается, публикуемые в данной работе результаты и выводы по могильнику являются предварительными.

При изучении указанных объектов значительно отличались подходы и методы работы. В могильниках у села Покровка палеопочвы, принадлежащие по археологическим данным к одному и тому же хроносрезу, изучены в нескольких (от 5–9 до 20) курганах, главное внимание уделено статистическим методам. Например, палеопочвы, отнесенные к позднесарматскому хроносрезу, изучены в 20 курганах и разделены на две группы – с большими и меньшими признаками растворения карбонатных аккумуляций в профилях. В каждой из выделенных групп почв (савроматской, в двух группах позднесарматских и современных почвах) детально изучено морфологическое строение карбонатных аккумуляций (с помощью бинокля, оптического микроскопа и сканирующего оптического микроскопа). Для раннесарматских палеопочв у села Покровка таких данных нет, но эти почвы изучены методом биоморфного анализа (Гольева А. А., Хохлова О. С., 2001).

В могильниках у села Шумаево каждый хроносрез был представлен лишь одной палеопочвой. При этом могильники располагаются на легких супесчано-песчаных отложениях, что обеспечивало развивающимся на этих отложениях почвам высокую рефлекторность и сенсорность к смене внешних условий. Все палеопочвы имели определенное и индивидуальное морфологическое строение профиля, что позволило считать, что особенности строения каждого профиля обусловлены

биоклиматическими условиями среды времени формирования той или иной палеопочвы и уверенно провести палеореконструкции изучаемого хроноинтервала раннего железного века.

В могильнике у села Филипповка будет применен также особый подход. Каждая палеопочва будет сравниваться со «своей» фоновой почвой и для каждой пары будут получены относительные величины, а уже затем эти величины будут использованы для выявления различий свойств палеопочв в изученном хроноряде. Такой подход позволит свести к минимуму или исключить пространственную вариабельность свойств почв, присущую участку, на котором расположен могильник. В настоящее время мы располагаем данными лишь для одной такой пары. Также были получены данные биоморфного анализа для некоторых погребенных почв могильника.

Рассмотрение и сопоставление данных и выводов, полученных на трех указанных объектах, позволили дополнить и уточнить наши представления о савромато-сарматском времени, полученные для каждого объекта по отдельности. Именно эта задача была главной в данной работе.

При сопоставлении хронорядов, полученных у сел Покровка и Шумаево, отмечаем, что хронология памятников раннего железного века различалась. В обобщенном виде хроноряд раннего железного века двух объектов представляли палеопочвы, погребенные в савроматское время – в VI и в V веках до н. э. (2 хроносреза), в раннесарматское – в середине IV, конце IV–III, III–первой половине II и II веках до н. э. (4 хроносреза), в позднесарматское время – во II и II–III веках н. э. (2 хроносреза) и современные почвы. Палеопочвы у села Филипповка пока не разнесены по группам внутри изученного хроноряда и предварительно их можно целиком отнести ко времени – переходному от савроматского к раннесарматскому. По свойствам профилей палеопочвы позднесарматского хроносреза у села Покровка, отнесенные по археологическим данным обобщенно ко II–III векам н. э., различались и были подразделены на две группы, поэтому мы считали, что всего в позднесарматское время нами изучено три хроносреза.

Итак, основываясь на полученных данных, были проведены палеоклиматические реконст-

рукции раннего железного века Южного Приуралья. Досавроматское время, предположительно, было суше современного времени, но ненамного. Здесь необходимо сделать пояснение. Говоря о палеоклимате досавроматского времени мы имеем в виду, что изученная палеопочва савроматского кургана 2 II-го ШМ, относящегося к VI веку до н. э., отражает природные условия предшествующего времени, длительность которого можно оценить не более чем в 100 лет, зная скорости изменчивости почвенных свойств. Во время существования савроматской культуры климат отличался нестабильностью и контрастностью, но по условиям увлажнения был вполне пригоден и благоприятен для жизни: было несколько влажнее, чем в досавроматское, но суше, чем в современное время, хотя различия можно признать незначительными. Изучение палеопочв у села Филипповка помогло внести некоторые дополнительные штрихи к этой картине. В самом общем виде можно сказать, что степень контрастности комплексного почвенного покрова на этом могильнике во время – переходное от савроматского к раннесарматскому, была выше, чем в современное, что также указывает на нестабильность климатических условий времени финала савроматской культуры. Вместе с тем, по данным биоморфного анализа растительный покров на поверхности погребенных почв Филипповского могильника не отличался ничем необычным для этого региона, господствовали степные травы, что свидетельствует о том, что осадков выпадало приблизительно столько же, сколько и в современное время. Вероятно, с наступлением раннесарматского времени климатические условия стали влажнее, чем современные и сохранялись такими до конца III века до н. э. Затем, на рубеже III и II веков до н. э. или в самом конце III века до н. э. произошла довольно резкая смена климата в сторону усиления сухости, причем осадков стало существенно меньше (не менее чем на 50–75 мм в год по сравнению с современным временем). С наступлением позднесарматского времени, аридный климатический эпизод заканчивается, отмечается усиление увлажнения и некоторого похолодания.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №06-06-80175.

Органика в колчанах и футлярах ранних кочевников Южного Зауралья

В ходе археологических исследований погребений, в том числе курганных, нередко находки разнообразной органики, законсервированной соединениями металлов. Ее остатки, как правило, сосредоточены у массивных металлических изделий или у скоплений мелких предметов.

В условиях насыщенной органикой погребальной камеры благородные металлы и сплавы в процессе окисления образуют подвижные соединения. Эти соединения проникают внутрь прилегающих органических остатков и пропитывают их, образуя внутриструктурные малорастворимые агрегаты. Таким образом происходит консервация органического вещества, предохраняющая его от разрушения.

В результате такой консервации сохраняются самые разнообразные органические остатки – фрагменты тел погребенных (мышцы, кожа, волосы, ногти), фрагменты одежды или погребальных пелен, сбруи и ряд других, обычно сгнивающих предметов.

Описанию нескольких случаев сохранения органических остатков в сарматских погребениях Южного Зауралья и посвящено предлагаемое сообщение¹.

Курганный группа Победа. Кизильский район Челябинской области. Раскопки И. Э. Любчанского и А. Д. Таирова.

Курган 3, погребение 3, датируется первой половиной IV в. до н. э. Органические остатки законсервировались из-за окисления бронзового зеркала (участок № 1) и гривны (участок № 2).

Участок № 1. При окислении бронзового зеркала медьсодержащими солями консервированы остатки древесины и чехла для хранения зеркала. Сверху вниз здесь отмечается следующая последовательность слоев.

1. Беспорядочное скопление мелких фрагментов древесины и коры ивы и сосны. Эти остатки перемешаны с аморфной рыхлой органической массой, а все это пронизано мелкими корнями растений. Нижняя граница слоя не все-

гда четко выражена, толщина его – до 25 мм.

2. Толстая эпилированная выделанная кожа, наружная (верхняя) поверхность которой несет следы сильной заполированности (лощености). Сохранилась отдельными островками площадью до 1 кв. см. Нижняя граница резко выражена и под островками кожи подчеркнута прослойкой плотно прилегающих друг к другу мелких корешков общей мощностью 1–1,5 мм. Толщина слоя 3,5–4 мм.

3. Шкура животного, выделанная «на мех», расположенная мехом книзу. Имеется срединный шов, выполненный вприкладку «мех к меху». Отвороты шва обращены вверх (наружу). Шовный материал не сохранился. Толщина мездры от 0,8 до 1,2 мм. Толщина спрессованного меха до 4 мм. Волос очень тонкий, сохранившаяся длиной его до 18 мм. Общая толщина слоя 4,8–5,2 мм.

На значительной части участка № 1 слой 2 и частично слой 3 замещены скоплением пустотелых клубеньков и подходящих к ним корней растения неустановленного вида. Иногда между ними встречаются округлые семена, сходные с семенами подорожника, которые изредка встречаются и внутри оболочек клубеньков.

4. Металл зеркала.

5. Шкура животного, выделанная «на мех». Полный аналог слоя 3, но лежащая мехом вверх (внутри). Нижняя граница резкая, хорошо выраженная и подчеркнутая мелкими корнями растений.

6. Толстая эпилированная выделанная кожа. Полный аналог слоя 2, но худшей сохранности. Нижняя граница, которая четко просматривается лишь на редких участках, – резкая.

7. Рыхлая органическая подстилка. Наиболее вероятно – войлок. Возможно, частичный аналог слоя 1. Толщина до 8 мм.

Ниже располагается вмещающий погребальную камеру грунт. Дно погребальной камеры выровнено не очень тщательно.

Беспорядочное скопление мелких фрагментов

древесины и коры ивы и сосны слоя 1 представляет, вероятно, остатки заслона, закрывавшего подбой погребальной камеры. Заслон, очевидно, был сделан из неошкуранных ветвей ивы и стволов сосны толщиной до 7 см.

Остальные слои этого участка позволяют реконструировать конструкцию сложного чехла для хранения зеркала.

Чехол состоял из двух частей – внутренней и наружной. Внутренняя часть выполнена из выделанной «на мех» шкуры представителя семейства горностаевых – *Mustelidae*. Весьма вероятно, что это была шкура куницы – *Martes sp.*² Для пошива использована спинная часть шкурки одной особи – в этом случае крупной, или же, что наиболее вероятно, двух особей. Прямоугольные куски сшивались в области боков и образовывали трубоподобную конструкцию с мехом внутри. Затем она складывалась таким образом, что швы оказывались напротив друг друга, разделяя обе стороны посередине. С каудальной стороны трубоподобная конструкция зашивалась, образуя мешок, пошитый мехом внутрь.

К сожалению, область горловины этого мешка не сохранилась, и о том, как он закрывался, мы можем только догадываться. Мягкость выделанной на мех шкурки позволяет предполагать, что изготовленный из нее мешок имел затягиваемую шнурком или ремешком горловину. Для предотвращения попадания внутрь абразивных частиц, царапающих зеркальную поверхность металла, завязывание горловины мешка (внутреннего чехла зеркала) было обязательно.

Наружная часть чехла была выполнена из толстой выделанной кожи с удаленным волосным покровом. К сожалению, фрагменты этой кожи чрезвычайно малы, что не позволяет установить вид животного, с которого она была снята. Предположительно это могли быть лошадь, крупный рогатый скот, лось.

Учитывая крупные размеры сырья, наиболее реально предполагать, что при изготовлении данной части чехла обошлись минимальным количеством швов. Это достижимо при использовании прямоугольной заготовки. Сложенная по ширине в 2,5 (или около того) раза и прошитая с боков она напоминает конверт с клапаном. В этот конверт укладывался мешок с зеркалом (внутренняя часть чехла). Закрытый клапан предохранял от попадания внутрь влаги и мог иметь застёжки или завязки. В зависимости от способа ношения внешний чехол имел ляжки для подвешивания либо иные крепления.

Наличие на внешней поверхности кожи внешнего чехла следов залощенности указывает или на тщательную обработку ее с применением каких-то мазей для придания водоотталкивающего эффекта, или на возникновение залощенности в результате длительного ношения.

Клубеньки растения неустановленного вида, прослойки плотно прилегающих друг к другу мелких корней растений и войлокоподобные скопления корней – явления вторичные. Они связаны с прорастанием корней растений сквозь толщу грунта, перекрывающего погребение. Поскольку металлическое зеркало оказалось препятствием, то корни ниже не проросли и образовали клубеньки поверх зеркала. Аналогичные клубеньки, образованные ниже, избежали консервирующего действия солей металлов и не сохранились.

Семена растения, схожие с семенами подорожника, встреченные между клубеньками и даже внутри них, представляют явление даже не вторичное, а третичное. Они были занесены сюда муравьями, устроившими здесь свою кладовую. К этому времени клубеньки, отравленные солями тяжелых металлов, отмерли. В них образовались пустоты, как и пустотные каналы по корням растений. Эти пустоты и были использованы муравьями.

Участок № 2. При окислении гривны медьсодержащими солями законсервирован фрагмент кожного изделия, располагавшегося в области левого плеча погребенного. Фрагмент небольшой, все размеры его укладываются в пределы первых сантиметров. Он представляет собой остатки эпилированной выделанной кожи, толщина которой составляет 2,5–3 мм. Плохая сохранность не позволяет определить вид животного, с которого она была снята, но, судя по толщине, это могли быть мелкий рогатый скот, жеребенок, теленок, косуля.

Находка интересна тем, что здесь зафиксированы перегибы выделанной кожи вдвое и вчетверо. Швы не отмечены. Мелкие размеры фрагмента не позволяют установить его принадлежность к определенному виду одежды. Допустимо, что это могла быть кожаная накидка для защиты от дождя в летнее время.

Курган 3, погребение 4, датируется первой половиной IV в. до н.э. Основным консервирующим органику объектом этого погребения явился колчан, наполненный стрелами с бронзовыми наконечниками.

В составе сохраненной органики отмечаются очень мелкие фрагменты древесины и коры лист-

венных пород деревьев или кустарников. Вероятно, это остатки обустройства погребальной камеры или заслона подбоя.

Остатки собственно колчана представлены фрагментами эпиллированной и выделанной кожи (лошадь, крупный рогатый скот, лось?). Кроме того, изредка встречаются мелкие фрагменты бересты, в том числе и со следами проколов для сшивания. Среди остатков колчана изредка встречаются и фрагменты древесины не имеющей коры.

Содержимое колчана представлено плотно заполняющими его стрелами с бронзовыми наконечниками. Древки выполнены из стеблей растения с плотной древесиной. Вполне возможно, что это таволга – *Spirdea* sp. Стебли ошкурены и оскоблены, но несут следы срезанных боковых побегов. Диаметр древков колеблется от 3 до 5 мм, при преобладании древков с диаметром 4,0–4,3 мм.

Среди остатков колчана, в переплетенной корнями растений бесструктурной органической массе, найден сплюснутый труп крупного представителя саранчовых, но не взрослой особи, а личинки последней стадии развития. Сохранились голова, грудь и брюшко. Большая часть конечностей и усики полностью отсутствуют. Голова сильно раздавлена. Грудной и брюшной отделы эпзоскелета сплюснуты, но сохранились сравнительно хорошо. Яйцеклад не обнаружен. Крылья недоразвиты. Общая длина составляет 55,3 мм.

Для детального изучения находка требует более тонкой расчистки и консервации. Вместе с тем уже сам факт находки на дне погребальной камеры трупа крупного саранчового позволяет судить о сезоне совершения этого погребения. Поскольку такое насекомое не могло попасть в погребальную камеру после ее закрытия, то остается лишь возможность попадания его туда после подготовки камеры к погребению или же в процессе погребения. Это практически одно и то же, так как эти события во времени, вероятно, далеко разнесены не были.

Столь крупные саранчовые в регионе появляются с середины лета (июль) и ведут активный образ жизни до осени (сентябрь). К этому сезону (вторая половина лета) и должно быть отнесено совершение погребения 4 исследуемого кургана.

Курганная группа у поселка Мирный. Брединский район Челябинской области. Раскопки А. Д. Таирова.

Курган 1, датируется первой половиной V в. до н. э. Под диском зеркала найдены остатки не-

большого полого изделия округлой формы из тонкой кожи (путовица?, узелок?) диаметром 20 мм. Внутренняя полость этого изделия заполнена пустыми шкурками куколок мелких насекомых. Длина куколок менее 1 мм. В передней части всех имеются отверстия – следы выхода имаго.

Шкурки принесены муравьями и очень плотно уложены в предварительно очищенную от содержимого емкость – внутрь изделия из кожи.

Могильник Маровый шлях. Кизильский район Челябинской области. Раскопки А. Д. Таирова.

Курган 3, могильная яма 5, датируется V в. до н. э. (Таиров А. Д., 2006. С. 87). Остатки органики у зеркала. Медьсодержащими солями законсервированы остатки мехового чехла, войлока и pupарии мух в количестве 286 или 296 штук. Часть pupариев несет следы выходов имаго.

Меховой чехол сохранился плохо. Можно лишь отметить, что он был сшит мехом внутрь. Из войлока или изготовлена наружная часть чехла, или устроена подстилка погребенному. Не исключено и то, что погребенный мог быть завернут или зашит в войлок.

Большое количество сохранившихся pupариев наводит на мысль о том, что их должно было быть больше по меньшей мере раз в двадцать! Это примерно 6000, что предполагает наличие на трупе (в доступных полостях) еще большего количества отложенных мухами яиц³. Такое могло произойти в том случае, когда труп достаточно длительное время был доступен для мух в теплый сезон года. Отметим, что на дне могильной ямы находились лишь черепа ребенка 8–10 лет и три фрагмента трубчатых костей со следами ходов личинок насекомых-некрофагов (Таиров А. Д., 2006. С. 87). Все это позволяет предполагать, что в яме были захоронены лишь незначительные остатки тела, которое долгое время находилось в месте доступном для животных и насекомых.

Могильник Магнитный. Агаповский район Челябинской области. Раскопки С. Ю. Гуцалова и С. Г. Боталова.

Курган 3, датируется II–III вв. н. э.

Среди инвентаря присутствует бронзовый котел с заключенными внутри остатками пищи. Последние представлены твердой губчатой массой преимущественно голубого и зеленого цвета с отдельными вкраплениями зерен и зерновых чешуй злака. Для анализа была отобрана проба весом 30 г. После обработки 10%-ным раствором уксусной кислоты в течение длительного времени выделена нерастворимая фракция с размером

частиц более 0,20 мм. Вес ее составил 4,276 г. Из нее выделены макроостатки (>1,0 мм) – 0,561 г; среди которых присутствуют зерновки в зерновых чешуях и отдельные чешуи риса (*Oryza sativa brevis*) – 0,214; семена сорных растений – 0,157 г; крупные фрагменты хитина насекомых (*Staphylinidae* gen.sp.; *Dermestidae* gen.sp.; *Musca* sp.) – 0,062 г; минеральные частицы – 0,128 г.

Изучение микроостатков (< 0,20 мм) показывает следующий их состав (по частоте встречаемости в поле зрения микроскопа): фрагменты тканей и внутренних органов насекомых – 42 %; мелкие фрагменты хитина насекомых – 11 %; яйца насекомых на разных стадиях развития эмбриона – 5 %; фрагменты незерновых частей растений и фрагменты покровных тканей зернового риса – единично, что вместе составляет менее 1 %; минеральные частицы – 41 %.

Изначальный состав сопроводительной пищи, помещенной в котле, реконструируется как: мясо без костей в бульоне с добавками каких-то частей незерновых растений с дополнительной добавкой 3–4-х горстей рисовых зерен. Наиболее вероятно, что последние добавлены уже после того, как котел с мясом был снят с огня. Добавленный в мясо рис характеризуется низким качеством – примерно 5–6 % - ной загрязненностью семенами сорных растений и значительным содержанием не освобожденных от зерновых чешуй зерен.

Погребальная камера длительное время имела сообщение с внешней средой (атмосферой). После брожения и загнивания пищи в котел слетелось большое количество насекомых (стафилиниды, кожееды, мухи), отложивших в гниющую массу множество яиц. Яйца не смогли полностью развиться, так как пищевая среда к этому времени оказалась отравленной соединениями меди.

К моменту обрушения свода погребальной камеры остатки пищи в котле представляли полусухую или сухую массу, что предохранило их от выливания после падения котла и сдавливания его стенок вследствие обрушения свода погребальной камеры.

Минералогические исследования пищевой композиции позволяют по-новому оценить значимость заупокойной пищи. Эти исследования были начаты А. Ф. Бушмакиным и, к сожалению, прерваны вследствие его трагической гибели. Я

располагаю лишь его устным сообщением о минералогическом составе пищевой композиции, но это сообщение столь интересно, что считаю необходимым привести его здесь.

По сообщению А. Ф. Бушмакина, в составе заупокойной пищи этого погребения выделены фосфаты меди и растертый в порошок аурипигмент. Образование фосфатов меди А. Ф. Бушмакин объяснял взаимодействием пищи с медью бронзы котла. В отношении же аурипигмента он подчеркнул, что его образование таким способом полностью исключается. Аурипигмент был помещен в пищу в виде не слишком тщательно растертого порошка.

К этому можно добавить, что аурипигмент является одной из основных руд мышьяка. Он также используется для получения золотисто-желтой краски (Здорик Т. Б. и др., 1970). В пределах Южного Зауралья месторождения с аурипигментом располагаются по реке Аят.

Вышеизложенные примеры, перечень которых далеко не полон, показывают, сколь велико разнообразие доступных для изучения органических остатков из погребений рассматриваемого времени.

Информация, получаемая от изучения не совсем традиционных для археологии этого времени остатков, оказывается иногда весьма интересной и неожиданной. Она позволяет уточнять детали – например, строение чехлов для зеркал или сезон сооружения погребальной конструкции. С учетом новой информации, добытой не совсем традиционными для археологии, но становящимися таковыми методами, необходимо пересматривать даже устоявшиеся парадигмы. Такова, например, ситуация с заупокойной пищей.

Необходимо лишь одно – не упускать возможность максимально полно отбирать образцы для исследования специалистами.

Примечания:

¹ Я благодарен А. Д. Таирову, И. Э. Любчанскому, С. Г. Боталову и С. Ю. Гуцалову за предоставленные материалы.

² В настоящее время в регионе обитает лесная куница – *Martes (Martes) martes* (Аристов, Барышников, 2001). Изредка встречается каменная куница – *Martes (Martes) foina*.

³ Как правило, до конечной стадии развития доживают не все яйца и личинки.

Библиографический список

Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Могила ранне-скифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.

Абдулганеев М. Т., Кунгуров А. Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.

Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // МИА. 1969. № 169. С. 3–11.

Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III вв. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. – 240 с.

Абрамова М. П. О мечах синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004. С. 17–22.

Аванесова Н. А. К вопросу о бронзовых стрелах степных племен эпохи бронзы // МАУ. Тр. САГУ. Вып. 270. Самарканд, 1975.

Авдеев М. И. Краткое руководство по судебной медицине. М., 1966. – 372 с.

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. – 140 с.

Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

Акишев К. А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978. – 132 с.

Аксянова Г. А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. Т. 2. М., 2002.

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. – 416 с.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Алексеева Т. И. К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека // РА. 1997. № 4.

Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V–первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10–23.

Амброз А. К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. – 134 с.

Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница. СПб., 2006. – 224 с.

Аристов А. А., Барышников Г. Ф. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий. Хищные и ластоногие. (Определители по фауне России издаваемые Зоологическим институтом РАН. Вып. 169). СПб., 2001. – 560 с.

Артхашаstra, или наука политики / Пер. с санскрита. Изд. В. И. Кальянова. М., 1993. – 793 с.

Архипов Г. А., Шадрин А. И. Исследование ранне-средневекового кургана у д. Климкино // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995. С. 110–129.

Арциховский А. В. Советская археология. М., 1958.

Бабиков О. Б., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А. и др. Антропологическая характеристика некрополя Гонур // Сариниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Бабенко А.И. Биметалловый меч скифского часу з колекції Харківського історичного музею // Археологія. 2006. № 2. С. 53–57.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Zubov С. Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго–Камья). Самара, 1998. – 286 с.

Багдасарова Н. А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Этническая антропология Средней Азии. Вып. 2. Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000.

Балабанова М. А. Демография поздних сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 201–209.

Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000а. – 133 с.

Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 66–88.

Балабанова М. А. О древних макроцефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 171–187.

Барнабей М., Бондиоле Л., Гуиди А. Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (V–IV вв. до н. э.). М., 1994. С. 159–184.

Батиева Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия. Материалы конференции. Москва, 29–31 мая 2002 г. М., 2004. Т. 1 С. 250–267.

Беглова Е. А. Предметы конского убора их Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 157–168.

Безуглов С. И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4.

Безуглов С. И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997. С. 133–142.

Безуглов С. И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи. МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169–193.

Белозор В. П., Скорый С. А. Архаический скифский меч из Киева // СА. 1985. № 1. С. 255–256.

Берхин-Засецкая И. П., Маливицкая Л. Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 143–153.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах,

обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I. – 380 с.

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. – 224 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств Северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 80–199.

Богданов С. В. Отчет о раскопках в Оренбургской области у с. Краснохолм в Илекском районе по Открытому листу № 301 и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района по Открытому листу № 849 в 1988 году. Оренбург, 1989 // Архив ИА РАН.

Боталов С. Г. Хунны и гунны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1. С. 106–127.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казхстанских степей. Челябинск, 2000. – 269 с.

Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р. Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. 1989. № 1. С. 170–177.

Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические исследования) М., 1995. – 189 с.

Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.

Бужилова А. П. Палеопатологические аспекты адаптации человека верхнего палеолита // Homo sapiens. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., Леонтьев А. Е. Слушай из ростовской жизни 11 столетия // Сообщения Ростовского музея. Вып. IX. Ярославль, 1998.

Бужилова А. П., Каменецкий И. С. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Саганский-I) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 208–213.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Вайс С. И. Терапевтическая стоматология. М., 1965.

Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. Тр. ХАЭЭ. 1979. Т. XI. С. 7–76.

Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чиркрабатская культура / Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М., 1993. – 215 с.

Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995. – 22 с.

Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001. – 153 с.

Васильев В. Н. К хронологии раннепротокрововского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 169–179.

Васильев В. Н. Об одном редком типе мечей Южного Приуралья и Юго-Западного Приаралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 98–100.

Васильков Я. В. Семантика изображений на индийских «зеркалах-погремушках» из погребений Алтая и Урала скифо-сарматского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 283–288.

Ведянин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.

Виноградов Н. Б., Таиров А. Д. Сарматские погребения

могильника Солнце III // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 164–177.

Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004. С. 55–87.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр. ХАЭЭ. 1973. Т. VIII. – 160 с.

Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Городище Кюзели-гир. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2. С. 150–173.

Власкин М. В. Раннесарматские погребения могильника Северо-Западный I // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 9–26.

Власкин М. В. Археологические исследования могильника Новопалестинский I // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 153–164.

Вознесенская Г. А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.

Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1. С. 103–121.

Ворошилов А. Н. Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004. С. 202–213.

Ворошилов А. Н. Бронзовое и биметаллическое клинковое оружие скифского типа Восточной Европы и Кавказа // Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава, 2006. С. 34–45.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. – 511 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. – 146 с.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д. Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 73–88.

Гараничев В. В., Глотов В. А. Анализ остеологического материала, обнаруженного при археологических раскопках в пределах Верхнего Поднепровья // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М., 2003. С. 234–239.

Генинг В. Ф. История населения Удмурдского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. 10. Свердловск–Ижевск, 1970. – 260 с.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. – 371 с.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // ВДИ. 1947. № 2. С. 294–299.

Глебов В. П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 166–168.

Глебов В. П. Сарматы юга Ростовской области (о различных вариантах раннесарматской культуры) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001. С. 61–64.

Глебов В. П. Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Часть 2. СПб., 2002. С. 186–197.

Глебов В. П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 127–133.

Глебов В. П. О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград, 2005. С. 34–50.

Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I-первой половине II в. н. э. Волгоград, 2005.

Гольева А. А., Хохлова О. С. Изменение почв, погребенных под курганами ранних кочевников, и природных условий юга Оренбургской области по данным биоморфного анализа // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург, 2001. С. 138–148.

Горбовской А. А., Семенов Ю. С. Закрытые страницы истории. М., 1988. – 286 с.

Горбунов В. В. Реконструкция вооружения воинов Горного Алтая эпохи «великого переселения народов» // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993. С. 42–44.

Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-1 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993а. С. 80–88.

Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские плесы II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 156–166.

Горбунов В. В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 102–128.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. – 174 с.

Горбунов В. В. Этнокультурная ситуация на территории Лесостепного Алтая в эпоху «великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 92–95.

Горбунов В. В. Сяньбийский доспех // Военное дело народов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 200–223.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. – 232 с.

Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.

Гравере Р. У. Характеристика зубной системы Кивуткальской краниологической серии // Кивуткальский могильник эпохи бронзы. Рига, 1985.

Гравере Р. У. Этническая одонтология латышей. Рига, 1987.

Гравере Р. У. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне. Антропологическая и этническая история. М., 1999.

Граков Б. Н. Пережитки матриархата у савроматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100–121.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. – 256 с.

Грин В. Периодизация в европейской и мировой истории // Время мира. Альманах. Вып.: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 39–79.

Гришаков В. В. Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000. С. 44–53.

Грошиков М. И. Некариозные поражения тканей зуба. М., 1985.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. – 256 с.

Гугуев В. К., Безуглов С. И. Всадническое погребение первых веков н. э. из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА. 1990. № 2.

Гугуев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА. 1995. № 3. С. 74–85.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев, 1984. – 119 с.

Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской экспедиции ИА РАН. М., 2001. С. 18–52.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2002. – 560 с.

Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. М., 1994. – 171 с.

Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники скинну. Иволгинский могильник. Вып. 2. Т. 2. СПб., 1996. – 176 с.

Данченко Г. П., Нестеров С. В. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 94–103.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С. 14–132.

Демкин В. А., Рысков Я. Г. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и их роль в жизни населения бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. М., 1996.

Джумабекова Г. С. Опыт атрибуции фигурки конного лучника из Алматы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы – Москва, 1998. С. 72–82.

Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 148–161.

Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза склеротизированного трупа. Киев, 1960. – 197 с.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории Геродота» (тексты, перевод, комментарий). М., 1982. – 455 с.

Донина Н. И. О некоторых эпохальных изменениях в строении зубной системы человека // СЭ. 1969. № 2.

Древнее искусство. Л., 1974. – 196 с.

Дремов И. И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельсского района и некоторые вопросы социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 146–165.

Дураков И. А., Мжельская Т. В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995. С. 47–65.

Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском Междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999. С. 93–126.

Дэрумс В. Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. М., 1970. – 526 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. – 290 с.

Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Елин В. Н. Наконечники стрел из памятников предтюркского времени Восточного Алтая // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 157–168.

Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985. – 150 с.

Железчиков Б. Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Поволжья в VI в. до н.э. – I в.н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 48–59.

Железчиков Б. Ф., Кригер В. А. Катакомбные захоронения Уральской области // СА. 1978. № 4. С. 218–228.

Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.

Завитухина М. П. Курганы у села Быстринского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61–77.

Зайцев Ю. П. Крестовидные удила Северного Причерноморья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 88–94.

Заседателева С. Н. Отчет о работе археологической экспедиции Орского краеведческого музея в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8855.

Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.

Засецкая И. П. Гунны в южнорусских степях конца IV–первой половины V вв. н.э. (по археологическим данным): Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1971. – 24 с.

Засецкая И. П. Гунны в Нижнем Поволжье [Текст] // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1987.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. – 224 с.

Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. // Тр. ГИМ. 1926. Вып. I. С. 71–106.

Захаров А. В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000. С. 27–45.

Звягин В. Н. Диагностические исследования в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности // Медико-криминалистическая идентификация. М., 2000.

Здорик Т. Б., Матиас В. В., Тимофеев И. Н., Фельдман Л. Г. Минералы и горные породы СССР. М., 1970. – 434 с.

Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.

Зиги Е. Путешествие по Кавказу и Центральной Азии (изд. в 1897 г.) // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. – 300 с.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки. Санкт-Петербург, 2003. – 64 с.

Зубов А. А. Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. М., 1986.

Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.

Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.

Зубов С. Э. К проблеме этнокультурной интерпретации памятников андреевско-писеральского типа // Исследования П. Д. Степанова и этно-культурные процессы древности и современности (Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию П. Д. Степанова). I Международные Степановские научные чтения (15–16 октября 1998 г.): Тезисы докладов. – Саранск, 1999. С. 44–51.

Зубов С. Э. Проблемы этнической дивергенции пьяноборского этноса // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2 – Самара, 2004. С. 267–279.

Зубов С. Э., Михеев А. В. Этно-культурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время – Уфа. 2006. С. 204–225.

Зуев В. Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции. СПб., 1998. С. 143–150.

Зуев В. Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье

и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. СПб, 1998а.

Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. – 88 с.

Иванов Г. Е., Медникова Э. М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.

Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.

Иванов Г. Е. К проблеме реконструкции военного дела каменской культуры // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 55–60.

Иванов Г. Е. О некоторых дискуссионных проблемах в изучении военного дела каменской культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 41–46.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточно-европейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. – 324 с.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968. – 268 с.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983. – 380 с.

Ильиных Л. С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.

Илюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992. – 289 с.

Исмагилов Р. Б. Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.

Исмагилов Р. Б. Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 89–93.

Исмагилов Р. Б., Скарбовенко В. А. Новые находки савроматского оружия в междуречье Волги и Урала // Средне-волжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 77–92.

Итина М. А. Ранние саки Приуралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 31–47.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997. – 187 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 137–156.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Материалы раскопок могильника Бесоба // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 103–116.

Каспарова К. В. Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 79–89.

Каталог выставки новых поступлений отдела археологии. Новочеркасск, 1981.

Киреев С. М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56.

Киришин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Бородаев В. Б. Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 99–103.

Киришин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.

Киришин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Казаков А. А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.

Кирушин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. – 282 с.

Кирушин Ю. Ф., Фролов Я. В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. – 642 с.

Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология. СПб., 2004.

Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002. – 216 с.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002. С. 47–81.

Клепиков В. М., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения курганного могильника у села Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2004.

Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981. – 160 с.

Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.

Кожухов С. П. Погребения всадников сарматского времени у аула Тауйхабль в Адыгее // Древний и средневековый Восток. Ч. 2. М., 1998. С. 40–48.

Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В2-5. – 76 с.

Козловская М. В. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.

Кондукторова Т. С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. 1962. Вып. 11.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. – 247 с.

Копылов В. П. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 24–27.

Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли (1836–1838) // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. – 720 с.

Кочеев В. А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. № 4. С. 74–82.

Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., 2001. – 312 с.

Красильников К. И., Красильникова Л. И., Пробейголова А. С. Отчет о проведении спасательных научно-исследовательских раскопок кургана № 2 могильника у г. Червонопартизанска Свердловского р-на Луганской области, у шахты Провальская первая, «Богучарская» в 1982 г. (Отчет воссоздан в 2006 г. взамен утерянного). Луганск, 2006.

Кубарев В. Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 29–54.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. – 299 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. – 190 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. – 220 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И., Курганы Чуи и Урсула. Барнаул, 2007. – 216 с.

Кудрявцев А. А., Кудрявцев Е. А., Прокопенко Ю. А. Комплекс предметов конского убора позднескифского времени из могильника № 2 Татарского городища города Ставрополя // Донская археология. 2000. № 2. С. 40–47.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–II вв. до н. э. Т. I. М., 2002. – 352 с.

Кузьмин В. Н. Исследования кургана 1 могильника Степнянский II // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005. С. 165–177.

Кунгуров А. Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92–98.

Кунгуров А. Л. Ножны староалейской культуры // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 170–175.

Кызласов И. Л. Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // 30. 1999. № 4. С. 37–50.

Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н. э. М., 1996. – 396 с.

Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31. – 112 с.

Либеров П. Д. Древняя история населения Подонья: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1971. – 51 с.

Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М., 1978. – 216 с.

Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.

Лукашов А. В. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 66–82.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. – 162 с.

Максименко В. Е. Отчет о раскопках Койсугского курганного могильника в 1966 г. // Архив Азовского краеведческого музея. КВФ-9797/34а. Азов, 1967.

Максименко В. Е. Сарматские погребения в дельте Дона // СА. 1970. № 2. С. 224–232.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983. – 224 с.

Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998. – 304 с.

Мамадаков Ю. Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 75–78.

Мамонова Н. Н. Боевые травмы на черепках из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) // РА. 1997. № 4. С. 108–121.

Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000. – 145 с.

Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136. 232 с.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. – 435 с.

Марсадолов Л. С. История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. – 100 с.

Марсадолов Л. С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 36–43.

Марсадолов Л. С. Еще раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003. С. 93–103.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. – 208 с.

Марченко И. И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. – 336 с.

Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. М., 1999.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–182.

Матюхин А. Д. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997. С. 182–211.

Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990. – 220 с.

Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М., 1999. – 160 с.

Медведев А. П. К оценке савромато-сирматских элементов в среднедонской культуре скифского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская конференция. Волгоград, 2004. С. 159–163.

Медведев А. П. О новом аспекте проблемы будинов и меланхленов (в свете последних публикаций могильников скифского времени на Северском Донце) // Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава, 2006. С. 21–33.

Медведев А. П., Ефимов К. Ю. Курган скифского времени у с. Абрамовка // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг.). М. 2001. С. 202–210.

Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3. С. 76–89.

Мелюкова А. М. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4. – 92 с.

Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. 23.

Мещеряков Д. В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург, 1997. С. 44–67.

Мещеряков Д. В. О датировке раннесарматских комплексов V Бердянского могильника // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тез. докл. Челябинск, 1999. С. 132–133.

Минаева Т. М. Погребения с сожжением близ г. Покровска // УЗ СГУ. Т. IV. Саратов, 1927.

Мирошина Т. В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 159–177.

Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 194–213.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. – 196 с.

Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень-2» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА. 1982. № 2. С. 113–134.

Могильников В. А., Медникова Э. М. Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки (Алтайский край) // СА. 1985. № 1. С. 179–185.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Москва, Саратов, 2003.

Монахов С. Ю. О хронологии сарматского погребения с гераклеидской амфорой из Башкирии // Liber Archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. Краснодар, 2006. С. 89–93.

Моргунова Н. Л. Курганы у с. Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург, 1996. С. 8–43.

Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области по Открытому листу № 355 в 2000 году. Оренбург, 2001 // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области по Открытому листу № 437 в 2001 году. Оренбург, 2002 // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках курганов у села Акоба в Акбулакском районе Оренбургской области в 2005 году по Открытому листу № 315. Оренбург, 2006 // Архив ИА РАН.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халляпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. – 392 с.

Мордвинцева В. И., Клепиков В. М. Сарматские погребения у х. Ветютнев // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.

Моржерин К. Ю. Новые находки вооружения савроматского времени в Саратовском Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград, 2004. С. 182–186.

Морушенко А. А., Зарайская Н. П., Санжаров С. Н., Посредников В. А. Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г. // Научный архив ИА НАНУ. Ф.э. 21381.

Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962. № 115. С. 204–241.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10. – 56 с.

Мошкова М. Г. Среднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 177–191.

Мошкова М. Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Рец.: Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. 1975 // СА. 1977. № 2. С. 265–274.

Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. – 88 с.

Мурзин В. Ю., Черненко Е. В., 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 155–167.

Мышкин В. Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 143–160.

Наран Б., Тумен Д. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника // РА. 1997. № 4. С. 122–130.

Неверов С. В., Мамадаков Ю. Т. Проблемы типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 121–135.

Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Новые материалы из курганов конца I–начала II тыс. н. э. Средней Катуни // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 120–123.

Нефедкин А. К. Комплектование и состав войска сарматов и аланов в I–IV вв. по данным античных источников / Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Часть 2. СПб., 2001. С. 201–212.

Нечвалода А. И. Новые краниологические материалы эпохи железа степного Приуралья из Яковлевского курганного могильника // Вестник антропологии. Вып. 9. М., 2002. С. 55–81.

Обельченко О. В. Лявандакский могильник // ИМКУ. 1961. Вып. 2. С. 97–176.

Обельченко О. В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 115–127.

Обломский А. М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1. С. 103–121.

Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. – 299 с.

Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М., 1994. – 188 с.

Очир-Горяева М. А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 35–52.

Очир-Горяева М. А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. №2. С.

Очир-Горяева М. А. Савроматы Геродота // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.

Очир-Горяева М. А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1. С. 41–54.

Очир-Горяева М. А., Лапа Н. Л. Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // ВДИ. 2002. № 3. С. 200–205.

Павленко Ю. А., Шинкарь О. А. Погребения савроматского времени в дельте Волги // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград, 2005. С. 214–224.

Павлуцкий Г. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде // АЛЮР. М., 1903. С. 37–40.

Пандей Р. Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982. – 250 с.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. – 202 с.

Парусимов И. Н. Об одном редком типе железных наконечников стрел // Проблемы археологии Нижнего Поволжья (I Международная Нижневолжская археологическая конференция). Волгоград, 2004. С. 197–199.

Пастушенко И. Ю. К вопросу об этнокультурной принадлежности «тураевцев» // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 187–189.

Пачкова С. П. Поенешти-лукашевская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 34–44.

Перевалов С. М. Сарматский контоис и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–77.

Перерва Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // ОПУС: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 1–2. М., 2003. С. 141–151.

Перерва Е. В. Антропологические материалы из могильников Авиловский I и II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2004. С. 107–133.

Перерва Е. В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. – 506 с.

Перерва Е. В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. 2005а. № 3. С. 36–44.

Плетнева С. А. Введение // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 5–8.

Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа // СА. 1968. № 1.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 73–93.

Полин С. В., Симоненко А. В. Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. – 144 с.

Постникова Н. М. Одонтологическая характеристика краниологических серий Минусинской котловины // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.

Потапов Л. П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // СЭ. 1934. № 3. С. 64–76.

Пузикова А. И. Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 210–213.

Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001. – 272 с.

Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. – 200 с.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. – 749 с.

Раев Б. А. Сарматское погребение из кургана у хутора Арпачин // СА. 1979. № 1.

Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Курганы скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Краснодар, 2006.

Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю. Этруско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 117–135.

Редина Е. Ф., Симоненко А. В. «Клад» конца II–I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002. С. 78–96.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. 1918. Вып. 37. – 104 с.

Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России. М., 2002. – 160 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. – 350 с.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.-Л., 1965. – 302 с.

Рыков П. С. Суловский курганный могильник // УЗ СГУ. Т. IV. Вып. 3. Саратов, 1925.

Рыков П. С. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. 1936. № 1. С. 115–157.

Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии. 1977. Вып. 57.

Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыасарской культуры (Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыасарская культура. Ч. I. Склепы. М., 1993а.

Рыкушина Г. В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Ч. II. Грунтовые погребения. М., 1993б.

Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени (по материалам могильников Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Ч. V. М., 1995.

Рыкушина Г. В. Метисные формы в зоне контакта больших рас (особенности морфогенеза зубной системы в Приуральско-Поволжском регионе) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М., 1997.

Рыкушина Г. В. Современное население Среднего Поволжья и Вятско-Камского междуречья по данным одонтологии // Антропология современных финно-угорских народов. М., 2000.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. – 800 с.

Савинов Д. Г. Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 107–119.

Савоский И. П. Раннесарматское погребение в Запорожской области // СА. 1977. № 3. С. 282–283.

Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001–2003 гг. М., 2004. С. 151–277.

Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЗБ. Т. I. Уфа. 1962. С. 88–122.

Сегеда С. П. Антропологичний склад українського народу. Етногенетичний аспект. Київ, 2001.

Семенов Вл. А. Суглук-Хем и Хайырыкан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб., 2003. – 240 с.

Сергацков И. В. Новые находки скифского времени в Волгоградской области // СА. 1988. № 3. С. 249–251.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Сергацков И. В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. // Статистическая обработка погребальных памятников Сарматии. Вып. 3. Среднесарматская культура. М., 2002. – 143 с.

Сергацков И. В., Дворниченко В. В., Демкин В. А. Курганный могильник Маляевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Сергацков И. В., Клепиков В. М. Сарматские курганы у села Колобовка // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 196–212.

Сергацков И. В., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Серилов Ю. Б. К вопросу о семантике некоторых атрибутов шаманов каменного века // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк, 2005. – С. 73–83.

Симоненко А. В. О позднескифских налобниках // Древности Степной Скифии. Киев, 1982. С. 237–245.

Симоненко А. В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 129–147.

Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.

Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Киев, 1986.

Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28.

Симоненко А. В. Шлемы в комплексе вооружения сарматов и поздних скифов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 164–167.

Симоненко А. В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 92–106.

Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–122.

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991. – 112 с.

Синицын И. В. Археологические памятники по р. М. Узень // КСИИМК. 1950. Вып. 32.

Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951 – 1953 гг.) // МИА. 1959. № 60.

Синицын И. В., Эрднеев У. Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). Элиста, 1971. – 140 с.

Сиротин С. В. Разведки в южной Башкирии // АО 2001 года. М., 2002.

Скворцов Н. Б. Археологическое исследование курганного могильника Солянка I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001. С. 243–245.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. – 150 с.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. – 300 с.

Скрипкин А. С. О происхождении мечей с кольцевым навершием у сарматов в свете миграционной концепции // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VI научной конференции. Ростов-на-Дону, 1992.

Скрипкин А. С. Анализ сарматских памятников III–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. М., 1997. С. 131–212.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 17–40.

Скрипкин А. С. Сарматский погребальный комплекс II–I веков до нашей эры из Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003.

Скрипкин А. С. К проблеме этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященной памяти Б.Н. Гракова. Азов – Ростов-на-Дону, 2004. С. 61–64.

Скрипкин А. С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М., 2005. С. 171–185.

Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 9–106.

Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов // СА. 1977. № 4.

Смирнов А. П. К вопросу о матриархате у сарматов // Проблемы сарматской археологии. М., 1971. С. 188–190.

Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // САИ. 1965. Вып. Д1–14. – 40 с.

Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станции Пашковской // МИА. 1958. № 64. С. 272–312.

Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // Памятники Нижнего Поволжья. Т. I. – МИА. 1959. № 60. С. 206–322.

Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. – 162 с.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М., 1964. – 380 с.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. – 176 с.

Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 38–45.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. – 184 с.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. 1963. Вып. Д1–9. – 40 с.

Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997.

Смолянинов В. М., Татиев К. И., Черваков В. Ф. Судебная медицина. М., 1959. – 368 с.

Снежневский В. И. Отчет о раскопках могильника в

Кожинной слободе близ г. Сергач // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 12. Н. - Новгород, 1894. С. 10-15.

Советская Военная энциклопедия: [в 8 томах]. Т. 6. М., 1978. - 671 с.

Советский энциклопедический словарь. М., 1990.

Советская Энциклопедия. М., 1988. - 788 с.

Соенов В. И. Классификация наконечников стрел гунно-сарматского времени из Верхней Катуни // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. Новосибирск, 1995. № 3. С. 97-100.

Соенов В. И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая // РА. 1997. № 4. С. 181-185.

Соенов В. И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 52-55.

Соенов В. И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. - 116 с.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. № 33.

Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1985.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Новосибирск, 2003. - 224 с.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. ГЭ. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 208-236.

Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 57-67.

Спицын А.А. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР. 1901. № 25.

Степанов П.Д. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. - 108 с.

Степанович С.П., Супруненко О.Б. Археологічні пам'ятки на території міста // Старожитності Хоролу (препринт). Полтава, 1994. С. 25-45.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура. Уфа, 1998. - 168 с.

Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов. Уфа, 2004. - 172 с.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. - 216 с.

Таиров А. Д. Курган у села Котлик в Южном Зауралье // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 115-118.

Таиров А. Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. С. 16-28.

Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000а. С. 4-205.

Таиров А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 3-21.

Таиров А. Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию А.Х. Пшеничникова. Уфа, 2006. С. 76-91.

Таиров А. Д., Ульянов И. В. Случайные находки оружия ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по

археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника «Аркаим». Челябинск, 1996. С. 139-147.

Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. - 486 с.

Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1975.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. - 224 с.

Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 2004. Сер. II. Вып. 1. С. 37-82.

Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н. э. М., 1980. - 93 с.

Тишкин А. А. Отчет о проведении археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай и в Первомайском районе Алтайского края летом и осенью 2003 года. Барнаул, 2005. - 569 л. // Архив Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета.

Тишкин А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. - 54 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488-493.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. - 200 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 41-50.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. - 324 с.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. - 184 с.

Трубиных С. В. Большой словарь оружия. СПб., 2001. - 668 с.

Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Выпуск 4. Новосибирск, 1974. С. 136-149.

Уманский А. П. Погребения эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 136-149.

Уманский А. П. Раскопки кургана №3 в урочище Раздутье VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 145-153.

Уманский А. П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. - 204 с.

Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 121-133.

Федоров В.К. Савромато-сарматские костяные ложечки: к вопросу об индоарийских корнях некоторых явлений савромато-сарматской культуры // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1993. С. 83-113.

Федоров В.К. Клинковое оружие и колчаные наборы IV-III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 180-197.

Федоров В.К., Васильев В.Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып.1. Уфа, 1998. С. 62-96.

Фялалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991. С. 4-33.

Фиалко Е. Е. Округлодонные деревянные чаши в знаковой системе скифов // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященной памяти Б.Н. Гракова (тезисы докладов). Азов – Ростов-на-Дону, 2004. С. 72–74.

Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // АС. 1961. Вып. III.

Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. – 201 с.

Фокиев М. М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тысячелетия н.э. Киев, 1987. С. 16–25.

Фролов Я. В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датированных VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи. Барнаул, 1999. С. 211–219.

Фролов Я. В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 149–155.

Хазанов А. М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 139–147.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. – 172 с.

Халдеева Н. И. Эпохальная динамика одонтологических признаков в некоторых древних и современных популяциях на территории СССР: Автореф. дисс... к.и.н. М., 1968.

Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 7–187.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.) М., 1977. – 262 с.

Халиков А. Х. Великое переселение народов и его роль в образовании варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987а. – С. 88–102.

Халиков А. Х. Памятники писеральско-андреевского типа в волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация. // Древности Волго-Вятского междуречья. АЭМК. Вып. 12. Йошкар-Ола. 1987б. С. 8–24.

Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Вып. VI. Киев, 1907.

Хохлов А. А., Фризен С. Ю. Новые краниологические материалы Южного Урала савроматского времени // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004. С. 257–266.

Хохлова О. С., Хохлов А. А. Пространственная изменчивость свойств современных и погребенных голоценовых темно-каштановых почв Южного Приуралья // Почвоведение. 2002. № 3. С. 261–272.

Худяков Ю. С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово. 1980. С. 135–144.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980б. – 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. – 268 с.

Худяков Ю. С. Процесс перехода от бронзолитейной к железоделательной технологии в оружейном производстве в Западной и Южной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1986а. С. 26–41.

Худяков Ю. С. Оружие как показатель взаимодействия кочевых культур Центральной Азии в эпоху «Великого переселения народов» // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 1990. – С. 23–30.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочев-

ников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. – 190 с.

Худяков Ю. С. Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. № 1. С. 87–101.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 28–37.

Худяков Ю. С. Комбинированный бой древнетюркской конницы // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2001. С. 7–20.

Худяков Ю. С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 79–87.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских номадов в II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 19–55.

Худяков Ю. С., Мороз М. В. Коллекция оружия из могильника Усть-Эдиган // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 177–185.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. – 167 с.

Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.

Чжун Сук-Бэ. Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара). Ч. I. Краснодар, 1998. С. 23–29.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 110–137.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. – 300 с.

Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. – 103 с.

Чугунов К. В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение, археология, ритуал, культура. СПб., 2000. С. 213–238.

Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 173–178.

Чугунов К. В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004. С. 10–39.

Шевченко Н. Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 38–55.

Шевченко Н. Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // РА. 2003. № 1. С. 44–59.

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // Памятники Нижнего Поволжья. – Т. I. – МИА. 1959. № 60. С. 323–523.

Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1. С. 150–168.

Шилов В. П., Очир-Горьева М. А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский-I–II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. – (Материалы и исследования по археологии России. – № 1). М., 1997. С. 127–151.

Шишлина Н. И., Матюхин А. А., Цуцкин Е. В. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной: Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2005. С. 9–105.

Шмидт А. В., Служак И. В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 110–113.

Шнайдштейн Е. В. Раскопки курганной группы Захана-та // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С. 70–93.

Шнайштейн Е. В. Путеводитель по памятникам археологии Астраханской области. Степные курганы. Астрахань. 1991. – 76 с.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д. К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов // СА. 1974. № 1. С. 181–190.

Шульга П. И. Ранние наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 43–61.

Шульга П. И. Могилиник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. – 204 с.

Шульга П. И. О датировке и относительной хронологии памятников раннего этапа пазырыкской культуры // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 72–74.

Эрлих В. Р. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991. С. 77–105.

Юсупов Р. М. Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992. С. 51–59.

Юсупов Р. М. Палеоантропология ранних кочевников Южного Урала по материалам Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001. С. 148–150.

Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. – 186 с.

Яблонский Л. Т. Некоторые итоги работ комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные ма-

териалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 325–339.

Яблонский Л. Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю. В. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995. С. 9–47.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Могилиник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова. Тез. Докладов. Азов – Ростов-на-Дону, 2004.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Работы Приуральской экспедиции на Филипповском 1-ом могильнике // АО 2005 года. М., 2006а.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Загадка тринадцатого филипповского кургана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного. Уфа, 2006б.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки 4-го Филипповского кургана // АО 2006 года. М., 2007.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В., Пшеничный А. Х. Раскопки курганного могильника у с. Филипповка в 2004 году // АО 2004 года. М., 2005.

Янгуюлов С. Ю. Скифские двулезвийные мечи из Елизаветовского могильника (V–IV вв. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2002. С. 54–58.

Янкаускас Р. К антропологии средневекового города (на литовских палеоостеологических материалах) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993. С. 123–144.

Литература на европейских языках

Bona Ishtvan. Das Hunen – Reich. Budapest, 1999. – P. 273.

Bunker E.C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 6. 1992. P. 99–115.

Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achaemenidenreich. AMI 18. 1985.

Dabrowska T. Wczesne fazy kultury przeworskiej. Warszawa, 1988.

Daniel Eylon, Rachel Ben-Dov. Lamination and the Making of Early Wrought-Iron Objects // Metallurgy and civilisation. Beijing, 2006. P. 13–14.

Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel, Tuva, Svd Sibirien. Bech Munche. 1984. Band 25. – P. 202.

Garam E., Vaday A.H. Sarmatisches Siedlung und Begräbnisstätte in Jiszavalk // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 1990. № 37. P. 171–219.

Gening V. Volkerwanderungseitliche Kriegergräber aus Tuzaevo im Uralvorland // Eurasia Antiqua, Zeitschrift für archäologie Eurasiens. 1995. Band I. P. 266–326.

Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland. Berlin, 1928.

Godowski K. Archeologia pierwotna i wczesno-sredniowieczna. Lz. IV. Okres latenski w Europie. Kraków, 1977.

Kazanski Michelet, Mastykowa Anna. Le Caucase du nord et la region mediterrannee aux 5e-6e siecle // Eurasia Antiqua. 1999. Band 5. P. 181–193.

Malinowski A., Wolanski N. Metody badan w biologii człowieka. Warszawa, 1988.

Molodin V.I. Sopka 2, Grab 688 – ein reiches hunno-sarmatisches Märrergrab in der westsibirischen Waldsteppe // Sonderdruck aus: Antiquitas. Reihe 3. 1995. Band 34. P. 277–285.

Ortner D.J. & Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington, 1981. – 479 p.

Pshenichnik A.Kh. The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppes // The Golden Deer of Eurasia. New-York, 2000.

Rau P. Prehistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jare 1926. Pokrowsk, 1927. – 78 s.

Roberts C.A. Trauma and Its Treatment in British Antiquity. Submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Bradford, 1988. – 343 p.

Rodriguez-Martin C., Gonzales Anton R., Esteves Gonzales F. Cranial injuries in the Guanche population of Tenerife (Canary Islands) / In Biological Anthropology and the study of Ancient Egypt, ed. W.V. Davis & R. Walker. British Museum Press, 1993. P. 130–135.

Shaaff U. Etruskisch-Römische Helme // Antike Helme (RGZM Monographien. Bd. 14). Mainz, 1988. S. 318–326.

Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia antiqua. 2001. Bd. 7. S. 187–327.

Sulimtirski T. The Sarmations. New-York-Washington, 1970. – P. 281.

Tomka P. Der hunnische fyrstenfund von Pannonhalma // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. № 38. Akademiai Kiado. Budapest, 1986.

Ubelaker D.H., Phenice T.W., Bass W.M. Artificial interproximal grooving of the teeth in American Indians // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 30. 1969.

Vaday A.H. Sarmatisches grdberfeld in Jırұkszentmiklos // Acta archaeologica Academiae Scintiarum Hungarian. 1985. № 37. P. 347–363.

Vaday A.H., Domboroczri L. Mezozemere, Kismari – Fenek Spdtkaiser – fr̃hvułkerwanderungszeitliches Graberfeldetail // AGRIA. XXXVII. 2001. P. 5–206.

Van Vark G.N. The investigation of human cremated skeletal material by multivariate statistical methods, II Measures. Vol. 2: № 1. Ossa, 1975. P. 47–68.

Volkov I.V., Guguev Yu.K. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, International Series 278. Oxford, 1986.

Литература на китайском языке

Ахунь Тяньчансянь Саньцзяовэй Чжаньго – Си Хуань му чуту вэньу // Аньхуйшэн вэньу каогу яньцзюсо, Тяньчансянь вэньу гуаньлисо. – Вэньу. 1993. № 9. С. 1–31. (*Вещи времени Воюющих царств – Западной Хань, раскопанные в Саньцзяовэй, уезд Тяньчан, провинция Аньхуй / Институт культуры и археологии провинции Аньхуй, Управление охраны древних памятников уезда Тяньчан*)

Линь Иньцзюэшань сыцзо Си-Хань муцзан / Шаньдуншэн боугуань, Линьинь вэньу цзу // Каогу. 1975. № 6. С. 363. (*Четыре западноханьских могилы в Иньцзюэшань, уезд Линьинь / Музей провинции Шаньдун, археологическая группа уезда Линьинь*).

Сунь Цзи. Юй цзюй цзянь юй чжи шип эй цзянь фа // Каогу. 1985. № 1. С. 48–59. (*Сунь Цзи. Украшенный нефритом меч и ношение меча с использованием ножен*).

Ся Синнань. Чжэцзян Чансинсян фасянь УЮ ЮЭ, Чу

тун цзянь // Каогу. 1989. № 1. С. 1–9 (*Ся Синнань. Бронзовые мечи царств У, Юэ, Чу, обнаруженные в уезде Чансин, провинция Чжэцзян*).

Хунань Цзысин Си-Хань му / Хунаньшэн боугуань, Хунаньшэн вэньу каогу яньцзюсо // Каогу сюэбао. 1995. № 4. С. 453 (*Западноханьские могилы в Цзысинь, Хунань / Музей провинции Хунань, Институт культуры и археологии провинции Хунань*).

Цзилин Юйшусянь Лаохэшань Сяньбэй му цюнь буфэнь муцзан фауцзюс цзянь бао // Вэньу. 1985. № 2. С. 17–21. (*Короткое сообщение о раскопках части сяньбийского могильника в уезде Юйшу пров. Гирин*).

Чжоу Наньцюань. Юй цзюй цзянь шиу као ши // Каогу юй вэньую. 1982. № 6. С. 73–83.

Чжун Шаои. Шилунь бянь цзин цзянь // Каогу сюэбао. 1992. № 2. С. 129–146 (*О плоских мечах с хвостовиком для насадки ручки*).

Список сокращений

АЛЮР – Археологическая летопись Южной России.

АО – Археологические открытия. Москва.

АС – Антропологический сборник. Москва.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.

АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.

АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа.

ВА – Вопросы антропологии. Москва.

ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск–Ижевск.

ВДИ – Вестник древней истории. Москва.

ГИМ – Государственный Исторический музей. Москва.

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва.

ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.

КИГИ РАН – Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук. Элиста.

КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва.

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва.

МАУ – Материалы по археологии Узбекистана. Самарканд.

МАР – Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Петроград.

МАЗ – Музей антропологии и этнографии. Санкт-Петербург.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва–Ленинград.

МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-на-Дону.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

РА – Российская археология. Москва.

СА – Советская археология. Москва.

САИ – Археология СССР: Свод археологических источников. Москва–Ленинград.

СЭ – Советская этнография. Москва.

Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. Москва.

Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград; Санкт-Петербург.

Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.

Тр. САГУ – Труды Самаркандского государственного университета. Самарканд.

Тр. ХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.

УЗ СГУ – Ученые записки Саратовского государственного университета. Саратов.

ЭО – Этнографическое обозрение. Москва.

BAR – British Archaeological Reports.

RGZM – Römisch-Germanisch Zentralmuseum Mainz.

Summary

The following collection of articles includes the texts of reports, written for the VI International conference "The problems of Sarmat archaeology and history. The armament of the Sarmats: regional typology and chronology" which took place in Chelyabinsk, South Ural on May, 21st – 25th 2007.

The given reports are divided into three major parts. The first part presents the armament characteristics of the early nomads of the west of Eurasia in the Savromat-Sarmat and post-Sarmat time, as well as its regional typology and chronology.

According to **S. Y. Gutsalov's** opinion, a most important feature of weapon is the way it adequately shows both the general development of culture and the nuances of the culture evolution.

This fact, in his view, is illustrated well by the example of the spread of swords and daggers in South Priuralye in the VI – I centuries B. C. Their analysis lets us state that the directions of cultural interaction in different stages of the region's nomad history were set variously and had different power. At first, since the VI to IV centuries B. C. the East European (the Scythian) direction had prevailed, and the eastern one had hardly been noticeable, but in the IV B. C. already the Central Asian influence became evident and later, in the III – I centuries B. C., prevailed over the others.

L. T. Yablonskiy and **I. V. Rukavishnikova** based their opinion on the materials of the excavations of the Philippovskiy-1 burial ground. They offer their variant of reconstruction of the early Sarmat warrior's weapons set of the second half of the V – IV centuries B. C. The iron weapons included the hammered iron helmet with the cheek plates and overlapping "fish scale" armor with breastplates and haute-pieces. The offensive armament consisted of a long spear. A short iron sword hung on the right hip. On the left hip there was a gorytos (a set which had a bow, a quiver and a bow-case in it). The gorytos was attached to the sword-belt or a special waist belt with a bow-case hook. The sword-belt included a buckle for crossing belts. There was also a stone rub on it. A whip was a part of the armament kit as well. And on his left hip a warrior might have had a war iron tooth-axe.

A. D. Tairov presented different kinds of iron swords and daggers of the second half of the VI – III centuries B. C. from South Zauralye.

The new findings in the burial grounds of South Ural let **L. A. Kraeva** and **E. A. Kuptsov** raise the issue of reconstructing the gorytos of the early nomads of the region. All the gorytos found were subdivided into two classes, according to the used materials and the construction features. Class one includes the wooden frame constructions with leather trimming that forms bow- and arrow-cases. Class two includes the leather gorytos. The authors pay special attention to the evident construction and design differences of gorytos that belonged to the nomads from Priuralye from those from Scythia. At the same time, there are certain similarities between them and the gorytos of the East Kazakhstan Saks. The gorytos design, according to the authors' opinion, was closely connected with the design and usage of the Scythian-type bows. By the time the new type of bows, more powerful and heavier ones, appeared, the gorytos became obsolete. They passed out of use by the III century B. C.

A. S. Skripkin considers various problems of the development of blade weapons that the early nomads from Lower Povolzhye possessed at the Savromat time. The author's opinion is based upon the existing typologies of blade weapons. He characterizes the development of this kind of armament during three chronological periods, from VII and until the first half of the IV century B. C. In order to do that, at first he defines the time when each sword or dagger existed, without taking into consideration their division into types or classes. Then he tries to find out the peculiarities of the shape development, the time when different elements of the weapon's shape appeared and how long they existed. He also states the correlations between certain features, which are characteristic for different time periods.

V. M. Klepikov's report presents the typology and development dynamics of the Lower Povolzhye nomads blade armament in IV – I centuries B. C. His classification uses the shape of the quillon as the ground for defining classes, or the so-called departments. Every such class includes several types in it, divided on the principle of the head blade differences. Having analyzed the time of appearance and spreading of the stated kinds of blade armament, the author comes to the following conclusions: the represented series of swords from the Sarmat grounds in Lower Povolzhye demonstrate the lack of convergence between their chronological position and the temporal limits of the Sarmat cultures and periods in the culture itself. The weapon, in this respect, has its own periodization and development laws. Beside this, the majority of the early Sarmat swords, except for the classical "Prokhorov" ones, cannot be considered the marker of the early Sarmat culture itself, as they have also been found in the monuments of other synchronous cultures.

I. V. Sergatskov had a close look on the blade weapons of the middle Sarmat time in Lower Povolzhye. He came to the conclusion that all types of swords and daggers of that epoch, may vary in their date and age significantly. Thus, they cannot serve as a precise dating material. With more or less accurate precision they can only indicate the cultural affiliation of the complex they were found in. In comparison with the Scythian epoch, the whole set of blade weapons becomes standardized in the middle Sarmat time. This obviously proves, that the Sarmats, by the I century A. D., had rather settled traditions of the warfare. Those traditions didn't allow any variations in the production of blade weapons. The changes in the ways of fighting of Sarmats, which happened on the boundary of the eras might also have played their role.

The armament set of the late Sarmat period in Lower Povolzhye is examined in the report of **M. V. Krivosheev**. The analysis of the swords, daggers, arrow heads, bows and spears occurrence leads to the conclusion that the armament of the late Sarmat culture represented the system of close offensive battle. M. V. Krivosheev states the appearance of high social rank military burial grounds in the middle of II – first half of III centuries A. D. in the steppes from Priuralye to Don. In spite of some differences in the burial grounds construction, the burial complexes are distinguished by the presence of military equipment typical for horsemen. After the middle of the III century A. D. the elite military burial grounds in Lower Povolzhye disappear, the burial ritual becomes strictly uniform and elements of armor can be found quite seldom. However, the second half of the III – IV centuries A. D. faces no significant changes in the system and types of armament.

Whether the statement about the belligerence of Savromat women and their special position in the nomad society of South Priuralye and Lower Povolzhye, that is so widely spread in the scientific literature, is proved by archaeological material or not, becomes clear from the report of **M. S. Strizhak**. Having analyzed a particular amount of archaeological and anthropological data, she came to the conclusion that the number of burial grounds that can surely be considered women ones is not big. Only few burial grounds, that are women's for certain, contained armament objects, such as separate arrow heads or a dagger, which is definitely not enough to support the traditional opinion on the belligerence of Savromat women. The fact, that the women burial grounds practically lacked any of the weapons, makes the researchers think back about the issues of the ethnic identification of the early Priuralye and Povolzhye nomads, their social order and the propriety of judging about them upon data from written testimony.

In their report **A. N. Voroshilov** and **A. P. Medvedev** follow the changes of weapons variety of the forest-steppe Podonye population from the VII century B. C. until the III century A. D. The swords and daggers of the early Scythian time in this region have proper analogues in monuments of the same time in the North Caucasus and the forest-steppe Podneprovye. The armament set from the forest-steppe Podonye during the Scythian epoch is quite close to the Scythian steppe and forest-steppe one. Among particular details of the Middle Don armor might be the long hole of the spearhead, the holes of the cup-like design, characteristic for the shaft weapons, as well as the wide use of darts and javelins, and flat iron socketed arrowheads. The first early-Sarmat monuments along with a relatively small amount of Sarmat swords appear in the Middle Don as late as in the II century B. C.

V. P. Glebov's report is dedicated to the studies of armament of the II – I centuries B. C. Sarmats from Lower Podonye. The main types of such armament are short swords and arrows. Having studied the spread of the iron socketed and tanged arrow heads, V. P. Glebov came to the conclusion that the Sarmats came to the Lower Don region mostly with iron tanged arrow heads. In the process of their development, the tang became shorter, the lobes emphasized and the square-faceted tang turned into the round one. As for the swords development in the early-Sarmat epoch, the sickle-like head slowly changed into a ring-like one and the triangular blade became the one with parallel blades. Considering the archaeological and historical data, the author supposes, that the Sarmat military forces of the II – I centuries B. C. represented mostly light-armored horsemen. The heavy-armored cavalry as a military branch did not exist at this stage of the Sarmat history. The Sarmat infantry obviously was not present either.

The swords and daggers with a straight narrow quillon and falcate head (the so-called "Prokhorov type"), found on the territory of the present-day Ukraine were analyzed in the report of **A. V. Simonenko**. He believes, that most of them date back to the II – I centuries B. C., which is the time when the Sarmats settled in the northern part of the Black Sea region, the North Prichernomorje. The author considered the widespread opinion concerning the evolution of the Sarmat swords with the bar-like head and butterfly-like quillon through the transitional type into the "Prokhorov" kind of weapons with the falcate head and straight quillon. He comes to the conclusion that there is neither an archaeological nor a rational explanation for such an evolution. The innovations in the weapons design appear, according to his opinion, mostly by means of borrowing. This is why the appearance of the new scheme, which includes the straight quillon and the narrow grip, coincides with the appearance of the late "Prokhorov" culture.

S. G. Botalov followed the cultural and historical continuity of separate categories and types of armor, which occurred among the population of the Middle Eurasia in late antiquity and early Middle Ages. The example material he chose was the close combat armament. He believes that the marking type of the Hun inventory were swords and daggers with the disk-shaped head, with or without a quillon and with a wedge-shaped blade. The early Hun swords and daggers of this type originally come from China, and that is confirmed by a great number of similarities found in the Chinese Khun and pre-Khun monuments. The following development of this type of weapon in the steppes of the Eastern Europe included a broader and more massive blade, as well as a longer grip. The shape and decoration of the quillon and sheath changed as well. According to the author's point of view, those innovations reflect the influence of the German, Thracian and Roman technological and decorative cultures. They're also connected with the fact that the secret of smelting and smithery of lamination steels was lost or unavailable for the nomads and the East European craftsmen.

S. E. Zubov analyzed 21 broadsword of the first centuries A. D. from the Volga-Urals region. According to the grip decoration they were divided into three groups. The first one includes broadswords with a head and a quillon. The second one consists of broadswords without a head but with an iron-plate quillon and the third one presents broadswords without a head or a quillon at all. The heads of broadswords in the first group were done in the form of little horns and such design occupies a separate place, that is not connected with the evolution of the Sarmat ring-headed weapons. Broadwords with such heads were obviously produced by local armorers and have no analogies outside the Povolzhye – Priuralye forest-steppe. S. E. Zubov dated the appearance of broadswords in the possession of the Volga-Urals steppe and forest-steppe inhabitants with the I – III centuries A. D. and stated its connection with the eastern (Zauralye) impulse during the first centuries A. D.

The second major part of the reports deals with peculiar aspects of the armament and warfare development of the early nomads from the Asian part of Eurasia.

L. T. Yablonskiy characterizes different categories of armament of the Saks from the Priaralye region and defines its typological features. According to his opinion, the mounted archers constituted the main part of the troops in Priaralye. The small number of daggers proves that this kind of attack weapons had been brought to Priaralye and its forms in this region at the given time weren't settled yet. The author believes that the armor of the Priaralye population possessed the features typical for the eastern parts of Eurasia, such as Kazakhstan, Siberia and Altay. At the same time, the structure of the early Priaralye quivers has certain variety. They include arrow heads that weren't quite typical for other areas of the Eurasian steppe. Besides, beginning with the second half of the VI century B. C. the tanged arrow heads slowly disappear from the barrow complexes, being replaced with trilobate and socketed trifaceted arrow heads that mostly, though not completely, resemble specimen of the Savromat epoch from the South Priuralye complexes.

The chronology and main directions of the weapons evolution as it happened among the population of Altay in the VI-III centuries B. C. are described in the report of **P. I. Shulga**. The armament set of the representatives of the Kamenskaya, Staroaleyskaya, Bystryanskaya and Pazylykskaya cultures is analyzed. According to the author's point of view, in the beginning of the VI century B. C. in Altay all main kinds of weapons and even the protective cuisses were made from iron, which was processed rather skillfully. Because of certain peculiarities of the burial ritual, the actual battle weapons were placed in the graves mostly at the early stage (the VI – the first half of the V century B. C.), including Gorniy Altay where most of the weapons consisted of bronze and wooden imitations produced specially for the funeral. The daggers with the oval-annular heads of the Kamenskaya culture occupy a special place as they were practically unknown in the neighboring cultures. Since the IV - III centuries B. C. the full-size daggers in Altay have straight quillon.

V. V. Gorbunov characterizes the warfare of the Gorniy Altay nomads during the three successive stages

of the Bulan-Kobinskaya culture development in the II century B. C. – the first half of the V century A. D. The development of the armament set as well as military organization, tactics and strategy of military operations in the Khun, Shanbi, and Zhuzhan time is under consideration. The author states that during the period from the II century B. C. until the first half of the V century A. D. the warfare of the Gorniy Altay nomads has gone a way from prevailing light-armored levies to the appearance of a semi-professional army, where a most important role was given to armor-plated units.

A. A. Tishkin and V. V. Gorbunov's report presents the full characteristic of a representative armament set of the second half of the IV century – the first half of the V century A. D. from the Yaloman-II burial ground in Gorniy Altay. They study the protective body armor and weapons of both close and distance combat, such as bows, arrows, swords and daggers. The authors pay special attention to the great specific and typological variety of the armament set under consideration.

The last major part of the reports is dedicated to the results of applying methods of natural sciences while studying the archaeological monuments of the early South Ural and Lower Povolzhye nomads.

The combat wounds of different Sarmat groups from Lower Povolzhye and Lower Don were analyzed by **M. A. Balabanova and E. V. Pererva** in their report. Having singled out several groups of combat wounds and analyzed their frequency of appearance in different periods of the Sarmat history, the authors came to several conclusions of great interest and importance. On the whole, they found the confirmation of the written testimony data concerning a significant role of war in the life of Sarmat society. During the early, middle and late periods of their history, the Sarmats got wounds from similar kinds of weapons. Such weapons might have included hard and blunt objects, such as clubs or batons, slings and maces, thrust and sharp weapons like knives, spears and arrows and also chopping ones like swords and daggers.

N. A. Suvorova has studied the craniological collections of the Pokrovka-10 burial ground near the river Ilek and presents the odontologic characteristic of the early South Priuralye nomads of the Prokhorov (IV – II centuries B. C.) and late Sarmat (II – IV centuries A. D.) time. Not only has the author compared the odontologic characteristics of the population of South Priuralye in the two given periods but also analyzed the spread of some dental pathologies among them. N. A. Suvorova believes that the resulting data let the scientists make a conclusion that during the late Sarmat time new groups of nomads came to the area of the Ilek river. Those new groups had another odontologic variant, with a clearer eastern complex.

Khokhlova O. S., Khokhlov A. A. and Golyeva A. A. presented the results of the palaeosoils studies under the mounds of the Savromat, early Savromat and late Savromat time in South Priuralye. Basing upon the received data, they have executed the palaeoclimatic reconstructions of the early Iron Age of this region. During the time when the Savromat culture existed, the climate was contrasting and unstable, but the conditions of its moistening were good enough to live in. With the coming of the early Sarmat time, the climate conditions became more humid than the present-day ones, and it remained so until the end of the III century B. C. Between the III and the II centuries B. C. or at the very end of the III century B. C. there happened a sudden climate change, to a dryer one with less precipitation. When the late Sarmat time came, the arid climate episode was over, with the increase of moistening and a certain fall of temperature.

L. L. Gaiduchenko analyzes the organic remains from the bow-cases and containers from the early South Zauralye nomads' burial grounds. The studies of the organic remains' placement let him rebuild the construction of a complex case for keeping a bronze mirror (burial 3, barrow 3, the Pobeda burial mounds group). In the bow-case from the burial 4 of the same barrow the remains of a big specimen of a locust were found. This became the ground for the conclusion that the funeral was conducted in the second half of summer. According to L. L. Gaiduchenko's data, the seeds of rice were found in the bronze cauldron from the barrow 3 of the Magitniy burial ground (the II – III centuries A. D.).

Вооружение сарматов: региональная типология и хронология

Доклады к VI международной конференции
«Проблемы сарматской археологии и истории»

Техн. редактор А. В. Миних
Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 13.04.2007. Формат 60х84/16. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 24,64. Уч.-изд. л. 23,33. Тираж 200 экз. Заказ 87/23. Цена С.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск,
пр. им. В. И. Ленина, 76.

